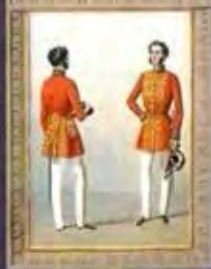

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЁВ

ТИТУЛЫ,
МУНДІРЫ И ОРДЕНА
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЁВ

ТИТУЛЫ,
МУНДИРЫ И ОРДЕНА
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Москва – Санкт-Петербург
ЦЕНТРОЛИГРАФ
Мим-Дельта
2005

Охраняется Законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
воспрещается без письменного разрешения издателя.
Любые попытки нарушения закона
будут преследоваться в судебном порядке.

Шепелёв Л.Е.

Ш48 Титулы, мундиры и ордена Российской империи. —
М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. — 423 с., ил.

ISBN 5-9524-1046-4

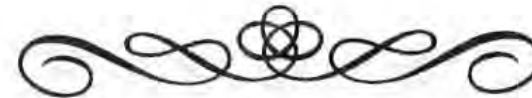
В книге рассказывается об истории возникновения и развития в России системы сословных и должностных чинов и званий, о гражданских, военных и придворных мундирах, о родовых гербах, об орденских знаках и парадных одеяниях награжденных.

Издание адресовано широкому кругу читателей: специалистам-историкам, искусствоведам, музейным и архивным работникам, театральным деятелям и всем интересующимся геральдикой, правовой и социально-бытовой культурой, а также государственным устройством дореволюционной России. Автор в своей работе использовал старинные законодательные источники, широкий круг архивных материалов, дневники и воспоминания современников ушедших эпох.

ББК 53.5

© Шепелёв Л.Е., 2005
© Художественное оформление,
ЗАО «Центрполиграф», 2005
© ООО «Мир-Дельта», 2005

ISBN 5-9524-1046-4

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Книга Л. Е. Шепелёва адресована широкому кругу читателей, интересующихся отечественной историей.

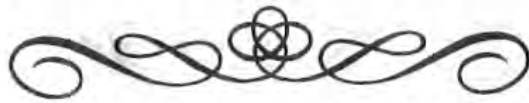
Что означают старинные понятия и термины: тайный советник, обер-шенк, генерал-адъютант; превосходительство; вышущка, шифр, ключ; ленты, алмазные знаки? Какая разница в титуловании между «высокопревосходительством» и «превосходительством»? Кого именовали «ваше сиятельство», а кого — «ваше благородие»? Привычные и понятные всем современникам ушедших эпох слова, часто встречающиеся нам в литературных произведениях и мемуарах, нередко затруднительны для точного понимания людьми XXI века.

Не только об этих понятиях, но и о формировании организационной структуры государственной службы России живо и увлеченно рассказывает автор.

Объем издания не позволил полностью привести материалы из богатейшей авторской коллекции фотокопий архивных документов, относящихся к теме книги. Для сопровождения текста отбиралось лишь крайне необходимое: портреты лиц в форменной одежде со знаками отличия и рисунки, подготовленные в свое время для пояснения законодательных актов, нормировавших вводимые мундиры, орденские награды и тому подобное. (Цветные иллюстрации помещены на вкладке в порядке, соответствующем структуре текста.) К сожалению, оригиналы некоторых из них — не лучшего качества.

Кроме тех, кто интересуется геральдикой, правовой и социально-бытовой культурой, а также государственным устройством дореволюционной России, издание может быть весьма полезным для тех, кто по роду профессии обращается к прошлому: специалистам-историкам, работникам музеев и архивов (для использования при атрибуции исторических документов), искусствоведам, писателям, работающим в историческом жанре, художникам театра и кино, воссоздающим старинные костюмы, и даже модельерам современной модной одежды.

В приложении к книге приведены тексты законодательных актов 1834 года, утвержденных Николаем I — «Положение о гражданских мундирах» и «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору».

ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ, ОРДЕНА И РОДОВЫЕ ГЕРБЫ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Понятия, перечисленные в заголовке, внутренне связаны между собой. Титулы — это установленные законом словесные обозначения служебного и сословно-родового положения их обладателей, кратко определявшие их правовой статус. Генерал, статский советник, камергер, граф, флигель-адъютант, статс-секретарь, превосходительство и светлость — вот некоторые из таких титулов. Мундиры — официальная форменная одежда, соответствовавшая титулам и визуально их выражавшая. Ордена — это дополнение того и другого: орденское звание (кавалер ордена) представляет собой частный случай титула, особое орденское одеяние — частный случай мундира, а собственно орденский знак — почти обычное дополнение любой форменной одежды. Родовые гербы — композиция из эмблем, поясняющих дворянское происхождение, заслуги и статус рода. В целом же система гербов, титулов, мундиров и орденов — один из устоев государственного механизма (средство организации государственной службы) и важный элемент социальной жизни России XVIII — начала XX в.

Стержнем этой системы был чин* — ранг каждого государственного служащего (военного, штатского или

* В. И. Даль выводит слово «чин» из глагола «чинить», то есть «делать». Изначально слово «чин» обозначало любую должность, почетное звание и вообще общественное положение лиц. С введением Табели о рангах слово это получило и специальный смысл, о чем мы скажем позже.

придворного) по установленной еще Петром I и просуществовавшей почти 200 лет четырнадцатиклассной «Табели о рангах всех чинов...» В 1886 г. государственный секретарь А. А. Половцов (один из организаторов и руководителей Русского исторического общества) писал Александру III, что «настанет время, когда историку трудно будет объяснить, что такое был чин, этот полтора десятка лет слагавшийся, вросший в привычки русского честолюбия»

феномен, с которым было «нельзя не считаться». Справедливость предсказания теперь несомненна. Далее мы подробнее рассмотрим историю возникновения и содержание этого феномена, а здесь отметим лишь, что чин давал право на замещение должностей государственной службы, а также на совокупность прав, без которых, по авторитетному свидетельству дореволюционного исследователя, «человеку, хоть несколько развитому и образованному, невыносимо было жить в обществе» (особенно до отмены крепостного права).

Сталкиваясь с упоминанием титулов, мундиров и орденов, наш современник (иногда даже и специалист-историк) нередко затрудняется в понимании их значения. И это естественно, поскольку система титулов, мундиров и орденов, существовавшая в Российской империи, отменена еще в 1917 г. и с тех пор основательно забыта. Специальных же справочников о них нет (за исключением энциклопедий и словарей, где термины даны вразбивку,

Государственный секретарь А. А. Половцов в приватном платье

в общем алфавитном ряду). До революции нужда в таких справочниках отсутствовала, поскольку имелись соответствующие инструкции, да и сама традиция применения титулов, мундиров и орденов сохранялась в повседневном обиходе. Менее «на виду» была практика использования родовых гербов.

Можно сказать, что титулы, так же как мундиры и ордена — наиболее заметные признаки эпохи, настолько проникли они в общественное сознание и быт имущих классов. Именно поэтому они получили отражение в исторических источниках (документальных материалах), в мемуарной и художественной литературе, в драматургии, в изобразительном искусстве. Иногда — это рассуждения, прямо затрагивающие проблемы государственной службы и социальных отношений; чаще же упоминания титулов, мундиров и орденов конкретных лиц имеют целью обозначить правовой статус их носителей или просто назвать их.

В некоторых случаях титулы, мундиры и ордена в литературе называются не правильно, а на принятом прежде бюрократическом, великосветском или бытовом жаргоне. Так, в разных контекстах речь может идти о «даровании светлостью», о награждении придворным или другим мундиром, ключом или шифром, о получении «белых пуговиц» или «кавалерии», о награждении «клюквой» на шашку и т. п. Примеров этому множество.

Вот что читаем мы в дневнике министра внутренних дел П. А. Валуева * за 1865 г.: «1 января. Утром во дворце. Князя Гагарина видел с портретом, Буткова с алмазными знаками святого Александра, Милотина — в мунди-

* П. А. Валуев родился в 1815 г., принадлежал к старинному дворянскому роду. А. Ф. Кони отмечал «глубокое и разностороннее образование» Валуева. В молодости он привлек внимание А. С. Пушкина, который избрал его прототипом П. А. Гринева — героя «Капитанской дочки». Служебная карьера Валуева оказалась блистательной: в 1834 г. он пожалован в камер-юнкеры, а в 1859 г. — в статс-секретари; в 1861–1868 гг. он — министр внутренних дел; в 1872–1879 гг. — министр государственных имуществ; в 1879–1881 гг. — председатель Комитета министров. С 1880 г. — граф. Д. А. Милотин удачно характеризовал Валуева как «просвещенного консерватора». Существует версия, что Валуев послужил прототипом А. А. Каренина в романе Л. Н. Толстого «Анна Каренина».

ре члена Государственного совета, Чевкина — с лентою святого Владимира». А вот запись от 28 октября 1866 г.: «Граф Берг произведен в фельдмаршалы. Генералам Коцебу и Безаку даны андреевские ленты, генерал-адъютанты Граббе и Литке возведены в графское достоинство, и первый из них посажен в Совет. Членами Государственного совета, кроме его, назначены государь цесаревич, генерал Дюгамель, адмирал Новосильский, князь Вяземский, Н. Муханов, граф Александр Адлерберг и князь Орбелиани. Князь Вяземский, кроме того, пожалован вместе с Веневитиновым в обер-шенки». Как понять такое место из того же дневника за 1867 г., производящее впечатление некоторой двусмысленности: «16 апреля. Светлое воскресенье. Ночью в Зимнем дворце... Граф Панин на прощанье уносит алмазы святого Андрея, а Замятин — алмазы святого Александра?»

Не сразу удастся разобраться и в смысле рассказа начальника Третьего отделения и шефа корпуса жандармов графа П. А. Шувалова. В 1886 г. в кругу близких знакомых он вспоминал, как 20 лет назад граф М. Н. Муравьев (усмиритель Польского восстания 1863 г., а в 1866 г. — председатель Верховной следственной комиссии по делу о покушении Д. В. Каракозова на Александра II) просил Шувалова в связи с окончанием следствия (которое велось «с большим зверством») «доложить государю, что он... желает быть назначенным генерал-адъютантом». Когда это было передано царю, тот воскликнул: «Моим генерал-адъютантом — ни за что!.. Дать ему бриллиантовые

Граф П. А. Валуев в вицмундире председателя Комитета министров (1879–1881 гг.)

андреевские знаки, но без рескрипта». Муравьев, «недовольный тем, что ему не была дана награда, о которой просил, уехал к себе в лужское имение», где скоропостижно скончался. «Фельдъегерь, привезший ему туда бриллианты, застал его мертвым...» (Обратим внимание на то, что рассказ Шувалова характеризует не только нравы, но и шкалу ценности разных наград.)

В том же году А. А. Половцов счел важным записать в дневнике как характерную черточку времени, что застал у генерал-фельдмаршала великого князя Михаила Николаевича графа П. А. Шувалова, «который в белом мундире пришел благодарить великого князя за исходатайствование этого щегольского костюма». Здесь тоже не все ясно: что за «белый мундир», что означало его получение?

В книге К. А. Кривошеина об отце — видном государственном деятеле предреволюционной России — говорится, что в мае 1905 г. А. В. Кривошеин «был назначен товарищем главноуправляющего» ведомством землеустройства и земледелия и «награжден гофмейстерским мундиром, состоя в должности гофмейстера, соответственно генеральскому чину действительного статского советника». Прежде всего заметим, что здесь допущена неточность: А. В. Кривошеин к моменту награждения не «состоял в должности гофмейстера», а был в нее пожалован посредством «награждения гофмейстерским мундиром». Что же это за должность и мог ли А. В. Кривошеин совмещать ее с должностью товарища главноуправляющего? Поясним сразу, что реально такое награждение означало не назначение на должность гофмейстера, а пожалование почетного придворного звания, нелепо называвшегося «в должности гофмейстера».

С. Ю. Витте вспоминает, что, когда он был министром финансов, германский посол в России просил его в связи с заключением торгового договора между Россией и Германией посодействовать удовлетворению желания кайзера Вильгельма II «получить форму русского адмирала». При русском дворе знали, что кайзер «больше всего любит всевозможные формы, ордена и отличия».

Желание Вильгельма удовлетворили. Но что это означало в правовом отношении?

До нас дошли свидетельства того, с какой неукоснительностью следил за соблюдением своего служебного старшинства московский генерал-губернатор (1865–1891 гг.) «полный генерал» и генерал-адъютант князь В. А. Долгоруков. Обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал в 1879 г. наследнику престола (будущему Александру III), что при посещении Москвы он присутствовал на обеде в Биржевом комитете купеческого общества. Отметив, что его «посадили на почетном месте возле Грейга» (министра финансов), Победоносцев добавляет, что «Долгоруков не был на обеде, чтобы не явиться вторым лицом» среди присутствующих. В следующем году, как рассказывает в своем дневнике государственный секретарь Е. А. Перетц, на обеде у принца А. П. Ольденбургского В. А. Долгоруков выразил неудовольствие по поводу того, что его посадили по левую руку от хозяйки, тогда как, по его мнению, он раньше был произведен в чин, чем равный ему по классу чина, но посаженный по правую руку от принцессы Евгении Максимилиановны сенатор, действительный тайный советник М. П. Щербинин. Принцессе пришлось оспорить старшинство Долгорукова, сославшись на то, что она «сама назначает места по спискам старшинства». При этом она заметила Перетцу: «Вы считаете это пустяками, а между тем, поверьте, оно не так. Немногие, как Долгоруков, прямо заявляют о своем старшинстве. Но если они не следуют его примеру, то это вовсе не доказывает, чтобы они о старшинстве своем не думали».

Русская литература широко отразила (преимущественно в сатирическом плане) бытование титулов, мундиров и орденов и их общественное значение. Эта триада составляет одну из стержневых линий комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума». Отношение к ней героев позволяет автору выявить их мировоззрение и служит критерием для их оценки. Отказ от «искания» чинов и критическое отношение к ним воспринимаются большинством персонажей как неразумность, как антиобщественные поступки и признак вольнодумства.

Княгиня Тугоуховская с ужасом говорит о своем племяннике Федоре:

Чинов не хочет знать!

Молчалин, пытаясь выяснить причины иронической раздражительности Чацкого, спрашивает его:

Вам не дались чины, на службе неуспех?

И получает в ответ:

Чины лодьями даются,

А люди могут обмануться.

Фамусов делает Скалозубу комплемент:

Вы повели себя исправно,

Давно полковники, а служите недавно.

Тот объясняет свой путь в полковники с наивным цинизмом:

Довольно счастлив я в товарищах моих,

Вакансии как раз открыты;

То старших выключат иных,

Другие, смотришь, перебиты.

Отвечая на вопрос Фамусова, имеет ли его двоюродный брат «в петличке орден», Скалозуб объясняет, что брат и он получили ордена вместе:

Ему дан с бантом, мне на шею.

При встрече со старинным приятелем Чацкий задает ему вопрос: «Ты «обер» или «штаб»?».

В монологе Чацкого «А судьи кто?..» А. С. Грибоедов вкладывает в уста героя обличение культа мундира:

Мундир! один мундир! он в прежнем их быту

Когда-то укрывал, расшитый и красивый,

Их слабодушие, рассудка нищету;

И нам за ними в путь счастливый!

И в женах, дочерях — к мундиру та же страсть!

Я сам к нему давно ль от нежности отрекся?!

Теперь уж в это мне ребячество не впасть,

Но кто б тогда за всеми не повлекся?

Когда из гвардии, иные от двора

Сюда на время приезжали, —

Кричали женщины: ура!

И в воздух чепчики бросали!

В другом монологе Чацкий критически отзывается о фасоне мундиров, введенных в начале XIX в., видя в них некоторый символ правительственной политики и самосознания русского общества:

Пускай меня отъявят старовером,

Но хуже для меня наш Север во сто крат

С тех пор, как отдал все в обмен на новый лад —

И нравы, и язык, и старину свящую,

И величавую одежду на другую

По шутовскому образцу:

Хвост сзади, спереди какой-то чудный выем,

Рассудку вопреки, наперекор стихиям;

Движенья связаны, и не краса лицу;

.....

Воскреснем ли когда от чужевластья мод?

В салонных разговорах упоминаются золотое шитье мундиров, «выпушки, погончики, петлички» на них, узкие «талы» мундиров.

Важно отметить, что сам Грибоедов придавал фасону одежды (и частной, и форменной) существенное социальное значение. В ходе следствия по делу декабристов он разъяснял: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простою отеческих нравов».

Напомним, наконец, еще одну реплику Фамусова:

Покойник был почтенный камергер,

С ключом, и сыну ключ умел доставить.

Иногда с особенностями титулования связаны литературоведческие загадки. Открыв пушкинского «Дубровского», читатель убеждается в том, что генерал-аншеф К. П. Троекуров называется там то «ваше высокопревосходительство», то просто «ваше превосходительство». Что это: невнимательность А. С. Пушкина, непонятный нам его умысел или существовавшая в действительности возможность разного титулования? Надо учесть, что генерал-аншеф пользовался правом на первый (более высокий) титул, и применение второго было равносильно умалению его достоинства. Поэтому последнее предположение,

казалось бы, отпадает. Какое же из первых двух верно, мы не знаем.

В конце XIX — начале XX в. интрига, основывавшаяся на использовании триады «титул—мундир—орден», получила отражение в творчестве А. П. Чехова. Нет нужды напоминать содержание известного рассказа «Анна на шее». В рассказе «Торжество победителя» выводится «его превосходительство» Козулин, который, обойдя чином и должностью своего бывшего начальника Курицына, мстит ему за прошлые издевательства. А в рассказе «Толстый и тонкий» Чехов рассказывает о более типичной ситуации: о том, как разница в чинах воспринималась младшим по чину, коверкая человеческие отношения.

Что означают все эти понятия и термины: тайный советник, обер-шенк, генерал-адъютант, превосходительство, граф и пр.; белый мундир и мундирное шитье, «белые пуговицы», выпушки, шифр, ключ и т. п.; ленты, алмазные знаки, звезды и т. д.? Если читателю даже и знакомы упомянутые титулы, мундиры, ордена и их аксессуары, то выяснение их реального значения (связанные с каждым из них права и обязанности) наверняка вызовет затруднения. Может быть, не столько опасно прямое, осознаваемое незнание, побуждающее к выяснению, сколько иллюзия знания, то есть ошибочное или неполное знание.

Точное знание титулов, мундиров и орденов, существовавших в прошлом, особенно важно для тех, кто в силу своих профессиональных обязанностей обращается к историческому исследованию: историков, краеведов, архивистов, искусствоведов, режиссеров и других деятелей искусства. Очень часто такое знание бывает важно при атрибуции исторических источников: для выяснения их автора или адресата, личности портретируемого, для установления примерной даты документа. Во всех случаях историк, конечно, должен разбираться в соответствующих терминах и понимать, что за ними скрывается, а также уметь отличить норму от исключения. Историк необходимо быть осведомленным о том,

какое значение имели тот или иной титул, мундир или орден, какие права и обязанности были с ними связаны, кому они могли быть даны, в какое время они существовали. В ходе исторических исследований биографического жанра знание титулов, мундиров и орденов приобретает, естественно, особую важность.

Бывает, что незнание особенностей титулования и мундирной атрибутики приводит к ошибкам в работах авторитетных историков и литераторов. Так, в книге С. А. Рейсера «Палеография и текстология нового времени» приводится пример того, как по формуле адресования может быть установлено время написания документа. Сохранилось недатированное письмо И. С. Тургенева его хорошему знакомому И. М. Толстому. Содержание письма не дает никаких оснований для датировки. Но указано: «Его превосходительству Ивану Матвеевичу Толстому». Такая форма адресования была возможна лишь до апреля 1860 г., когда Толстой получил придворный чин обер-гофмейстера, требовавший титула *ваше высокопревосходительство*. Право же на титул *превосходительство* Толстой приобрел в 1844 г., получив гражданский чин действительного статского советника (IV класс). На этом основании устанавливается, что письмо написано между 1844 и 1860 гг. Вообще же в подобных случаях следует принимать в расчет не только чин, но и должность, поскольку класс должности мог превышать класс чина и давать право на более высокую форму обращения. Ошибочно утверждение Рейсера, что до 1844 г. Толстой имел титул *ваше высокоблагородие*. В соответствии с чином V класса он титуловался *ваше высокоблагородие*.

Аналогичные неточности содержатся и в книге М. О. Чудаковой «Беседы об архивах». Автор пишет о том, как по мундиру опытный историк в состоянии атрибутировать лицо, изображенное на портрете. По мнению Чудаковой, в некотором случае это может быть «генерал-лейтенант свиты его величества, причем по аксельбанту можно увидеть, каким именно императором пожалован он в свиту». Но в этом суждении ошибка — неправомерное

совмещение двух разных понятий. Генерал-лейтенант — военный чин III класса. В случае назначения в свиту генерал-лейтенант получал звание генерал-адъютанта его величества. На наконечниках аксельбантов действительно указывался вензель того императора, который пожаловал свитское звание, но на портрете его не разглядеть. Гораздо заметнее вензеля на эполетах (погонах).

Существует уже традиционная путаница в представлениях о том, как выглядел камер-юнкерский мундир А. С. Пушкина, так нелюбимый им. В кинофильмах и телевизионных постановках, посвященных Пушкину, в качестве такого мундира обычно демонстрируется вицмундир, а не парадный мундир. При этом господствует убеждение, что мундир камер-юнкера отличался от мундиров придворных кавалеров более высокого ранга. Однако парадные мундиры и вицмундиры у всех придворных были одинаковыми.

«ТАБЕЛЬ О РАНГАХ ВСЕХ ЧИНОВ...» И ГЕРОЛЬДМЕЙСТЕРСКАЯ КОНТОРА

Реформаторская деятельность Петра I потребовала модернизации как армии, так и гражданского государственного аппарата. Армия реорганизуется на западный манер; создается военный флот. Существовавшие ранее в качестве центральных органов управления многочисленные «приказы», возглавляемые доверенными царя — «дьяками», заменяются, по шведскому образцу, коллегиями, состоявшими из нескольких лиц во главе с президентами. Дела в коллегиях должны были решаться большинством голосов. Имелось в виду, что такая организация государственного управления будет способствовать более обстоятельному и квалифицированному решению дел, сокращению произвола и казнокрадства. Надзор за коллегиями возлагался на Правительствующий сенат, состоявший из назначаемых царем доверенных лиц. Страну разделили на губернии и уезды, имевшие свои органы управления.

Деятельность государственных учреждений всех уровней существенно осложнялась архаичным делопроизводством. Документы писались от руки гусиными перьями. При необходимости иметь несколько экземпляров документов наиболее важные из них печатались типографским способом. Рассылка документов осуществлялась курьерами, на что при сношениях с губерниями часто требовались недели.

Для придания государственной службе четкой организационной структуры, обеспечивающей ее работоспособность и подконтрольность верховной власти, Петр I,

учитывая опыт других стран, счел необходимым установить строгую иерархию всех ее должностей. Такая иерархия, с одной стороны, должна была способствовать укреплению дисциплины и субординации, а с другой — быть стимулом, создающим условия для последовательного продвижения по служебной лестнице каждого государственного служащего в соответствии с его способностями и заслугами. Правовой основой для этого стала «Табель о рангах всех чинов военных, статских и придворных, которые в каком классе чины...», введенная в действие 24 января 1722 г.

Подготовка ее началась еще в 1719 г. Петр распорядился собрать и перевести на русский язык аналогичные акты, существовавшие в Англии, Дании, Пруссии, Франции, Швеции, в Польском королевстве и в Венецианской республике. Наиболее подходящими оказались законодательства Дании (1699 и 1717 гг.) и Пруссии (1705 и 1713 гг.). Некоторые из этих актов (английский, датский, прусский) относили к классам в общей последовательности не только должностных лиц разного типа, но и обладателей родовых титулов (графов, баронов) и просто дворян («которые вотчины в том государстве и землях имеют»), лиц, имевших духовные и ученые звания, кавалеров орденов (орденов Святого Духа, Слона, Черного Орла и др.). Ни обладатели родовых титулов, ни дворяне-помещики в Табель о рангах не попали. Дворяне оказались вне главной служебной иерархии и для попадания в нее были вынуждены поступать на государственную службу.

Табель о рангах предусматривала три основных рода службы: воинскую, штатскую и придворную, деля каждую из них на 14 рангов — классов (высшим считался I класс). Столь дробного деления аналогичные западноевропейские акты не знали. Под чинами гражданской службы * имелись в виду должности, предусматривавшиеся в незадолго перед тем реформированных Петром государственных учреждениях страны, а также немно-

* В военной службе чины появились еще в конце XVII в.

гочисленные почетные звания, не связанные прямо ни с должностями, ни с определенными обязанностями *. Названия должностей и званий во многих случаях имели немецкое происхождение (в русской транскрипции или в русском переводе). Кроме того, в Табель включили кавалеров единственного тогда ордена Св. Андрея Первозванного. То был исключительный случай, поскольку позже, когда в России появились и другие ордена, их кавалеры не получили определенных рангов по Табели. Для примера укажем, что в III классе военной службы Табели значились «генерал-лейтенанты, кавалеры св. Андрея, генерал-кригс-комиссар»; в V классе придворной службы — «титулярные камергеры, гофшталмейстер; надворный интендант»; в VI классе гражданской службы — «прокуроры в коллегиях статских, президенты в надворных судах, канцелярии тайные советники Иностранной коллегии, обер-секретарь Сената, статс-комиссар, обер-рентмейстер в резиденции, советники в коллегиях».

В подготовке Табели активное участие принимал сам Петр I: сохранились его проекты и замечания к тексту этого документа. Работа завершилась в начале 1721 г. 1 февраля Петр подписал закон о введении Табели, но, придавая ему важное значение, распорядился: «Сие не публиковать и не печатать до сентября месяца, дабы еще осмотреться, ежели что переменить, прибавить или убавить, о чем надлежит в Сенате во время сей отсрочки думать: так ли быть всем чинам или которые переменить и как? И свое мнение к сентябрю изготовить, а особливо о тех чинах, статских и дворовых, которые от ранга генерал-майора и ниже». Мнения о Табели затребовали не только от Сената, но и от Военной и Адмиралтейской коллегий.

* В частности, звания тайного и действительного тайного советников, употреблявшиеся в России с начала XVIII в. Так, после Полтавской победы князя Г. Долгорукова пожаловали в действительные тайные советники, а боярина И. А. Мусина-Пушкина — в тайные советники; эти же звания в 1712–1721 гг. получили граф П. А. Толстой, окольныйничий А. А. Матвеев, ближний стольник князь Б. И. Куракин, князь В. Л. Долгорукий, граф А. Г. Головкин, барон А. И. Остерман.

Свое мнение Сенат представил 20 сентября 1721 г. Военные и морские чины не вызвали замечаний. По поводу их говорилось: «Понеже о воинских сухопутных и морских чинах сочиненный порядок в рангах сходен против рангов других государей, особливо же французского, яко древнего и самодержавного короля, того ради об оных ничего к перемене потребного не рассуждаем показать во мнении своем...» Замечания по другим категориям чинов сводились главным образом к уточнению классов (рангов) некоторых из них применительно к тому, как это было в других странах. В заключение предлагалось приравнять к рангам Табели ряд исконно существовавших в России «чинов», которыми ко времени ее составления обладали некоторые лица: «При том же всеподданнейше доносим, понеже еще остались в древних чинах некоторые персоны, а именно: бояре, кравчие, окольные, думные дворяне, спальники, стольники и прочие чины, того ради предлагается, не изволит ли его царское величество оных по их живот определить против других рангами, ибо в России из тех чинов ныне определены и впредь определяемы быть имеют в губернаторы, в вице-губернаторы, в воеводы, и ежели ранги им не будут определены, то от подчиненных им будет не без противности». Однако эта рекомендация не была принята.

Для реализации положений Табели о рангах указом Петра Сенату от 12 января 1722 г. в частности предписывалось: «Надлежит быть при Сенате генерал-прокурору... рекетмейстеру, экзекутору и герольдмейстеру... кто б дворян ведал и всегда представлял к делам, когда спросят». 5 февраля того же года особой инструкцией герольдмейстеру предписывалось «ведать... всего государства дворянство, высших и низших, прежних и нынешних военных, гражданских и придворных чинов... Того ради, по силе сей инструкции и изображенных на ней следующих пунктов, будучи ему при Сенате, поступать».

Затем пояснялось: «Повинен он (герольдмейстер. — Л. Ш.) всего государства всех дворян списки иметь тро-

якие: 1. Генеральные именные и порознь по чинам, 2. Кто из них к делам годится и употреблены будут и к какому... 3. Что у кого детей и в каковы лета...» Списки эти должны были основываться: на «прежних шляхетских (дворянских. — Л. Ш.) списках, которые есть при Сенате и остались в прежнем Разряде» (имеется в виду упраздненный Разрядный приказ. — Л. Ш.); на «именных списках из Военной и Адмиралтейской коллегий»; а также на ведомостях, присланных из губерний и провинций. Впредь всем коллегиям и канцеляриям в столице и губерниях велено «сообщать репорты погодно о тех, кто, будучи у дел или в домах..., выбудет или умрет, також что у кого детей мужеска пола родится..., дабы всегда у него — герольдмейстера о том обстоятельные и верные были ведомости».

Герольдмейстер обязывался «смотреть, дабы под именем малых дел по городам не укрывались, не маня никому под штрафом натуральной или политической смерти; но иметь всегда в ведении, когда и каким делам гражданским, какая или какие персоны понадобятся в Сенате, чтоб тотчас представить на примере мог, смотря по делу и по его состоянию, кто к чему достоин, и потом в те места отсылать, кого в Сенате определяют».

Наконец, «понеже здесь еще учении не гораздо вкоренились, паче же в гражданских делах», герольдмейстеру приказано «учинить... краткую школу», где «от всякой знатных и средних дворянских фамилий [отроков] обучать...»

Любопытен текст присяги герольдмейстера:

«Герольдмейстер и при нем обретающиеся во управлении того дела, обще и каждый особо, имеют паче всего Его Императорскому Величеству и Ея Величеству Государыне Императрице и Высоким Наследникам верные, честные и добрые люди и слуги быть, пользу и благополучие Его всяким образом и во всей возможности искать и споспешествовать, убыток, вред и опасность отвращать и благовременно о том объявлять, и учреждении и произведении своего знания в достойное правление приводить, и для того иметь старание по крайней

мере и возможности, как сие честным людям и подданным Его Величества пристойно и принадлежит и они в том пред Богом и Его Величеством, також и пред всем честным светом и собственно своею совестью ответ дать могут, чего для каждый высокий и нижний служитель особливо как письменно, так и словесно в том присягою обязатися имеет образом:

Аз нижеименованный обещаюся и клянуся Всемогущим Богом пред Святым Его Евангелием, что хочу и должен своему природному и истинному Императору и Государю Всепресветлейшему и Державнейшему Петру Великому, Императору и Самодержцу Всероссийскому и прочая, и прочая, и прочая, и по нем Его Императорского Величества высоким законным Наследникам, которые по изволению и Самодержавной Его Императорского Величества власти определены и впредь определяемы и к восприятию престола удостоены будут, и Ея Величеству Государыне Императрице Екатерине Алексеевне верным, добрым и послушным рабом и подданным быть, и все к Высокому Его Императорского Величества Самодержавству, силе и власти принадлежащая права и прерогативы (или преимущества) узаконенныя и впредь узаконяемая по крайнему разумению, силе и возможности предостерегать и оборонять, и в том живота своего, в потребном случае, не щадить, и при том по крайней мере стараться споспешествовать все, что к Его Императорского Величества верной службе и пользе во всяких случаях касатися может о ущербе же Его Величества интереса, вреде и убытке, как скоро о том уведая, не токмо благовременно объявлять, но и всякими мерами отвращать и не допускать тцатися буду, когда же к службе и пользе Его Величества какое тайное дело или какое б оное ни было, которое приказано мне будет тайно содержать, и то содержать в совершенной тайне и ни кому не объявлять, кому о том ведать не надлежит, и не будет повелено объявлять; и поверенной и положенной на мне чин, как по сей данной инструкции, так и от времени до времени Его Императорского Величества Именем от поставленных надо мною начальников опре-

деляемым инструкциям и регламентам и указам надлежащим образом по совести своей исправлять, и для своей корысти, свойства, дружбы, ни вражды противно должности своей и присяги не поступать и таким образом себя вести и поступать, как доброму и верному Его Императорского Величества рабу и подданному благопристойно есть и надлежит, и как я пред Богом и судом Его страшным в том всегда ответ дать могу, как суще мне Господь Бог душевно и телесно да поможет. В заключении же сей моей клятвы целую слова и крест Спасителя моего. Аминь».

Первым герольдмейстером в 1722 г. стал С. А. Колычев, но вскоре его сменил И. Н. Плещеев. Помощником герольдмейстера в том же году назначается иноземец граф Ф. М. Санти: на него как на специалиста возлагалось составление государственного, провинциальных и дворянских родовых гербов. При герольдмейстере создается Герольдмейстерская контора. В 1763 г. она переименовывается в Герольдию, а в мае 1800 г. получает статус Коллегии, возглавляемой директором (им стал О. П. Козодавлев).

В начале XIX в. в связи с образованием в России министерств полномочия Герольдии в сфере гражданской службы сужаются. За ней по-прежнему сохранялась обязанность вести учет кандидатов на государственную службу, а также оформление: а) всех назначений на должности, б) производства в чины и в) присвоения прав дворянства. Чиновники IV и выше классов как и ранее назначались императором, но ниже IV класса стали назначаться министрами и даже директорами департаментов. За Герольдией сохранилось лишь право назначения чиновников ниже IV класса в губернские учреждения из числа представляемых ей кандидатов.

Производство в чины, присвоение дворянства, также как и назначение на высшие должности, производились от имени императора.

Самой острой проблемой государственных преобразований XVIII–XIX вв. оказалось формирование штатов

государственных учреждений. Штатными расписаниями предусматривались две категории служащих: чиновники — те, от кого требовалось знание дела и принятие решений, и канцелярские служители — те, кто был занят лишь перепиской документов и другой технической работой.

После отмены Петром так называемого местничества служебная карьера каждого зависела не столько от «родовитости», сколько от знаний и активности.

Закон от 22 января 1722 г. состоял из пространной собственно Табели о рангах и разъяснительного текста («пунктов») «каким образом с оными рангами каждому поступать надлежит».

Преимущественное право на государственную службу предоставлялось дворянам (имелось в виду главным образом потомственное поместное дворянство). Это право проявлялось, во-первых, в льготных условиях самого поступления на службу и, во-вторых, в более быстром продвижении по ее рангам. Ставка на дворян учитывала не только значение дворянства как социальной опоры самодержавия, но также его более высокий в целом образовательный уровень (дворянам легче доставалось образование) и имущественную обеспеченность. Последнее было важно ввиду сравнительно низкого материального вознаграждения за государственную службу, считавшуюся сословной обязанностью дворянства. Существовало убеждение, что зависимость государственного служащего от получаемого им жалованья лишает его необходимой свободы суждений и поведения.

Табель о рангах предусматривала возможность поступления на государственную службу и представителей других свободных сословий с получением соответствующих классов чин. Но такая возможность рассматривалась как исключительная и в значительной мере вынужденная.

Один из главных организационных принципов государственной службы заключался в том, что государственный служащий должен был пройти ее снизу вверх целиком, начиная с выслуги низшего классового чина.

Это диктовалось как необходимостью замещения всех должностей, так и получения требуемой опытности (поскольку сама практика службы являлась главной школой профессиональной подготовки чиновничества).

В каждом классе требовалось прослужить обязательный минимум лет (в низших классах обычно 3–4 года). За особые заслуги по службе этот срок мог быть сокращен. Переход в следующий класс предполагался как занятие открывшейся вакансии. В связи с тем, что гражданских должностей было больше, чем военных, в гражданской службе открывалось больше вакансий, а потому и продвижение по службе там могло быть более быстрым. Учитывался и общеобразовательный уровень государственного служащего. Законами 1731, 1747 и 1757 гг. предусматривалось, что лица, окончившие курс наук в Кадетском шляхетском корпусе и в университете, получали право быть назначенными сразу не только в XIV класс, но и в более высокие обер-офицерские чины. Поскольку число высших должностей всегда меньше числа низших, продвижение по службе нередко оказывалось слишком медленным и не заинтересовывало в ее продолжении. В связи с этим в гражданской службе обязательный минимум лет службы в каждом классе со временем стал рассматриваться как срок, дававший право назначения на должность более высокого класса, а при отсутствии вакансий — производства в следующий класс с оставлением в прежней должности. Класс как ранг должности превращался в самостоятельный правовой феномен — ранг без должности, получивший название *чина* или *классного чина* (для отличия от чина вообще, чина как должности и звания), а за его обладателем утвердилось наименование «чиновник».

Получение чина более высокого класса (на 1–2 ранга), чем класс фактически занимаемой должности, стало в гражданской службе обычным явлением. Возможность этого предусматривалась уже в самой Табеле, где говорилось, что если кто-то «выше ранг получил, нежели по чину, который он действительно управляет, то имеет он при всяких случаях ранг высшего его чина».

Тот, кто получил следующий класс, становился кандидатом на соответствовавшую этому классу должность. Из нескольких претендентов старшим считался тот, кто раньше был произведен в этот класс. Старшинству производства придавалось важное значение. Закон от 15 февраля 1742 г. подтверждал это с полной определенностью: «...как в военной сухопутной и морской, так и в штатских службах обретающихся впредь производить в чины по старшинству и заслугам, а не по старшинству никого не производить». 13 января 1753 г. такой порядок вновь подтверждался, но делалось одно исключение для поощрения лиц, имевших «знатные» заслуги по службе: последние могли получать следующий чин в обход старших по службе, но лишь по «высочайшему» усмотрению. Один из дореволюционных историков, В. А. Евреинов, пришел к заключению, что «признание законом самостоятельного значения "табельного" ранга как чина» произошло при Екатерине II и Павле I; «сначала в виде частной меры, а потом в 1767 г. как общее правило установлено было отдельное от должности повышение в классах против класса, присвоенного занимаемой чиновником должности».

Допускался и противоположный вариант: назначение на должность более высокого класса, чем чин. Необходимость подобного обнаружилась сразу же после введения Табели, когда пришлось на гражданские должности высоких классов назначать людей, не успевших выслужить соответствующие чины. Чинопроизводство при этом обычно ускорялось. Служащий, назначенный на должность выше класса своего чина, имел право лишь на «почести» по должности, но не получал преимуществ, прямо связанных с классом чина (дворянство, например).

Такой чин (не связанный с должностью) сначала пытались обозначать указанием классов (например, коллежский асессор VIII класса, а после получения следующего чина — коллежский асессор VII класса), но это оказалось неудобным прежде всего потому, что каждая должность относилась лишь к одному классу. Поэтому

чины гражданской службы стали обозначаться либо наименованиями некоторых должностей (коллежский секретарь), либо званиями, относившимися к классу данного чина (тайный советник), либо специально созданными названиями (статский советник).

В связи с возникновением феномена чина Табель о рангах в середине XVIII в. как бы раздвоилась, превратившись в своем основном качестве в перечень чинов, разнесенных по родам службы и рангам; вместе с тем по-прежнему в соответствии с классами Табели распределялись все должности в штатных расписаниях государственных учреждений.

По мере увеличения числа должностей (особенно в гражданской службе) обнаруживалось, что обойтись без широкого привлечения недворян на государственную службу нереально. Поскольку в условиях сословного строя России исполнение государственными служащими их должностных обязанностей оказывалось возможным лишь в том случае, если чиновник обладал статусом дворянина, Табелю о рангах предусматривалось, что каждый, выслуживший первый (низший) классный чин, получал дворянство и право иметь герб. Еще законом от 16 января 1721 г. право на дворянство устанавливалось в общем порядке для всех офицеров. В законе говорилось: «Все обер-офицеры, которые произошли не из дворян, оные и их дети и их потомки суть дворяне и надлежит им дать патенты на дворянство». Причисление к дворянству давало ряд льгот (о чем подробнее мы будем говорить далее), что стало серьезным стимулом к поступлению на государственную службу. В военной службе уже XIV класс давал потомственное дворянство; в гражданской же — лишь VIII, а низшие чины давали только личное дворянство. Статус личного дворянства создавался специально для данного случая и имел целью сдержать и замедлить пополнение рядов потомственного дворянства за счет служилого сословия. Это подтверждалось и указом от 31 января 1724 г., которым предписывалось «в секретари не из шляхетства (дворянства. — Л. III.) не определять, дабы потом

[не] могли в ассесоры, советники и выше происходить», то есть производиться в чины, дававшие права потомственного дворянства. Однако здесь же допускалось исключение: разрешалось производить в эти классы тех «из подьяческого чина, кто какое знатное дело покажет и заслужит».

В дальнейшем под давлением обстоятельств (недостатка родовых дворян для замещения вакантных должностей государственной службы, с одной стороны, и общего увеличения количества этих должностей, особенно в начале XIX в. в связи с введением в России министерской системы управления, — с другой) приток на государственную службу недворян постоянно возрастал. Вследствие чего 11 июня 1845 г. класс, дававший потомственное дворянство в гражданской службе, повысили до V; VI–IX классы стали давать личное дворянство, а X–XIV — личное почетное гражданство. В военной же службе потомственное дворянство стал давать VIII класс, а низшие классы — только личное. 9 декабря 1856 г. право на потомственное дворянство в гражданской службе передвинули на один класс выше (вместо V на IV), а в военной на два класса — с VIII на VI (VII–XIV классы давали личное дворянство). В 1880-е гг. предполагалось и в военной, и в гражданской службе повысить класс, дающий дворянство, с VI и IV до III, но от этого намерения отказались. 1 августа 1898 г. в гражданской службе ввели новые ограничения: чин IV класса стал даваться только после пяти лет пребывания в предыдущем чине и нахождения в должности не ниже V класса. 2 августа 1900 г. к этому было добавлено еще одно условие — общий срок службы в классных чинах не менее 20 лет.

Установив четкую иерархию всех чинов, Табель о рангах предписывала строгое соблюдение принципа их старшинства (приоритета старшинства) и связанного с ним чинопочитания. Помимо старшинства рангов по каждому роду службы, устанавливалось старшинство военной службы над гражданской и придворной (среди чинов одного класса старшим считался военный). Лишь позднее военные утратили право на старшинство

в I и II классах. Среди обладателей одного чина старшим являлся тот, кто раньше его получил. Старшинству чинов и выслуги придавалось очень большое значение во всех случаях, когда реализовывались права, проистекающие из государственной службы, в особенности право на должность. Именно в такой последовательности (по старшинству чинов и выслуги) сообщались сведения о государственных служащих во всех официальных справочных изданиях о них. Соблюдение принципа старшинства и чинопочитания считалось обязательным при всех официальных и торжественных церемониях: при дворе, во время парадных обедов, при бракосочетаниях, крещениях, погребениях и даже в церквях при богослужении.

Принцип старшинства распространялся на жен и дочерей чиновников. «Все замужние жены поступают в рангах по чинам мужей их», — говорилось в «пунктах» к Табели. Незамужние дочери чинов I класса получали «ранг.. над всеми женами, которые в V ранге обретаются»; аналогичным образом «девицы, которых отцы во II ранге, — над женами, которые в VI ранге» и т. д. На сыновей же старшинство их отцов не распространялось, и по достижении совершеннолетия они выслуживали ранги сами.

В «пунктах» к Табели о рангах предусматривалось, что, если «кто выше ранга будет себе почести требовать или сам возьмет выше данного ему ранга», тот должен быть подвергнут за каждый случай штрафу — вычету двухмесячного жалованья; равный же штраф следовал и тому, кто кому ниже своего ранга место уступит, «чего надлежало фискалам прилежно смотреть, дабы тем охоту подать к службе и оным честь, а не нахалам и тунеядцам получать». Почитание лиц по рангам не касалось лишь, как говорилось в «пунктах», тех случаев, «когда некоторые, яко добрые друзья и соседи, съедутся или в публичных ассамблеях».

При Екатерине II (с 1773 г.) стали публиковаться ежегодные списки чиновников восьми старших классов. А с 1771 г. устанавливается ведение так называемых

формулярных списков чиновников. Систематически они стали вестись при Павле I (с 1798 г.). На каждого чиновника заводился документ, в котором в хронологическом порядке в вертикальных графах фиксировались: 1. Имя, отчество и фамилия, дата рождения, вероисповедание, знаки отличия и получаемое содержание. 2. Происхождение («Из какого звания происходит?»). 3. Наличие родового или приобретенного имени (в том числе у жены). 4. Образование и дата окончания учебного заведения. Здесь же, что особенно важно, сообщались данные о прохождении службы: назначения на должности, производство в чины, награждение орденами. 5. Участие в войнах. 6. Нахождение под следствием и судом. 7. Пребывание в отпусках. 8. Сведения о нахождении в отставке. 9. Семейное положение и основные данные о членах семьи.

Екатерина II признавала существование в России правила «чин чина почитай». Позднее А. С. Пушкин считал это правило «общеупотребительным», явно противостоящим другому возможному, «например: ум ума почитай». По наблюдениям демократического публициста Н. В. Шелгунова, чувство личного достоинства в дворянско-чиновной среде в большинстве случаев трансформировалось в «достоинство положения и принадлежности к чему-то, что, собственно, и давало значение человеку... Непомерно высоко ставилась честь мундира, достоинство дворянского звания, достоинство положения начальника... Каждый чувствовал свое достоинство только в первенстве, каждый хотел быть выше другого, иметь власть над ним, чем-нибудь от него отличаться, каждый хотел быть первым и как-то не хотел быть равным. Гвардеец чувствовал себя выше кавалериста, кавалерист выше армейца, армеец выше штатского».

Среди проявлений чинопочитания важное значение приобрели *формулы титулования*. Различались титулы *частные* и *общие*. Частным титулом назывались словесные обозначения чина (ранга чина) и должности, а также разного рода служебных и родовых почетных званий. Общий титул — это форма обращения (и име-

нования). Общие титулы по классу чина или должности не были установлены законом, они сложились постепенно на практике, ориентируясь на западноевропейские нормы. В первой трети XVIII в. наиболее устойчиво использовались три общих титула: *ваше превосходительство* (для чинов высших классов), *ваше сиятельство* (для сенаторов — при жизни Петра) и *ваше благородие* (для прочих чинов и дворян). К концу века таких титулов было уже пять (более чем в других европейских странах): I и II классы — *ваше высокопревосходительство*; III–IV классы — *ваше превосходительство*; V класс — *ваше высокородие*; VI–VIII классы — *ваше высокоблагородие*; IX–XIV классы — *ваше благородие*.

Обращает внимание некоторая алогичность такой системы: титул V класса по своим компонентам (*высокородие*) оказался менее «почетным», чем титул VI–VIII классов (*высоко-благо-родие*). Титул *высокопревосходительство* по европейским меркам оказывался неимоверно высок: так обращались только к главам государств и правительств. Вообще нелепым являлось титулование государственных служащих формулой *благородие*. В Германии, например, аналогичная формула применялась только к собственно дворянам, а титул *высокоблагородие* употреблялся при обращении к графам.

По наблюдениям В. А. Евреинова, указанные общие титулы по чину, «получив особое развитие в конце XVIII столетия... окончательно возводятся в систему» с начала второй четверти XIX в. В правовом акте эти титулы впервые зафиксированы только в 1883 г. и то лишь применительно к военной службе.

Пользование общим титулом по чину было обязательно во всех случаях обращения к вышестоящему по службе или по общественному положению. Применение общего титула в сочетании с частными титулами по чину и должности зависело, во-первых, от того, имелось ли в виду адресование, обращение или именование (упоминание в третьем лице); во-вторых, от ситуации: устное или письменное титулование, служебное или частное; в-третьих, от того, в каких отношениях старшинства

и соподчиненности находились корреспонденты — собеседники. Наиболее церемонным было официальное письменное адресование низших должностных лиц и просителей к высшим. До середины XIX в. оно включало как частный, так и общий титулы, причем первый использовался и по должности, и по чину и следовал за вторым. Например: «Его превосходительству товарищу министра финансов тайному советнику N».

Во второй половине XIX в. частный титул по чину и фамилия стали опускаться. При личном обращении употреблялся только общий титул (чаще всего без имени); при именовании, наоборот — чаще всего только частный (директор Хозяйственного департамента или статский советник). Письменное адресование к нижестоящему лицу содержало только частный титул по должности (фамилия не указывалась). Примерно равные между собой должностные лица обращались друг к другу либо как к высшим, либо по чину («господин капитан»), либо по имени и отчеству (в случае письменного обращения — с указанием общего титула и фамилии на поле документа).

К началу XX в. пятиступенчатая система общих титулов себя изжила. Одно из ведомств полагало, что она «едва ли соответствует современным условиям гражданской службы. На практике имеет значение один титул — *превосходительство*. Остальные смешиваются и присваиваются всем без различия, состоят ли они на государственной службе или не состоят».

Наглядным выражением принадлежности к государственной службе являлась форменная одежда, в особенности главный ее элемент — мундир (от франц. *munière* — снаряжение, амуниция). Мундиры должны были быть внешне привлекательны, единообразны (для мундиров каждого рода) и функционально удобны. Совместить эти требования, особенно первое и третье, не всегда удавалось. По мундиру распознавались род службы, ведомство (или род войск) и класс чина (в военной службе) или должности (в гражданской службе). Первыми в России еще в конце XVII в. появились военные мун-

диры. Лишь в начале 1780-х гг. устанавливаются губернские мундиры для гражданских чиновников и дворян-помещиков. В конце XVIII в. начинают вводиться гражданские ведомственные мундиры (для чиновников центральных и местных учреждений каждого ведомства), в связи с чем губернские мундиры с начала 1830-х гг. становятся только дворянскими. В начале XIX в. появились придворные мундиры. С многочисленными изменениями мундиры просуществовали до 1917 г. Форменная одежда могла сопутствовать человеку почти всю жизнь — от гимназии или кадетского корпуса до выхода на пенсию (право ношения мундира могло сохраняться). Мундиры изготавливались за счет их обладателей, что ложилось тяжелым бременем на бюджет государственных служащих.

Далее мы будем подробнее говорить о всех разновидностях мундиров, здесь же отметим, что, во-первых, мундир был обязателен во всех тех случаях, когда в публичных церемониях учитывалось старшинство чинов, и, во-вторых, с мундиром связывалось «отдание чести» как в военной среде, так иногда и в гражданской.

С системой чинов, хотя и не жестко, связывалось пожалование разного рода почетных званий. Связь эта была обоюдной: звание могло даваться только обладателям чинов определенных классов. Вместе с тем получение звания обычно ускоряло продвижение по классам Табели о рангах. Все это относится и к званию кавалера ордена, поскольку ордена обычно жаловались «в порядке постепенности» — от младших к старшим, сообразуясь с рангами чинов награждаемых.

Долгое время господствовало представление, что чин является «особенно почетным званием, великой царской милостью» (В. А. Евреинов). Чин и Табель о рангах стали одним из важных явлений русской общественной жизни XVIII — начала XX в., постоянно привлекавшим внимание как иностранных наблюдателей, так и государственных и общественных деятелей внутри страны. Один из западных путешественников, посетивших Россию в царствование Павла I, метко заметил: «Здесь все зависит

от чина... Не спрашивают, что знает такой-то, что он сделал или может сделать, а какой у него чин».

Положение в обществе, измеряемое классами чинов, получило значение главной жизненной ценности. Согласно Уставу о службе гражданской начальник имел право уволить подчиненного с должности без объяснения причин: чин же мог быть отнят только по суду.

В связи с открытием в начале XIX в. ряда средних и высших учебных заведений число претендентов на государственную службу возросло. Чиновник и писатель К. Ф. Головин в своих воспоминаниях отмечал появление в России «умственного пролетариата» — категории людей, которые могли жить главным образом за счет знаний и службы. Признавалось, что «Россия — та страна, где умственному пролетариату государство предоставляет наибольшее число вакансий; в Германии и во Франции доступ к официальной карьере гораздо труднее и голоднее, чем у нас. Но и в России свободных мест не хватает».

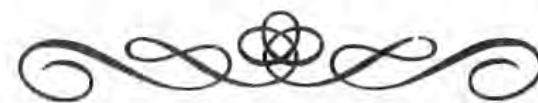
В этих условиях, с одной стороны, возросли численность и влияние чиновничества, с другой — опасения со стороны самодержавия (особенно под влиянием революций на Западе) относительно социально-политической ориентации чиновничества, его приверженности существующему экономическому и политическому строю. Позднее появилась даже характеристика некоторых сравнительно крупных чиновников как «красных». Но еще более остро в николаевское царствование (не без влияния сатиры Н. В. Гоголя) встал вопрос о чисто деловой несостоятельности большинства чиновничества, особенно тех, кто не получил серьезного образования. Феномен чинов и Табель о рангах как их правовая основа стали объектом дискуссии в правительственных верхах. Против чинов выдвигались три главных обвинения: провозглашение непомерного стремления к получению чинов, возможность получения их простой выслугой лет и опасное увеличение численности нового «служилого» дворянства. И в обществе, и даже в правительственных верхах настойчиво отстаивалось требование отмены

чинов. Приверженцами этой меры были Николай I и его преемники. В записке «О народном воспитании», составленной по поручению Николая I, А. С. Пушкин в ноябре 1826 г. писал: «Чины сделались страстью русского народа... В других землях молодой человек кончает круг учения около 25 лет; у нас он торопится вступить как можно ранее в службу, ибо ему необходимо 30-ти лет быть полковником или коллежским советником... Конечно, уничтожение чинов (по крайней мере, гражданских) представляет великие выгоды; но сия мера влечет за собою и беспорядки бесчисленные, как вообще всякое изменение постановлений, освященных временем и привычкою». Сторонники сохранения чинов полагали, что отрицательные последствия существования системы чинов могут быть устранены без отказа от них в принципе.

Апологетом чинов выступил министр народного просвещения граф С. С. Уваров — автор известной формулы «православие, самодержавие и народность». В 1847 г. он подал Николаю I записку, в которой доказывал, что чины есть «орудие столь могущественное, что доколе оно останется в руках властителей, едва ли что-либо может поколебать самодержавную власть в ее основаниях». «В гражданской жизни всех европейских народов, — развивал Уваров свою идею, — отличие определяется и достигается или родом, или богатством, или дарованием. Там... только три пути к высшим слоям общества». В России иначе. «Известно, что у нас... гражданское значение всех и каждого зависит от степени, которая определяется по усмотрению высшей власти» в зависимости от «службы престолу» и отечеству. «При таком положении потомок Пожарского и потомок Минина должны наравне искать благоволения правительства, заслуживать офицерский чин. Граф Шереметев, вступая во владение обширным поместьем, обязан прежде воздать правительству по мере сил дань личною службой. Карамзин оставался бы скромным писателем, если бы взор монарший не поставил его в общественном мнении на равную степень с вельможами... Отчего Россия... так

пристрастилась к этому порядку, что изменение его считала бы не приобретением, а ущербом? Россия любит в Табели о рангах торжественное выражение начала, славянским народам драгоценного, — равенства перед законом, дорожит знаменем мысли, что каждый в свою очередь может проложить себе путь к высшим достоинствам службы». Уваров предсказывал, что уничтожение или даже ограничение «закона о чинах произведет в общем мнении несомненное потрясение, отчасти похожее на смятение». Государственная служба утратит «нравственное могущественное привлечение», дворянство отойдет от нее, и служба «вся перейдет в руки так называемых чиновников, составляющих уже у нас многочисленное сословие людей без прошедшего и будущего...., похожих на класс пролетариев, единственных в России представителей неизлечимой язвы нынешнего европейского образования». Последнее опасение особенно подчеркивалось. Как видим, записка Уварова представляла собой манифест реакционного курса внутренней политики, в котором чинам придавалось поразительно большое значение.

Хотя на протяжении второй половины XIX в. вопрос об отмене чинов (или о реорганизации системы чиновпроизводства) неоднократно рассматривался в правительственных верхах, они все же просуществовали до 1917 г. без сколько-нибудь существенных изменений. Решающее значение при этом имели соображения, подобные выдвинутым Уваровым, и сопротивление этой мере самого чиновничества.

ДВОРЯНСКИЕ ТИТУЛЫ, ГЕРБЫ И МУНДИРЫ

ДВОРЯНСТВО В РОССИИ

«Свод законов Российской империи» определял дворянство как сословие, принадлежность к которому «есть следствие, истекающее от качества и добродетели начальствующих в древности мужей, отличивших себя заслугами, чем, обращая самую службу в заслугу, приобретали потомству своему нарицание *благородное*. Благородными разумеются все те, кои от предков благородных рождены или монархами сим достоинством пожалованы». Неясность этого определения вполне соответствовала неясности самого понятия «дворянство» в представлении современников. Один из дворянских публицистов конца XIX в., задавшись вопросом «Что такое дворянин?», должен был признать, что «общее понятие, скорее чувствуемое, чем осознаваемое, слова «дворянин» является в виде неясного представления чего-то избранного, привилегированного, неодинакового со всеми остальными людьми». Некоторая растерянность цитируемого автора объясняется действительно сложным, разнородным составом дворянства к концу XIX в.

Как было зафиксировано в «пунктах» к Табели о рангах, ко времени ее введения «многократно оказалось, что некоторые себя дворянами называют, а подлинно не суть дворяне, иные же своевольно герб приняли, которого предки их не имели». Поэтому Петр I подтверждал, что

«никому, кроме нас и других коронованных глав, [не] принадлежит, кого в дворянское достоинство гербом и печатью пожаловать». Он исходил из того, что право на дворянство могло принадлежать тем, кто докажет более чем столетнюю службу своего рода российским самодержцам или сам выслужит установленные Табелью о рангах чины.

Делая попытку объяснить читателю в общем виде, что же такое дворянство, следует прежде всего определить его как сословие, то есть особый в правовом отношении слой феодального общества, исторически сложившийся в России к началу XVIII в. и окончательно юридически оформленный Жалованной грамотой дворянству 1785 г. В идеальном случае дворянин — это помещик, то есть владелец земель и крепостных — основной производительной силы феодального общества. Именно в таком качестве дворянин-помещик являлся главной социальной опорой царизма. В своем имении он выступал отчасти как агент верховной власти, ответственный за поступление налогов с крестьян, исполнение рекрутской повинности, благосостояние населения, за сохранение общественного спокойствия и т. п. Позднее А. С. Пушкин вложил в уста одного из своих литературных героев слова: «Звание помещика есть та же служба. Заниматься управлением трех тысяч душ, коих все благосостояние зависит совершенно от нас, важнее, чем командовать взводом или переписывать дипломатические депеши».

Право владения населенными землями и получения с них доходов неразрывно связывалось с обязанностью дворян служить царю и отечеству. Еще указом 1701 г. категорически определялось, что «все служилые люди с земель службу служат, а даром землями никто не владеет». Здесь под землями имелись в виду поместья. Но затем указом 1714 г. к ним приравнивали в правовом отношении и вотчины. Богатство рассматривалось прежде всего как условие независимости и возможность целиком посвятить себя саморазвитию, государственной службе и ведению рационального хозяйства. Однако

далеко не все дворяне-помещики были действительно богаты. Министр народного просвещения николаевского царствования князь К. А. Ливен писал, что «линия дворянского сословия столь необозримое имеет у нас протяжение, что одним концом касается подножия престола, а другим почти в крестьянстве теряется». Случай, когда дворяне, даже титулованные, не имея других средств к существованию, занимались хлебопашеством, действительно имели место в России.

В результате отмены крепостного права в 1861 г. дворяне лишились права владения крестьянами. Их хозяйства стали, хоть и медленно, эволюционировать по капиталистическому пути. Усилился процесс обезземеливания дворянства. Вместе с тем возросли притязания дворянства на участие в политической власти, в частности власти на местах.

Служба сообщала дворянину приоритет. Закон 1712 г. предписывал, «чтобы каждый дворянин почесть и первое место давал каждому обер-офицеру», то есть служащему дворянину. С введением Табели о рангах это преимущество фактически распространилось и на гражданских чиновников, во всяком случае с VIII класса и выше.

Еще в петровское время дворяне обязаны были служить пожизненно. Первое облегчение сделала Анна Иоанновна, установившая, что дворяне должны служить от 20- до 45-летнего возраста, после чего могли оставлять службу; одному дворянину из каждого семейства дозволялось вовсе не являться на службу, а заниматься хозяйством в имении. Петр III в 1762 г. освободил дворян от обязательной службы; Екатерина II подтвердила это право Жалованной грамотой дворянству 1785 г. Одновременно принимались меры для того, чтобы привлечь дворян на государственную службу посредством чинов, орденов и т. п.

Примерно в 1809 г. известный государственный деятель М. М. Сперанский подготовил проект, согласно которому совершеннолетние сыновья *потомственных* дворян получали лишь статус *личных* дворян. Приобрести

потомственное дворянство они могли лишь в результате 10 лет успешной воинской или гражданской службы. «Личное дворянство не превращается в потомственное одним служением службы; к сему потребны особенные заслуги, по уважению коих императорскою властью, в течение службы или по окончанию ее, даруется потомственное дворянство и удостоверяется особенным дипломом». Цель этой меры состояла в том, чтобы вынудить молодых дворян поступать на государственную службу. Проект Сперанского остался не реализован и в то время был известен лишь Александру I.

При Николае I принимается даже ряд узаконений, ограничивавших сословные права дворян (и их потомков), не состоявших на государственной службе.

В реальной жизни дворянин предстает как человек, лишь имеющий право на владение населенными землями, но не обязательно действительно ими обладающий. С тех пор как открылась возможность получения дворянства службой, беспоместный дворянин стал распространенным «явлением». Выступая основателями нового дворянского рода и пользуясь всеми правами благородного сословия, такие дворяне на деле целиком зависели от службы и жалования. Во многих случаях они стремились использовать свой дворянский статус для выгодной в материальном отношении женитьбы. Дворянство, полученное за государственную службу, — как только его получение приобрело массовый характер, — стало рассматриваться в обществе как второсортное. Наш современник, исследователь истории дворянства А. П. Корелин, справедливо отмечает, что «приобретение дворянства службой отчасти было в интересах самодержавия, так как увеличивало в составе высшего сословия бюрократическую прослойку, целиком находящуюся в зависимости от верховной власти». Вместе с тем существовало опасение, что чрезмерное увеличение численности беспоместных дворян приведет к изменению социальной природы дворянства как сословия. В 1827 г. в правительственных верхах впервые возник вопрос о необходимости отмены приобретения дворян-

ства чином. В 1840–1850-х гг. получение дворянства по чину и ордену было ограничено. В 1880-х гг. предполагалось установить, что потомственное дворянство мог давать лишь III класс Табели о рангах.

Потомственные дворяне получали ряд важных личных прав: освобождались от подушной подати, рекрутской повинности, от телесных наказаний; могли принимать участие в сословной организации дворянства; обязанность служить являлась для них также преимущественным правом на государственную службу; дети дворян пользовались льготами при получении образования. Лишь после 1861 г., а особенно после 1905 г. некоторые из названных прав утратили свое значение.

И поместное, и служилое дворянство было потомственным, то есть передавалось жене, детям и дальним потомкам по мужской линии (дочери, вышедшие замуж, получали сословный статус мужа). В «пунктах» к Табели о рангах специально оговаривалось, что «законные дети и потомки» тех, кто выслужил потомственное дворянство, должны быть «в вечные времена лучшему старшему дворянству во всех достоинствах и преимуществах равно почтены быть». Большим был вопрос о статусе законных детей потомственного дворянина, рожденных до получения дворянства. Из них потомственное дворянство мог получить «только один сын, о котором отец будет просить». Прочие дети получали особый правовой статус «обер-офицерских детей». В 1832 г. их причислили к сословию почетных граждан. Лишь с 1874 г. в потомственное дворянство стали возводиться все дети чиновников, получивших статус потомственного дворянина.

Наследование дворянства порождало внимание к истории рода во многих поколениях — к его происхождению, роли в истории страны, заслугам его выдающихся представителей. Это знание, оформленное обычно в форме родословия, родового герба, портретов предков, преданий и т. п., вызывало чувство личного достоинства и гордости за своих предков, напоминало о единстве всех живущих представителей рода и побуждало к заботе о сохранении его доброго имени. Честь дворянина воспринималась и им

самим, и окружающими как некая важная реальность, вызывающая доверие к нему. Наоборот, нарушение правил чести рассматривалось в дворянской среде как случай чрезвычайный.

Особую группу составляли личные (не потомственные) дворяне. Престиж личного дворянства, впервые появившегося вместе с Табелью о рангах, был минимален (его даже не считали «настоящим» дворянством). За малым исключением личные дворяне не имели права владения крепостными. Помимо обычной выслуги потомственного дворянства, личные дворяне могли (до 28 мая 1900 г.) ходатайствовать о его получении в случае, если их отцы и деды прослужили по 20 лет в обер-офицерских чинах. Личное дворянство распространялось только на жену. Дети личных дворян пользовались статусом «обер-офицерских детей», а с 1832 г. — потомственных почетных граждан.

Введение манифестом от 10 апреля 1832 г. нового сословия почетных граждан (потомственных и личных) преследовало две цели: во-первых, сократить возрастание численности личных дворян за счет замены в ряде случаев звания личного дворянина званием почетного гражданина; во-вторых, предоставить хотя бы минимум прав (главные из них — освобождение от рекрутской повинности, подушного оклада и телесных наказаний) таким категориям населения, как купцы 1-й гильдии (после 10 лет, а с 1863 г. — 20 лет пребывания в гильдии), коммерции советники и мануфактур-советники, лица, получившие ученые степени, художники, выпускники университетов и ряда других высших учебных заведений, дети личных дворян и православных церковнослужителей и др. С 1892 г. звание почетного гражданина стало возможным испрашивать за общественно полезную деятельность: за первые 10 лет в этом случае давалось личное почетное гражданство, а за 20 лет — потомственное. На 1858 г. в России числилось более 21 тыс. почетных граждан.

Общая численность дворянского сословия и классовых чиновников (с членами семей) составляла на 1858 г.

примерно миллион человек (без Польши, Финляндии и Средней Азии), в том числе потомственных дворян — 612 тыс. На 1861 г. число потомственно-дворянских семей достигало 150 тыс., в том числе 128 тыс. поместно-дворянских. Число потомственно-дворянских родов было, следовательно, еще меньше. На 1897 г. потомственные дворяне (по происхождению, в том числе дети чиновников) составляли среди военных 52%, а среди гражданских государственных служащих — 31% (в целом 37%).

А. П. Корелин пришел к обоснованному заключению, что «высшее сословие, с одной стороны, как наиболее образованное и обеспеченное, дало немало видных деятелей в области науки, литературы и искусства, а с другой — вобрало в себя довольно значительную часть талантливых выходцев из других сословий».

Жалованной грамотой дворянству 1785 г. официально вводилась корпоративная организация благородного сословия с правами самоуправления. Совершеннолетние потомственные дворяне каждой губернии (мужского пола) образовывали дворянское общество, члены которого (внесенные в губернские родословные книги и обладавшие определенным имущественным цензом) пользовались правом участия в собраниях (обычно раз в 3 года) для обсуждения нужд общества (с правом обращения к правительству с ходатайствами о местных нуждах) и выборов предводителей губернского дворянства. Аналогичная организация создавалась и в уездах. Губернские предводители дворянства вместе с представителями от рядовых дворян губерний образовывали депутатские собрания — высший орган дворянства между губернскими собраниями. Чтобы усилить привлекательность и авторитетность должности предводителя, а вместе с тем иметь основания для влияния на занимавших ее лиц, должность эту в 1831 г. отнесли к IV и V классам государственной службы с присвоением предводителям соответствующих прав.

При создании дворянской корпоративной организации царское правительство преследовало три цели.

Во-первых, усилить влияние дворянства на местах как «первой опоры престола» и «одного из надежнейших орудий правительства» (так дворянство квалифицировалось законом). Во-вторых, создать условия для привлечения дворянства к участию в местном государственном управлении, сформированном на основании Учреждения о губерниях 1775 г. Уездные учреждения оказывались полностью в руках поместного дворянства, а губернские — в значительной мере. После отмены крепостного права участие дворян в местной администрации видоизменилось, но не уменьшилось. И, в-третьих, поставить дворян под контроль их же выборных органов. В частности, на предводителей дворянства возлагалось наблюдение за «нравственностью» дворян, осуществление по отношению к ним дисциплинарных мер (например, участие в наложении опеки на имения), выдача дворянам характеристик, необходимых при поступлении на государственную службу и в некоторых других случаях.

При всем том царское правительство никогда не утрачивало внимательно-настороженного отношения к структурированию дворянской организации: сознательно сохранялась разобщенность внутри нее (уездные организации не подчинялись губернским, до 1905 г. правительство препятствовало созданию общероссийской дворянской организации), осуществление наиболее важных функций организации контролировалось и даже санкционировалось губернаторами и Министерством внутренних дел. После отмены крепостного права усилились претензии дворянства на более активное участие в политической власти в стране.

Хотя по закону личные дворяне входили в состав дворянских обществ, правом участия в дворянских собраниях они не обладали. Сословие почетных граждан фактически не имело корпоративной организации.

Благородное происхождение потомственного дворянина — его принадлежность к благородному роду, то есть к роду, чьи заслуги перед отечеством официально признаны (*благород*), выражалось общим титулом всех

дворян — *ваше благородие*. Частным титулом дворянин пользоваться было не принято (так не представлялись и не называли кого-либо при обращении). Первоначально (в петровское царствование) в официальной переписке употреблялась несколько иная, как нам представляется более совершенная, форма общего титула, а именно *благородный господин*. Но затем, возможно по аналогии с формулой *ваше величество*, появилась как обязательная формула *ваше благородие*, равно грамматически нелепая в системе русского языка. Включенное в нее местоимение 2-го лица употреблялось из почтительности во множественном числе (*ваше благородие* и *их благородию*), постепенно трансформировавшись в вежливую форму 2-го лица единственного числа (*ваше благородие*, но *его благородию*). В 1832 г. тот же общий титул (*ваше благородие*) получили и почетные граждане. Но это отнюдь не означало признания их благородства; скорее, наоборот, свидетельствовало об утрате титулом его исконного значения. Не получили почетные граждане и вещественного выражения благородства — права ношения шпаги, которое имели дворяне.

Титул *благородие* в далеком прошлом употреблялся среди прочих при величании царя. В XVIII–XIX вв. он сохранялся в одной из церковных служб, когда после большого выхода при дворе архиерей обращался к присутствующему императору со словами: «Благородие твое да помянет господь Бог во царствии своем».

При обращении к дворянину частный титул заменялся предикатом *господин* (*госпожа*). Существуют разные версии происхождения этого слова. Согласно одной из них, оно происходило от слова «Господь» — глава семьи, владыка. Бог и означало «хозяин, владелец». В России дворяне пользовались преимущественным правом называться этим предикатом, но он же мог применяться (и со временем все более) к любому другому свободному (не крепостному) человеку. В среде крепостных и слуг предикат *господин* обычно заменялся словом «барин», происходившим от слова «боярин», по одной из версий означавшего в древности «воин» (участник битвы, боя).

В неофициальной ситуации предикат *господин* часто заменялся предикатом *государь* (*государыня*), но только в словосочетаниях *милостивый государь* или *государь мой NN*, либо использовался в сокращенной форме *сударь* (*сударыня*). Форма эта долгое время считалась бытовой, не употреблялась в документах и с трудом проникала в «высший свет». В «Горе от ума» предикат *сударь* (*сударыня*) высмеивается: «Ну как перевести мадам и мадмуазель? Ужли сударыня!.. Сударыня!.. Ужасно!». Остаточным элементом употребления предиката *сударь* в мещанской среде было добавление звука «с» (начала слова «сударь») в конце некоторых слов (например: точно так-с, пожалуйста-с и т. д.). Предикат *господин* обычно не употреблялся без фамилии (это было возможно лишь во множественном числе); формула *милостивый государь* могла быть и безымянной; предикат *сударь* применялся только как безымянный.

Необходимо отметить, что наряду с официальными общими титулами в дореволюционной России в элементарных целях в быту употреблялись и некоторые произвольные, законом не установленные титулы вроде *ваше степенство*, *ваша милость*, *ваша честь* и т. п. Чаще всего так обращались к представителям купеческого сословия, если они не имели официальных титулов.

РУССКАЯ ИМЕННАЯ ФОРМУЛА

Как уже говорилось, пользоваться частным титулом *дворянин* в России было не принято. Не существовало и никаких особых частиц-приставок к фамилиям, которые бы заменяли этот титул и указывали на принадлежность к дворянству (типа *фон* при немецких фамилиях, *дон* при испанских или *де* при французских). И все же русская именная формула в некоторые периоды своего развития содержала в себе признаки дворянской принадлежности, знание которых важно для атрибуции исторических персонажей. Эта формула в ее полном виде к началу XVIII в. сложилась из имени, отчества и фами-

лии. До XVIII в. существовала практика дополнения этой формулы еще одним элементом — *дедичеством* (вместо фамилии или одновременно с ней), но она не реализовалась. Трехчленная формула не была единственно возможной и отличалась от именных формул некоторых других европейских народов. Наибольшее распространение в Европе имела двухчленная формула «имя—фамилия» или «имя—отчество». В первом случае довольно часто применение двойного или тройного имени, одним из которых могло быть имя отца или матери. Второй случай свойствен численно небольшим народам, например исландцам. Используется и многочленная именная формула. Так, в Испании к фамилии отца прибавляется еще фамилия матери, а иногда и бабки (двойная фамилия детей образуется из первых фамилий отца и матери). Каждая из именных формул имеет свои достоинства и недостатки. Несомненно, удобнее краткая формула. Однако подробная (трехчленная и более) дает более полное представление о предках.

Элементы русской именной формулы появились в разное время*. В 1886 г. дореволюционный историк Е. П. Карнович опубликовал книгу «Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими». Это единственное исследование не только по истории персональных титулов, но и по истории русских имен, отчеств и фамилий. Карнович первый обратил внимание на связь титулов с именной формулой и провел огромную работу по наблюдению за практикой пожалования титулов и пользования прозваниями. К началу XVIII в. уже господствуют канонические христианские имена, полностью вытеснившие имена-прозвища, существовавшие до того параллельно с основным именем. Правильному именованию придавалось большое значение. Неправильное или в унижительной форме написание «чьего-либо имени или прозвища» могло повлечь обвинение

* Историческая наука еще не располагает достаточными наблюдениями за практикой применения формулы именованья и отдельных ее элементов к разным сословиям, периодам и ситуациям (в быту и в официальных случаях, устно и письменно).

в нанесении «бесчестья». В 1675 г. царским указом разъяснялось, что ошибка в правописании имен по незнанию «природы тех народов, в которых кто родился», не является преступлением, а потому «судов в том не давать и не разыскивать».

Имена в зависимости от их социальной принадлежности употреблялись в трех видах: в полной форме (Василий), в качестве так называемого полуимени (Васюк) и уничижительной форме (Васька). Пользование полным именем являлось прерогативой дворян; полуименя в повседневной жизни было признаком принадлежности к неблагородным сословиям. Но в сношениях с центральной властью и дворяне называли себя полуименями или даже в уничижительной форме (правда, в этом случае из контекста всегда явствовало, что речь идет о дворянине). Любопытно, что последнее усвоили и иностранцы, находившиеся на русской службе. В письмах к Петру I конца 1690-х гг. есть подписи Юшки Фаменрина, Ивашки Инехова и Адамки Вейде; генерал А. А. Вейде одно из писем подписал: Adamco Weyde. С 1 января 1702 г. Петр запретил употребление полуимен в официальных документах не только для дворян, но и для крестьян. Царское запрещение вошло в практику не сразу, но тенденция определилась: все социальные слои стали пользоваться полным именем.

Обычно имя давалось при крещении в соответствии со святыми, содержащими поденный перечень православных святых. Однако такой порядок не стал безусловно обязательным для дворян. Это подтверждается, в частности, тем, что в разное время и на разных территориях преобладало преимущественное употребление определенного перечня предпочтительных имен (отметим, что количество русских имен очень велико, причем мужских имен на практике примерно в два раза больше, чем женских). Предпочтительность имен в дворянской среде обуславливалась не столько их благозвучием или модой, сколько традиционностью для рода и их смысловым значением. Отступление от святцев практиковалось и при наименовании членов императорской

семьи. Так, выбор имени Павел для сына Екатерины II — наследника престола — определялся стремлением связать его имя с именем Петра I. Само имя Петр было к тому времени скомпрометировано (Петр II и Петр III). «Свежее» имя Павел в сознании современников вызывало желаемую ассоциацию благодаря тому, что Петр и Павел считались, так сказать, парными святыми (главный собор столицы назывался их именами — Петропавловский). Политический умысел присутствовал и при выборе имен внуков Екатерины — сыновей Павла. Когда у государственного секретаря А. А. Половцова родилась внучка Бобринская, ее нарекли Екатериной. Поступили так, чтобы напомнить: новорожденная являлась праправнучкой Екатерины II, побочный сын которой от графа Г. Г. Орлова получил фамилию Бобринский с титулом графа.

К выбору имен в России вообще относились основательно. Так, один из мемуаристов рассказывает, что министр юстиции граф В. Н. Панин, «пожелав младшую дочь назвать Марией... поручил... начальнику канцелярии составить для него биографии всех угодниц и преподобных, носивших имя Мария». С огорчением «граф узнал, что все святые этого имени вели в молодые годы довольно предосудительную жизнь...»

Отчество в составе русской именной формулы выполняло тройную функцию: дополняло имя, отличая его обладателя (в дополнение к фамилии) от тезки, проясняло родство в кругу семьи (отец—сын) и выражало почтение (формула вежливости). Отчество могло иметь две формы: Петр Иванов сын и Петр Иванович.

Первая форма отчества (получившая название полуотчества) надолго стала основной, официально употребляемой для лиц всех сословий. Так, в конце XIX в. В. И. Ленин в своем прошении в Петербургский университет называет себя «Владимир Ильин сын Ульянов». Отсюда, кстати сказать, возник и один из его позднейших псевдонимов — В. Ильин. При обращении к недворянам слово «сын» в обиходе обычно опускалось. Правилами, принятыми в 1826 г. для военного ведомства, предусматривалось, что

рекруты чаще именовались именем и прозвищем. В том случае, если последние оказывались «непристойными», полагалось их заменять «во всех списках и переключках отчеством» (имелось в виду полуотчество), например Петр Лукин (без добавления слова «сын»).

Вторая форма отчества (со старославянским окончанием *-вич*) со времени ее возникновения на исходе XVI в. употреблялась как элемент особо почетной формы обращения (имя и отчество). Право пользоваться ею рассматривалось как милость, и «сам государь указывал, кого следует писать с *-вичем*». Сохранялась эта традиция и первое время при Петре I: в 1697 г. он разрешил «писаться с *-вичем*» князю Якову Федоровичу Долгорукову, а в 1700 г. — «именитому человеку» Григорию Дмитриевичу Строганову. В царствование Екатерины I составили список немногих лиц, которых в правительственных документах полагалось именовать отчеством с *-вичем*. После введения Табели о рангах употребление отчества стало согласовываться и с классом чина. При напечатании «чиновной росписи» та же Екатерина повелела особ первых пяти классов писать с *-вичем*, чинов VI–VIII классов — полуотчествами, а всех остальных — только по имени, без отчества. Именование с *-вичем* на этом этапе являлось несомненным признаком дворянской принадлежности. Затем эта форма отчества стала получать все более широкое распространение в сфере частных отношений дворянства и чиновничества, а с середины XIX в. — и других сословий.

Е. П. Карнович рассказывает в своем исследовании, что накануне отмены крепостного права в крестьянской среде было принято именование друг друга только по отчеству с *-вичем* (Иванович, Васильевич). После реформы 1861 г. бывшие крепостные нарочито называли друг друга по имени и отчеству с *-вичем*, а бывших помещиков — именем и полуотчеством без слова «сын».

Третий элемент русской именной формулы — фамилия. Этот термин даже в начале XIX в. официально толковался как «семья» и «род», а не как название рода, для чего использовался термин «родовое прозвание». Мы

все-таки предпочтем ему принятое теперь понимание слова «фамилия» как общего наименования рода — исходящих поколений родственников по мужской линии. Фамилия, несомненно, являлась главной составляющей именной формулы, поскольку служила, в частности, более четкому осознанию родовой принадлежности, ее выражением. Как правило, русские фамилии — одинарные и передавались только по мужской линии (об исключениях мы скажем далее). Родовая фамилия матери терялась, что затрудняет генеалогические разыскания (хотя девичья фамилия иногда указывалась на визитных карточках).

Первыми в России появились княжеские фамилии (XIV — первая половина XV в.). К началу XVIII в. фамилии имели уже все дворяне-помещики. Их фамилии большей частью образовались от отчеств (имени отца) и определили названия дворянских владений (деревень). Наоборот, Жалованная грамота дворянству 1785 г. разрешала представителям этого сословия именоваться по названиям имений (что было весьма распространено, в частности, среди польской шляхты), но это право использовали немногие. С введением при Петре паспортов и более строгого учета населения все горожане и государственные крестьяне получили фамилии. Духовенство стало приобретать фамилии лишь с середины XVIII в., обычно образуемые от названий приходов (Преображенский, Никольский, Покровский и т. п.). В середине XIX в., особенно после отмены крепостного права в 1861 г., формируются фамилии крестьян (от фамилий помещиков, названий населенных пунктов, прозвищ, отчеств).

Способы образования дворянских фамилий (фамилий древних дворянских родов и родов, выслуживших дворянство чинами после введения Табели о рангах) достаточно многообразны. Небольшую группу составляли фамилии древних княжеских родов, происходивших от названий их княжений. До конца XIX в. из числа таких родов, ведших свое происхождение от Рюрика, сохранилось пять: Мосальские, Елецкие, Звенигородские,

Ростовские (последние обычно имели двойные фамилии) и Вяземские. От названия вотчин произошли фамилии Барятинских, Белосельских, Волконских, Оболенских, Прозоровских, Ухтомских и некоторых других. Чаще фамилии в своем основании имели кличку или отчество члена рода, чем-нибудь отличившегося, переехавшего в другую местность, ставшего владельцем имения или главой особенно большого семейства.

Надо иметь в виду, что фамилии не вводились каким-либо правовым актом, а устанавливались произвольно или по традиции и даже более или менее случайно (например, в связи с определением на царскую службу), что приводило к определенным колебаниям, в результате чего фамилии либо менялись, либо удваивались. Примером такого рода является фамилия известных бояр Романовых: дед патриарха Филарета из этого рода именовался Захарьиным-Юрьевым по именам своего деда и отца. Среди сохранившихся в потомстве двойных фамилий — Бобрищевы-Пушкины, Мусины-Пушкины, Вельяминовы-Зерновы, Воронцовы-Вельяминовы, Голенищевы-Кутузовы, Квашнины-Самарины, Сухово-Кобылины и др. Относительная немногочисленность двойных фамилий объяснялась тем, что в России «не было заведено передачи их по женскому колену», то есть при породнении двух родов (даже в случае пресечения одного из них по мужской линии). При Петре I произошел первый случай передачи князю Друцкому-Соколинскому фамилии его тестя Гурко-Ромейко, в результате чего образовалась фамилия Друцкие-Соколинские-Гурко-Ромейко, пресекаясь лишь в конце XIX в. Затем только при Павле I получила распространение практика передачи угасших в мужском колене дворянских фамилий другому роду по женской линии. Так, в 1801 г. фамилию генерал-фельдмаршала князя Н. В. Репнина передали его внуку — сыну дочери, вышедшей замуж за одного из князей Волконских. Вдове генерал-аншефа Ф. И. Плебова, урожденной Стрешневой, в 1803 г. разрешили (вместе с детьми) пользоваться фамилией этого боярского рода, родственного царскому дому. В связи

с отсутствием мужских потомков у детей Плебовой-Стрешневой фамилия по женской линии должна была перейти к дворянам фон Бреверн. Но так как единственная дочь Бреверна вышла замуж за князя Шаховского, то фамилия Плебовых-Стрешневых сразу перешла к нему. В 1854 г. фамилия князей Прозоровских (еще до ее пресечения в 1870 г.) перешла в род князей Волконских. Фамилия Нелединских-Мелецких передана князю Оболенскому; князей Дашковых — графу Воронцову (без княжеского титула); внук М. И. Голенищева-Кутузова П. М. Толстой получил фамилию деда (тоже без титулов).

Были и другие причины и поводы к удвоению фамилий. В 1697 г. дворяне Дмитриевы просили для отличия их «от многих разных чинов малородных» с той же фамилией разрешить им присоединить фамилию «сродника» Мамонова и называться Дмитриевыми-Мамоновыми, «чтобы... от других Дмитриевых бесчестными не быть».

Многие дворянские фамилии в России имели нерусское происхождение. Первую группу составляли фамилии дворян, ведших свое происхождение от татарских родов: Юсуповы, Урусовы, Карамзины, Мухановы, Бибиковы. Вторую группу — фамилии, имевшие западное происхождение, но со временем приобретшие вполне русский вид. По данным Е. П. Карновича, фамилия приехавшего в Россию англичанина Гамильтона сначала стала писаться Гамантов, потом Гаматов и, наконец, Хомутов. Немецкая фамилия Левенштейн через Левштейна и Левтшина превратилась в Левшина. Немец Гиррах стал именоваться Гороховым. Кос фон Дален переименован в Козодавлева. Один из маркграфов Мейсенских стал в России Мышницким, а потом князем Мышнецким. Потомки византийских императоров из фамилии Комнинов превратились в России к концу XV столетия в Комриных, а затем в Ховриных.

Любопытна история фамилии Барановых, род которых имел татарское происхождение (мурза Ждан имел прозвище Баран). Во времена Ивана Грозного один из представителей рода Барановых выехал из России в

Эстляндию, находившуюся под властью Швеции, где принял лютеранство. Его фамилия трансформировалась в Барангоф с добавлением частицы *фон*. В первой половине XIX в. вдова Трофима Иогана Барангофа Ю. Ф. Барангоф (урожденная Адлерберг) становится воспитательницей будущего императора Александра II и получает графский титул с возвращением прежней фамилии Баранова. Ее сын Э. Т. Баранов одно время занимал должность председателя Департамента экономии Государственного совета.

Переводить иностранные фамилии на русский язык в России было не принято, как это нередко делалось в других странах. Например, многочисленные представители немецкого рода Остен-Сакенов (букв. «восточный мешок») так и именовались в России, тогда как чистокровный немец А. Х. Востоков (известный русский филолог) в исключение из традиции перевел свою фамилию с немецкого.

Вообще система дворянских фамилий в России не дает возможности с определенностью судить о национальности их обладателей, поскольку ассимиляция иностранцев проявлялась обычно во втором поколении, а в третьем — наверняка. Как видим, Востоков мог быть немцем, а севастопольский городской голова Ротгольц был (сошлемся на свидетельство К. П. Победоносцева) «лишь по фамилии немец» и даже православного вероисповедания. Вспомним и доктора Вернера из романа «Герой нашего времени» М. Ю. Лермонтова.

При получении дворянства по службе фамилия нового дворянина, как правило, не подвергалась никаким изменениям, как это практиковалось, например, в Швеции. Поэтому представители рода до и после получения дворянства имели одну и ту же фамилию.

По закону внебрачные дети дворян не имели права ни на дворянство, ни на фамилию отца. Причем по особым ходатайствам дворянство для них оказывалось получить легче, чем фамилию (поскольку последнее могло вести к ущемлению интересов других представителей рода). Возникала необходимость создавать новые фами-

лии, которые в мужском потомстве становились фамилиями новых дворянских родов. Фамилии эти иногда «выкраивались» из родовых прозваний отцов. Так, сын князя Репнина получил фамилию Пнин (в будущем известный литератор), а сын князя И. Трубецкого и шведской графини Вреде — Бецкой (будущий президент Академии художеств). Побочный сын вице-канцлера князя А. М. Голицына стал именоваться А. А. де-Лицын. Внебрачные дети графа П. В. Шереметева носили фамилию Реметевых. Дочери Екатерины II от князя Г. А. Потемкина была дана фамилия Темкина. Побочной дочери Павла I была дана фамилия Юрьева, бывшая в прошлом одним из родовых прозваний бояр Романовых. Когда в 1880 г. Александр II вступил в морганатический брак с княжной Е. М. Долгоруковой, она и ее дети получили фамилию Юрьевских.

Употребление именной формулы в армии (и во флоте) имело ту особенность, что для краткости в официальных документах имя и отчество (и даже инициалы), а также чин не назывались, а к фамилии добавлялся номер. Номер этот отличал данного офицера от его однофамильцев в общих списках по армии. Известны герои Бородинского сражения генералы Тучковы 1-й, 2-й, 4-й. В марте 1863 г. П. А. Валуев записал в своем дневнике: «Вчера открыто здешнее очередное губернское собрание. Князь Суворов произнес речь в современном вкусе, вероятно, писанную Ивановым 30-м». Речь идет об А. Е. Иванове — адъютанте по особым поручениям при петербургском военном генерал-губернаторе А. А. Суворове.

При чтении художественной литературы и исторических источников нередко возникают затруднения с произношением некоторых фамилий: где, например, ставить ударение в фамилиях часто упоминаемых в конце XIX — начале XX в. государственных и общественных деятелей Авдакова, Гурко, Керенского, Коковцова, Обухова, Пловцова, Ухтомского, Шипова? Ответ на вопрос можно найти не во всех случаях. Прежде всего следует обратить внимание на окончание *-ов* в фамилиях типа Коковцов

и Половцов, определенно указывающее на то, что ударение должно быть на последнем слоге. Иногда ударение подсказывается изменением фамилии по падежам. Так, в письмах К. П. Победоносцева Александру III говорится, что автор был «занят у Гурки» и «послал бумагу Гурке». Отсюда следует, что фамилия эта произносилась как Гурко. Ударение может быть установлено и путем выяснения происхождения фамилии. Князья Ухтомские, например, имели вотчину на р. Ухтоме. Но и общепринятые до революции ударения в некоторых фамилиях могли быть уже искаженными. Так, потомки Голицыных и Прозоровских уверяют, что их фамилии должны были произноситься как Гóлицыны (род вел начало от некоего Гóлицы) и Прóзоровские.

Итак, в XVIII — начале XX в. происходят важные изменения в функционировании русской именной формулы. Отмеченные особенности ее использования дают возможность по имени (менее всего), отчеству и фамилии во многих случаях определить социальную принадлежность их обладателя, и в особенности принадлежность к дворянству. Некоторые известные дворянские фамилии (Нарышкины, Одоевские и др.) сами по себе являлись своеобразным титулом.

Существовали и специальные почетные фамилии-титулы, пожалование которых чаще всего сопровождалось награждением родовым титулом. Заимствовав древнеримский обычай давать военачальникам почетные «прозвания» по названиям мест, где те одерживали выдающиеся победы, в России практиковали в подобных случаях награждение победителей добавлением к их родовым фамилиям почетных наименований в виде добавочных фамилий с титулом или без него*. Еще в начале XVIII в. первым подобное наименование получил А. Д. Меншиков — титул светлейшего князя Ижорского. При Екатерине II графу А. Г. Орлову за победу над турецким флотом при Чесме было дано наименование Чес-

* Напомним, что российские князья получали почетные имена такого же рода: Александр Невский, Дмитрий Донской.

менский. Князя В. М. Долгорукова за присоединение Крыма к России наградили шпагой с алмазами и алмазными знаками к ордену Андрея Первозванного, а также фамилией Крымский, хотя он претендовал на чин фельд-маршала. Граф П. А. Румянцев за переход через р. Дунай получил титул Задунайского. Генерал-аншеф И. И. Меллер за взятие Очакова был награжден орденом Андрея Первозванного и Георгия 2-й степени, возведен в баронское достоинство и получил наименование Закомельского (по названию пожалованных ему земель за р. Комелью). А. В. Суворов за победу на р. Рымник получил титул графа с добавлением к фамилии наименования Рымникский, а затем при Павле I за швейцарско-итальянский поход еще титул князя Итальянского. В 1813 г. за победы над французами в пределах Смоленской губернии в ходе Отечественной войны 1812 г. князь М. И. Голенищев-Кутузов получил наименование Смоленский. За раскрытие заговора декабристов офицеру русской армии И. В. Шервуду добавили к фамилии «Верный». В 1827 г. титул графа Эриванского получил И. Ф. Паскевич; позднее за подавление польского восстания он получил дополнительно наименование светлейшего князя Варшавского. В 1829 г. И. И. Дибичу пожаловали графское достоинство и наименование Забалканский (за переход через Балканы). За взятие турецкой крепости Карс (1855 г.) генерал Н. Н. Муравьев получил фамилию Муравьев-Карсский. Наконец, последним из военных в 1858 г. дополнительной почетной фамилией Амурский наградили генерал-губернатора Восточной Сибири (1847–1861 гг.) генерал-адъютанта графа Н. Н. Муравьева в память присоединения Амурского края к России.

Во всех отмеченных случаях почетные фамилии давались военным, хотя не только за воинские подвиги. Аналогичная практика имела место и в гражданской сфере. В 1866 г. за спасение Александра II от выстрела Д. А. Каракозова крестьянин О. И. Комиссаров получил дворянское звание и добавление к фамилии — Костромской. Несколько раньше Казанское литературное общество,

занимавшееся исследованиями Средней Азии, наградило немецкого путешественника Г. Шлягенвейта за переход через горный хребет Кююлюнь званием Закююлюнский. Это звание было утверждено за Шлягенвейтом в виде родовой фамилии баварским правительством. В 1906 г. почетное добавление к фамилии за научные исследования получил выдающийся русский географ член Государственного совета П. П. Семенов-Тянь-Шанский.

Практика награждения почетными фамилиями вызвала в обществе стремление давать печально известным личностям аналогичные сатирические фамилии-прозвища. Так, когда за перестройку Зимнего дворца после пожара 1837 г. П. А. Клейнмихель в числе других наград получил графский титул, граф К. Ф. Толь предложил присвоить ему фамилию Клейнмихель-Дворецкий. Графа М. Н. Муравьева после участия его в подавлении польского восстания 1863 г. и управления Виленским генерал-губернаторством стали называть Муравьевым-Виленским (в отличие от брата Муравьева-Карсского и однофамильца Муравьева-Амурского), хотя официально он этого наименования не получал. В демократических же кругах ему была дана кличка Муравьев-Вешатель. Наконец, когда С. Ю. Витте после заключения Портсмутского мира с Японией получил титул графа, его противники стали называть его графом Полусахалинским (поскольку половина острова Сахалин была уступлена Японии).

Следует оговорить, что в официальных документах XIX в. нередко даже фамилии высших должностных лиц указывались не только без имен и отчеств, но даже без инициалов, поскольку их как бы заменяли частные титулы. Вот, например, как в указе Александра I Сенату от 30 марта 1801 г. перечислялись члены вновь образованного Непременного совета: «...назначаем членами Совета генерал-фельдмаршала графа Салтыкова, генерала от инфантерии князя Зубова, генерала от инфантерии графа Зубова, действительного тайного советника и вице-канцлера князя Куракина, генерала от инфанте-

рии и вице-президента Военной коллегии Ламба, генерала от инфантерии и генерал-прокурора Беклешова, действительного тайного советника и государственного вице-барона Васильева, генерала от инфантерии и Санктпетербургского военного губернатора графа фон дер Палена, действительного тайного советника князя Лопухина, действительного тайного советника и министра коммерции князя Гагарина, адмирала и вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа Кушелева и тайного советника Трощинского...»

РОДСТВЕННЫЕ, СВОЙСКИЕ И КУМОВСКИЕ СВЯЗИ

В XVIII–XIX вв. в дворянской среде сохранялось очень большое внимание к родственным, свойским (через брак) и кумовским (связи по обряду крещения) отношениям, в особенности же, конечно, к первым, что и получило отражение в исторических источниках и литературе. Это обуславливалось несколькими причинами. Прежде всего бытовыми традициями и догматами церкви. Обычно человек воспринимался не только с учетом его индивидуальных качеств, но и как принадлежащий к определенному роду и семье, доверие к которым распространялось и на их представителей (как говорили, «по отцу и сыну честь»). Хотя и знали, что «в семье не без урода», но существовало убеждение в передаче моральных качеств чуть ли не генетически. Убежденность основывалась (может быть, и не вполне справедливо) на очевидной общности внешних особенностей представителей отдельных родов. Так, отмечалось, что дети княгини М. А. Долгорукой «все до единого отличались породистой красотой. Красивые до того, что нельзя было бы себе представить кого-нибудь из Долгоруких с заурядным лицом». «Замечательно красивой» считалась и одна из ветвей рода князей Трубецких. Наоборот, род принцев Ольденбургских известен своим неказистым обликом.

Под родом имелась в виду совокупность людей разных поколений, происходивших от одного предка. Счет

велся по мужской линии, и родоначальником также являлся мужчина. В генетическом отношении с равными основаниями можно было бы вести родоисчисление от женского предка и по женской линии. Выбор мужской линии есть правовая условность. Личность родоначальника тоже условна, поскольку любой родоначальник имеет предков и начало рода может быть отодвинуто в глубь времен. Обычно родоначальником считается самый ранний предок, о котором сохранились известия. Чаще всего это предок, с чьим именем связывались определенные заслуги перед отечеством, или тот, кто перешел на российскую службу «из чужих краев». Нередко представители одного и того же древнего рода имели разные фамилии, поскольку последние возникли позже начала родоисчисления. Потомки, находившиеся на равном удалении от общего предка, составляют одно родовое поколение. Уже в четвертом поколении родственники (праправнуки предка) слабо ощущали свое родство. Потомство братьев образовывало особые *ветви* рода. Потомки лиц, получивших дворянство, а тем более родовые титулы, образовывали особую *линию* рода (дворянскую, графскую и т. п.). В этом случае можно наблюдать ситуацию, когда, например, один из братьев — дворянин, а другой — нет.

Осознание своей принадлежности к роду, чья история связана с историей отечества, чья общественная репутация ничем не запятнана и является общим достоянием рода, ответственность перед потомками за ее сохранение — все эти соображения и мотивы являлись источником и основой высокого развития чувства чести. Ясное представление о собственном родстве и внимание к чужому обычно считались несомненными достоинствами личности. Так, один из мемуаристов отмечал, что княгиня Д. П. Оболенская «любила службы, твердо помнила родню каждого и говорила охотнее всего по-русски».

Значение родственных отношений во многом определялось тем, что дворянские семьи в большинстве случаев были многочисленными (нередко — 8 детей), а это

означало, что дворянская семья должна была в каждом поколении породниться с несколькими другими родами. При сравнительной немногочисленности дворянства родственные связи между родами уже через 3–4 поколения оказывались сложно переплетенными. Внимание к родственным связям побуждалось, в частности, и запрещением церковью браков между близкими родственниками. Браки разрешались лишь, грубо говоря, за пределами троюродного родства. Кроме того, учитывались и брачные связи родственников брачующихся.

Другой важной причиной внимания к родственным связям было их значение в осуществлении имущественных прав, особенно права наследования. Иногда за отсутствием близких родственников громадные состояния переходили к другим родам по женской линии. Так, в середине XIX в. в род графов Рибопьер перешло «огромное потемкинское наследство, что вполне давало возможность блеснуть самой широкой роскошью». Хотя в данном случае, по наблюдениям К. Ф. Головина, «роскоши, как чего-то совсем ненужного и даже неизящного, не чувствовалось вовсе». В 1888 г. майоратное имение светлейших князей Воронцовых по женской линии перешло к графу М. А. Шувалову вместе с титулом, гербом и фамилией. Когда в 1904 г. пресекался и род Воронцовых-Шуваловых, имущество его последнего представителя (400 тыс. руб. ежегодного дохода) перешло в род графов Воронцовых-Дашковых.

Оказание помощи родственнику (и свойственнику) и даже прямая протекция по службе считались обязательными. Вспомним Фамусова из «Горя от ума», который окружил себя на службе «детками» сестры и свояченицы и объяснял, что не может «не порадовать родному человечку» в назначении на должность и представлении к ордену.

Наконец, родственные отношения давали правовую основу для наследования дворянства, дворянских фамилий и родовых титулов, что для нас в данном случае особенно важно. Иногда дело было даже не в наследовании родового титула, а в выяснении близости по родству или

свойству данного лица к известным в русской истории деятелям или титулованным особам.

Различалось родство в пределах рода и вне его (потомки дочерей и сестер), а также по прямой (дед—отец—сын и т. д.) и по боковой (брат, дядя, племянник и т. д.) линиям. Круг «живых», действительно функционирующих родственных и свойских отношений обычно получает отражение в бытующей терминологии, обозначающей такие отношения. В России XVIII — начала XX в. эта терминология была следующей (напомним ее, рассуждая от первого лица мужского рода и называя родство преимущественно по мужской линии, имея в виду, что женская его линия аналогична). Вверх, к предкам: отец, дед, прадед, прапрадед, пращур (всякий дальний предок). Вниз, к потомкам: сын (дочь), внук, правнук, праправнук. Сын брата — племянник, сын племянника (внук брата) — внучатый племянник. Дочь брата — племянница и т. д. Брат отца — дядя (его жена — тетка), сын дяди — двоюродный брат, его сын — двоюродный племянник. Двоюродный брат отца — двоюродный дядя, его сын — троюродный брат, сын же троюродного брата — троюродный племянник. Двоюродные брат и сестра могли называться короче (на французский манер) — кузен и кузина. Троюродный брат иногда именовался внучатым братом.

В общем плане *свойственниками* считаются лица, не являющиеся родственниками друг другу, но имеющие общих родственников. Свойство появляется в результате браков, поэтому и свойственники — это родственники жены (соответственно — мужа), жен сыновей и братьев, а также мужей сестер и дочерей (не по нисходящей линии). Отец и мать жены — тесть и теща (а отец и мать мужа — свекор и свекровь). Брат жены и его жена — шурин и невестка; сестра жены и ее муж — свояченица и свояк. Для жены брат мужа — деверь, а жена деверя и сестра мужа — золовки. Муж сестры — зять. Жена сына — сноха или невестка; муж дочери — зять. Родители жены сына и мужа дочери — сват и сватья. Жена брата — свояченица.

Отношения с родственниками свойственников также принимались во внимание и назывались *полусвойством*. Так, К. Ф. Головин считал Ф. М. Толстого (музыкального критика и композитора) своим «полусвойственником», поскольку тот приходился братом его дяде — мужу сестры матери (в этом случае дядя являлся свойственником Головина).

Особого рода отношения проистекали из повторного супружества с усыновлением детей от первого брака супруги. Эти дети являются для второго супруга *приемными* (пасынок и падчерица), а для его детей от первого брака — *сводными* братьями и сестрами. Дети мужа от его первого брака становятся сводными детьми его новой жены в силу заключения нового брака. Дети одной матери от разных мужей называются *единоутробными*, а дети одного отца от разных матерей — *единокровными*. При отсутствии потомков и сродников мужского пола можно было с разрешения императора усыновить своих законнорожденных родственников в младшем колене для передачи им при жизни своей фамилии и герба.

Обнаружить свойство обычно гораздо сложнее, чем установить родство, поскольку в первом случае чаще всего меняется фамилия. Приведем такой пример: своей удачной карьерой министр финансов М. Х. Рейтерн во многом обязан покровительству поэта В. А. Жуковского, женатого на его двоюродной сестре (первый — двоюродный шурин, второй — двоюродный зять). Это обстоятельство легко могло ускользнуть от внимания исследователя, если бы не указания сына родной сестры Рейтерна барона В. Г. Нолькена в написанной им биографии министра.

В формировании родственных отношений решающее значение имели прежде всего супружеские связи в разных их вариациях и на разных общественных уровнях.

В России довольно долго допускались браки монархов (и членов царствующего дома) с подданными. В допетровский период незадолго до брака невеста объявлялась «благоверной царевной», а царский тесть менял

свое прежнее крестное имя. Вследствие таких браков родственники царицы оказывались в свойстве с царствующей фамилией, что, разумеется, сказывалось на их карьере. Так, действительным камергером стал внучатый брат царицы Натальи Кирилловны С. Г. Нарышкин, гофмаршалом и графом — А. М. Ефимовский, камергером и графом — Ю. С. Гендриков — тот и другой ее двоюродные братья. Камер-юнкером состоял родной племянник царицы Евдокии Федоровны Ф. А. Лопухин. Внучатая сестра императрицы Елизаветы Петровны графиня Е. И. Разумовская (урожденная Нарышкина) стала статс-дамой.

В послепетровское время жен для мужчин российского императорского дома стали искать во владетельных домах Западной Европы. Но вместе с тем большое влияние приобрели царские фавориты Г. Г. Орлов, Г. А. Потемкин и др. Ясно, что никакой правовой основы явление фаворитизма не имело.

В XIX в. супружеские отношения членов императорской фамилии с лицами, не принадлежавшими к другим владетельным домам, стали оформляться *морганатическими браками*. В церковном и гражданском отношении эти браки не отличались от обычных законных браков. Но одна из сторон вместе с потомством ограничивалась в правах. Если к императорской фамилии принадлежал муж, то жена и дети, рожденные в морганатическом браке, не носили фамилии мужа и отца и не пользовались его титулом, фактически начиная род матери. В императорской фамилии первый морганатический брак был заключен между цесаревичем Константином Павловичем и польской графиней Иоанной Грудзинской, получившей с потомством фамилию и титул светлейшей княгини Лович. Дочь Николая I великая княгиня Мария Николаевна в первом браке была за герцогом Максимилианом Лейхтенбергским. Их дети (российские подданные православного вероисповедания), внуки Николая I, получили фамилию и титул князей Романовских. Морганатическая жена одного из отпрысков этого рода Зинаида Дмитриевна Скобелева (сестра из-

вестного генерала) получила родовую фамилию мужа де Богарне с графским титулом (взамен титула *маркиза*, не употреблявшегося в России). Дочь А. С. Пушкина Наталья Александровна в морганатическом браке с герцогом Нассауским именовалась графиней Меренберг. Наконец, как уже отмечалось, в 1880 г. Александр II вступил в морганатический брак с княжной Е. М. Долгоруковой, получившей титул светлейшей княгини Юрьевской. В данном случае смысл морганатического брака заключался в отстранении супруги и детей от всяких прав на престолонаследие.

Вследствие традиционных браков членов российской императорской фамилии с немецкими владетельными домами петербургская аристократия воспринимала императорскую фамилию как преимущественно немецкую. По свидетельству А. А. Половцова, когда в 1886 г. права дальних потомков императора несколько ограничили, один из великих князей сетовал на то, что петербургская аристократия «радуется этой мере, говоря, что они — Рюриковичи, а мы — немцы-гольштинцы, в коих и романовской крови не осталось; а что сказали бы Долгорукие или Оболенские, если бы у их потомства отняли принадлежащий им титул?».

Родственные связи рассматривались как достаточное основание для пожалования родовых титулов, чинов и даже орденов. Так, действительный камергер граф А. А. Бестужев-Рюмин в 1762 г. за заслуги отца (канцлера) награжден чином действительного тайного советника; мать государственного канцлера светлейшего князя А. А. Безбородко в 1797 г. пожалована в статс-дамы и награждена орденом Св. Екатерины; в следующем году графское достоинство дали трем сыновьям К. Е. Сиверса (графа Священной Римской империи с 1760 г.) за заслуги старшего из них.

В результате обряда крещения крестник приобретал крестного отца (крестного) и крестную мать (последние не могли состоять в близком родстве ни с крестником, ни между собой). Крестный отец родителям крестника и крестной матери доводится кумом (крестная мать —

кумой). Складывавшиеся между всеми этими лицами отношения считались очень серьезными и взаимообязывающими, сохраняющимися в течение всей жизни. Очень лестным считалось, когда крестным отцом был сам царь или другие представители императорской фамилии. Такие случаи бывали нередки. Правда, чаще всего при крестинах царя замещали другие лица по его избранию. Например, Александр I считался крестным отцом М. В. Петрашевского — сына известного врача, а представителем его при крещении был граф М. А. Милорадович — петербургский генерал-губернатор. Великий князь Константин Павлович крестил сына другого видного врача, Г. И. Белинского — Виссариона.

В мемуарах С. Ю. Витте рассказывает о ситуации, возникшей в его семье. Рассказ этот хорошо иллюстрирует внимание к связям между родами. Приемная дочь Витте вышла замуж за К. В. Нарышкина, фамилия которого, как мы уже отмечали, была в дальнем родстве с Романовыми. За брата Нарышкина вышла замуж старшая дочь принца К. П. Ольденбургского после развода со своим первым мужем штабс-ротмистром князем Г. А. Юрьевским, сыном императора Александра II от мorganатического брака. Таким образом, брат зятя Витте оказывался мужем бывшей жены сводного брата Александра III. Или: золовка приемной дочери Витте была в первом браке снохой Александра II и свояченицей Александра III. Понятно, что линия свойства между Витте и Александром III тут была прервана, но вся эта комбинация казалась Витте заслуживавшей внимания, тем более что в своих рассуждениях он еще дважды выходит на свойство с людьми, близкими к императорской фамилии (Нарышкины и Ольденбургские).

РОДОВЫЕ ТИТУЛЫ

Верхний слой благородного сословия составляло титулованное дворянство, то есть дворянские роды, имевшие баронские, графские, княжеские и другие родовые

титулы. Последние в период феодализма в Западной Европе обозначали разные степени вассальной зависимости дворян (как феодалов) от сюзерена и в конечном счете от верховного сюзерена — короля. В России до начала XVIII в. существовал только княжеский титул, исключительно как наследственный, обозначающий принадлежность к роду, который в древности пользовался правом княжения (государственного управления) на определенной территории страны. В связи с созданием русского централизованного государства и обеднением многих из княжеских родов престиж титула упал. Этому способствовало и разрешение пользоваться княжеским титулом главам татарских и мордовских родов при принятии ими православия. Е. П. Карнович пришел к заключению, что наследственные князья «не только не представляли собой русской аристократии... но даже не составляли безусловно высшей служилой знати, за исключением немногих родов» и «остаются в безызвестности и убожестве». По указу 1675 г. название кого-либо князем (без имени) стало расцениваться как бесчестье.

При Петре I впервые российские подданные стали получать родовые титулы западных государств, главным образом Священной Римской империи (объединявшей в это время немецкоязычные государственные образования); в Россию приехали иностранцы, обладавшие такими титулами; в состав страны вошли территории, где некоторые из этих титулов издавна использовались. В одном из «пунктов» к Табели о рангах уже определенно указывалось на существование «российского государства князей, графов, баронов». Хотя пожалование родовых титулов нередко сопровождалось пожалованием земель и крепостных, формально обладание родовым титулом не связывалось с определенным имущественным статусом и во многих случаях бароны, графы и князья не были богаты.

Князья и графы Священной Римской империи могли быть владельческими (действительными) или титулярными. Последние обладали лишь титулом графа или князя; первые же должны были иметь в пределах империи

земельные владения. Титул графа Римской империи из числа русских подданных раньше других получили Ф. А. Головин (1701 г.), А. Д. Меншиков (1702 г.) и Г. И. Головкин (1707 г.). Княжеский титул еще в 1705 г. был пожалован А. Д. Меншикову. Затем лишь при Екатерине II его получили Г. Г. Орлов (1772 г.), Г. А. Потемкин (1776 г.), А. А. Безбородко (1784 г.), П. А. Зубов (1796 г.). Пожалования эти производились по просьбам российских императоров (императриц) и за заслуги перед Россией. Например, в январе 1776 г. Екатерина II просила «римского императора», «чтоб его величество удостоил генерала графа Григория Потемкина, много мне и государству служившего, дать Римской империи княжеское достоинство, за что весьма обязанной себя почту».

Пожалование российских подданных титулами Римской империи продолжалось до воцарения Павла I (1796 г.). В ряде случаев получение этих титулов предшествовало получению российских. Так, А. С. Строганов стал российским графом через 37 лет после того, как его пожаловали в графы Римской империи (1761 и 1798 гг.).

В древней Европе баронский титул считался самым важным и почетным. Так называли высших государственных чинов и феодальных владетелей, непосредственно подчиненных верховному сюзерену. В Древней Руси этот термин переводился с немецкого как *вольный господин*. По мере распространения титула и увеличения числа его носителей (во многих случаях не имевших никаких имений) он «потерял в общественном мнении всякое уважение». Фактически титул *барон* стал просто указывать на принадлежность к дворянству.

Первым баронский титул в России в 1710 г. получил подканцлер П. П. Шафиров (внук крещеного еврея Шапиро). В 1721 г. этот титул даровали тайному советнику Остерману (сыну немецкого пастора) за заключение Ништадтского мира. В следующем году баронство пожаловали трем братьям Строгановым (носившим до того звание именитых людей). Возможно, такой состав первых баронов случаен, но и затем пожалование баронского титула, в частности купцам (обычно в связи

со 100-летием деятельности торгового дома), иностранцам и крещеным евреям, стало традиционным. Во многих случаях пожалование баронства означало вместе с тем и пожалование дворянства. Но титул барона давался и дворянам. Так, в 1797 г. его получил А. А. Аракчеев. Всего в конце XIX в. в России насчитывалось около 240 баронских родов (в том числе тех, которые к этому времени пресеклись в мужском поколении). Вновь выдано грамот на баронское достоинство с 1881 по 1895 г. — 45 и с 1895 по 1907 г. — 171. Из наследственных баронских родов большинство имело прибалтийское и иностранное происхождение.

В отличие от рядовых дворян, не пользовавшихся своим частным титулом, бароны именовались этим титулом: *господин барон* и *госпожа баронесса*. Общий же их титул не отличался от дворянского (*ваше благородие*). Лишь однажды при пожаловании баронского титула тайному советнику И. А. Черкасову он был назван *высокородным*, причем этот общий титул перешел и к его потомкам. Формула обращения была единственным отличием российских баронов от рядовых дворян.

Первым собственно российским графом стал фельдмаршал Б. П. Шереметев, получивший этот титул в 1706 г. за усмирение стрелецкого бунта в Астрахани. В 1709 г. графский титул был пожалован Г. И. Головкину (и он стал «дважды графом»), а в следующем году И. А. Мусину-Пушкину, генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину, П. М. Апраксину и бывшему учителю царя Н. М. Зотову (по смерти Зотова в 1717 г. его наследникам запрещено было пользоваться графским титулом). Затем титулы графа получили генерал-фельдцейхмейстер Я. В. Бржос (1721 г.), обер-шенк А. М. Апраксин и П. А. Толстой (1722 г.).

При преемниках Петра I графского титула удостаивались «сравнительно весьма немногие» (главным образом фавориты Екатерины II). Зато Павел I за четыре года царствования проявил необычайную щедрость, пожаловав этот титул 26 лицам. По крайней мере в четырех случаях графский титул получили дамы с их потомством: статс-дама баронесса Ш. К. Ливен, вдова действительного

тайного советника Н. Д. Протасова, статс-дама Ю. Ф. Баранова и вдова генерал-адъютанта В. Н. Ростовцева.

В XVIII в. графский титул расценивался как не менее, а иногда и более почетный, чем княжеский. Этому способствовало то обстоятельство, что российские графы стали пользоваться общим титулом *ваше высокоблагородие* (князья же общего титула еще не имели), а затем и *ваше сиятельство* (при Петре I этим титулом пользовались только сенаторы).

Графских родов к 1894 г. насчитывалось 310 (в том числе около 70 пресекшихся в мужском поколении). С 1856 по 1908 г. состоялось 88 новых пожалований графского титула. В XIX — начале XX в. графский титул часто давался как награда за деятельность на посту министра. По наблюдениям Е. П. Карновича, в XIX в. титул графа присваивался «в большей части» тем, кто уже имел орден Андрея Первозванного, то есть как более высокая награда. Вплоть до свержения царизма лиц, обладавших титулом графа, было «гораздо менее, чем князей».

Одним из последних было пожалование в 1914 г. графского титула председателю Совета министров В. Н. Коковцову.

К началу XVIII в. в стране существовало 47 русских княжеских родов; некоторые из них насчитывали до 30 представителей (князья Волконские и Гагарины). Еще до того часть княжеских родов пресеклась в мужском колене или утратила свои титулы, поскольку последние не давали никаких особых прав, а многие роды обнищали. В XVII столетии князья Вяземские, например, служи-

В. Н. Коковцов — председатель Совета министров в 1909–1914 гг. в приватном платье

ли в нескольких поколениях попами и дьячками в селах у помещиков средней руки, а князья Белосельские состояли в «приживалах» у каких-то Травиных. Среди обедневших родов были и те, что вели свое происхождение от Рюрика.

Из этих 47 родов к 1880-м гг. пресеклись в мужском колене 11. Известно, что в 1840-е гг. в г. Боровске Калужской губернии жила последняя представительница бывших вотчинников края князей Боровских, вышедшая замуж за одного из боровских мещан и утратившая свой титул. Узнав об этом браке, Николай I распорядился выдать молодым на обзаведение 10 тыс. руб.

До 1797 г. новых княжеских фамилий в России не возникало, за одним, впрочем, исключением: в 1707 г. титул князя Ижорского царь пожаловал А. Д. Меншикову.

При Павле I титул российского князя с титулом *светлость* впервые был пожалован вице-канцлеру графу А. А. Безбородко; в начале 1799 г. титул *светлейший князь* получил генерал-прокурор П. В. Лопухин; в августе 1799 г. титул российского князя с титулом *Италийский* присвоен генерал-фельдмаршалу графу А. В. Суворову-Рымникскому (с правом передачи его потомкам «мужского и женского родов») в связи с пожалованием ему сардинским королем Виктором-Эммануилом «достоинства князя с титулом его двоюродного брата»*; наконец, княжеский титул был дан армянскому патриарху Иосифу Аргутинскому.

Светлейшие князья получили общий титул *ваша светлость*; в отличие от них наследственные князья с конца XVIII в. стали именоваться (как и графы) *сиятельными* с общим титулом *ваше сиятельство*.

Александр I пожаловал княжеским достоинством с титулом *светлости* генерала от инфантерии графа М. И. Голенищева-Кутузова, председателя Государственного совета фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова и русского

* Давая разрешение Суворову на принятие такого титула, Павел I разъяснил, что «через это» Суворов «и ему войдет в родство... потому что владетельные особы между собою все почитаются родней».

посла на Венском конгрессе графа А. К. Разумовского. Кроме того, княжеский титул (без светлости) получил фельдмаршал граф М. Б. Барклай-де-Толли.

При Николае I число пожалований княжеского титула увеличилось. Первой его получила (а затем и титул светлости) статс-дама графиня Ш. К. Ливен. Титул светлейшего князя Варшавского получил фельдмаршал граф И. Ф. Паскевич-Эриванский. Затем княжеский титул (без светлости) был дарован фельдмаршалу графу Ф. В. Остен-Сакену, председателю Государственного совета графу В. П. Кочубею, графу И. В. Васильчикову, военному министру графу А. И. Чернышеву и наместнику на Кавказе графу М. С. Воронцову (двое последних впоследствии получили титул светлости). Титул светлейшего получили наследственные князья: фельдмаршал и министр императорского двора П. М. Волконский (1834 г.), а затем московский генерал-губернатор Д. В. Голицын.

Множество ходатайств о пожаловании княжеских титулов поступало от грузинского дворянства. Особые комиссии в Тифлисе и Кутаиси, учрежденные для разбора относящихся к этому делу, в 1850 г. признали княжеский титул за 69 фамилиями-претендентами, «кроме множества тех фамилий, которым и прежде еще придано было название князей».

В царствование Александра II состоялось лишь одно пожалование княжеского титула (без светлости) — председателю Государственного совета графу А. Ф. Орлову и одно пожалование титула светлейшего князя государственному канцлеру наследному князю А. М. Горчакову. Больше пожалования этого титула не было.

Примерно из 250 учтенных к концу XIX в. княжеских родов около 40 вели свою родословную от потомков Рюрика и Гедимины. 56% всех княжеских фамилий составляли грузинские. Княжеских родов, получивших титул по пожалованию, было немного — около 20. Всего же с 1856 по 1908 г. было 32 таких пожалования. Во многих случаях старые и новые княжеские роды пресекались (Безбородко, Лопухины, Голенищевы-Кутузовы, Разумовские, Барклай-де-Толли, Остен-Сакены и Во-

ронцовы, а роды князей Меншиковых, Суворовых-Италийских и Чернышевых имели только по одному мужскому представителю). К началу XX в. около 30 татарских (точнее, мусульманских), калмыкских и мордовских фамилий имели свой национальный княжеский титул, считавшийся по достоинству ниже баронского.

Чаще всего пожалование родовыми титулами производилось в порядке постепенности: сначала младшими, затем более высокими. В частности, княжеские титулы жаловались лицам, уже имевшим графский титул, а титулы светлейших князей — тем, кто имел княжеский. Лишь в исключительных случаях дозволялось иметь два родовых титула одновременно — при условии удвоения фамилии за счет пожалованной почетной или полученной по наследству фамилии другого рода. Как уже упоминалось, А. В. Суворов за победы награжден титулами графа Рымникского и князя Италийского. Генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич получил титул графа с добавлением к фамилии Эриванский, а затем был пожалован еще титулом князя Варшавского. В 1856 г. графский титул получил генерал от артиллерии генерал-адъютант С. П. Сумароков. Наследников в мужском поколении он не имел, поэтому для того, чтобы фамилия и графский род не прекратились после его смерти, в 1875 г. мужу его дочери Ф. Н. Эльстону разрешили именоваться графом Сумароковым-Эльстоном. Сын последнего гвардии поручик Ф. Ф. Сумароков-Эльстон женился на дочери князя Н. Б. Юсупова, которая после смерти отца (в 1891 г.) осталась единственной представительницей рода. Поэтому Александр III разрешил ее мужу и ей именоваться князьями Юсуповыми графами Сумароковыми-Эльстон с условием, чтобы титул князей Юсуповых переходил только к старшим в роде из их потомков. Барон В. Г. Нолькен получил право именоваться графом Рейтерном бароном Нолькеном после кончины бездетного министра финансов, а затем председателя Комитета министров М. Х. Рейтерна, пожалованного графским титулом. Право это он получил, поскольку являлся

племянником Рейтерна. Смысл этой акции заключался в увековечении памяти М. Х. Рейтерна.

Случайность и необоснованность возникновения титулованных родов иллюстрирует история рода светлейших князей Ливен. В 1783 г. Екатерина II воспитание своих внуков (будущего Николая I и великого князя Михаила Павловича) поручила сорокалетней вдове генерал-майора барона О. Г. Ливена — Ш. К. Ливен. Последняя прославилась «ревностным служением при дворе в продолжение 45 лет» (умерла в 1828 г.), за что в 1794 г. получила звание статс-дамы; в 1799 г. Павел I возвел ее с потомством в графское достоинство; в день коронации Николая I в 1826 г. графиню Ливен возвели со всем семейством в княжеское достоинство с титулом светлости.

Высшая (третья) степень княжеского титула — титул *великий князь*. Он мог принадлежать лишь членам царской (императорской) фамилии. Титул великого князя (то есть старшего в ряду других) издревле был известен в России. С XV в. в связи с падением Византийской империи глава Российского государства стал именоваться *царем* и *великим князем*. Слово «царь» происходит от имени (фамилии) древнеримского императора Гая Юлия Цезаря. Оно было воспринято его преемниками как элемент их титула. Затем титул перешел в Византийскую империю, где *кесарем* (то есть цезарем же) назывались ближайшие родственники императора. Титул *царь* в России дополнялся титулом *самодержец*, который исторически означал независимость царской власти от золотоордынских ханов. Позже он стал отождествляться с термином «абсолютный» — независимый ни от светской или духовной власти, ни от собственного народа. В октябре 1721 г. Петр I принял императорский титул. Этот акт должен был еще раз подтвердить преемственность власти от глав Римской и Византийской империй и поднять политический статус России. В Западной Европе императорский титул обычно принадлежал главе крупнейшей и могущественнейшей монархии, а его получение санкционировалось папской властью. К началу XVIII в. им пользовался только глава Священной Рим-

ской империи германской нации. С принятием императорского титула русские монархи не совсем отказались от титулов *царь* и *великий князь* — оба они стали употребляться в составе так называемого большого титула для обозначения их политических («владельческих») прав на отдельные части империи (например, российский император считался царем Казанским, Астраханским и Сибирским и великим князем Смоленским, Тверским, Вятским «и иных» земель).

В XVIII в. формируется состав величаний — хвалебных эпитетов, сопровождавших употребление царского титула. Вошедшее в обиход во второй половине XVII в. величание *тишайший*, являвшееся неудачным переводом с латыни, заменили на *всемилостивейший*. Ранее применявшееся величание *благочестивейший* было передано детям императора, а применительно к нему самому заменено на *благочестивейший*. Вошло в употребление величание *августейший*.

Специальное законоположение об императорской фамилии было разработано и принято лишь в 1797 г. Согласно ему, императорскую фамилию составляли император, императрица (жена), вдовствующая императрица (мать) и великие князья: сыновья, дочери, внуки, правнуки и праправнуки здравствующего или умершего императора. Великий князь — наследник престола (обычно старший сын императора) имел, кроме того, титул *цесаревич*. В отступление от правил в октябре 1799 г. этот титул был дан, кроме наследника Александра Павловича, еще и Константину Павловичу (в награду за участие в итало-швейцарском походе). Родственники императоров ниже праправнуков, а после 1885 г. — ниже внуков (практически появление этих поколений родства стало возможно лишь в конце XIX в.) получали по закону титул *князь императорской крови*.

Император, обе императрицы и все великие князья (включая наследника) с их женами обладали исключительным правом официально именоваться частным титулом с предикатом *государь* или *государыня* (например, *государь император*). Слово «государь» являлось

фонетическим преобразованием общеславянского «господарь», восходящего к слову «господь». При назывании великих князей (то есть когда о них шла речь в третьем лице), кроме титула, указывалось имя и отчество. По наблюдениям В. И. Даля, в XIX в. существовала определенная система в устном и письменном использовании предиката *государь* с «величаниями»: к императору обращались *всемилостивейший государь*, к великим князьям — *милостивейший государь*, а ко всем нижестоящим лицам — *милостивый государь*.

Император и обе императрицы имели общий титул — *ваше императорское величество*, наследник и другие великие князья — титул *ваше императорское высочество* (слово «императорское» при устном обращении могло опускаться), а князья императорской крови — титул *ваше высочество* (с 1886 г. младшие сыновья праправнуков императора — титул *ваша светлость*). Известны случаи пожалования титула *императорское высочество* дальним родственникам императора. Так, в 1845 г. этот титул был пожалован внуку Павла I по женской линии и племяннику Николая I принцу Петру Ольденбургскому.

В середине XIX в. (к концу царствования Николая I) императорская фамилия насчитывала 28 человек, в 1881 г. — 43, в 1894 г. — 46, в начале XX в. — 53 и в 1914 г. — более 60 человек.

Из всех родовых титулов лишь титулы великого князя и князя императорской крови по закону сообщали их обладателям существенные права. В первом же пояснительном пункте к Табели о рангах говорилось: «Принцы, которые от нашей крови происходят, и те, которые с нашими принцессами сочтаны, имеют при всяких случаях председательство и ранг над всеми князьями и высокими служителями Российского государства». В соответствии с законом от 5 апреля 1797 г. великие князья при крещении, а князья императорской крови по достижении совершеннолетия получали орден Андрея Первозванного и тем самым чин III класса (хотя реально они начинали службу с нижних чинов). Кроме того, они

получали значительные капиталы за счет так называемых удельных имуществ, принадлежавших императорской фамилии.

Принадлежность к прочим титулованным дворянским родам сама по себе не давала никаких особых прав (кроме права на частный и общий родовые титулы, употреблявшиеся взамен титулов по должности, чину и званию)*. Идея этого также была заложена в Табели о рангах, которая не только не включала родовые титулы в классы, но и поясняла от имени законодателя: «Сыновьям российского государства князей, графов, баронов, знатнейшего дворянства, также служителей знатнейшего ранга... мы позволяем для знатной их породы или их отцов знатных чинов в публичной ассамблее, где Двор находится, свободный доступ перед другими нижнего чина и охотно желаем видеть, чтоб они от других во всяких случаях по достоинству отличались; однакож мы для того никому какого ранга не позволяем, пока нам и отечеству никаких услуг не покажут». Вследствие довольно частых и не всегда оправданных пожалований и нередко материальной необеспеченности титулованных родов сами эти титулы не пользовались авторитетом в обществе, особенно во второй половине XIX — начале XX в.

Более титула по происхождению ценились древность и заслуги рода. Так, например, род Нарышкиных состоял в родстве с династией Романовых (поскольку Н. К. Нарышкина была матерью Петра I, а А. Л. Нарышкина — его двоюродной сестрой по отцу), но не имел ни княжеского, ни графского титулов. Тем не менее, по наблюдениям Е. П. Карновича, они «считались как бы членами царского дома и во всех торжественных случаях занимали первенствующее место среди всех вельмож и царедворцев, несмотря даже иной раз на их невысокую чиновность». Со времен Елизаветы Петровны представители этого рода всегда занимали высшие придворные

* На практике принадлежность к знатному роду все же способствовала карьере. Так, во второй половине XIX в. у генералов и адмиралов, имевших родовые титулы, сроки выслуги высших чинов оказывались на 3–4 года короче.

должности. Существует предание, что герои Отечественной войны 1812 г. генералы Н. Н. Раевский и А. П. Ермолов (будущий «покоритель Кавказа») отказались от предложенных им графских и княжеских титулов, ссылаясь на достаточную известность заслуг и достоинств своих фамилий.

Правовой основой для бесспорной передачи потомкам как родовых титулов, так и почетных фамилий служило прямое нисходящее родство по мужской линии. В тех случаях, когда такие потомки отсутствовали, титулы (вместе с родовыми фамилиями) и почетные фамилии могли передаваться по другим линиям родства и даже свойства, каждый раз на основании особого разрешения императора. При этом принимались во внимание, с одной стороны, желательность сохранить в русской истории старинную или прославившуюся титулованную фамилию, а с другой — наличие достойных преемников.

Передача титулов пресекшихся родов по женской линии стала практиковаться только в павловское царствование. Собственно, передавался не титул, а титулованная фамилия. Так, титул князей Ромодановских вместе с их фамилией перешел к роду Ладыженских, и они стали именоваться Ладыженскими князьями Ромодановскими. А в 1878 г. княжеский титул вместе с фамилией князей Одоевских (старейшей в роду Рюриковичей) получил некий Н. Н. Маслов, мать которого была урожденной Одоевской.

Графские титулы Бенкендорфа, Киселева и Ридигера передали их племянникам-однофамильцам. Графский титул и почетная фамилия Н. Н. Муравьева-Амурского перешли к одному из его племянников — В. В. Муравьеву. Титул и фамилия графа М. Х. Рейтерна перешли к мужу дочери его сестры барону В. Г. Нолькену. А графский титул известного участника кавказских войн генерала Н. И. Евдокимова вместе с его фамилией передали мужу племянницы его жены некоему Доливо-Добровольскому, то есть не только по женской линии, но и по свойству.

При передаче родового титула и фамилии в другой род иногда делались ограничения относительно того, что этим титулом и фамилией будет пользоваться только одно лицо по праву первородства. Так было при передаче княжеского титула и фамилии Одоевских в род П. Н. Маслова, а также княжеского титула и фамилии Юсуповых в род графа Сумарокова-Эльстона.

В некоторых случаях, когда кандидат в восприемники унаследованной фамилии казался «неподходящим», разрешение на передачу титула и фамилии не давалось. С. Ю. Витте рассказывает в своих мемуарах, что, поскольку мужская линия графов Паниных пресеклась, Александр II обещал передать «имя графа Панина» его дочери при выходе замуж, «чтобы эта фамилия не пропала». Однако, когда графиня вышла замуж за одного из сыновей А. А. Подовцова, Александр III отказался выполнить обещание своего отца.

РОДОВЫЕ ГЕРБЫ

Одним из важных прав, которые давались исключительно потомственным дворянам, являлось право иметь родовой герб. Само пожалование дворянства первоначально предполагалось в виде пожалования герба. Герб можно определить как композицию из символов (эмблем), поясняющих происхождение, заслуги и современный статус рода. Герб закреплял право на потомственное дворянское достоинство и родовые титулы и делал их «видимыми». Первые родовые гербы появились в России только в последние десятилетия XVII в. В 1686–1687 гг. был составлен первый сборник таких гербов.

Внимание к родовым гербам усилилось и их составление

Герб графа Г. С. Потемкина-Таврического

активизировалось в связи с утверждением Табели о рангах, установившей в общем порядке возможность выслуги потомственного дворянства.

Для приобретения гербом законной силы требовалось, чтобы: 1) версия («легенда» — по геральдической терминологии) происхождения и заслуг рода была доказана или по крайней мере официально признана; 2) герб был составлен с соблюдением строгих правил геральдической науки; 3) герб был утвержден императором и формально зарегистрирован. В соответствии с этими положениями обычно подготавливались и представлялись для утверждения красочный рисунок герба, его описание с истолкованием и справка по истории рода. Организация всей деятельности по разработке гербов и представлению их к утверждению с 1722 г. возлагалась на Герольдмейстерскую контору при Сенате (в середине XIX в. в ее составе организуется особое Гербовое отделение).

По правилам геральдики родовой герб состоял из боевого щита, шлема, короны, мантии, намета (цветных украшений, образующих фон герба), щитодержателей, девиза (указывался не во всех гербах) и других менее существенных элементов. При их изображении могли употребляться восемь красок: золотая, серебряная, красная, голубая (лазоревая), зеленая, пурпурная, черная и белая (при изображении человека разрешалось использовать телесный цвет). Первые две обозначали металлы, остальные — эмаль (финифть). Одно из правил геральдики запрещало накладывать металл на металл и финифть на финифть. Это означало, что на металлическом поле могли быть изображения только из финифти (и наоборот). Горностаевый и беличий меха изображались особыми черными и голубыми значками по белому полю (цвета поля и изображений на нем могли меняться местами). В черно-белом изображении или при гравировке золото изображалось черными точками по белому полю, серебро — чистым белым полем, красный цвет — вертикальной штриховкой, голубой — горизонтальной, зеленый — диагональной штриховкой справа вверх налево, пурпуровый — диагональной слева вверх на-

право и черный — двойной вертикальной и горизонтальной штриховкой. Правая и левая стороны гербового щита «считались» от щита (а не от зрителя).

Щит, являвшийся главной частью герба, мог быть нескольких форм: четырехугольный с заострением внизу (французский); такой же с закруглением внизу (испанский); треугольный с дугообразными боковыми сторонами (варяжский); овальный (итальянский); треугольный с фигурными вырезами по сторонам (германский) и др. В России чаще употребляли французский щит. Щит в гербе мог делиться пополам по вертикали (рассеченный), по горизонтали (пересеченный), по диагонали (скошенный) и иным более сложным образом с различной окраской частей. Распространенным было изображение на щите крестов — прямого и скошенного (андреевского). В центре щита или на его выделенных сечениями частях могли помещаться разного рода символические изображения.

Важную роль в гербе играли корона (обычно помещалась над щитом) и мантия. В зависимости от числа зубцов различались короны княжеские, графские, баронские и дворянские. Мантия (выходящая из-под короны) — признак либо княжеского герба, либо происхождения рода от удельных князей.

Правила геральдики запрещали какие-либо надписи в гербе. В частности, нельзя было указывать имя (фамилию) обладателя герба, что, казалось бы, могло снять все проблемы при его распознавании (при выяснении владельца герба). Мог указываться лишь девиз — краткое изречение (иногда по-латыни), характеризующее жизненные принципы и цели представителей рода. Обычно помещался на ленте под щитом.

Сам феномен родовых гербов воспринимался не изолированно, а с учетом практики западноевропейских стран, где родовые гербы имели широкое распространение еще со времен средневековья. Древние дворянские роды, еще не обзаведшиеся гербом, стремились не отстать от других и зафиксировать свою историю и заслуги. Новые же роды были заинтересованы прежде всего

утвердиться и упрочить свое положение среди всех других. Но при этом для них возникала существенная трудность в конструировании герба, особенно в выборе значимых символов. В самом деле, не помещать же в гербе изображение чернильницы и пера, а именно они для большинства новых родов стали средством достижения дворянства.

Насколько неопределенным было значение эмблем, используемых в родовых гербах, свидетельствует появившееся в 1851 г. правило об истребовании от тех, кто ходатайствует об утверждении родового герба в связи с получением (выслугой) потомственного дворянства, «объяснений относительно значения эмблем», которые они желали бы иметь в своем гербе.

Поскольку формальное утверждение родовых гербов требовало хлопот и немалых средств, получило распространение пользование самодельными гербами, не санкционированными властями. Многие роды из числа менее богатых вообще обходились без гербов, поскольку поводов к их использованию в быту существовало не так уж много. Традиционно герб мог изображаться на фронтоне особняка, на воротах ограды, на надгробиях, на дверцах кареты, на посуде и столовом серебре, писчей бумаге, на книгах, в печатках и т. п. Таким образом, лишь богатые дворянские роды имели и повод, и возможность практически использовать гербы.

Некоторая активизация составления родовых гербов в начале 1740-х гг. связана с производством Елизаветой Петровной всех солдат гренадерской роты Преображенского полка в дворянское достоинство за поддержку ее при вступлении на престол. Сначала разработали три «схемы» гербов для них. После выбора и утверждения императрицей одной из схем приступили к составлению почти 350 индивидуальных гербов. Все они состояли из щита, разделенного на две части, из которых в правой (общей для всех) в гербовом поле изображалось золотое «стропило» с наложенными на него тремя горящими гранатами между тремя серебряными звездами, а в левой части, особой для каждого герба, изображались

индивидуальные эмблемы храбрости, трудолюбия, верности и других подобных им качеств. Когда оказывалось возможным, в левой части герба помещались фигуры, соответствовавшие фамилиям их обладателей: например, фигура барсука у Барсукова. Над щитом изображался рыцарский шлем с наложенной на него сверху гренадерской шапкой, украшенной красными и белыми страусовыми перьями. По сторонам шлема помещались распростертые черные орлиные крылья с тремя серебряными звездами на них. По сторонам гербовый щит украшался наметом. Цвета намета обычно соответствовали цветам поля и фигур щита. Под щитом располагалась лента с девизом «За верность и ревность».

В конце XVIII в. возрастанию количества родовых гербов способствовало сначала издание Жалованной грамоты дворянству в 1785 г., а затем начавшаяся в 1797 г. подготовка «Общего гербовника дворянских родов Всероссийской империи». Гербовник включал красочные рисунки гербов и их описания. В первую часть его вошли гербы титулованных и стародворянских фамилий; во вторую — гербы лиц, особо пожалованных в дворянство; в третью — гербы родов, вновь выслуживших дворянство. При составлении Общего гербовника Павел I приказал «для ознаменования тех дворянских фамилий, кои действительно происходят от родов княжеских, хотя сего титула и не имеют, оставлять в гербах их корону и мантию». К таким родам принадлежали Ржевские, Всеволожские, Татищевы и многие другие. Уже в 1798 г. был издан первый том Гербовника, а до конца павловского царствования — еще четыре. При Александре I были утверждены тома VI–IX, при Николае I и Александре II — тома X и XI. Затем в 1882–1914 гг. подготавливаются тома XII–XIX. В феврале 1917 г. утверждается XX том. Всего в Гербовнике зафиксировано около 5 тыс. гербов. Примерно 3–4 тыс. гербов, использовавшихся в России, в Гербовник не попали (большой частью не утвержденные властью). Всего не более пятой части дворянских родов страны располагало гербами.

Построение всех томов Гербовника одинаково: на каждой странице помещается красочное (акварель) изображение герба, под которым расположено его описание. Приведем для примера полное описание герба дворянского рода Танеевых (о некоторых из них нам придется не раз упоминать): «Щит разделен перпендикулярно на три части, из коих в первой в голубом поле изображена выходящая из облак в золотых латах рука с саблею. Во второй — в золотом поле Минерва со щитом и с копьем. В третьей части в красном поле крестообразно положены золотой лук, сабля и золотая стрела, остроконечиями к левым углам обращенные. Щит увенчан дворянским шлемом и короною, на поверхности которой видны два черных орлиных крыла и между их три страусовых пера. Намет на щите красного и голубого цвета, подложенный золотом. Щит держат с правой стороны лев, а с левой — воин с открытою головою в польской одежде, вооруженный саблею, и в руке держит золотой лук».

Главным назначением Гербовника являлось официальное и публичное признание властью включенных в него родовых гербов. Вместе с тем Гербовник мог стать справочным собранием таких гербов, в котором при необходимости можно было бы обнаружить изображение герба некоего рода или лица. Второй цели достичь не удалось как потому, что Гербовник оставался неполным, так и потому, что он не имел справочного аппарата ни в виде указателя фамилий владельцев гербов, ни эмблематического (последний давал бы возможность установить владельца герба, принадлежность которого неизвестна).

Только первые 10 томов были опубликованы (с черно-белыми иллюстрациями). Оригиналы всех томов до 1917 г. хранились в Департаменте герольдии Сената, а ныне они находятся в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге.

Геральдические правила полагалось учитывать также при художественном оформлении «наградных» грамот и дипломов на княжеское, графское и дворянское

достоинства. Изготавливаемые в Герольдии, они не всегда оказывались удачными. В начале 1840-х гг. подготовленные в Герольдии проекты оформления упомянутых грамот и дипломов не получили утверждения Николая I, написавшего на эскизах «дурно» и «очень дурно». Поскольку в Герольдии тогда хороших художников не нашлось, заняться составлением таких проектов поручили Герольдии Царства Польского (создана в 1836 г.). В 1846 г. представленные из Варшавы рисунки «удостоились... утверждения». Но неудовлетворенность уровнем геральдического художественного оформления грамот и дипломов на княжеское, графское и дворянское достоинства возникала неоднократно и позже (в частности, в 1870-х гг.).

В 1848 г. Герольдия преобразовывается в особый департамент Сената. Годом позже Николай I высказал намерение передать заведование гербовым делом в ведение специально учрежденного «гербового герольда» («гербового судьи»), который состоял бы в непосредственном подчинении министру Императорского двора, «причислялся к Капитулу российских императорских и царских орденов» и одновременно к Департаменту герольдии в качестве товарища герольдмейстера по гербовой части. Должность гербового герольда намечалось отнести к V классу, а чиновников для письма и художников при нем — к X классу. Оплата их труда возлагалась на заказчиков гербов.

Приведем некоторые статьи из проекта положения о «гербовом герольде»:

«...II. Гербовый герольд обязан наблюдать за правильным составлением гербов как для государя императора высочайшей фамилии, так и для всего государства.

III. Он составляет гербы для всех тех, которые по закону имеют на то право. Проекты гербов представляет министру Императорского двора для поднесения на высочайшее утверждение.

IV. Для получения герба необходимо из Правительствующего Сената свидетельство, в котором должно быть показано, имеет ли проситель право на княжеское или

баронское достоинство, на потомственное или личное дворянство, или на потомственное почетное гражданство...»

Намерение разрешить обладание гербами не только потомственным дворянам, но и личным, а также потомственным почетным гражданам (естественно, с гербами отличными от дворянских) осталось не реализованным.

«...IX. Гербовый герольд Министерства императорского двора обязан составить архив, библиотеку, собрание гербовых печатей, родословных и прочих документов, касающихся геральдики.

X. Он имеет в своем владении родословное дерево императорской фамилии, равномерно и августейших предшественников до самых отдаленных времен, копии с которых хранятся в Императорском кабинете.

XI. Он должен знать все государственные церемонии, относящиеся до рождения, крещений, обручений, бракосочетаний и погребений их императорских высочеств и величеств, также восшествия на престол и коронования императоров и императриц, и сведениями своими помогать в случае необходимости обер-церемониймейстеру.

Все вещи, употребляемые в церемониях, должны состоять под его надзором. Он обязан знать историю и знаки всех российских и иностранных орденов и должен доставлять все, требуемые от него ученые сведения, по вверенной ему части».

«Гербовый герольд» в России так и не появился. (Но известно о существовании орденских герольдов, о чем расскажем позже.)

Однажды утвержденный, родовой герб мог затем частично изменяться и дополняться в связи, например, с пожалованием родового титула или второй фамилии пресекшегося рода. Иногда эти изменения и дополнения делались по инициативе верховной власти. Так, А. А. Аракчеев получил от Павла I девиз «Без лести предан», а П. А. Клейнмихелю вместе с графским титулом был пожалован девиз «Усердие все превозмогает».

Статутами орденов разрешалось вносить в родовой герб орденские знаки, пожалованные представителям рода. Реальный смысл этого не вполне ясен.

В начале XX в. родовые гербы казались уже некоторым анахронизмом, лишь приятным знаком принадлежности к дворянскому сословию, — не более того. Фактическая необязательность получения гербов, также как и бюрократические сложности, связанные с их изготовлением и утверждением, наконец, ограниченные возможности их использования — все это в совокупности вело к тому, что гербами обзаводилась все меньшая часть дворян.

Одно из пожалований герба, обратившее на себя внимание русского общества, связано с именем С. Ю. Витте. 18 сентября 1905 г. Николай II возвел его «в графское Российской империи достоинство» в связи с подписанием мирного договора с Японией. 13 февраля 1906 г. Витте подал прошение в Департамент герольдии:

«В Правительствующий Сенат по Департаменту герольдии

Статс-секретаря графа Сергея Юльевича Витте

Прошение

Рескриптом от 25 сентября его императорскому величеству благоугодно было пожаловать мне графское Российской империи достоинство. Желая иметь соответствующий сему пожалованию высочайше утвержденный герб, покорнейше прошу Департамент герольдии... сделать распоряжение о выдаче мне означенного герба. К настоящему прошению прилагается:

1) изготовленный по моим указаниям рисунок герба с описанием изображенных на нем эмблем, 2) квитанция

Портрет С. Ю. Витте в мундире члена Государственного совета. Начало XX в.

Главного казначейства о взносе 132 р. на расходы по изготовлению герба и 3) квитанция губернского казначейства об уплате 15 рублей казенных пошлин.

С.-Петербург.

13 февраля 1906 г.

Статс-секретарь граф Витте»

11 апреля Департамент герольдии утвердил следующее описание графского герба С. Ю. Витте: «В лазоревом щите стоящий на задних лапах золотой лев с червлеными глазами, языком и когтями. Он опирается правой лапой на золотой ликторский пук, а левой — держит серебряную оливковую ветвь. В вольной золотой части щита — черный государственный орел с червленым щитком на груди, на коем вензелевое изображение имени государя императора Николая II. Щит украшен графскою короною и увенчан дворянским коронованным шлемом. Нашлемник: два черных орлиных крыла, намет — лазоревый с золотом». Пояснялось, что ликторский пук (символ власти, законности) означает административную деятельность Витте, оливковая ветвь (символ мира) — исполненное им поручение по заключению Портсмутского мира, а орел — символ возведения Витте в графское достоинство.

Заметим, что сам по себе родовой герб (без дополнительных пояснений) относительно мало рассказывает о своем владельце (существуют другие более полные и удобные для использования источники по истории дворянских фамилий). Обычно такой герб интересен для нас главным образом как знак на разного рода вещественных памятниках, указывающий на их владельца, а в некоторых случаях и помогающий датировать их.

ГУБЕРНСКИЕ МУНДИРЫ ДЛЯ ДВОРЯН И ЧИНОВНИКОВ

Губернские мундиры появились в 1781 г. в связи с предстоявшим в следующем году юбилеем — 20-летием со дня восшествия на престол Екатерины II. Указ от

23 октября 1782 г. предписывал, чтобы чиновники и помещики каждой губернии обзавелись мундирами (иногда их называли «однорядками» — одинаковыми нарядами) тех цветов, которые были характерны для губернских гербов, незадолго перед тем утвержденных Екатериной. Тем же указом разъяснялось, что «дозволяется носить таких же цветов платье не только при должностях находящихся, но всему дворянству... губернии обоего пола, с тем, что они могут в таком одинаковом платье иметь проезд и в столицах во все публичные места». Фасон платья не нормировался. Имелось в виду, что он будет соответствовать моде того времени: кафтан, камзол, короткие штаны с застежкой под коленями, белые чулки, туфли, черная треугольная шляпа и шпага как атрибут дворянства. Основными элементами дамского платья были жакет (кафтан) и широкая юбка до пят. В том же указе говорилось: «...всемиловейшая государыня предполагать изволит, что сие высочайшее дозволение толь приятнее всем будет, поколику служит оно к сбережению собственного их достатка на лучшее и полезнейшее и к отвращению разорительной роскоши».

Борьба с роскошью в одежде дворянства (то есть помещиков, поскольку чиновники большими средствами не располагали) — мера, настойчиво осуществлявшаяся правительством во второй половине XVIII в. Она увязывалась также с намерениями властей содействовать росту спроса на сукна и стимулировать тем самым развитие национальной промышленности.

«Дозволение» императрицы означало категорическое повеление, требовавшее, однако, восторженной благодарности подданных. Всего через пару недель после расылки указа 1782 г. от генерал-губернаторов последовали донесения, к примеру: «Каждый во вверенных мне губерниях дворянин восчувствует... сие всемиловейшее ее императорского величества снисхождение и материнское о их добре попечение» (из Могилева). Или: «Имею честь удостоверительно обнадежить... что дворянство здешнее, приняв со всеглубочайшим признанием таковое всемиловейшее... соизволение, не преминет

губернатор... по два эполета; вице-губернатор и председатели палат — по одному, а прочие чины — также по одному, но токмо поуже». Канцелярским служителям, не имевшим чинов, предназначался такой же мундир, но без лацканов. В Костромской губернии мундирные кафтаны полагались «суконные светло-коричневого цвета; воротник, лацканы, обшлага, подкладка, камзол, исподнее платье голубого; пуговицы гладкие золотые». Тут тоже предусматривалось применение эполет, но золотых и с гербом Костромской губернии. Любопытно, что во Владимирской и Нижегородской губерниях под «диким» подразумевались разные цвета: в первом случае — серый, во втором — синий.

Наиболее развитая система мундиров сложилась «во всей Московской губернии». Генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому сообщали, что «для избежания издержек в делании разнообразного украшения в платьях полагаются однорядки, сходственные с московским гербом». Это были красные кафтаны без воротников, с «обшлагами железного цвета, подкладка камзола и нижнее платье белые, пуговицы золотые, петли у кафтана шитые золотом; обшлага с двумя пуговицами по наружному шву; петли золотые таковые же, две пуговицы и петли у кафтана близ обшлагов на том же шву». Для старших губернских чинов полагалось следующее различие: «господину губернатору — обшлага круглые, на которых по три пуговицы и петли шитые; на кафтане два эполета; вице-губернатору — такое же, но один эполет; председателям палат... таковое же во всем платье, но эполеты не плоские, а круглые золотые». Мундиры назначались даже сторожам и курьерам. К сожалению, рисунки мундиров Московской губернии 1782 г. не сохранились, однако они известны на 1784 г., с тем же описанием (но уже без эполет).

Как видим, «дозволением» императрицы на местах воспользовались шире, чем это намечалось: не только ввели мундиры, но установили их иерархию и выработали различные способы ее обозначения — эполеты,

пуговицы, изменения в фасоне мундиров (отмена лацканов в мундирах младших чинов) и т. п.

Однако в таком виде губернские мундиры существовали недолго. Указом от 9 апреля 1784 г. Екатерина II распорядилась установить губернские мундиры без всякого различия рангов (о них просто не упоминалось) и лишь трех цветов, применительно «к трем полосам Империи». Северным губерниям (включая Петербургскую) назначался светло-синий цвет, губерниям средней полосы (включая Московскую) — красный, южным губерниям (включая Киевскую) — темно-вишневый. На этот раз определялась комплектность форменного платья: суконный кафтан с отложным воротником и длинными лацканами (у половины мундиров), камзол, штаны до колен, чулки, башмаки и черная треугольная (в горизонтальной проекции) шляпа. Установленные законом три цвета определяли общий внешний вид кафтанов. А их прибор (воротник, лацканы, обшлага и подкладка), также как камзол и штаны (обычно одинакового цвета), получал особые (в их комбинации) для каждой губернии цвета. Пуговицы могли быть из желтого или белого металла. Шитые золотом петли являлись отличительной особенностью кафтанов Московской губернии.

«Для лучшей ясности в исполнении» этого указа в Сенат препроводили образцовые (нормативные) рисунки мундиров. Их удалось обнаружить. Это цветные парные изображения кафтанов и камзолов. В том же 1784 г. Х. Шемберг подготовил и выпустил в свет альбом под названием «Мундиры, всемилостивейше пожалованные ее императорским величеством Екатериною II... всем губерниям и наместничествам Российской империи». На каждом листе дано гравированное и раскрашенное от руки изображение фигуры в мундире, а внизу —

Кафтан и камзол Московской и Киевской губерний по закону 1784 г.

губернского герба. Это был явный намек на общую геральдическую сущность герба и мундира и на цветовое соответствие гербового щита и отделки мундира каждой губернии. Фасон мундиров в целом одинаков (соответствовал принятому в то время в России). В разных губерниях, однако, имелись некоторые отличия, главные из которых — наличие или отсутствие длинных лацканов (отворотов бортов).

Указом от 6 мая 1784 г. генерал-губернаторам уже определенно предписывалось «вводить оные [мундиры] в употребление для обоего пола жительствующих в губернии... предпочтительно всякому излишнему наряду и украшению». Есть прямые подтверждения того, что мундирные платья дам некоторое время реально существовали. В воспоминаниях одной московской барыни читаем: «По желанию императрицы для того, чтобы не было роскоши в туалетах, для дам были придуманы мундирные платья по губерниям, и какой губернии был муж, такого же цвета и платье у жены... Хотели удешевить... туалеты, да только на деле вышло иначе: все стали шить себе мундирные платья, и материи очень дешевые, преплохой доброты, ужасно вздоржали, и дешевое вышло очень дорогим. Так зимы с две поносили мундирные эти платья и перестали».

Тем же указом настоятельно рекомендовалось «для собственной пользы наших подданных» приобретать сукна и другие товары, необходимые для изготовления мундиров, преимущественно отечественного производства и всячески развивать последнее. В связи с этим указывалось на то, что «пример начальствующих... более может служить к тому побуждением, нежели принуждение, которое мы и тут не дозволяем и вовсе запрещаем». Таким образом, введение губернских мундиров все более превращалось в серьезную хозяйственную меру (не утрачивая, впрочем, социального характера).

Одно из наиболее ранних изображений мундира губерний средней полосы России, утвержденного в 1784 г., можно видеть на портрете управляющего Ярославским наместничеством А. П. Мельгунова, написанном

Д. Г. Левицким. Мельгунов считался одним из лучших наместников (генерал-губернаторов) своего времени. Екатерина II отмечала, что он «очень и очень полезный человек государству». О его ранге можно судить по высшим российским наградам, изображенным на мундире: звездам орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Владимира 1-й степени на груди и владимирской ленте, перскинутой через правое плечо, а также кресту Св. Анны на шее.

Губернские мундиры образца 1784 г. просуществовали 12 лет. В 1794 г. их рисунки еще раз опубликовали в альбоме «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров».

С воцарением Павла I вводилось новое разделение государства на губернии и изменялись штаты местных учреждений. В связи с этим проводится еще одна реформа губернских «статских» мундиров (указ от 15 февраля 1797 г.). Отныне они получали один общий цвет — темно-зеленый и единый фасон — без лацканов. В качестве признаков губерний сохранялись лишь цветные отложной воротник и обшлага, которые, как это снова специально разъяснялось, получили те цвета, «какие заключаются в губернских гербах» (имелся в виду цвет гербового щита). Таких цветов устанавливалось пять: красный, белый, голубой, палевый и светло-зеленый. Дополнительное отличие — желтые или белые пуговицы (под золото или серебро) с обозначением на них губернских гербов.

Утвержденные «образцы таких мундиров» разослали «ко введению в употребление как служащим в губернских штатах, так и имеющим свои поместья». В 1798 г. их рисунки (фигуры в мундирах, белых и цветных камзолах и штанах

Мундир для чиновников и дворян Владимирской губернии по закону 1798 г.

до колен, с треугольными шляпами) вместе с описанием были опубликованы в альбоме «Изображение всех статских мундиров для всех губерний».

На конец XVIII в. приходится пик популярности губернских мундиров. На парадных портретах того времени можно видеть самых высокопоставленных чиновников, облаченных в губернские мундиры с высшими орденами.

Происшедшее в Европе в конце XVIII — начале XIX в. изменение фасона гражданского платья (как и военного) затронуло и Россию. Длиннопольные относительно просторные кафтаны с отложными воротниками (иногда и с лацканами) уступили место узким кафтанам с расходящимися спереди внизу полами (для удобства ходьбы и сидения) и со стоячими высокими воротниками. Не избегли перемен и губернские мундиры. Никакого общего распоряжения на сей счет не сохранилось. Решение о модернизации этих мундиров принималось Александром I по представлению губернаторов.

Как удалось установить, замена старого покроя на новый осуществлялась не сразу, а последовательно, по деталям. Это хорошо видно на примере мундира Олонецкой губернии. По совету генерал-прокурора А. А. Беклешова олонецкий гражданский губернатор сначала представился в новом мундире императору, а в мае 1802 г. направил его рисунок вместе с гербом на формальное утверждение, мотивируя это необходимостью обмундирования «губернской роты... по виду губернского мундира». Отметим, что воротник мундира еще отложной, но на высокой стойке и явно на пути к превращению в стоячий. Обшлага рукавов гораздо уже, чем это было принято в конце XVIII в. Полы ниже пояса не сходятся.

Одновременно со сменой фасона губернских мундиров вносятся изменения в цвета их прибора.

В альбоме «Собрание гербов всех губерний Российской империи, губернских мундиров и [мундиров] прочих присутственных мест, ныне существующих, 1805-го

года» (хранится в библиотеке Государственного Эрмитажа) все губернские мундиры изображены уже со стоячими воротниками. Рисунки этих мундиров (вместе с губернскими гербами) мы находим и в книге Е. Ф. Зябловского «Новейшее землеописание Российской империи», изданной в Петербурге в 1807 г. Там показаны губернские мундиры двух несколько различающихся покроев: один — с косым (наклонным) разрезом карманов с четырьмя пуговицами, столько же пуговиц вдоль по рукаву выше обшлаг; другой — с горизонтальными клапанами карманов с тремя пуговицами и двумя пуговицами на обшлагах (у тех и других карманы — сзади). На пуговицах (желтого или белого металла) чеканились гербы губерний.

В 1805 г. курляндский губернатор ходатайствовал о дополнении голубых воротников губернских дворянских («рыцарских») мундиров серебряным шитьем, но получил отказ на том основании, что шитье «ни в каком губернском мундире не употребляется». В 1809 г. обсуждался вопрос о мундирах для губернских чиновников присоединенной к России Финляндии (в результате русско-шведской войны 1808–1809 гг. она вошла в состав России как Великое княжество Финляндское). Поскольку сукна темно-зеленого цвета не оказалось, решили «до времени оставить» в Финляндии ранее принятое там мундиры темно-синего цвета.

Между тем в начале XIX в. губернские мундиры утратили свою привлекательность. Как выразился статс-секретарь А. Н. Оленин, к ним «пригляделись», их можно видеть «во всех канцеляриях и встретить беспрестанно на улице», они стали обыденными. Сами обладатели мундиров манкировали ими. Например, в апреле 1804 г. генерал от инфантерии рижский военный губернатор граф Ф. Ф. Буксгевден писал министру внутренних дел графу В. П. Кочубею: «В Риге встречаю я дворян и чиновников во фраках и признаю их забывшими свое звание, встречаю чиновника Рижской губернии в мундире другой губернии и признаю приезжим, встречаю иного в мундире, но в круглой шляпе и в разноцветных панталонах

и удивляюсь странному виду и небрежности...» Губернатор спрашивал совета, как ему относиться к подобным случаям, и подсказывал адресату: «Не сочтете ли нужным доложить о сем государю?..» Кочубей ответил Буксгевдену неофициально («честь имею сообщить Вам частно следующие мои мысли»); поскольку «нет теперточного и общего положения, должны ли статские чиновники быть всегда в мундире, то, кажется мне, и зависит сие от воли начальника. Соображаясь с тем, как здесь (в Петербурге. — Л. Ш.) в отношении к сему поступается, кажется, можно дозволить им быть во фраках; от начальства будет зависеть требовать, чтоб к должности являлись они в мундирах, [а] также наблюдать, чтобы целость всего принадлежащего к мундиру одеяния была сохраняема...» В июне Буксгевден снова просил Кочубея доложить о своих сомнениях царю.

3 августа 1809 г. император утвердил общий закон о губернских мундирах нового фасона, но главным образом о цветах их прибора. Собственно губернский кафтан сохранял темно-зеленый цвет с зеленой же подкладкой (для Петербургской губернии — красной); «камзол и исподница» (в данном случае — штаны) устанавливались белыми. «Прочие же между губерниями различия, — разъяснялось в указе, — состоят в воротниках, обшлагах, выпусках или опушках» (то есть в их цвете и материале — сукно или бархат). Вводилось восемь «разборов» (групп) мундиров с воротниками и обшлагами следующих цветов: красного, голубого, светло- и темно-зеленого, черного, темно-синего, фиолетового, малинового и оранжевого. Большое распространение получили цветные канты (*выпуски* или *опушки*) по краям воротников и обшлаг.

Вскоре после появления закона от 3 августа 1809 г. Оленин снова выступил с критикой мундиров. Признавая, что форменная одежда французского образца в военном ведомстве, в строю, на людях с армейской выправкой выглядела нарядно и даже изящно, он считал ее непригодной для чиновников гражданских ведомств: гражданские мундиры, «более или менее близкие мун-

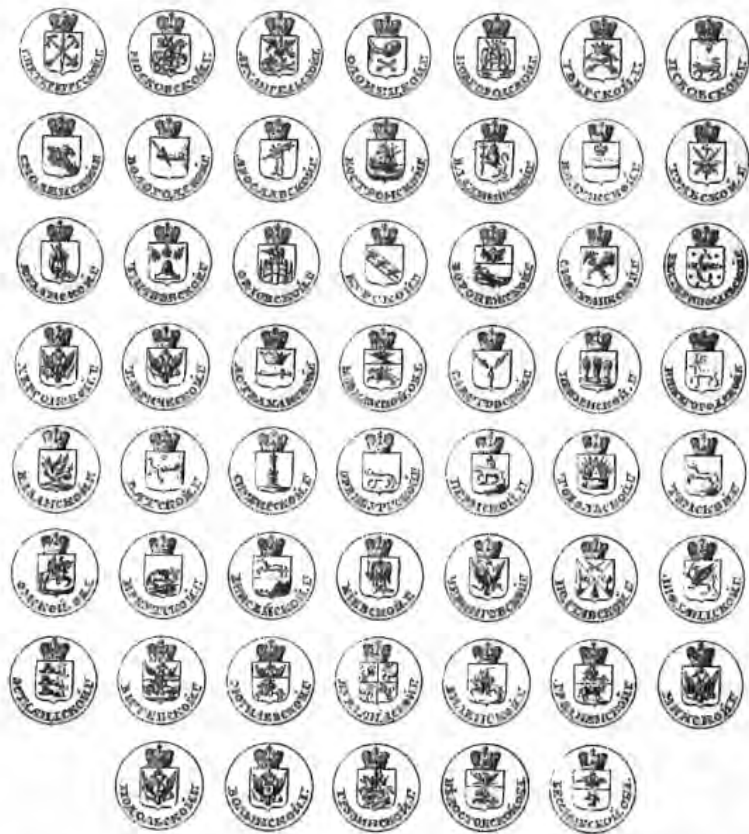
диру военному как покроем, так и разными принадлежностями» (шпагой, например). «противны доброму вкусу, ибо все то, что примышлено в мундирах военных для обтяжки и стройности молодых... чиновников во фрунте или на лошади, не может.. пристать... старому, часто больному и дряклому». Однако попытку Оленина предложить другой фасон мундира (в частности, для членов Государственного совета) не поддержали. В 1824 г. критика мундиров французского образца прозвучала в «Горе от ума» А. С. Грибоедова, я уже упоминал об этом в начале книги.

Важно отметить, что сам Грибоедов придавал фасону одежды (не только форменной) существенное социальное значение. В ходе следствия по делу декабристов он разъяснял: «Русского платья желал я потому, что оно красивее и покойнее фраков и мундиров, а вместе с этим полагал, что оно бы снова сблизило нас с простотою отеческих нравов».

Законом от 14 апреля 1824 г. цветовые различия губернских мундиров изменялись «сообразно разделению губерний на округа управления генерал-губернаторов». Красные воротники и обшлага получили лишь мундиры Петербургской и Московской губерний. Для некоторых губерний воротник и обшлага устанавливались отличающихся цветов (например, для Тверской — воротник оранжевый с голубой опушкой, а обшлага темно-зеленые с оранжевой опушкой). Опушки по воротнику и обшлагам мундиров дополнялись опушками по бортам. Все это детально разъяснялось в законе с приложением условных рисунков в виде прямоугольников, на поле которых обозначались все цвета мундиров.

Осенью того же года право ношения губернских мундиров со шпагой получили купцы 1-й гильдии (недворяне). По закону они «составляли особый класс почетных людей в государстве». Право на ношение мундира трактовалось как особая привилегия купечества. Купцу полагался «мундир той губернии, где он записан». Лишь в середине 1854 г. купеческие мундиры получили некоторое отличие от общегубернских: воротник и

обшлага их стали темно-зелеными (под цвет мундира) с красной окантовкой. Губернская принадлежность купеческих мундиров определялась лишь по изображениям гербов губерний на пуговицах.

Пуговицы для губернских мундиров, установленные в 1831 г.

В начале николаевского царствования вид губернских мундиров существенно изменился. 1 января 1831 г. устраняется различие между мундирами разных губерний по цвету воротников и обшлагов: отныне на всех губернских мундирах они полагались из красного сукна. Одного цвета — золотыми (то есть желтого металла) — стали и пуговицы. Отличие мундиров разных губерний теперь заключалось лишь в чеканке на пуговицах, изоб-

разжавшей герб и наименование губернии. Рисунок таких пуговиц получил высочайшее утверждение.

Законом от 1 мая 1832 г. «О введении по всему государству дворянских мундиров» губернскую дворянскую форму выделили из всей массы губернских мундиров и реформировали. В преамбуле закона говорилось: «Обращая постоянное внимание на дворян, служащих по выборам своего сословия (то есть дворянства. — Л. Ш.), мы признали нужным в губернских... для дворянства назначенных мундирах установить некоторые, соответственно должности каждой занимаемой или прежней его службе, отличия и утвердить составленные на сем основании рисунки и описания губернских мундиров».

Прежние мундиры становились парадными. Несколько изменялся их фасон: вырез юбки кафтана спереди получал более определенное очертание; вместо трех пуговиц на разрезных обшлагах полагались лишь две. Главное же, вводилось золотое шитье общего для всех губерний «вновь установленного рисунка». Последнее не вполне верно, поскольку тот же узор шитья еще в марте 1812 г. появился на мундирах старших полицейских и административных чинов прибалтийских губерний (риттершафтсгауптмана и ландратов). Губернские предводители дворянства получали его на воротник, обшлага и карманные клапаны. Уездные предводители имели то же шитье на воротнике и обшлагах. Те и другие сохраняли это шитье и после окончания службы по выборам дворянства. Дворяне, ранее служившие на государственной службе, получали шитье только на воротнике. Неслужившие дворяне шитья не имели. Вместе с тем дворянскую парадную форменную одежду дополнила повседневная: темно-зеленый мундирный фрак (двубортный на шесть форменных пуговиц) и однобортный сюртук (на восемь пуговиц) с темно-зелеными суконными воротниками и обшлагами. Сюртук имел полную юбку и первоначально отложной воротник. Он предназначался для надевания как на мундир (в качестве наружного платья), так и вместо него. Но вскоре воротник заменили на стоячий. Образец мундирного фрака для

использования вместо мундира в менее торжественных случаях Николай I утвердил 2 апреля 1831 г. и 1 мая 1832 г. Парадные кафтаны дополнялись белыми штанами до колен (для чинов пяти старших классов) или длинными брюками под цвет кафтана; такие же брюки полагалось надевать с сюртуком и фракком.

В начале 1830-х гг. помимо черной треугольной шляпы в дворянскую форму вводились черная пуховая (фетровая) круглая с полями шляпа и темно-зеленая суконная фуражка с красным околышем (их носили соответственно с мундирным фракком и сюртуком). Форменная фуражка со временем получила широкое распространение как обычный знак дворянского достоинства.

Парадный мундир (как и прежде) и сюртук полагалось носить при шпаге.

Все эти новшества подтвердил закон от 27 февраля 1834 г., установивший общую систему всех гражданских мундиров в империи и включавший особый раздел «О дворянских губернских мундирах».

В начале царствования Александра II в связи с предстоящими коронационными торжествами и приближавшимся 1000-летием России (1862 г.) были пересмотрены многие атрибуты государственной геральдики — гербы, знамена и мундиры. В частности, предполагалось присвоить предводителям дворянства новый красочный мундир «во вкусе XIII в.». Однако реформа дворянских мундиров (вместе со всеми гражданскими мундирами) получила более скромный характер. Ранее существовавшая форменная одежда дворян сохранялась, но парадный мундир приобрел полную юбку и стал называться полукафтаном (в отличие от употреблявшегося в быту кафтана с полами ниже колен). Сюртук же стал двубортным и получил отложной воротник. На мундирах, фраках и сюртуках сохранялись медные матовые выпуклые пуговицы с губернскими гербами. Белые короткие штаны вскоре упразднили. В таком виде дворянская форменная одежда просуществовала до февральской революции 1917 г. Наиболее существенное ее дополнение относится к апрелю 1913 г., когда дворянам разрешили в

летнее время «вместо установленных полукафтано́в при треугольной шляпе носить в виде парадной и праздничной формы белый летний двубортный сюртук с золотыми пуговицами с гербом губернии под императорской короной, при шпаге (не имеющим чинов — без темляка), при орденах, лентах и фуражке с красным суконным околышем при белом чехле». Для «отличия чинов» на концах воротника полагались петлицы из красного сукна с золотыми просветами и серебряными звездочками; дворянам, не имевшим чинов, петлицы полагались без просветов и звездочек.

Как видно, губернские мундиры весь период их существования оставались довольно скромными, что соответствовало их назначению при введении в обиход в 1780-х гг. Их фасон и цвета часто менялись, что затрудняет, конечно, восприятие их эволюции, но вместе с тем создает хорошие условия для хронологической и территориальной атрибуции мундиров (в особенности при идентификации портретов). Заметим, что ни до 1832 г., ни после дворянские мундиры никак не отражали знатность дворянских родов, в частности наличие у некоторых из них родовых титулов. Единственным официальным средством внешнего (изобразительного) отображения этих титулов оставались дворянские гербы. Однако и они не использовались в оформлении мундиров, что казалось возможным.

МУНДИРЫ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Особую группу в составе губернских мундиров образовывали мундиры губернской администрации. Напомним, что еще в 1782 г. высказывалась мысль о том, что мундиры старших губернских чинов должны иметь отличительные знаки. Например, в Московской губернии предлагалось ввести золотые эполеты: для губернатора — оба плоские, для вице-губернатора — один, а для председателей губернских палат — по два круглых. Для предводителей дворянства во Владимирской и Костромской губерниях намечалось установить эполеты

Князь А. А. Долгоруков в мундире симбирского генерал-губернатора. 1808–1815 гг.

не «оставались прежними по цветам, каждой губернии присвоенным, и по образцу, ранее высочайше утвержденному» (имелся в виду указ Александра I от 3 августа 1809 г.).

Первыми (11 мая 1811 г.) получили шитье гражданские губернаторы. Шитье располагалось по воротнику, на обшлагах рукавов и карманных клапанах. Сохранился утвержденный императором рисунок узора такого шитья. 21 июля шитье того же узора присвоили мундирам генерал-губернаторов, но в большем объеме: еще и по бортам мундира от воротника до низа пол. Такой объем шитья к этому времени имели лишь сенаторы (с 1801 г.), а также придворные чины II и III классов (с начала XIX в.) и чиновники тех же классов Министерства иностранных дел (с 1809 г.).

Иркутский гражданский губернатор Н. И. Трескин. 1811–1814 гг.

с изображением на них губернских гербов, а в Нижегородской и Вятской губерниях — особые темляки на шпагах. Указ Екатерины II от 2 апреля 1784 г. никаких подобных отличий для губернских мундиров не предусматривал.

Только в 1811 г. для генерал-губернаторов, губернаторов, вице-губернаторов и губернских прокуроров вводится особое отличие — золотое или серебряное (в соответствии с пуговицами) шитье на мундирах. Послед-

ние на пост губернатора или генерал-губернатора назначались военные чины, они сохраняли военный мундир. Еще 21 мая 1811 г. шитье на мундиры получили и вице-губернаторы. По объему оно не отличалось от губернаторского (на воротнике, обшлагах и карманных клапанах), но узор его несколько упрощался.

Некоторая хронологическая хаотичность введения шитья на мундирах губернской администрации указывает на отсутствие предварительного плана этой акции.

Обычно узор шитья на мундирах складывался из двух основных частей: собственно узора по полю воротников, обшлагов, карманных клапанов и по бортам и борда, то есть бордюра, по краю шитья. На всех мундирах оба элемента имели определенный смысл. Узор шитья на мундирах губернской администрации состоял из гирлянды чередующихся завитков некоего фантастического растения. Узор этот повторял узор шитья на мундирах сенаторов, установленный в 1801 г., что как бы символизировало подчиненность губернской администрации непосредственно Правительствующему сенату — высшему административному органу государства. Бордюр же в виде извивающейся золотой ленты повторял шитье на мундирах Министерства полиции, существовавшего в 1810–1819 гг., связь которого с губернской администрацией понятна.

Узор шитья на мундирах губернаторов. 1811 г.

Узор шитья на мундирах вице-губернаторов. 1811 г.

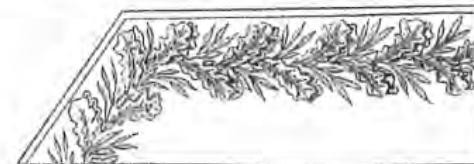
Введение нарядного шитья на губернаторских мундирах сразу же вызвало появление парадных портретов высокопоставленных персон, одетых соответствующим образом. Известен, например, портрет князя Я. И. Лобанова-Ростовского — генерал-губернатора Малороссии, написанный неизвестным художником не позднее 1816 г. Видно шитье на воротнике и фрагменты его на обшлагах и бортах (на груди). На мундире — знаки ордена Св. Александра Невского и Св. Анны 2-й степени.

В 1824 г. мундиры губернской администрации претерпели те же перемены, что и губернские мундиры вообще. А 1 марта 1831 г. Николай I утвердил новые образцы слегка обновленных мундиров генерал-губернаторов, губернаторов и вице-губернаторов. Все воротники становились красными суконными (какие полагались на губернских мундирах). В связи с введением широкого выреза юбки мундира спереди гирлянды бортового шитья у генерал-губернаторов получали два излома и переходили на фалды. Добавлялось шитье по краям заднего разреза юбки и под карманными клапанами.

Подготовка рисунков мундиров губернской администрации и утверждение их императором в марте 1831 г. явились первым шагом в проведении общей реформы гражданских мундиров 27 февраля 1834 г. По видимому, и сами утвержденные в марте 1831 г. мундиры ввели в употребление лишь в 1834 г. В «Положении о гражданских мундирах» 1834 г. система шитья разъяснялась следующим образом: «Генерал-губернаторы имеют полное шитье прежнего рисунка на воротнике и обшлагах, карманных клапанах и под оными, а на полах и фалдах в один ряд. Гражданские губернаторы, градоначальники, правители и начальники областей... имеют то же шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах. Вице-губернаторы... имеют также полное шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах, но меньшего рисунка». Судя по приложениям к закону 1834 г. иллюстративным материалам, шитье «меньшего рисунка» повторяло вице-губернаторское шитье 1811 г.

Сложилась уникальная ситуация: чины губернской администрации, фактически подведомственные преимущественно Министерству внутренних дел, имели мундиры, отличные от мундира чиновников этого ведомства, введенного еще в 1808 г. Мундир Министерства внутренних дел имел не красный суконный, а черный бархатный воротник с золотым шитьем в виде гирлянды чередующихся колосьев и васильков. Одинаковыми у чинов губернской администрации и Министерства внутренних дел были только фраки — с черным бархатным воротником. Лишь вице-губернаторы имели фраки Министерства финансов, которому они на этом этапе подчинялись. Пуговицы на фраках губернской администрации полагались губернскими.

Вместе с мундирами для высшей губернской администрации устанавливается также мундир для губернских прокуроров. В указе от 15 мая 1811 г. («объявленном министром юстиции») говорилось, что мундир этот должен быть той губернии, где служит прокурор. К оригиналу указа прилагались рисунки особого прокурорского шитья. Узор его никак не пояснялся. На рисунке мы видим гирлянду из чередующихся сдвоенных дубовых листьев и небольших «масличных» (то есть оливковых) веточек. Узор совпадал с узором шитья на мундирах Министерства юстиции, введенных почти за год перед тем — 19 июля 1810 г. Как ясно из их описания и сохранившихся в архиве нормативных рисунков шитья, мундиры ведомства юстиции разделялись на шесть разрядов. У старших чинов гирлянда из дубовых и оливковых листьев обрамлялась сенатским бордюром. Прокурорское шитье соответствовало 5-му разряду для чинов штаб-офицерского ранга, а бордюром заменялся каймой. Узор этот указывал на принадлежность прокуроров к ведомству юстиции. Законом от 27 февраля 1834 г. особые

Узор шитья на мундирах губернских прокуроров. 1811 г.

губернские прокурорские мундиры упразднились. Их заменили мундиры Министерства юстиции — с воротниками и обшлагами из темно-зеленого бархата, с золотым шитьем из сдвоенных дубовых листьев и масличных веточек с сенатским бордюром. Единственным признаком губернской принадлежности прокурора остались губернские пуговицы. Такие же мундиры получили «председатели уголовных и гражданских палат...стряпчие и все губернские чиновники мест, под ведением Министерства юстиции состоящие». Всем им полагался также «мундирный фрак департамента Министерства юстиции, но пуговицы с изображением герба той губернии, где кто служит».

Акцентируем внимание на важном в истории гражданских мундиров обстоятельстве: между 1811 и 1834 гг. губернские прокуроры имели мундиры-гибриды: с воротниками и обшлагами губернских цветов, но с ведомственным шитьем (Министерства юстиции) в двух его вариантах — золотом или серебряном (до 1831 г.). Серебряное же шитье ранее никогда не было свойственно данному ведомству.

Наконец, следует упомянуть о форменной одежде такого слоя местной администрации, как полицейские чиновники. Особые мундиры (губернских цветов) для полицеймейстеров и городничих появились еще 26 августа 1811 г., а для прочих чинов, по-видимому, в начале николаевского царствования. В упоминавшемся уже «Положении о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. они описываются как однобортные, темно-зеленого сукна, с красными воротником, обшлагами, отворотами фалд и подкладкой, с золотым или серебряным шитьем. У старших чинов шитье размещалось на воротнике, обшлагах, карманных клапанах и на фалдах у карманов. У низших чинов объем шитья сокращался — оно оставалось лишь на воротнике. В Петербурге серебряное шитье (при золотых пуговицах) состояло из квадратиков, образованных веточками некоего растения. На воротнике полагалось шесть таких квадратиков (по три в два ряда с каждой стороны), а на обшлагах — по два.

В Москве золотое шитье по узору напоминало птичье крыло; на углах воротника — по одному такому «крылу», на обшлагах — по два меньшего размера. На пуговицах изображался «герб каждой столицы без надписи». Мундиры аналогичного фасона и расцветки полагались и полицейским чиновникам в провинции, только с отворотами на фалдах и подкладкой темно-зеленого цвета; вместо шитья на воротниках они имели золотые петлицы (шитые, волнистые); на золоченых пуговицах изображался герб губернии.

В таком виде мундиры полицейских чиновников просуществовали до середины 1850-х гг. Их последующую довольно сложную эволюцию в сторону военной форменной одежды мы проследить не будем.

Отметим, что в 1827–1834 гг. существовали также особые мундиры для чиновников при генерал-губернаторах Восточной и Западной Сибири. Они имели светлосиние воротники и обшлага с серебряным или золотым шитьем одинакового узора из дубовых и лавровых листьев с кантом.

Узор шитья на мундирах советников при генерал-губернаторах Сибири. 1827 г.

ВОЕННЫЕ И СВИТСКИЕ ТИТУЛЫ И МУНДИРЫ

ВОЕННЫЕ ЧИНЫ

Военное чинопроизводство имело важную особенность: численность всех офицерских чинов лимитировалась штатными расписаниями, а потому производство в следующий чин (в армии — начиная с чина капитана) осуществлялось не только по выслуге определенного числа лет, но и лишь при наличии вакансий. Вследствие этого для достижения высших чинов в армии, например в конце XIX в., требовалось больше времени, чем на гражданской службе.

Военные чины тех наименований, которые были зафиксированы Табелью о рангах, появились в России раньше других, причем задолго до введения Табели. Частично они принадлежали военным, приглашенным на службу в Россию из стран Западной Европы. Вместе с тем в последней трети XVII в. чины эти по примеру армий западных стран стали даваться командирам подразделений русской армии. На 1672 г. уже известны следующие чины, общие для всех родов войск: полковник, подполковник (помощник полковника), капитан (командир роты), поручик (офицер для поручений, помощник капитана), прапорщик (знаменосец) и подпрапорщик (помощник прапорщика, не офицер). Чин генерала впервые присвоен русскому военному в 1667 г.: его получил командир

Московского выборного полка А. А. Шепелев. С введением в 1698 г. постоянного разделения полков на батальоны (в составе нескольких рот) для командиров новых подразделений вводится чин майора. Окончательно этот чин закрепился в русской армии в 1711 г.

Впервые попытку упорядочить систему военных чинов сделал в 1698 г. генерал А. А. Вейде. На основе изучения «цесарских» (австрийских) военных уставов он представил Петру I проект «Воинского устава». Согласно ему все «начальные люди» делились на «вышних» и «нижних» (позже получивших наименование унтер-офицеров).

В состав «вышних» входили генеральские, а также полковые и ротные офицерские чины. Генералитет составляли строевые командные чины и чины нестроевого управления. К первым относились генералиссимус или полный воевода, генерал над пехотой, генерал над конницей, генерал-фельдцейхмейстер, генерал-майор и бригадир. К высшим нестроевым чинам — генерал-комиссариус (в его ведении находилась вся финансовая часть в войске), его помощники — верховный комиссариус в чине полковника и два-три «простых комиссариуса», генерал-квартирмейстер (прообраз начальника Генерального штаба), генерал-адъютант при генералиссимусе, генерал-аудитор (высший военно-судебный чиновник), генерал-инженер.

В Уставе Вейде нет разъяснения, кто именно мог быть генералиссимусом. Этот чин в России впервые пожаловали воеводе А. С. Шеину в 1696 г. за успешные действия под Азовом. Определенный как чин, соединенный с должностью главнокомандующего, он изменил свое значение в Воинском уставе 1716 г. Вероятно, по этой причине в справочниках в числе русских генералиссимусов Шеин не упоминается.

Между чинами генерал-майора и бригадира еще не устанавливалось четкого различия: в обязанности обоих чинов входило командование бригадой (из двух-четырёх полков). К полковым и ротным чинам относились уже существовавшие к 1698 г. и упоминавшиеся нами строевые чины от полковника до прапорщика.

Система чинов, предусмотренная Уставом Вейде, отразила уже наметившуюся тенденцию их развития и оказала влияние на то, в каком составе эти чины были зафиксированы в Табели о рангах.

Уже в 1699 г. вместо чина генералиссимуса и должности «главного воеводы Большого полка» вошел в употребление чин генерал-фельдмаршала. Устанавливалось, что «генерал-фельдмаршал, или аншеф, есть командующий главный генерал в войске... Вся армия и настоящее намерение от государя ему поручены». Первым в России этот чин в 1700 г. получил Ф. А. Головин; в последующем его получили еще 63 лица, в том числе в 1898 г. Д. А. Милотин, ставший последним российским генерал-фельдмаршалом.

Соответствие чинов должностям вскоре нарушилось добавлением чинов, не сопряженных с определенными должностями. Так, в 1703 г. ввели чин секунд-поручика или подпоручика (вставший в системе служебной иерархии между чинами поручика и прапорщика), а несколько позднее в Преображенском и Семеновском полках установили чин капитан-поручика (между чинами капитана и поручика). В артиллерии, где не существовало знаменосцев, а следовательно, и чина прапорщика, по штату 1712 г. устанавливался чин штык-юнкера (или штюк-юнкера), который, хотя и соотносился с чином прапорщика других родов войск, первоначально офицерским чином не считался.

В новом Воинском уставе 1716 г., составленном при непосредственном участии Петра I, предусматривались сразу три высших чина: генералиссимус, генерал-фельдмаршал и генерал-фельдмаршал-лейтенант. О генералиссимусе в этом уставе сказано: «Сей чин коронованным главам и великим владеющим принцам только надлежит, а наипаче тому, чье есть войско. В небытии же своем оный команду сдает над всем войском своему генерал-фельдмаршалу». Таким образом, чин генералиссимуса устанавливался как исключительный, дававшийся в особых случаях. Заметим, что А. В. Суворов имел его по праву, так как был пожалован сардинским королем в «гранды и принцы королевской крови» и к тому же командовал соединенной армией нескольких го-

сударств, что стало вторым главным условием получения им звания генералиссимуса. Вследствие крайне редкого пожалования в генералиссимусы «главным командующим генералом в войске» по уставу являлся генерал-фельдмаршал: «Генерал-фельдмаршал-лейтенант есть при армии по генерал-фельдмаршале второй главный командир». Этот чин нашел отражение в Уставе по причине вступления в русскую службу иностранцев Огильви и Гольца, уже имевших чин в австрийской армии. Генерал-фельдмаршал-лейтенант получил старшинство над полными генералами по родам войск. В дальнейшем никто в России этого чина не имел. Для командиров вновь вводимых дивизий, состоявших обычно из двух бригад, устанавливался чин генерал-лейтенанта.

Устав 1716 г. подразделял воинские чины на четыре группы: генералов, штаб-офицеров, обер-офицеров и унтер-офицеров. В генералитет входили чины от генералиссимуса до бригадира, к штаб-офицерам (чинам «полкового штаба») относились чины от полковника до майора (причем чин майора делился на две степени: премьер- и секунд-майор), к обер-офицерам (то есть к старшим офицерам) — чины от капитана до прапорщика. К числу унтер-офицеров (то есть младших офицеров, на самом деле офицерами не являвшихся) или урядников принадлежали сержант (в кавалерии — вахмистр), фурьер, каптенармус, подпрапорщик, капрал (ефрейтор унтер-офицером не считался).

Окончательно систему военно-сухопутных чинов закрепила Табель о рангах 1722 г. Предусматривались три линии чинопроизводства: 1-я — армейская пехота и кавалерия; 2-я — артиллерия и инженерные войска; 3-я — гвардия.

Некоторые из установленных Табелю о рангах наименований генеральских и других чинов не привились или привились не сразу и на практике заменились наименованиями, более к тому времени известными в России. Чин генерала от инфантерии (и от кавалерии) в XVIII в. именовался генерал-аншефом, вместо генерал-лейтенанта употреблялся чин генерал-поручика, а вместо капитан-лейтенанта — капитан-поручика (этот чин существовал

только в гвардии); наименования чина лейтенанта заменялось на поручик, унтер-лейтенанта — на подпоручик, фендрика — на прапорщик. Значившаяся во II классе должность генерал-фельдцейхмейстера (начальника всей артиллерии) так и осталась должностью, а не стала чином. В 1735–1745 гг., например, в этой должности числился генерал-фельдмаршал (I класс) принц Гессен-Гамбургский. Звание генералиссимуса не вошло в Табель о рангах, его поставили выше нее, оно стало экстраординарным высшим почетным воинским званием.

В табл. 1 приведены основные военные чины по Табели о рангах:

Таблица 1

Класс	Армейская пехота и кавалерия	Артиллерия и инженерные войска	Гвардия
I	Генерал-фельдмаршал		
II	Генерал от инфантерии Генерал от кавалерии	Генерал-фельдцейхмейстер	
III	Генерал-лейтенант	Генерал-лейтенант	—
IV	Генерал-майор	Генерал-майор Генерал-майор от фортификации	Полковник
V	Бригадир	Подполковник от артиллерии	Подполковник
VI	Полковник	Подполковник от артиллерии Полковник-инженер	Майор
VII	Подполковник	Майор	Капитан
VIII	Майор	Подполковник-инженер Майор-инженер	Капитан-лейтенант
IX	Капитан	Капитан-лейтенант Капитан-инженер	Лейтенант
X	Капитан-лейтенант	Лейтенант Капитан-лейтенант-инженер	Унтер-лейтенант
XI	—	—	—
XII	Лейтенант	Унтер-лейтенант Лейтенант-инженер	Фендрик
XIII	Унтер-лейтенант	Штык-юнкер Унтер-лейтенант-инженер	—
XIV	Фендрик	Фендрик-инженер	

Еще в 1714 г. Петр I подписал указ «о непроизводстве в офицеры дворян, не служивших в гвардии солдатами». Однако после смерти Петра сложилась практика обхода

этого законоположения. Дворянские дети с малолетства зачислялись в гвардию. Хотя такие «гвардейцы» оставались дома для воспитания и начального военного обучения, с этого времени им начислялся и стаж службы и присваивались унтер-офицерские чины. Когда наступал срок производства в первый обер-офицерский чин, молодой дворянин отправлялся на службу (подобно Петруше Гриневу из «Капитанской дочки» А. С. Пушкина). Известно, например, что светлейший князь П. В. Лопухин (в первой трети XIX в. председатель Государственного совета и Комитета министров) начал свою карьеру шести лет от роду. В 1759 г., когда он «продолжал еще учение в доме отца своего», его записали в Преображенский полк, а затем 9 лет он числился в списках полка, получая чины капрала (1760 г.), фурьера (1763 г.), капитанармуса (1764 г.), сержанта (1765 г.). Только в 1769 г., когда Лопухина пожаловали прапорщиком, он (в 16 лет) вступил в действительную службу.

По Табели о рангах офицеры гвардии получали преимущество в два чина перед армейскими офицерами, то есть значились на два класса выше армейских. Вследствие недостатка в гвардии вакансий для штаб-офицеров гвардейские офицеры, дослужившись до чина капитана, в большинстве своем переходили в армию с чином на один или два класса выше, то есть полковниками и даже бригадирами (фонвизинский «от армии бригадир», кстати сказать, именно такой бригадир). При этом гвардейские офицеры могли сохранять и свои прежние чины (например, полковник армии и лейб-гвардии капитан). Продолжая службу в армии и получив генеральские чины, некоторые из них могли вновь получить назначение в гвардию майорами или подполковниками. Поскольку командиром всех гвардейских полков числилась императрица, такое назначение считалось очень почетным. Таким образом, снова возникало удвоение военных чинов (армейский + гвардейский). Замещение штаб-офицерских должностей в гвардии генералами просуществовало до конца XVIII в.

Преимущество в один класс перед прочими армейскими войсками получили офицеры артиллерии. Льгота вызвана тем, что служба в артиллерии требовала

грамотных и знающих математику офицеров, а образованность среди офицеров была редкостью. Так как инженерные войска в тот период еще не отделялись от артиллерии, то в 1724 г. инженерные чины приравнили в рангах к артиллерийским. Выделение инженерных частей в отдельный род войск с оставлением указанных преимуществ произошло в 1728 г.

В 1730–1731 гг. с созданием тяжелой кавалерии по немецкому образцу (кирасир) появились новые названия чинов: ротмистр (IX класс), корнет (XIV класс) и гефрейт-капрал (равный подпрапорщику). К гвардии, не имевшей ранее в своем составе кавалерии, в 1730 г. причислили сформированный по кирасирскому образцу лейб-гвардии конный полк, в нем наряду с вышеперечисленными существовал чин секунд-ротмистра, равный капитан-поручику гвардейской пехоты.

После отмеченных преобразований система военных чинов к 1731 г. приняла следующий вид (табл. 2):

Таблица 2

Класс	Армейская пехота и кавалерия	Артиллерия и инженерные войска	Гвардия
I	Генерал-фельдмаршал	—	—
II	Генерал-аншеф	—	—
III	Генерал-поручик	Генерал-поручик	—
IV	Генерал-майор	Генерал-майор	Полковник
V	Бригадир	Полковник	Подполковник
VI	Полковник	Подполковник	Майор
VII	Подполковник	Майор	Капитан
VIII	Майор	Капитан	Ротмистр Капитан-поручик Секунд-ротмистр
IX	Капитан Ротмистр	—	Поручик
X	—	Поручик	Подпоручик
XI	—	—	—
XII	Поручик	Подпоручик	Прапорщик Корнет
XIII	Подпоручик	Штык-юнкер Прапорщик	—
XIV	Прапорщик Корнет	—	—

В ряду прочих чинов гвардии чины капитан-поручика и секунд-ротмистра, стоявшие в VIII классе, оказались как бы лишними, поскольку им не соответствовали строевые должности. Существование же их объясняется тем, что все штаб-офицеры гвардии номинально числились шефами в назначенных им гвардейских ротах и эскадронах. Такие роты и эскадроны назывались штабскими, а командование ими поручалось капитан-поручикам и секунд-ротмистрам. Прочими ротами командовали «настоящие капитаны» (VII класс). В 1732 г. для сокращения числа чинов в гвардии сделали попытку упразднить чин капитан-поручика, выписав всех офицеров этого чина в армию майорами, но она встретила сильное противодействие офицерства.

В 1731 г. чин майора армии (кроме артиллерии и инженерных войск) также разделили на две степени — премьер-майор и секунд-майор. Осталось, однако, непонятным, относились ли они к разным классам Табели о рангах или к одному, являясь как бы двумя его ступенями. Для первой возможности имелся прецедент (чины капитана и капитан-поручика), но для секунд-майора не нашлось свободного класса. Согласно указу 1748 г. чин майора разделился на два и в гвардии. В связи с чем в законе говорилось: «Поскольку в Табели о рангах 1722 г. секунд-майора не положено, то в гвардии класс штаб-офицеров переменить и считать: полковника — с генерал-поручиком, подполковника — с генерал-майором, премьер-майора — с бригадиром, секунд-майора — с полковником». Как видно, не только для майорских чинов отводились два класса, но и все штаб-офицерские чины гвардии получали преимущество по сравнению с армией в три класса. Однако нет никаких данных, подтверждающих, что этот указ был проведен в жизнь. Закон же 1767 г. указывал (в частном случае) на один класс для двух майорских чинов: «Премьер- и секунд-майорам Сухопутного шляхетского корпуса быть как инженерные майоры в ранге подполковника».

В 1751 г. в артиллерии и инженерных войсках вводится чин капитан-поручика. В 1786 г. в кирасирских и карабинерных (созданных в 1765 г.) полках упраздняется чин

подпоручика; в 1796 г. он упраздняется и в гусарских полках, а прапорщики стали именоваться корнетами. У драгун чин подпоручика остался, но отсутствовал чин майора.

К павловскому царствованию относится ряд изменений в системе военных чинов, имевших целью, в частности, достичь большего соответствия в этом отношении между отдельными родами войск. Существовавшие в инженерных войсках и артиллерии чины прапорщика и штык-юнкера в 1796 г. упразднили, и первым офицерским чином стал чин подпоручика. В 1797 г. во всех войсках членение на премьер- и секунд-майоров было ликвидировано и снова установлен один майорский чин. В том же году в гвардейской пехоте и кавалерии капитан-поручики и секунд-ротмистры переименовываються в штабс-капитанов и штабс-ротмистров; тогда же этот чин вводится во всех армейских войсках (X класс), где прежде его не было. В 1798 г. артиллерийские капитан-поручики также были переименованы в штабс-капитаны. В 1797–1798 гг. кадетские корпуса, артиллерия и инженерные войска теряют преимущество одного чина перед армией, но это право им было возвращено в царствование Александра I. В конце XVIII в. постепенно перестал употребляться чин бригадира и в V классе военных чинов не стало. Вводятся предусмотренные Табелью о рангах наименования высших военных чинов: чин генерал-поручика заменен чином генерал-лейтенанта, а генерал-аншефы начинают именоваться генералами от инфантерии и от кавалерии, а также инженер-генералами. Должность генерал-фельдцейхмейстера, значившаяся во II классе Табели о рангах, в 1796 г. ликвидируется; как бы взамен нее появился чин генерала от артиллерии (II класс), до этого в русской армии не существовавший. Но уже в 1798 г., в день рождения великого князя Михаила Павловича, младшего сына Павла I, эту должность восстановили, а звание генерал-фельдцейхмейстера пожаловали младенцу пожизненно. После смерти Михаила Павловича (1849 г.) эта должность некоторое время оставалась незамещенной, но в 1852 г. генерал-фельдцейхмейстером назначается великий князь Михаил Николаевич (млад-

ший сын Николая I), вступивший в должность в 1856 г. и занимавший ее до своей смерти (1909 г.). С 1909 г. должность генерал-фельдцейхмейстера не замещалась.

Существовавшие в казачьих войсках офицерские чины, имевшие особые наименования, в 1798–1799 гг. были приравнены в рангах к офицерам армейских гусарских полков, сохранив свои прежние названия: войсковые старшины — к майорам (VIII класс), есаулы — к ротмистрам (IX класс), сотники — к поручикам (XII класс) и хорунжие — к корнетам (XIV класс). В гвардейских казачьих полках до 1891 г. чины именовались общекавалерийскими названиями.

С 1798 г. командирами гвардейских полков стали назначаться генерал-майоры, а батальонов и эскадронов — полковники. В связи с этим чин полковника гвардии был уравнен с чином полковника прочих войск и переведен из IV в VI класс, что повлекло за собой упразднение чинов подполковника и майора.

В результате преобразований конца XVIII в. система военных штаб- и обер-офицерских чинов стала выглядеть так, как это показано в табл. 3.

Штаб- и обер-офицерские чины на 1798 г.

Таблица 3

Классы	Армейская пехота	Армейская кавалерия	Драгуны	Казачи	Артиллерия и инженерные войска	Гвардейская пехота	Гвардейская кавалерия
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Подполковник	Капитан	Ротмистр
VIII	Майор	Майор	—	Войсковой старшина	Майор	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр
IX	Капитан	Ротмистр	Капитан	Есаул	Капитан	Поручик	Поручик
X	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Штабс-капитан	—	Штабс-капитан	Подпоручик	—

Окончание табл. 3

Класс	Армейская пехота	Армейская кавалерия	Драгуны	Казаки	Артиллерия и инженерные войска	Гвардейская пехота	Гвардейская кавалерия
XI	—	—	—	—	—	—	—
XII	Поручик	Поручик	Поручик	Сотник	Поручик	Прапорщик	Корнет
XIII	Подпоручик	—	Подпоручик	—	Подпоручик	—	—
XIV	Прапорщик	Корнет	Прапорщик	Хорунжий	—	—	—

В 1798 г. для повышения по службе унтер-офицеров и подпрапорщиков из дворян были установлены особые чины (звания): эстандарт-юнкера (в полках тяжелой кавалерии), фанен-юнкера (в драгунских полках), портупей-юнкера (в легкой кавалерии и артиллерии) и портупей-прапорщика (в пехоте). Все они считались ниже XIV класса и в состав обер-офицерских чинов не входили. С 1800 г. и до середины XIX в. всех вообще унтер-офицеров пехоты из дворян стали именовать подпрапорщиками, а с 1802 г. кавалерийских, артиллерийских и егерских унтер-офицеров из дворян — юнкерами.

В 1802 г. в состав гвардии вошла артиллерия, и ее офицеры были поставлены в рангах наравне с прочими гвардейскими офицерами. После 1810 г. офицеры военно-учебных заведений получили старшинство в один класс против армейских офицеров (до чина подполковника). В 1811 г. преимущество в один класс получили офицеры квартирмейстерской части, армейской артиллерии и инженерных войск. В 1813 г. за заслуги в войне против Наполеона Лейб-гренадерскому и Павловскому гренадерскому полкам присваивается статус «молодой гвардии». Их личный состав стали неофициально именовать *гвардионцами*, упоминание о чем мы встречаем, в частности, в «Горе от ума»; офицеры же этих полков получили то же старшинство в один класс по сравнению с армейскими офицерами. С тех пор воинские ча-

сти, имевшие такое преимущество, стали называться *специальными частями* или *специальными родами войск*.

Законоположениями 1811 г. в артиллерии и инженерных войсках уничтожается чин майора, но вводится чин прапорщика (XIII класс); у драгун для уравнивания с прочей кавалерией упраздняется чин подпоручика и вводится чин майора (VIII класс).

Обратим внимание читателя на особенность терминологии и логику построения системы военных чинов, которые вполне осознавались более образованными современниками. Вот значение (смысл) основных званий в переводе на русский язык: генерал — начальник, майор — старший, капитан — главный. Существовало по меньшей мере семь разных способов для обозначения младшей степени чина: *под* (подпрапорщик), *секунд* (секунд-ротмистр), *штабс* (штабс-капитан), *вице* (вице-адмирал), *лейтенант* (капитан-лейтенант), *поручик* (генерал-поручик), *унтер* (унтер-лейтенант). Шесть названий существовало в разных родах войск для обозначения чинов и званий, имевших общий смысл *знаменосец*: прапорщик, хорунжий, корнет, фендрик, эстандарт-юнкер и фанен-юнкер.

Заслуживает пояснения происхождение слова *штабс* в наименовании чина *штабс-капитан* (*штабс-ротмистр*). Тогда как слово *штаб* (штаб-офицерские чины) означало более высокий ранг чинов, слово *штабс*, наоборот, — более низкий. Официально употребляться оно стало с 1797 г. вместо слов *поручик* и *секунд* при обозначении младших степеней чинов (капитана и ротмистра). Но еще раньше оно бытовало для обозначения капитан-поручиков и секунд-ротмистров, командовавших «штабскими», номинально подшефными штаб-офицерам, ротами и эскадронами. Иначе говоря, еще до 1797 г. капитан-поручиков и секунд-ротмистров именовали в быту штабс-капитанами и штабс-ротмистрами.

Лишенной логики ныне кажется система наименований генеральских чинов, отразившая систему, принятую на Западе. Почему чин генерал-лейтенанта (III класс)

значится выше чина генерал-майора (IV класс), тогда как чин майора выше чина лейтенанта? Здесь мы должны иметь в виду, что наименование чина *лейтенант* (то есть заместитель) подразумевает привязку его прежде всего к чину капитана: капитан-лейтенант (то есть заместитель капитана). Наименование же *майор* означает «старший»: чин старше капитана. Таким образом, генерал-лейтенант (то есть заместитель генерала) есть логически правильное обозначение чина ниже полного генерала. Чин же *генерал-майора* возник с учетом существования чина бригадира (V класс) и обозначал генерала, старшего относительно бригадного генерала. Есть и другое объяснение. Система генеральских чинов формировалась на Западе, в частности во Франции, по образцу ранее сформировавшейся системы полковых чинов: колонель (полковник), колонель-лейтенант (заместитель полковника), майор (старший относительно капитана).

Мемуарная литература XIX в. полна рассказов не только о службе многих замечательных генералов и офицеров того времени, но также и о разного рода казусах, связанных с военным чиновничеством, и об анекдотических карьерах ничтожных личностей. Приведем некоторые из них как штрихи эпохи.

Барон М. А. Корф рассказывает в своих «Записках» о биографии генерала от инфантерии графа П. И. Эссена. «Послужной список этого... старца представлял такие блестящие страницы, что, перейди в потомство одни эти страницы, история должна была бы поставить Эссена в ряд самых примечательных людей его века. Изумительно быстрая карьера, важные назначения, самые щедрые милости, изливавшиеся на него во все продолжение его службы, — все это намекало на необыкновенные дарования и доблести, на испытанные опытом искусство и знание дела, даже почти на некоторую гениальность. А между тем мы, современники, которым вполне известна была степень его умственной высоты, искали и находили причину этой необыкновенной карьеры единственно в счастливом стечении обстоятельств и в своевольной игре фортуны... Эссен, в сущности, был

самую злою карикатурой на письменный его формуляр». В 1830-х гг. карьера Эссена «была блистательно ускорена назначением его петербургским военным генерал-губернатором и... членом Государственного совета... Между тем этот человек без знания, без энергии, почти без смысла, упрямый лишь по внушениям, состоял неограниченно в руках... правителя канцелярии Оводова, человека не без ума и не без образования, но холодного мошенника, у которого все было на откуп и которого дурная слава гремела по целому Петербургу».

Вот сообщение инженер-генерала А. И. Дельвига (племянника поэта) о нескольких эпизодах карьеры М. Н. Муравьева, рисующих чиновную жизнь николаевской эпохи с разных точек зрения. Будучи назначен в 1838 г. курским военным губернатором, Муравьев лично представил Николаю I отчет о состоянии губернии. Отчет понравился, и его произвели из генерал-майоров в генерал-лейтенанты. Однако возвратился он домой с прежними двумя звездочками на эполетах. Оказалось, военный министр граф А. Н. Чернышев доложил царю, что Муравьев «по списку генерал-майоров стоит очень низко и что его производством будут обижены многие старше его, весьма достойные», и «производство Муравьева было отменено».

Подобная история повторилась с ним в 1842 г., когда он состоял директором Департамента податей и сборов. По представлению министра финансов графа Е. Ф. Канкринна Муравьев был «произведен в генерал-лейтенанты с назначением сенатором и получил уже уведомление об этом и поздравление» от управляющего тогда Военным министерством графа П. А. Клейнмихеля. Но одновременно последний «доложил государю насчет производства» Муравьева «то же, что докладывал несколько лет назад Чернышев», и Муравьева произвели не в генерал-лейтенанты, а «в соответствующий гражданский чин тайного советника».

В 1849 г. он, наконец, был «переименован... в генерал-лейтенанты по весьма странному случаю». Во время посещения Москвы Николаем I обычно осматривал кадетские корпуса. Проезжая по Старой Басманной улице,

царь заметил на парадном крыльце Константиновского Межевого института швейцара — «старого гвардейского унтер-офицера с разукрашенной медалями грудью». Узнав его, Николай вышел из коляски и осмотрел институт. Поскольку об императорской привычке заглядывать в кадетские корпуса все знали, там «было все готово для принятия высокого посетителя». Увиденным он остался доволен, но «нашел, что воспитанники не имеют надлежащей выправки, не получая фронтального образования, которое, по его мнению, им необходимо». Вызвав Муравьева — в то время главного директора Межевого корпуса, — Николай объявил о преобразовании института, а вместе с тем и Межевого корпуса в военизированные учреждения (наподобие корпусов инженеров путей сообщения, горных инженеров и лесничих) с «переименованием Муравьева в генерал-лейтенанты». В 1867 г., уже после смерти Муравьева, Межевой корпус вместе с рядом других преобразовали в гражданское ведомство.

Заметим, что использование военных для замещения должностей гражданской службы, как и милитаризация некоторых гражданских ведомств (в приведенном случае — межевого), были в дореволюционной России делом обыкновенным.

Тот же А. И. Дельви́г приводит такой получивший широкую огласку случай. В 1832 г. один из известных участников Отечественной войны 1812 г., генерал К. Ф. Толь, после подавления польского восстания рассорился с главнокомандующим русской армией генерал-фельдмаршалом И. Ф. Паскевичем и, «кажется, без дозволения государя» возвратился в Петербург. Через несколько месяцев Толя пригласили во дворец, где военный министр граф А. И. Чернышев объявил ему о приказании Николая I назначить Толя членом Военного совета. Дельви́г пишет далее: «Толь очень резко отвечал, что он этого звания не примет, так как военный министр председательствует в означенном совете, а между тем Чернышев моложе его в чине, что он находит это не только оскорбительным для себя, но и вредным для служебного по-

рядка. Вслед затем он вышел из дворца и уехал в свое небольшое эстляндское имение». Инцидент не помешал назначению Толя в следующем году главноуправляющим путями сообщения и публичными зданиями.

И еще: при увольнении в 1869 г. с поста министра путей сообщения П. П. Мельникова произвели в инженер-генералы путей сообщения — в чин, за год перед тем отмененный.

В середине XIX в. предпринимается несколько попыток упорядочить военное чиновничество главным образом для сокращения числа чинов и установления их соответствия должностям. В 1847 г. предполагалось введение чина *старший полковник*, с отнесением его к V классу Табели о рангах на место ранее упраздненного чина бригадира. Имелось в виду, что новый чин будет присваиваться командирам полков, а также лицам, занимавшим равные нестроевые должности. Прежний чин полковника должен был соответствовать должности помощника командира полка. Одновременно возбуждался вопрос об уничтожении военных чинов, не имевших ни строевого, ни административного значения. В этой связи Николай I высказался за упразднение чинов штабс-капитана (штабс-ротмистра) и подпоручика. Все соображения по изменениям чиновничества разработали в Военном министерстве, но они остались не реализованными.

В 1869–1871 гг. под руководством военного министра Д. А. Милотина работала особая комиссия для пересмотра правил военного чиновничества. Ознакомившись с результатами ее деятельности, Александр II 4 августа 1870 г. выразил «согласие на предположение об... упразднении прапорщиков и штабс-капитанов», но счел «нужным сохранить майора и при том удержать преимущество гвардии в чинах перед другими войсками, для чего или иметь по-прежнему в гвардии только один штаб-офицерский чин полковника, в специальных родах войск два чина — полковника и подполковника, или же, согласно предположению... великого князя Николая Николаевича, ввести и в гвардии чин подполковника,

но в таком случае и в специальных родах войск ввести чин майора, дабы все-таки сохранить гвардии преимущество в чине над специальными родами войск». Ввиду разногласий, возникших в комиссии, и эти предложения не осуществились.

Завершение упорядочения системы военных чинов провели в 1880-х гг. В 1882 г. гусарские и уланские полки реорганизовали в драгунские, а для установления во всей кавалерии единообразия в чинах драгунские капитаны были переименованы в ротмистры, штабс-капитаны — в штабс-ротмистры, а прапорщики — в корнеты.

В 1884 г. провели давно подготовлявшуюся общую реформу военного чиновпроизводства. Приказом по военному ведомству от 6 мая «за неизменную преданность армии долгу и доблестные заслуги ее в боях» офицеры армейских войск приравнивались в преимуществах к офицерам специальных частей. В связи с этим из разряда штаб-офицерских чинов армии исключался чин майора, а находившиеся на службе в армии майоры производились в подполковники. Вместе с тем все обер-офицерские чины армии повышались на один класс (чины XII класса переместили сразу в X, так как в XI классе военных чинов не полагалось; XIII и XIV классы освободились от военных чинов). Чин капитана (и равные ему) оказался в VIII классе наряду с коллежским асессором, при этом он продолжал считаться обер-офицерским чином, но получил право на штаб-офицерский общий титул *ваше высокоблагородие*. Отныне различие между обер-офицерами старой гвардии и прочих родов войск составляло лишь один класс. 30 августа того же года «в видах установления большего единства и правильности в системе младших обер-офицерских чинов» и по примеру иностранных армий был исключен из ряда чинов постоянной службы чин прапорщика с оставлением впредь этого чина только в запасе армейских войск всех родов оружия (не исключая и кавалерию) и на военное время; чин корнета в кавалерии приравнивался к чину подпоручика прочих войск (повышался на один класс).

Состоявшим в армии прапорщикам предоставлялся выбор: уйти в запас или сдать экзамен на чин подпоручика. Тогда же в казачьих войсках ввели чин подьесаула, соответствовавший чину штабс-ротмистра (IX класс), и был упразднен чин подполковника.

В результате указанных преобразований номенклатура и система военных чинов в VI–XIII классах получили вид, сохранившийся до 1917 г. (табл. 4).

Военные чины после 1884 г.

Таблица 4

Класс	Армейская пехота, артиллерия, инженерные войска	Армейская кавалерия	Казачьи войска	Гвардейская пехота, артиллерия, инженерные войска	Гвардейская кавалерия
VI	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник	Полковник
VII	Подполковник	Подполковник	Войсковой старшина	Капитан	Ротмистр
VIII	Капитан	Ротмистр	Есаул	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр
IX	Штабс-капитан	Штабс-ротмистр	Подьесаул	Поручик	Поручик
X	Поручик	Поручик	Сотник	Подпоручик	Корнет
XI					
XII	Подпоручик	Корнет	Хорунжий	—	—
XIII	Прапорщик запаса	—	—	—	—

При чиновпроизводстве по выслуге лет в XIX — начале XX в. офицерам полагалось прослужить в каждом чине не менее четырех лет. Исключением оставался лишь срок службы в гвардейских капитанах — 6 лет (вследствие отсутствия в гвардии чина подполковника). Продвижение по службе выше VI класса формально не связывалось с определенной выслугой лет и зависело исключительно от образования, заслуг и усмотрения начальства. С середины XIX в. основная масса офицеров имела специальное

военное образование; окончание военных академий создавало предпочтительные условия для производства в высшие офицерские и генеральские чины.

Существовала возможность выслуги в офицеры нижних чинов с дальнейшим производством вплоть до генералов. В законе говорилось: «Право на производство в офицеры действительной службы предоставляется всем вообще строевым нижним чинам унтер-офицерского звания... Для производства в офицеры требуется: а) выслуга определенного срока в нижнем звании; б) удостоверение начальства; в) выполнение представляемым к производству определенных условий по научным и служебным занятиям». В 1818 г. предварительный срок беспорочной службы в нижних чинах сократили с 12 до 10 лет (впоследствии этот срок сравнивался с периодом обязательной действительной службы). Выдержав установленный экзамен (знание уставов, грамоты, счета), нижние чины становились кандидатами на офицерские должности: в зависимости от рода войск — подпрапорщиком, эстандарт-юнкером или подхорунжим. В этом качестве они подчинялись непосредственно ротным и эскадронным командирам. На них возлагалось исполнение обязанностей младших офицеров. (С 1906 г. значение чина подпрапорщика изменилось: в него стали производить исключительно сверхсрочных унтер-офицеров, успешно окончивших войсковую школу.) С открытием вакансий кандидаты производились в первый офицерский чин. Затем такой офицер мог продвигаться по службе за счет выслуги лет до чина капитана. Дальнейшее производство могло быть осуществлено лишь за особые заслуги. Среди полных генералов, выслужившихся из нижних чинов, назовем участника войн с Наполеоном И. Н. Скобелева — отца генерал-лейтенанта Д. И. Скобелева и деда талантливого полководца генерала М. Д. Скобелева, а также участника кавказских войн графа Н. И. Евдокимова. Сыновьями нижних чинов сверхсрочной службы начинали свою военную карьеру начальник штаба верховного главнокомандующего в Первую мировую войну М. В. Алексеев и командующий Юго-Западным

фронтом в ту же войну Н. И. Иванов (оба получили полное военное образование). Чаще в генералы выслуживались сыновья нижних чинов, получивших обер-офицерские чины (один из вождей контрреволюции А. И. Деникин — сын капитана из нижних чинов). По официальным данным, накануне Первой мировой войны в России среди генералов было 14% выходцев из «податных сословий», то есть крестьян, мещан и т. п.

Несмотря на предпринимавшиеся меры по сокращению численности офицерского корпуса (в частности, в начале 1880-х гг.), количество генералов и офицеров в 1881 по 1904 г. возросло с 30,7 до 41,1 тыс. человек, то есть примерно на треть. Соотношение генералов, штаб-офицеров и обер-офицеров близко к пропорции 1 : 5 : 30. На 1897 г., например, числилось 1212 генералов, 6282 штаб-офицера и 35 283 обер-офицера.

Кроме офицеров, на службе в военном ведомстве находились чиновники, имевшие гражданские чины. Официально они назывались военными чиновниками или шпесными чинами военного ведомства. Во второй половине XIX в. их насчитывалось более 9 тыс.

Наоборот, с начала XIX в. и до 1867 г. военные чины имели также чиновники некоторых гражданских ведомств, получившие специальное образование и объединенные в военизированные корпуса горных инженеров, инженеров путей сообщения, лесной и межевой, а также служившие в телеграфном ведомстве. Официально это объяснялось тем, что «служба по всем этим ведомствам в дореформенное время была весьма непривлекательна, и для привлечения в нее молодых людей привилегированных сословий им даны были военные чины и военные мундиры». С начала 1760-х гг. горные чиновники разделялись на генералов, штаб- и обер-офицеров (хотя формально военными не являлись). Для отличия от чинов прочих гражданских ведомств они имели особые наименования чинов: обер-берг-гауптман IV класса, обер-берг-гауптман V класса, берг-гауптман, обер-берг-мейстер, обер-гиттенфервалтер, маркшейдер, гиттенфервалтер, берг-гешворен, бергмейстер

XII класса, обер-берг-пробирер и шихтмейстер XIII класса, берг-пробирер и шихтмейстер XIV класса. Некоторые из них мы находим в Табели о рангах. Затем эти названия горных чинов приводятся в «Своде законов» вплоть до 1857 г., хотя в действительности с 1834 г. они не употреблялись, так как их заменили общевоинские наименования.

Заметим здесь же, что вообще военные чины первых четырех классов широко использовались для замещения высших гражданских должностей в самых разных ведомствах и учреждениях. Генералов и адмиралов можно встретить среди министров финансов и народного образования, сенаторов и губернаторов. Например, министрами финансов были генерал от инфантерии Е. Ф. Канкрин и адмирал С. А. Грейг, а генерал от кавалерии князь А. М. Дондуков-Корсаков занимал пост главноначальствующего гражданской частью на Кавказе.

ВОЕННЫЕ МУНДИРЫ

Военные мундиры в России (как и в других странах) возникли ранее всех прочих. Главными требованиями, которым они должны были удовлетворять, являлись функциональное удобство, единообразие по родам и видам войск, ясное отличие от армий других стран *. Отношение к военному мундиру в России всегда оставалось очень заинтересованным и даже любовным. Мундир служил напоминанием о боевой доблести, чести и высоком чувстве воинского товарищества. Считалось, что военная форма — самая нарядная и привлекательная мужская одежда. Все сказанное относится прежде всего к парадному мундиру, надевавшемуся в торжественных случаях и именно для этого предназначавшемуся.

* Более полный очерк истории военной формы одежды читатель найдет в богато иллюстрированных изданиях: В. М. Глинка. Русский военный костюм XVIII — начала XX века (Л., Художник РСФСР, 1988) и С. Летин. Русский военный мундир XVIII века (М., 1996).

Родовые гербы

Пузины

Клеймихель

Ушаковы

Сиверсы

Вронченко

Лейб-компанский герб

Гражданские мундиры. Конец XVIII – начало XIX в.

Мундиры Владимирской и Костромской губерний. 1782 г.

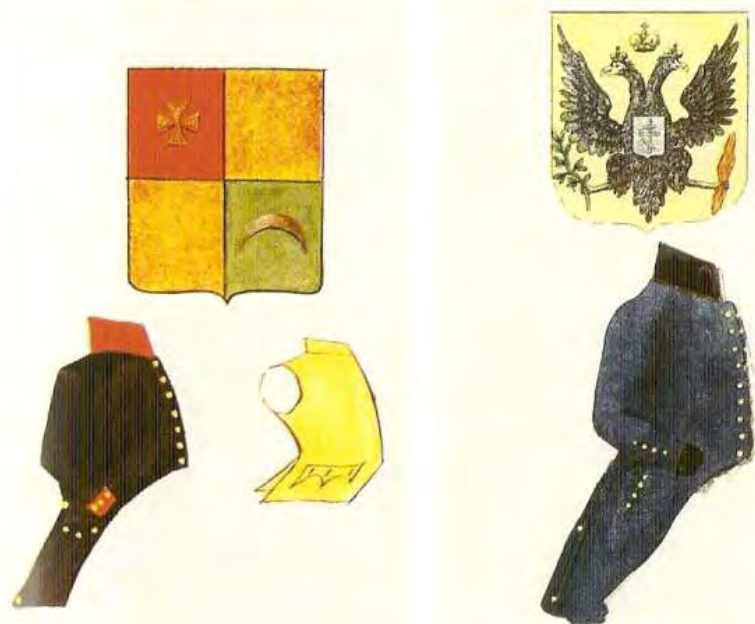
Мундиры Нижегородской губернии трех рангов. 1782 г.

Мундир С.-Петербургской губернии. 1784 г.

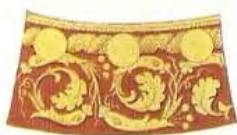
Мундиры Киевской и Московской губерний. Внизу изображены губернские гербы. 1784 г.

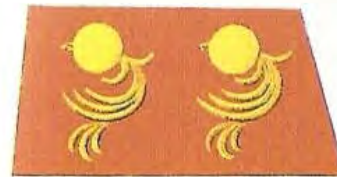
Мундиры и гербы Олонецкой, Тверской, Костромской и Херсонской губерний. 1802–1807 гг.

Парадный мундир генерал-губернатора (3-й разряд)

Воротник и обшлаг мундиров губернаторов и вице-губернаторов

Парадный мундир губернского предводителя дворянства и шитье дворянских мундиров

Дворянские сюртуки

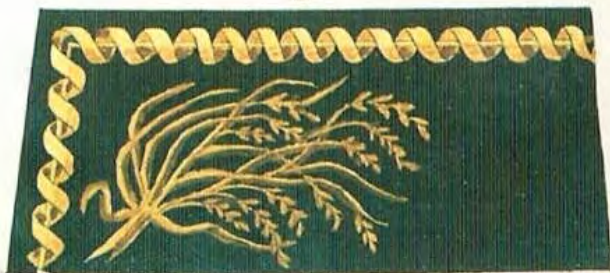
Проектный рисунок форменной одежды для высших чинов Государственной канцелярии, 1810 г.

С

А.

В

Д.

Форменная одежда, воротник мундира и образец пуговицы чинов Публичной библиотеки. 1812 г.

№ 2.

№ 1.

А.

Форменная одежда, эфес шпаги и образец пуговиц для чинов Академии художеств. 1821 г. (см. с. 222—223)

1834—1855 гг.

Мундиры председателя (1-й разряд) и члена (2-й разряд) Государственного совета; воротник и обшлаг этих мундиров

Парадный мундир (3-й разряд) и вицмундир сенаторов

Мундир ведомства путей сообщения (2-й разряд)

Вицмундир и мундир 4-го разряда ведомства путей сообщения

Мундир 2-го разряда
Государственного
контроля

Мундир 4-го разряда
Министерства
государственных
имуществ

Мундиры 3-го разряда Академии наук и Российской академии

Мундир 5-го разряда Синода

Мундирный фрак гражданских чиновников

Сюртук канцелярских чиновников, не имевших чинов

Мундир 3-го разряда Маринского ведомства

Воротники и нарукавные нашивки мундиров, чинов ведомств императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны

1855—1900 гг.

Проект мундирного полукафтана с заменой шитья галунами на воротнике и обшлагах

Нормативное изображение мундирного полукафтана (вицмундир ведомства иностранных дел)

Эфес шпаги гражданских чиновников

Парадная шляпа чинов первых двух классов

Мундир 1-го разряда ведомства иностранных дел

Парадная, праздничная и обыкновенная формы одежды гражданских чиновников (в данном случае членов Государственного совета)

Парадный мундир сенаторов

Мундир 3-го разряда чинов Собственной его величества канцелярии (шитье на светло-синем фоне)

Мундир 2-го разряда
ведомства юстиции

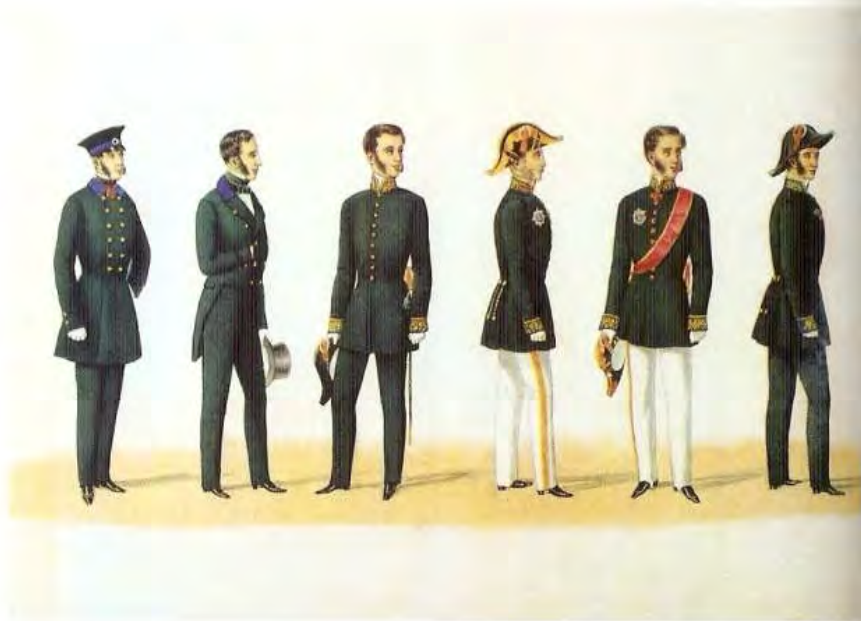
Мундир 2-го разряда
финансового ведомства

Мундир 2-го разряда
ведомства внутренних дел

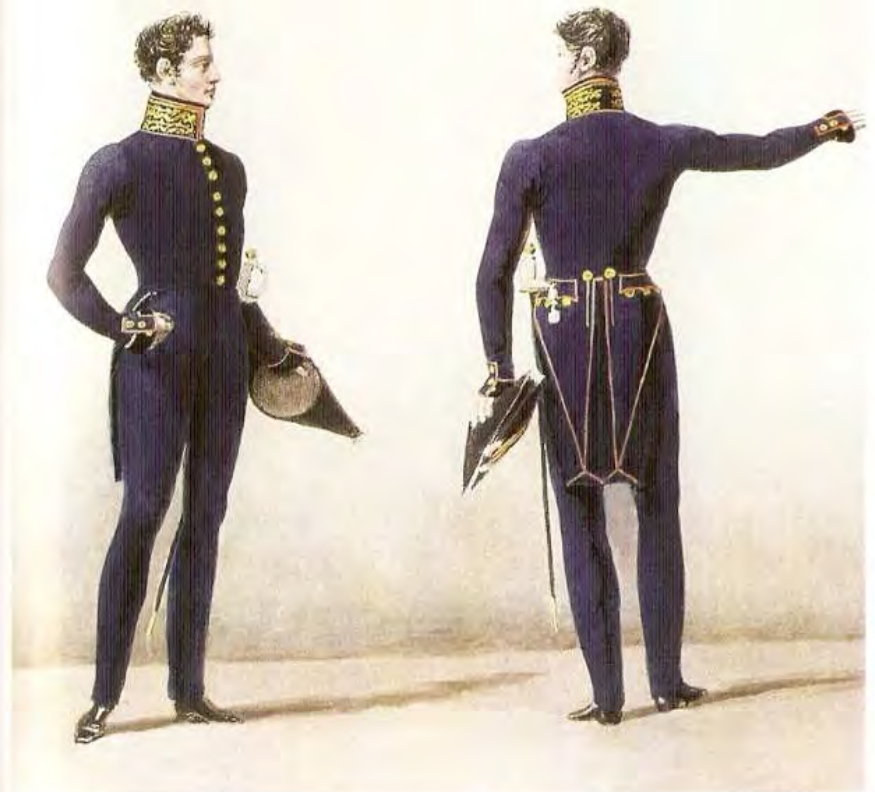

Мундир 2-го разряда
почтового ведомства

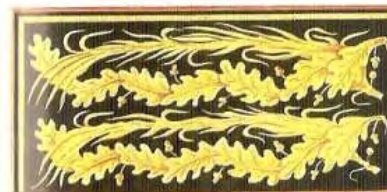

Форма одежды гражданских чиновников по закону 8 марта 1855 г.

Гражданские мундиры военного покроя

Мундир военного покроя старших чинов горного ведомства. 1834 г.

Воротник, обшлаг и карманный клапан мундиров чинов горного ведомства

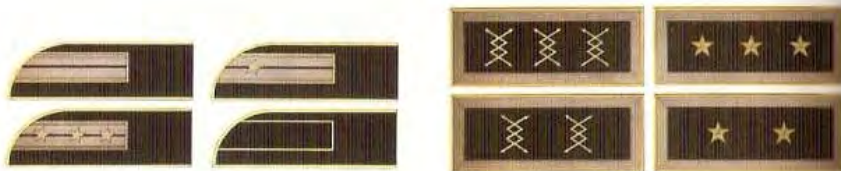
Форма одежды чинов горного ведомства. 1867 г.

Форма одежды и узор шитья на воротниках парадных мундиров чинов ведомства путей сообщения. 1869 г.

Форма одежды чинов телеграфного ведомства. 1876 г.

Воротниковые петлицы и наплечные нашивки мундиров чинов телеграфного ведомства (до 1876 г.)

Форма одежды инженеров ведомства внутренних дел. 1881 г.
Продольные и поперечные погоны инженеров ведомства внутренних дел. 1881 г.

Форма одежды инженеров ведомства внутренних дел. 1885 г.

Форма одежды чинов почтово-телеграфного ведомства. 1894 г.

Начало XX в.

Аксессуары форменной одежды чинов ведомства земледелия и государственных имуществ. 1904 г.

Аксессуары форменной одежды чинов ведомства внутренних дел. 1903 г.

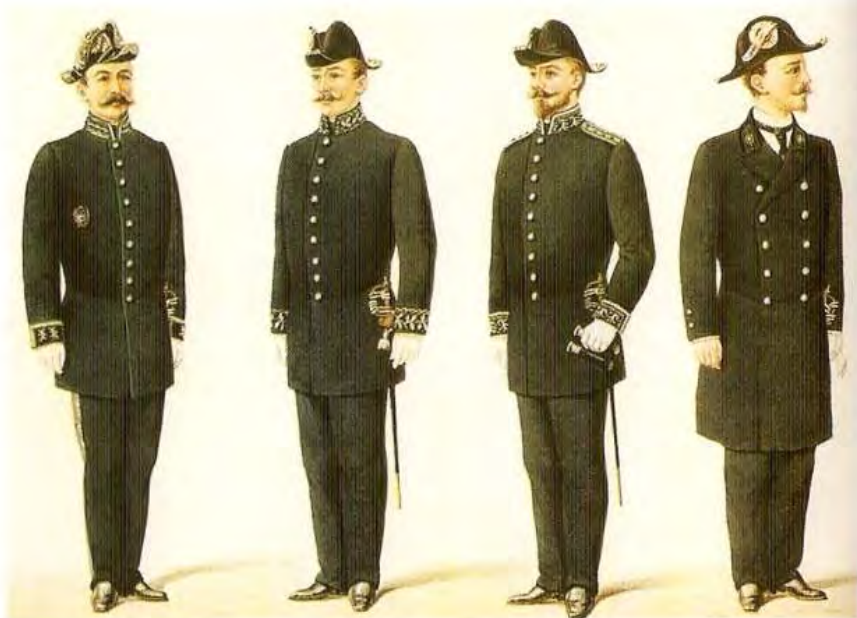
Аксессуары форменной одежды чинов ведомства путей сообщения. 1904 г.

Аксессуары форменной одежды чинов ведомства народного просвещения. 1904 г.

Форма одежды чиновников ведомства внутренних дел. 1903 г.

Форма одежды чиновников ведомства путей сообщения, 1904 г.

Мундирный полукафтан министра торговли и промышленности, 1911 г.

Шитье на воротниках и по бортам мундиров старших чинов ведомства торговли и промышленности, 1911 г.

Придворные мундиры (1834, 1855 гг.)

Мундир первых чинов Императорского двора, 1834 г.

Воротник и обшлаг придворных мундиров

Камергерский ключ

Мундир вторых чинов Императорского двора

Шляпы придворных чинов

Вицмундир придворных чинов

Мундир обер-штальмейстеров и обер-егермейстеров

Воротники, обшлага и пуговицы мундира штальмейстеров и егермейстеров

Мундир чиновников
Императорского двора

Мундир офицеров
Императорского двора

Мундирный фрак чинов
Императорского двора

Сюртук шталмейстеров и
егермейстеров

Парадный наряд статс-дам и камер-
фрейлин (*вверху*) и наставниц
великих княжон

Сцена в Гербовом зале Зимнего дворца: придворные дамы, министр Двора, дворцовые гренадеры. 1834 г.

Парадный наряд фрейлин великой княгини (сверху) и фрейлин великих княжон

Форма одежды «придворных кавалеров», утвержденная Александром II 10 июля 1855 г.

Парадный мундир первых чинов Императорского двора, утвержденный 22 декабря 1855 г.

Парадный мундир вторых чинов Императорского двора с открытым воротом, разрешенный в 1856 г.

Парадный мундир штальмейстера и обер-штальмейстера, утвержденный 10 января 1856 г.

Вицмундир придворных чинов Императорского двора

Дорожная форма (вицмундир) штальмейстера

Орденские наряды (1797, 1855 гг.)

Фрагмент парадной цепи ордена Св. Андрея Первозванного. 1797 г.

Парадное одеяние кавалера ордена Св. Андрея Первозванного. 1797 г.

Парадное одеяние кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины. 1797 г.

Парадное одеяние официалов российских орденов: герольд ордена Св. Андрея Первозванного, церемониймейстер и казначей всех орденов, секретарь ордена Св. Анны. 1797 г.

Канцлер императорских орденов кн. А.Б. Куракин в парадном одеянии кавалера ордена Св. Андрея Первозванного, 1799 г.

Парадное одеяние герольдов императорских и царских орденов, с изображением на груди орденских знаков. *Вверху:* Св. Андрея Первозванного и Св. Екатерины. *Внизу:* Св. Александра Невского и Св. Георгия. Проектные рисунки. 1855 г.

Парадное одеяние герольдов императорских и царских орденов, с изображением на груди орденских знаков. *Вверху:* Св. Владимира и Св. Анны. *Внизу:* Белого Орла и Св. Станислава. Проектные рисунки. 1855 г.

Мундир канцлера императорских и царских орденов (1-й разряд); воротник и обшлаг мундира. 1834 г.

Верхняя часть парадного жезла (трости) канцлера орденов

Портреты. Конец XVIII — первая половина XIX в.

Проектные рисунки парадной одежды кавалеров ордена Св. Андрея Первозванного, 1855—1856 гг.

Проектный рисунок парадной одежды кавалера ордена Св. Александра Невского, 1855—1856 гг.

Проектный рисунок парадной одежды кавалерственной дамы ордена Св. Екатерины, 1855—1856 гг.

Кн. Е. Р. Дашкова с лентой ордена Св. Екатерины и портретом императрицы

Гр. А. И. Чернышева с портретом императрицы

Я. Е. Сиверс с лентой ордена Св. Андрея Первозванного и другими наградами

Гр. Н. П. Шереметев с камергерским ключом

Гр. П. В. Завадовский и неизвестный в мундире государственных банков

Св. кн. П. В. Лопухин и барон А. И. Васильев в мундирах кавалеров ордена Иоанна Иерусалимского

А. П. Мельгунов в губернском мундире

Гр. А. А. Безбородко в почтовом мундире

Г. Р. Державин в губернском мундире

И. Д. Акимов в мундире Академии художеств

П. В. Мятлев в мундире государственных банков (см. с. 212—214)

Гр. Н. П. Шереметев в парадном придворном мундире и вицмундире

А. Л. Нарышкин и Л. А. Нарышкин в парадных придворных мундирах

Гр. И. А. Тизенгаузен в придворном
вицмундире

С. И. Муханов в мундире обер-
штаб-лейтенанта

Г. Р. Державин в сенаторском мундире с
лентой ордена Св. Александра Невского

М. И. Лобанов-Ростовский в мундире
генерал-губернатора

Г. П. Митусов в мундире второго чина
Императорского двора

Кн. А. В. Щербатова со знаком ордена
Св. Екатерины и фрейлинским шифром

Гр. П. В. Завадовский и Н. Н. Новосильцов в мундирах С.-Петербургского учебного
округа

Г. И. Солнцев

Н. П. Новосильцев

М. А. Дружинин в мундире финансового ведомства

Е. И. Мечников в гражданском мундире горного ведомства

Гр. А. С. Строганов в мундире президента Академии художеств (1894 г.)

Гр. Д. А. Гурьев в мундире Кабинета его величества

А. Ф. Дерябин в гражданском мундире горного ведомства

Е. В. Карнсев в генеральском мундире командира Корпуса горных инженеров

П. Я. Рубцов в мундире финансового ведомства

Вологодский купец Н. И. Скулябин в мундире финансового ведомства (см. с. 258)

Купец 2-й гильдии Ф. И. Тюменев в мундире (кафтани) ведомства путей сообщения (см. с. 257)

Военные мундиры составляли специальный объект внимания и даже пристрастия императоров, в частности, потому, что в XIX — начале XX в. только в них они сами одевались. Еще в детском возрасте мальчики из царской семьи в качестве игрушек получали красочные фигурки оловянных солдатиков и картинки, изображавшие мундиры разных полков. Для фигурок шились мундирчики, соответствовавшие настоящим.

Всякие изменения в военных мундирах осуществлялись лишь с санкции императоров, часто по их инициативе, а иногда даже и по их собственноручным рисункам. Все это вызывало внимание к военной форме всего «высшего общества». В своем дневнике П. А. Валуев 6 января 1874 г. отмечал, например: «Сегодня скончался фельдмаршал граф Берг. Его трудно заменить... Военные [же] говорят о другом событии: государь на выходе [в Зимнем дворце] был в шарфе». То, что Александр II надел этот генеральский парадный пояс — с черно-оранжевыми прошивками и кистями — привлекло внимание потому, что он был отменен еще в 1855 г.

За соблюдением правил ношения военной форменной одежды как в строю, так и вне его существовал строгий надзор, и виновный в нарушении этих правил мог оказаться на гауптвахте.

Пристрастие к военной форме было так велико, что право носить ее стало рассматриваться как награда, и прямое пожалование мундирами получило распространение. В одних случаях такое пожалование было связано с назначением в шефы — почетные командиры воинских частей. Особенно это касалось членов императорской фамилии. Изготавливались даже особые военные мундиры для императриц — шефов полков. В других случаях мундиром награждались в память о прежней службе в данной воинской части. Наконец, высшим военным чинам могли жаловаться мундиры подчиненных им воинских частей.

Обычай назначать шефами воинских частей представителей правящих династий дружественных стран (на взаимной основе) распространился в Европе в XIX в. как

жест миролюбия. Пожалование мундира соответствующего рода войск как одно из внешних проявлений шефства стало делом обычным. Мы уже упоминали о получении Вильгельмом II русского адмиральского мундира. Николай II тоже получил подобный германский мундир. Еще в середине XIX века многие члены царской семьи имели прусские военные мундиры, которые надевались, в частности, во время визитов представителей прусского королевского дома в Россию. В январе 1869 г. П. А. Валуев записал в дневнике: «Большой обед во дворце в Концертном зале в честь кронпринца прусского, Государь и все великие князья в прусских мундирах».

В 1886 г. бывшего начальника III Отделения и шефа корпуса жандармов, а затем посла в Англии генерал-адъютанта графа П. А. Шувалова пожаловали щегольским «белым мундиром» — мундиром лейб-гвардии Конного полка — потому, что он начинал в нем свою службу. В ноябре того же года Шувалов «в полной парадной конногвардейской форме» присутствовал на полковом празднике Семеновского полка.

Некоторые военные (особенно из царской семьи) имели по несколько мундиров, надевавшихся по разным случаям. Вот что рассказывает П. А. Валуев в дневниковой записи от 2 января 1876 г. о фельдмаршале князе А. И. Бяргинском, в 1856–1862 гг. наместнике императора на Кавказе: «После блистательного и счастливого военного поприща князь Бяргинский обратился... в баловня фортуны и дворцовых ласк. В государстве он — нуль. Во дворце он — нечто вроде наезжего друга... Он рассказывает анекдоты, шутит и любезничает надеваемыми им разными мундирами. Намедни он обедал у их императорских величеств в кирасирском в честь императрицы, вчера он опять обедал, вероятно, в гусарском в честь государя, сегодня он в генерал-адъютантском по случаю дня рождения великого князя Алексея Александровича, 6-го числа он будет в кабардинском по случаю полкового праздника...»

При всей внешней привлекательности парадная военная форма при ношении вызывала большие неудоб-

ства: стесняла движения, в ней было трудно или даже невозможно сидеть, она легко пачкалась. Особенно много неудобств вызывали штаны. В кавалергардском полку, например, белые рейтузы из лосиной кожи надевали влажными, чтобы они идеально обтягивали фигуру. Любивший щегольски одеваться Николай I по несколько дней вынужденно оставался во внутренних помещениях дворца из-за болезненных потертостей на теле от форменной одежды.

Поэтому вне строя даже в среде самых высших военных чинов проявлялись две тенденции: с одной стороны, комично-мелочные страсти вокруг мундирного этикета, а с другой — стремление по возможности сократить пребывание в парадном мундире. Вот два эпизода, отмеченные А. А. Половцовым (1884 г.). Мемуарист записал показательный, «отличающийся чрезвычайною мелкотою» рассказ генерал-фельдмаршала и генерал-фельдцейхмейстера великого князя Михаила Николаевича (дяди Александра III), только что вернувшегося из Германии: «В Гатчине я поехал к государю, разумеется, в полной форме. А он меня спрашивает, зачем я это делаю. Я отвечаю: "Потому что в твоей телеграмме, разрешавшей мне приехать, ты ничего не сказал о форме". При этом... великий князь тонко улыбнулся и сказал: "Урок: пусть в другой раз не забудет". О делах, разумеется, ни слова...» Другой разговор Половцева с тем же Михаилом Николаевичем: «По обыкновению его заботят и интересуют "высшие и важные" вопросы, например: "Был я вчера у митрополита для поздравления по случаю юбилея. Тут же был и великий князь Константин Николаевич с Александрой Иосифовной, и оба выговаривали Владимиру * за то, что он уже неделю в Петербурге, а до сих пор у них не был. Что же Вы думаете? Владимир от митрополита поехал домой, снял парадную форму и к дяде-то поехал явиться в сюртуке!.. То же самое и Сергей Александрович приехал меня поздравлять 8 ноября тоже в сюртуке...»

* Владимир Александрович — брат Александра III, главнокомандующий войсками гвардии и Петербургского военного округа.

Военные мундиры отличались большим разнообразием фасонов, цветов и оформления. Фасоны не только менялись со временем (что свойственно всем мундирам), но и приспособлялись к потребностям каждого рода и вида войск. Особенно разнообразными были мундиры в кавалерии: вместо обычных кафтанов кирасиры имели особого рода короткие мундиры-колеты, гусары — доломаны, уланы — куртки, казаки — чекмени или черкески; различался у них покрой штанов, особую форму имели головные уборы. Цвет мундира указывал либо на род войск (пехота, артиллерия и т. п.), либо на воинскую часть (полк). Оформление мундира обычно называлось *прибором* (от прибирать, украшать). Прибор различался на суконный (цветные воротники, обшлага, клапаны, выпушки, лацканы, отвороты фалд, околыши фуражек и т. д.) и металлический — золотое или серебряное шитье на мундире, галуны, пуговицы, погоны, эполеты, аксельбанты и т. п. Прибор нес основную информацию о принадлежности офицера (и генерала) к роду войск и воинской части, а главное — указывал на его чин. Металлический прибор обычно служил признаком всех гвардейских мундиров и только офицерских в армии.

Отметим лишь основные моменты истории армейского офицерского (и генеральского) мундира, как наиболее распространенного и более отчетливо отразившего главные особенности военных мундиров вообще.

Первые сведения о военных мундирах в России относятся к 1661 г., когда каждый из стрелецких полков получил кафтаны, шапки и сапоги особого цвета. С появлением полков иноземного строя военный мундир модернизировался и по фасону приблизился к западноевропейским (в основном немецким) образцам. В 1720 г. впервые вводятся широкие кафтаны однообразного цвета для разных родов войск: в пехоте — темно-зеленые с красными отложными воротниками и обшлагами, с красными же камзолами и штанами до колен; у драгун (кавалерия, сражающаяся как в конном, так и в пешем строю) — синие (с 1775 г. — зеленые) с белыми воротни-

ками и обшлагами (с 1732 г. — красные), с белыми лосиными камзолами и штанами (с 1764 г. — красными); у артиллеристов и инженеров форма была вся красная с синими воротниками и обшлагами (в 1740 г. воротники и обшлага стали черными бархатными, а камзолы и штаны с 1764 г. — белыми). По бокам кафтаны имели карманы. Полы кафтанов для удобства движения заворачивались сначала только на марше, а с 1732 г. — постоянно. Форма дополнялась цветными епанчами (плащами) и треугольными шляпами.

Эти цвета по родам войск существовали почти весь XVIII в. Отступления от них вызывались либо нехваткой сукон нужного цвета, либо желанием выделить отдельные воинские части, особенно гвардейские.

В 1763 г. форма военного обмундирования подверглась некоторым изменениям: кафтаны стали более узкими, отложные воротники и обшлага заменяются накладными, борта на груди отворачиваются и образуют цветные лацканы. В 1786 г. по инициативе Г. А. Потемкина проводится новая реформа армейских мундиров, сделавшая их более простыми и удобными: полы кафтанов укорачиваются (почему мундир получает название полукафтана), воротник снова становится отложным (при сохранении лацканов), карманы переносятся назад (вертикальные, внутренние), полы отвернуты только спереди. В 1797 г. Павел I вновь вернул мундиры образца 1763 г. В последующем в их фасон были внесены три изменения: поднята стойка воротника, на обшлага добавлен фальшивый клапанец, мундиры гвардейских офицеров и чинов свиты получили золотое или серебряное шитье на груди, воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Однако уже в 1802 г. военные мундиры заменяются новыми, соответственно моде времени, существенно отличавшимися по фасону от всех прежних.

И в XVIII в., и позже офицерские (и генеральские) мундиры отличались от солдатских лишь качеством сукна и портновской работы. Знаками отличия офицеров до 1760-х гг. и при Павле I служили протазаны и эпантоны — особого рода пики, а также некоторые

дополнявшие мундиры аксессуары: нагрудные щитки, шарфы, погоны (эполеты), аксельбанты и особое шитье (или галуны). Нагрудные щитки (висели на шее) имели форму утолщенного полумесяца: серебряного — у обер-офицеров и золоченого — у штаб-офицеров (в 1808–1827 гг. они различались по чинам). Плетеные шарфы, состоявшие из красных, синих и серебряных полос, первоначально носились через правое плечо и завязывались на левом бедре. У младших офицеров они заканчивались кистями из серебряных нитей, а у старших — из золотых. С 1742 г. шарфы стали носиться, как кушаки, на талии, а с 1760-х гг. получили черно-оранжевую расцветку. Погоны (от погонять, направлять) или эполеты (наплечники) появились еще в 1732 г. в виде жгутов, сплетенных из металлических нитей, иногда с кистью на конце. Носились они в XVIII в. лишь на левом плече. Одно время по их полю можно было определить чин офицера. Прямое назначение погон (эполет) — придерживание на плече перевязи патронных сум. В середине XIX века появляются аксельбанты — шнуры из серебряных или золотых нитей, свисавшие с правого плеча в виде двух больших петель и концов с наконечниками. Первоначально аксельбант как бы продолжал плетеный эполет. Позднее петли аксельбанта стали охватывать рукав и вместе с концами подтягиваться к пуговицам на груди мундира. В конце века аксельбанты превратились в обязательную принадлежность мундиров адъютантов и офицеров Генерального штаба.

Существует несколько версий происхождения и назначения аксельбантов. Согласно одной из них, аксельбант — это шнур для измерения, а наконечники — карандаши. Согласно другой, аксельбанты появились в ходе борьбы Нидерландов против Испании за независимость и означали готовность восставших погибнуть — быть повешенными на носимых ими в знак презрения к поработителям веревках.

Особым знаком фельдмаршала в XVIII в. стал маршальский жезл, напоминавший по форме подозрную трубу или футляр для карт.

Есть свидетельства того, что уже в первой четверти XVIII в. офицерские и генеральские мундиры (во всяком случае, в гвардии) обшивались золотым галуном. С 1764 г. такое отличие устанавливается в общем порядке и дифференцируется по чинам. Мундиры обер-офицеров стали обшиваться по бортам, воротникам, обшлагам и карманным клапанам узким золотым или серебряным галуном, мундиры майоров и подполковников — широким, а мундиры полковников — широким и узким галуном. Кафтаны и камзолы генералов аналогичным образом стали украшаться шитьем в виде гирлянд из лавровых листьев: у бригадиров — половиной ширины гирлянды, у генерал-майоров — полной гирляндой, у генерал-поручиков — двумя гирляндами, а у генерал-аншефов и генерал-фельдмаршалов — двумя с половиной гирляндами, причем последние имели дополнительно узкое шитье по швам рукавов и спины. Галуны и шитье полагались также на шляпах. Такие же мундиры, но без галунов и шитья составляли повседневную форму. В 1796 г. галуны и шитье отменили, в результате чего мундиры офицеров и генералов утратили заметное различие. Знаком генеральского чина стал витой эполет на правом плече, переходящий в аксельбант из золотых нитей.

С воцарением Александра I военные мундиры модернизируются: в 1802 г. они получили высокий стоячий, не сходящийся спереди воротник (в 1812 г. он был сделан ниже и стал застегиваться на крючки), юбка мундира спереди стала с вырезом, фалды имели обкладку из цветного сукна и сзади находили друг на друга, горизонтальные карманы перенесены назад. До 1826 г. мундиры были двубортными, затем стали однобортными и получили цветные выпушки по борту и на талии. Камзолы укорачиваются и превращаются в жилеты. Мундиры дополнялись белыми панталонами (затем они неоднократно меняли цвет), надевавшимися в сапоги. Вводятся сюртуки (1809 г.) и шинели с пелеринами. Передний угол треугольных шляп был поднят (шляпы остались

треугольными, но в вертикальном плане). В 1807–1844 гг. получают распространение кивера.

В качестве основного знака офицерского отличия в 1802 г. ввели цветные суконные погоны, обшитые по краям галуном. В 1807 г. их заменили эполеты, представлявшие собой суконную, галунную или металлическую продолговатую пластину, завершающуюся к краю плеча круглым утолщенным полем. У генералов это поле обрамлялось золотой или серебряной бахромой, у штаб-офицеров бахрома делалась тонкой, а у обер-офицеров она отсутствовала.

При образовании в 1809 г. Корпуса инженеров путей сообщения генеральский и офицерский состав его получил звездочки на эполеты, точно указывавшие на чин. Инженер-генералу полагались три звездочки, генерал-лейтенанту — две, а генерал-майору — одна; полковнику — три звездочки, подполковнику — две, майору — одна; капитану — три звездочки, поручику — две, подпоручику — одна; прапорщику звездочек не полагалось. В 1827 г. звездочки на эполетах были установлены в армии в общем порядке, но с иной системой обозначения чинов: у прапорщика — одна звездочка, у подпоручика — две, у поручика — три, у штабс-капитана — четыре, капитану звездочек не полагалось; у майора — две, у подполковника — три, у полковника эполеты не имели звездочек; у генерал-майора — две звездочки, у генерал-лейтенанта — три, полный генерал звездочек не имел. На эполетах фельдмаршалов изображались два скрещенных маршальских жезла. Наличие двух звездочек на эполетах генерал-майоров объяснялось существованием ранее бригадирского чина. Две звездочки на майорских эполетах установили по аналогии с генерал-майорскими, а может быть, они напоминали о существовании в XVIII в. чина секунд-майора. В 1854 г. генералы и офицеры получили галунные погоны на цветной суконной подложке для ношения на шинелях (а затем и на сюртуках), на которых чины обозначались продольными просветами в галуне и звездочками. Погоны обер-офицеров имели один про-

свет, штаб-офицеров — два просвета, у генералов поле погон просветов не имело (а галун имел зигзагообразный рисунок). Система звездочек была той же, что и на эполетах. Цвета просветов и выпушки по краям указывали на род войск и войсковую часть.

Другим важным знаком отличия офицеров и генералов с начала XIX в. стало золотое или серебряное шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах мундиров (нагрудное шитье в военном ведомстве с этого времени не применялось). Собственно шитье могло заменяться галуном или петлицами (имитация обшивки петель; иногда такие петлицы назывались катушками). Объем (количество) шитья у генералов, штаб- и обер-офицеров был одинаков, но его цвет и рисунок различались по видам войск и войсковым частям. В 1808 г. для генералов устанавливается особое шитье в виде золотых или серебряных дубовых листьев; в начале 1880-х гг. это шитье заменяется галуном, но в 1908 г. оно появляется снова.

В 1855 г. фасон военных мундиров снова меняется: они получили полную юбку, стали двубортными, карманы их остались сзади, но превратились в вертикальные (по сторонам заднего разреза юбки). Еще в 1848 г. такой же фасон ввели в частях кавказской армии. В 1860-х гг. воротники стали одного цвета с мундирами; вместе с тем на них появились широкие клапаны (суконные нашивки) до заднего края погон, цвет которых указывал на принадлежность офицера к одному из четырех полков дивизии. Еще с 1840-х гг. основным военным головным убором становится каска. В 1862 г. она заменяется на кепи французского образца со скошенной вперед тульей и цветным или галунным околышем с кокардой, просуществовавшие до начала 1880-х гг. В 1872 г. все мундиры, к которым не полагалось лацканов, заменяются однобортными. В 1881–1882 гг. мундиры утратили пуговицы и стали застегиваться на крючки. Левый борт мундиров незадолго перед тем расширили; карманы перенесли на бока (прорезные с клапанами);

выпушки уничтожили, кроме воротниковых (а в гвардии и бортовых). Вместо кепи вошли в употребление фуражки с цветными тульями и околышами, а для зимнего времени — мерлушковые папахи (те и другие с кокардами). В 1907 г. мундиры образца 1855 г. были восстановлены (в укороченном виде). Тогда же в составе форменной одежды появились кители с карманами на груди и боках. В 1913 г. вводится комбинированная походно-парадная форма для армии (кроме кавалерии): на китель настигивался шитый золотом или серебром (инженерные войска) воротник, погоны заменялись эполетами, а на грудь пристегивался цветной лацкан с двумя рядами пуговиц. Начавшаяся вскоре Первая мировая война заставила генералов и офицеров совершенно отказаться от парадной формы одежды и перейти на кители и гимнастерки с полевыми погонами, защитного цвета фуражки и солдатские шинели.

ВОЕННО-МОРСКИЕ ЧИНЫ И МУНДИРЫ

Табель о рангах устанавливала следующие чины адмиралов и офицеров флота (табл. 5):

Таблица 5

Класс	Чин
I	Генерал-адмирал
II	Адмирал
III	Вице-адмирал
IV	Шаутбенахт (контр-адмирал)
V	Капитан-командор
VI	Капитан 1-го ранга
VII	Капитан 2-го ранга
VIII	Капитан 3-го ранга
IX	Капитан-лейтенант
X	Лейтенант
XI	Корабельный секретарь
XII	Унтер-лейтенант

Как видим, флотские чины отличались от общевойсковых. Чин генерал-адмирала появился в России еще в

1708 г. Первым обладателем его стал Ф. М. Апраксин. До 1917 г. этот чин имело всего 6 лиц, причем в XIX в. он давался исключительно членам императорского дома. Последний генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович получил его в 1883 г. (умер в 1908 г.). Поскольку власть генерал-адмирала распространялась не только на флот, но и на военно-морское ведомство в целом, до 1909 г. глава Морского министерства назывался не министром, а лишь управляющим этим министерством. Чин адмирала в Европе (например, во Франции) обычно связывался с определенным морем и означал командира флота на этом море. В России такая связь отсутствовала. Чин вице-адмирала первоначально соответствовал должности командира авангарда судов. Командиру арьергарда и охранения эскадры вообще соответствовал чин шаутбенахта (IV класс), заимствованный из шведского флота (его имел сам Петр I); позже этот чин стал именоваться контр-адмирал. В последней трети XIX в. в России оказалось «столько же адмиралов, сколько их было у Франции и Англии вместе взятых». Для сокращения впредь числа адмиралов в соответствии с «размерами... флота» России в начале 1885 г. был введен так называемый морской ценз — учет при присвоении военно-морских чинов плавания на военных судах и командования судами, отрядами и эскадрами.

Чины V–IX классов имели в своих названиях слово капитан (главный); во флоте слово это понималось преимущественно как обозначение командира корабля. Корабли же в зависимости от своих типов делились на три класса (ранга). Чин капитан-командора (мог командовать отрядом судов) существовал до 1732 г. и в 1751–1764 гг. Затем вместо него стал употребляться чин капитана бригадирского ранга. В сентябре 1798 г. чин капитан-командора восстановили, но в декабре 1827 г. окончательно ликвидировали.

Чин капитана 3-го ранга существовал лишь с 1713 по 1732 г. и с 1750-х гг. до 1764 г. По штату 1732 г. чин капитан-поручика не значился, а поручик числился в VIII классе. В 1764 г. эти чины отнесли к VIII и IX классам.

В 1797–1798 гг. их в соответствии с Табелью о рангах переименовали в капитан-лейтенанта и лейтенанта (с 1855 по 1907 г. они не употреблялись). Чин корабельного секретаря отнесли к числу гражданских. В 1758 г. чин мичмана из числа унтер-офицеров флота перевели в XIII класс, а после упразднения чина унтер-лейтенанта в 1764 г. — в XII класс.

Морские чины IX–XII классов с самого начала числились рангом выше армейских (поскольку чин капитана 3-го ранга приравнивался к майору). Но вследствие большого числа рангов штаб- и обер-офицерских чинов и малого количества вакансий во флоте считалось, что едва «жизни человеческой стать может, чтобы... через все чины дослужиться... до первого ранга капитана». Трудности и даже опасности морской службы отвращали дворян от вступления в нее (они предпочитали «сухопутную службу... где гораздо скорее случай имеют выслужиться и чины получить»). Поэтому в январе 1764 г. система военно-морских чинов с VI класса и ниже получила следующий вид (табл. 6):

Таблица 6

Класс	Чин
VI	Капитан 1-го ранга
VII	Капитан 2-го ранга
VIII	Капитан-поручик
IX	Поручик
XII	Мичман

Если до 1764 г. морские обер-офицерские чины формально имели преимущество по сравнению с армейскими в один класс, то теперь оно увеличилось до двух классов.

В 1860–1882 гг. существовал чин гардемарина, приравненный к подпоручику (XIII класс) или прапорщику (XIV класс) в зависимости от сдачи экзамена и срока службы. В 1884 г. чин капитан-лейтенанта (VIII класс) был упразднен, но с 1 июня 1907 г. восстановлен и существовал до 6 декабря 1911 г. Тогда же (28 мая 1907 г.) IX класс

военно-морской службы разделили на две ступени: вместе с чином лейтенанта в этом же классе установили «звание» старшего лейтенанта, 16 марта 1909 г. преобразованное в чин старшего лейтенанта (ситуация напоминала ту, которая в XVIII в. сложилась в связи с разделением чина майора на два). Для производства лейтенанта в старшие лейтенанты требовалось 5 лет службы на младшей ступени того же класса. 9 декабря 1911 г. чин старшего лейтенанта перевели в VIII класс (вместо упраздненного чина капитан-лейтенанта), но продолжали считать обер-офицерским чином подобно армейскому капитану. Чин мичмана (XII класс) в 1884 г. повысили на два ранга, и он оказался в X классе.

Помимо указанных выше чинов флота, в морском ведомстве существовали также офицерские чины общеармейских наименований. К ним относились чины офицеров, состоявших в так называемых специальных корпусах морского ведомства либо числившихся по Адмиралтейству и военно-морскому судебному ведомству. Существовали корпуса флотских штурманов и морской артиллерии (в конце XIX — начале XX в. они постепенно реорганизовывались, а офицеры в них заменялись флотскими), а также корпуса корабельных инженеров, инженер-механиков флота и (с 1912 г.) гидрографов. В 1886–1908 гг. в корпусах корабельных инженеров и инженер-механиков флота использовались особые наименования чинов (табл. 7):

Таблица 7

Класс	Чин корпуса корабельных инженеров	Чин корпуса инженер-механиков
IV	Инспектор кораблестроения	Инспектор механической части
VI	Старший кораблестроитель	Флагманский инженер-механик
VII	Младший кораблестроитель	Старший инженер-механик
IX	Старший помощник кораблестроителя	Помощник старшего инженер-механика
X	Младший помощник кораблестроителя	Младший инженер-механик

Обер-офицеры, состоявшие по Адмиралтейству, приравнивались к армейским, а офицеры специальных корпусов считались одним классом выше. Все они после четырех лет службы в VI классе «жаловались в статские советники» (V класс), а еще через четыре года получали чин IV класса. Напомним, что формально чин V класса существовал только в гражданской службе.

Хотя в морском ведомстве, как и в военном, назначение на должности производилось в строгом соответствии с чинами, там существовало правило, согласно которому старшинство нахождения в чине «не дает само по себе преимуществ при назначении на должность», а в расчет принимаются прежде всего личные качества кандидатов.

История военно-морских мундиров известна далеко не полно. Первоначально мундиры офицеров флота были подобны армейским. Лишь в 1732 г. флотским офицерам предписывалось «сделать и впредь иметь мундир из василькового сукна с красной подкладкой». Кафтан полагался без воротника, с разрезными обшлагами. Кафтан и камзол обшивались золотым позументом по бортам, обшлагам, карманным клапанам и петлям. Но уже в 1735 г. последовали изменения: кафтаны получили зеленый цвет, а обшлага на них, камзолы и штаны — красный. Через 10 лет кафтаны и штаны приобрели белый цвет, а камзолы, воротник и обшлага кафтанов — зеленый. Кафтаны и камзолы адмиралов обшивались золотом, а офицерские — золотым позументом.

2 марта 1764 г. утверждаются новые правила «о мундире служащим во флоте и при Адмиралтействе». Цвета мундиров сохранялись, за исключением того, что штаны стали зелеными. Число пуговиц на обшлагах адмиралских мундиров стало соответствовать чинам: у адмиралов — 3, у вице-адмиралов — 2, у контр-адмиралов — 1. Их кафтаны имели соответственное количество рядов шитья, аналогичное генеральскому. Капитаны 1-го ранга имели галун по борту в два ряда, а капитаны 2-го ранга — в один. Морские артиллеристы имели черную отделку мундиров. Всем адмиралам и офицерам пола-

гались треугольные шляпы: адмиралам — с шитьем и плюмажем, офицерам — с галуном, офицерам-артиллеристам — с золотым шнурком.

В конце 1796 г. Павел I распорядился «во флоте шитых мундиров не носить, а быть всем навсегда в вицмундире». Все адмиралы и офицеры получили темно-зеленые мундиры (без лацканов) с белыми воротниками и темно-зелеными обшлагами, а также белые камзолы и штаны. На клапанцах рукавов помещались золотые и серебряные нашивки, обозначавшие дивизии и эскадры. Мундиры дополнялись треугольными шляпами с плюмажем у адмиралов и золотым галуном с кистями у офицеров. На шляпы нашивался бант из черно-оранжевой ленты (кокарда).

В 1803 г. военно-морская форма претерпела существенные изменения. Кафтаны XVIII в. были, как и в армии, заменены мундирами со стоячим воротником и вырезом юбки спереди. Цвета мундиров оставались прежними. Брюки устанавливались длинные. Сохранялись треугольные шляпы с плюмажем.

На воротниках и обшлагах у адмиралов полагалась золотая вышивка с якорями, а у офицеров — только якоря. Вводились погоны из золотого галуна. У адмиралов чины обозначались черными орлами. Капитаны 1-го и 2-го рангов имели два погона; капитан-лейтенанты и лейтенанты — только на одном плече (до 1811 г.). Погоны лейтенантов изготавливались из зеленого сукна с золотым позументом. Мичманам погоны не полагались. В 1807 г. вводятся эполеты с бахромой: у корабельных офицеров — золотые, у некорабельных — серебряные. В 1811 г. было разрешено ношение темно-зеленых брюк.

В 1826 г. офицеры флота получили сюртуки (виц-мундиры) со стоячим воротником.

В марте 1855 г. мундиры с вырезом юбки спереди заменяются двубортными полукафтанами с полной юбкой и стоячим воротником.

В октябре 1870 г. вместо прежних виц-мундиров и сюртуков в морском ведомстве появляется «сюртук

нового образца»: темно-зеленый, гражданского покроя, двубортный, на 6 пуговиц, с отложным воротником и открытым воротом, надевавшийся на белую рубашку с черным галстуком. Ранее введенные кивера снова заменяются треугольными шляпами гражданского образца.

Хотя система обозначения чинов на эполетах и погонах офицеров флота совпадала с общеармейской, полной аналогии не существовало. Адмиральские чины по-прежнему обозначались орлами: у адмирала — тремя, у вице-адмирала — двумя и у контр-адмирала — одним (тогда как генерал-лейтенант флота имел три звездочки, а генерал-майор — две). Погоны капитанов 1-го и 2-го рангов имели по два просвета: у первого — без звездочек, а у второго — с тремя звездочками. Погоны флотских обер-офицеров имели один просвет, причем у старшего лейтенанта (VIII класс) звездочки отсутствовали (как у армейского капитана), у лейтенанта их было три, а у мичмана — две.

СВИТСКИЕ ЗВАНИЯ И МУНДИРЫ

Генералы, адмиралы и офицеры сухопутных и военно-морских сил, отличившиеся по службе и пользовавшиеся доверием императора, с начала XIX в. составляли его Свиту и имели особые свитские звания. Хотя формально Свита не являлась частью Императорского двора, а входившие в нее лица не относились к числу придворных, фактически свитские звания могут рассматриваться как военно-придворные. С 1908 г. сведения о личном составе Свиты стали даже включаться в справочник «Придворный календарь». Еще в 1711 г. в России впервые появляются должности генерал-адъютанта и флигель-адъютанта. В Табели о рангах различались генерал-адъютанты (VI класс), генерал-адъютанты при генерал-фельдмаршале (VII класс) и флигель-адъютанты при генерал-фельдмаршале (IX класс). С 1713 г. генерал-адъютанты стали назначаться при монархе. В 1731 г. императрица Анна Иоанновна установила, что число

и ранг генерал-адъютантов «в воле ее величества». Многие из них имели чины бригадира и генерал-майора. При Анне Иоанновне впервые появляется звание флигель-адъютанта при императрице, пожалованное графу А. П. Апраксину с указанием на то, что звания этого «прежде сего не бывало и впредь по нем, Апраксине, не будет». Однако при Петре III назначение во флигель-адъютанты снова имело место с присвоением им ранга полковника армии. Екатерина II указала, что «генерал-адъютанты ниже генерал-поручика... быть не могут». 7 июня 1765 г. ею же было утверждено наставление генерал-адъютантам, в котором говорилось, что «генерал-адъютант есть первый страж и охранитель нашего здравия и потому» он «пребывая... неотлучно при нас, имеет все наши караулы, как-то: кавалергардский, лейб-гвардии и напольные, во дворцах наших находящиеся, в единственном своем ведении и отдает им как слово, так и все наши повеления».

В конце XVIII в. названные должности окончательно перестают связываться с постоянным обязательным исполнением адъютантских обязанностей и превращаются в почетные звания. Оба звания (генерал-адъютант и флигель-адъютант) стали даваться лицам, уже имевшим военные чины. В 1797 г. указом было разъяснено, что звание флигель-адъютанта могло сохраняться лишь за теми, чей чин был ниже IV класса, то есть за обер- и штаб-офицерами. Произведенные в генеральские чины теряли это звание, но могли получить звание генерал-адъютанта.

В начале XIX в. складывается понятие «Свита его императорского величества», объединявшее всех генерал- и флигель-адъютантов. В 1827 г. для военных чинов IV класса были установлены особые звания: *Свиты его величества генерал-майор* и *Свиты его величества контр-адмирал* (первые пожалования их состоялись в 1829 г.). С этого же времени звание генерал-адъютанта стало присваиваться лишь военным II и III классов. Сохранялось оно и за генерал-фельдмаршалами (например,

в 1830–1840 гг. звание генерал-адъютанта имел генерал-фельдмаршал И. Ф. Паскевич). Наконец, с 1811 г. появляется еще одно почетное свитское звание — *генерал, состоящий при особе императора* (существовало до 1881 г.). Обычно оно давалось полным генералам (II класс). К концу XIX в. генералы, состоявшие при императоре, стали именоваться *генерал-адъютантами при особе его величества* (в отличие от *генерал-адъютантов его величества*), которые в «Положении об Императорской главной квартире» числились выше просто генерал-адъютантов. Отставка при достижении предельного чина (для двух низших групп свитских званий) влекла за собой отчисление из Свиты. Для получения же более высокого звания требовалось новое пожалование.

По закону пожалование свитских званий производилось «по непосредственному государя императора усмотрению», причем число лиц Свиты не ограничивалось. По царствованиям назначения в Свиту распределялись следующим образом: Павел I — 93, Александр I — 176, Николай I — 540, Александр II — 939, Александр III — 43 лица. Общая численность Свиты составляла к концу царствования Александра I — 71 человек, Николая I — 179, Александра II — 405 и Александра III — 105. К 1914 г. в Свите числились 51 генерал-адъютант, 64 генерал-майора и контр-адмирала и 56 флигель-адъютантов.

Первоначально Свита входила в состав Квартирмейстерской части военного ведомства, а с 1827 г. (по другим данным, с 1843 г.) — в Императорскую главную квартиру, подведомственную Военному министерству. Последнюю, помимо Свиты, составляли Военно-походная канцелярия, Собственный его императорского величества конвой, рота дворцовых гренадеров и лейб-медики. Во главе Квартиры стоял командующий, чья должность с 1856 г. совмещалась с должностью министра Императорского двора.

Лица, составлявшие Свиту, в большинстве занимали какие-либо должности вне ее по военной или гражданской линиям. Но некоторые из них состояли исключительно «при особе его величества», то есть в Свите.

Неизвестно, имели ли они какие-нибудь специальные свитские обязанности.

Персональный состав Свиты был довольно случайным. По замыслу, в Свиту должны были входить деятельные, безукоризненно честные, лично симпатичные императору люди. На практике же проявлялась тенденция к превращению Свиты в некое представительство генералов и офицеров от разных родов войск и гвардейских частей. Вошло, например, в обычай назначать в Свиту адъютантов гвардейских полков. Существовало мнение, что Свита формировалась без должной осмотрительности и включала многих, не заслуживавших уважения. Сравнивая состав «свитских чинов» русского и германского императоров при их свидании в 1890 г. А. А. Половцов записал в дневнике, что в свите Александра III «от прежнего времени осталось множество никуда не пригодного хлама, который в настоящее время и составляет персонал, появляющийся для сопровождения императора».

В обязанности «чинов» Свиты входило выполнение специальных поручений императора по преимуществу в провинции (наблюдение за рекрутскими наборами, расследование крестьянских беспорядков и т. п.), сопровождение прибывавших в Россию «иностранных высочайших особ» и военных делегаций, присутствие (в свободное от других служебных занятий время) «на всех выходах, парадах, смотрах... где его величество изволит присутствовать», а также дежурство при императоре во дворце или на церемониях вне дворца.

Дежурство могло быть «полного наряда» — в составе генерал-адъютанта, свиты генерал-майора и флигель-адъютанта либо состояло из одного флигель-адъютанта. До 1881 г. в столице полное дежурство назначалось ежедневно. С этого года вводится правило назначать полное дежурство лишь по воскресеньям, праздникам, в дни балов и больших выходов; в остальные дни дежурство осуществлялось одним флигель-адъютантом (как это обычно практиковалось в загородных дворцах). В середине XIX в. на каждого свитского офицера приходилось

по одному дежурству в два месяца. Основной обязанностью «дежурства» во дворцах была организация представления императору лиц, явившихся на общий прием, наблюдение за порядком во время докладов официальных лиц императору, соупутствование императору на парадах и смотрах, а также в театрах.

Важной привилегией дежурных генерал-адъютантов с 1762 г. стало объявление «изустных указов» императора. Все лица Свиты имели право представляться императору «в дни приемов, не испрашивая предварительного разрешения». Для флигель-адъютантов существовали льготные условия производства в чины вне зависимости от вакансий. За проступки по службе и порочащие поступки в личной жизни свитское звание могло быть отнято.

В конце павловского царствования генералы Свиты получили золотое, а офицеры — серебряное шитье на груди, воротниках, клапанцах обшлагов и карманных клапанах мундиров.

В 1802 г. генерал-адъютантам в дополнение к армейскому мундиру был дан особый свитский мундир темно-зеленого сукна с красным воротником и обшлагами, украшенными золотым шитьем оригинального рисунка, и с аксельбантом на правом плече. Мундир дополнялся белыми панталонами с ботфортами и треугольной шляпой с белым плюмажем. Генералы, числившиеся по кавалерии, имели мундир белого сукна.

Флигель-адъютанты имели такую же свитскую форму, только с серебряным прибором, а шляпу — без плюмажа. В 1807 г. все «чины» Свиты получили эполет на левое плечо, а в 1815 г. — эполеты на оба плеча с вензелем императора на них, сохранив аксельбант. Вензель императора на эполетах или погонах свитского или общевоинского мундира стал главным знаком принадлежности к Свите. В 1814–1817 гг. свитский мундир становится однобортным и дополняется белой выпушкой по воротнику, клапанам обшлагов, бортам и фалдам. В 1844 г. для генерал-адъютантов, а в 1847 г. и для фли-

гель-адъютантов вместо шляп были установлены каски с белым султаном.

В 1855 г. свитские мундиры стали двубортными. К ним полагались темно-зеленые рейтузы с галунными лампасами; в 1873 г. их заменили черные чакчиры с красными двухрядными лампасами. Белые брюки сохранились лишь для балов. В 1862 г. вместо каски ввели кепи из белого сукна с околышем из галуна и с султаном из белого волоса. В 1873 г. кепи снова заменяется каской, но без султана.

В январе 1882 г. «чины» Свиты получили мундиры нового покроя — с широкой юбкой и синие шаровары с красным двухрядным лампасом, заправляемые в сапоги. Заметным отличием «свитских чинов» стала белая мерлушковая шапка с красным верхом.

Генералы и офицеры казачьих войск, а также адмиралы и офицеры флота в составе Свиты сохраняли свою форму мундира, дополнявшуюся шитьем (у казаков) и прочими свитскими атрибутами.

РАНГИ И ТИТУЛЫ ЧИНОВНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ВЕДОМСТВ

XVIII — ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

В гражданской службе, в отличие от военной, введение Табели о рангах вызвало многие сложности. Незадолго перед появлением Табели система гражданских государственных учреждений была реформирована и значительно расширена. «Приказы» заменялись коллегиями, подконтрольными Сенату. Реорганизовывалась система местных органов власти. Понадобилось заместить множество новых должностей. Требования Табели относительно постепенности в выслуге рангов оказались невыполнимыми, в связи с этим в одном из «пунктов» к Табели разъяснялось: «Понеже статские чины (в данном случае — должности. — Л. Ш.) прежде не были распоряжены, и для того почитай никто или зело мало ктоб кто надлежащим порядком снизу свой чин верхний заслужил из дворян, а нужда ныне необходимая требует и в вышние чины, того ради брать, кто годен будет, хотя б оный и никакого чина не имел. Но понеже сие в рангах будет оскорбительно воинским людям... того ради, кто в который чин и возведен будет, то ему ранг заслужить летами, как следует». Для дворян выслуга устанавливалась по соответствию с воинскими чинами (по три года в каждом низшем ранге). Одновременно предписывалось «впредь на вакансии не со стороны хватать, но

порядком как в воинских чинах производится», то есть из числа служащих того же учреждения. Для подготовки молодых людей к гражданской службе при коллегиях предусматривалось иметь некоторое количество юнкеров.

Анализ последующей практики чиновпроизводства в России привел дореволюционного исследователя истории гражданских чинов В. А. Евреинова к выводу о том, что следствием «значительного количества гражданских должностей» становилось «более частое открытие вакансий, и по самому характеру этих самых должностей, требующих известных познаний и способностей, лица даровитые могли быстро продвигаться по иерархической служебной лестнице и, начав одновременно службу с лицами, поступившими в войска, должны были понышаться в рангах и пользоваться особыми преимуществами несравненно скорее, чем их военные сверстники». Однако ясно, что это явление не могло быть массовым, а касалось лишь наиболее способных и настойчивых гражданских служащих. Для основной массы чиновников препятствием к продвижению по должностной лестнице явилось то, что число низших должностей значительно превышало число высших. В качестве средства поощрения службы, имитирующего действительную карьеру, стало все шире применяться производство в следующий чин (ранг) без повышения в должности. Последующее (после принятия Табели о рангах) законодательство XVIII и самого начала XIX в., помимо решения вопроса о правомерности и условиях производства в чины отдельно от повышения в должностях, пыталось определить порядок производства в первый классный чин (XIV класс) лиц недворянского происхождения, иначе говоря, порядок их вступления на гражданскую службу, а также уточняло ранг отдельных гражданских чинов и устанавливало единые общие наименования их в каждом из классов.

Указом Петра I от 7 мая 1724 г. предписывалось «тайных советников чин повысить в третий класс, а на то место учинить чин статских действительных советников. Да в пятый класс прибавить статских советников чин».

Позднее так стали называться чины IV и V классов. Но названным указом, как мы полагаем, устанавливались не названия чинов, а новые гражданские почетные звания по образцу принятых в Пруссии (советник — Rath). Указ императрицы Елизаветы Петровны Сенату от 23 июня 1745 г. узаконил общие названия для VI, VII и VIII классов гражданской службы (коллежский советник, надворный советник и коллежский асессор), перевел чин надворного советника из VIII класса в VII и подтвердил обязательность последовательной выслуги в каждом чине, даже если должностей соответствующего класса не существовало.

После некоторых колебаний с 13 сентября 1767 г. предписывалось, «чтоб тем, которые не могут поступить по новым чинам на порозжие вакансии, остаться в прежних местах и с прежним жалованием, какое ныне получают». 16 декабря 1790 г. Екатерина II подписала указ Сенату «О правилах производства в статские чины», который фактически подводил итог предшествующему законодательству в этой области. Получение низшего классного чина могло иметь место только при назначении на должность. Для тех, кто уже имел чин XIV класса, устанавливались два пути продвижения вверх по лестнице чинов (вне зависимости от наличия вакансий): награждение чином за особые заслуги и выслуга определенного числа лет в предыдущем чине. Относительно второго пути в указе говорилось: «...к одобрению людей достойных и способных, и дабы не заградить таковым пути к преимущественному пред прочими возвышению... давать чины тем из удостоенных, кто не менее трех лет в одном чине действительно служит, разумея до VIII класса». Для перевода в чин VIII класса (дававший потомственное дворянство) из предыдущего недворянам требовалось служить не три года, а 12 лет.

20 апреля 1797 г. указ Павла I «О наблюдении, при избрании чиновников к должностям, старшинства мест и чинов» еще раз не только подтверждал право, дававшееся чином на занятие должности вообще, но и определял прямое соответствие этого права старшинству

чинопроизводства. А указ от 9 декабря 1799 г. устанавливал сроки выслуги в чинах от IX до V классов (4, 5, 6 и 4 года). Имелось в виду, что пожалование в более высокие чины производится вообще вне правил, по личному усмотрению императора. Снова предусматривалась возможность чиновпроизводства за особые заслуги.

Постановления Екатерины II и Павла I, закрепившие, в частности, возможность производства в следующий чин при условии простой выслуги лет, окончательно превратили получение очередного гражданского чина в *право* государственных служащих, на реализацию которого они могли претендовать (если не находились под следствием и не были опорочены по суду). Лишь получение чина вне положенного срока за особые заслуги делало его наградой. На практике же в связи с новым расширением в начале XIX в. государственного аппарата и недостатком подходящих кандидатов для замещения вакантных должностей Сенат назначал на должности лиц с чином меньшего класса, чем класс должности, с одновременным повышением класса их чина до класса должности. Этой практике положил конец указ от 2 июня 1808 г., предписывавший «впредь ни в каком случае Сенату самому собою не производить никого в чины прежде выслуги узаконенных лет». Вместе с тем подтверждалось требование представлять ходатайства о награждении чинами за особые заслуги на усмотрение самого императора.

С возникновением собственно гражданских чинов, то есть отделением их от должностей в самостоятельную правовую категорию, усилилась потребность в единых наименованиях этих чинов — в общих обозначениях классов гражданской службы. Первоначально (в «пунктах» к Табели о рангах и последующем законодательстве о чинах) стали использоваться наименования военных чинов как уже вполне установившиеся. Однако вводить их в широкое употребление не представлялось возможным, хотя гражданские чиновники очень стремились к этому, поскольку военная служба пользовалась большим почетом, чем гражданская, и свою роль играло

желание чиновников приравнять себя к офицерам. В течение XVIII в. правительству приходилось неоднократно издавать указы, запрещавшие штатским служащим именоваться военными чинами. Но притягательность последних оказалась столь велика, что даже при Николае I офицеры, перешедшие в гражданскую службу, продолжали именоваться своими прежними чинами. Предпочтение отдавали военным чинам и в конце XIX в., когда, по свидетельству современников, «многие чины высшей гражданской иерархии» вели себя «прислуге называть себя генералами».

Формирование номенклатуры гражданских чинов пошло по двум направлениям. Прежде всего классы чинов стали называть значившимися в них наименованиями званий, не связанных со службой в каком-то конкретном учреждении и не предполагавших исполнения определенных обязанностей (разного рода советники). Затем, наоборот, за другими классами чинов закрепились названия наиболее известных и постоянно существовавших должностей: коллежского советника, коллежского асессора, коллежского секретаря и т. д. Юридически эти наименования окончательно закрепились, упоминавшимся законом 1790 г.

В результате к началу XIX в. номенклатура гражданских чинов приобрела такой вид (табл. 8):

Таблица 8

Класс	Чины
I	Канцлер; действительный тайный советник
II	Действительный тайный советник
III	Тайный советник
IV	Действительный статский советник
V	Статский советник
VI	Коллежский советник; военный советник
VII	Надворный советник
VIII	Коллежский асессор
IX	Титулярный советник
X	Коллежский секретарь
XI	Корабельный секретарь
XII	Губернский секретарь
XIII	Провинциальный секретарь
XIV	Коллежский регистратор

Двойное наименование высшего гражданского чина и некоторые особенности его пожалования определялись следующим. Чин канцлера или государственного канцлера мыслился как уникальный, предназначенный для первого должностного лица в иерархии гражданской службы. Всего в России чин канцлера имели 11 человек. Первым в 1709 г. его получил граф Г. И. Головкин, а последним в 1867 г. — князь А. М. Горчаков. Чаще всего чин канцлера давался министрам иностранных дел. Если министр обладал чином II класса, он мог именоваться вице-канцлером. В середине XIX в. имела место ситуация, когда чин канцлера некоторое время сохранял бывший министр иностранных дел (граф К. В. Несельроде), а новый министр (князь А. М. Горчаков) его еще не получил. В 1830-х гг. князь В. П. Кочубей, будучи председателем Государственного совета и Комитета министров, пользовался чином *канцлер по внутреннему управлению*. Но уже в конце XVIII в. возникла необходимость пожалования в чин I класса лиц, которые в силу своего служебного положения никак не могли именоваться канцлерами. Тогда и получило начало употребление другого наименования чина — действительный тайный советник I класса. Слово «действительный» означало настоящий, полный и указывало на высшую степень одного из двух одноименных чинов. Число лиц, имевших этот чин до 1917 г., не намного превышало десяток. Известно, что чином действительного тайного советника I класса в конце XVIII в. обладали граф Н. И. Панин, светлейший князь П. В. Лопухин, князь Александр Куракин. В середине XIX в. этот чин имел князь А. Н. Голицын, в 1906 г. его получил граф Д. М. Сольский, а в 1916 г. — И. Л. Горемыкин.

Чин VI класса первоначально именовался *советник и коллегии*. Второе название (*военный советник*) появилось в 1797 г. для обозначения гражданских чиновников, служивших в учреждениях военного ведомства. Слово «титулярный» в названии чина IX класса близко по значению к слову «номинальный» (не действительный). Согласно Табели о рангах чин IX класса мог

даваться «профессорам при Академии» и «докторам всяких факультетов, которые в службе обретаются». Отнесение российских ученых к столь низкому рангу вызвало критические замечания М. В. Ломоносова. Одной из причин недостаточной привлекательности в России ученых званий он считал невозможность получить вместе с ними высшие чины, «между тем как за границей» ученые, «хотя большей частью не принадлежат к дворянству, производятся в статские и тайные советники. И для того дворяне охотнее детей своих отдают в кадетский корпус. А если бы ранги были расположены (благоприятнее для ученых. — Л. Ш.), то дворяне возымели бы охоту не менее к наукам, как и военному искусству»*. Чин *корабельный секретарь* (XI класс) первоначально значился среди военно-морских чинов. Чин *провинциальный секретарь* был введен исключительно для военных XII класса (например, подпоручиков армии), вышедших в отставку и перешедших на гражданскую службу. К концу XVIII в. чины XI и XII классов фактически перестали употребляться (чинопроизводство осуществлялось из коллежских регистраторов сразу в губернские секретари, а затем в коллежские секретари), и общее количество классов гражданских чинов сократилось до 12, что было законодательно закреплено в 1811 и 1834 гг.

В самом конце царствования Павла I (указ от 3 августа 1800 г.) делается попытка вообще отказаться от специальных наименований гражданских чинов, заменив их указанием должности и класса чина (например, *обер-секретарь VII класса*). Чины, однако, уже столь прочно вошли в служебный быт и названия их стали настолько широко употребляемыми, что новшество вызвало недовольство служащих и от него через год отказались.

Указом Александра I от 1 августа 1801 г. предписывалось, чтобы «все места наполняемы были чиновниками самых тех классов, в коих места сии по штатам положены». Вместе с тем разрешалось «по уважению способно-

стей и в нужных случаях определять на оные и таких, коих чины и несовершенно классу мест соответствуют; но чтоб изъятие сие из общего правила не простиралось ни выше, ни ниже одного чина». Подтверждалось существование обязательного срока нахождения в каждом чине, без выслуги которого очередной чин не мог быть получен.

Изданием чиновпроизводственных правил 1801 г. завершилось в основном структурирование системы гражданского чиновпроизводства в России.

Некоторые особенности гражданской службы как бы усугубили роль в ней чинов и чиновпроизводства. Прежде всего должно иметь в виду, что гражданское чиновничество в наибольшей мере комплектовалось за счет недворянских элементов. Правительство усматривало опасность такой практики. Именно поэтому в гражданской службе практическое значение получало регулирование состава чиновников. Система гражданского чиновпроизводства в решающей степени определяла состав бюрократии, а та вследствие причастности к власти могла влиять на деятельность правительственного аппарата, а иногда и на правительственную политику. Поскольку в гражданской службе, в отличие от военной, производство в чины не лимитировалось количеством вакансий, число лиц в относительно высоких чинах могло быть произвольно большим. Из-за чего при открытии вакансий на более высокие должности обычно претендовало несколько кандидатов, имевших соответственные чины. Преимущественным правом на должность обладал старший в чине, а при равенстве чина — старший по времени производства в него. Естественно, что в подобных условиях внимание к формальностям чиновпроизводства было повышенным и, так сказать, болезненным. Значение чина на гражданской службе усиливалось и тем, что чиновники обретали потомственное дворянство лишь в ходе службы, в результате чиновпроизводства. Наконец, гражданские чиновники низших и средних классов менее других имели доступ ко двору. Тем большее значение для них приобретало достижение

* Сам Ломоносов в начале царствования Екатерины II получил чин статского советника (V класс) в качестве почетного звания.

тех классов, которые сообщали им это столь желанное право. Поскольку гражданские чины приобретались главным образом выслугой лет, получение их становилось почти автоматическим. Считалось, что этим обеспечивалась известная независимость обладателя чина от его непосредственного начальства. Существовало даже убеждение, что чиновники, находившиеся на противоположных концах служебной лестницы, — суть одинаковые слуги царя, равно им поставленные.

В начале XIX в. значение проблемы гражданского чиновничества возросло вследствие новой реформы центральных государственных учреждений, заменявшей коллегии министерствами. Ставилась задача повышения уровня государственного управления вообще.

В этой связи на одно из главных мест выдвинулся вопрос об общей и специальной образовательной подготовке чиновников. Решение его намечал указ Александра I Сенату от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники» (первый штаб-офицерский и первый генеральский чины). Вдохновителем и автором указа стал известный государственный деятель того времени М. М. Сперанский. В указе говорилось:

«В Правилах народного просвещения, в 24 день генваря 1803 года изданных, постановлено было: "Чтоб ни в какой губернии, спустя 5 лет по устройении в округе, к которому она принадлежит, на основании общих правил училищной части, не определять к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, людей не окончивших учения в общественном или частном училище.

М. М. Сперанский

Разум сего постановления состоял в том, чтобы разным частям гражданской службы доставить способных и учением образованных чиновников; чтоб трудам и успехам в науках открыть путь к деятельности, предпочтению и наградам, с службою сопряженным.

Предполагалось было, что все свободные состояния, и особенно сословие дворянское, с поревнованием воспользуются открытием университетов, гимназий и училищ в округах, губерниях и уездах, с знатным иждивением казны и с нарочитыми пожертвованиями самого дворянства устроенных, и везде уже большей частью существующих, и что отечественные сии установления предпочтены будут способам учения иностранным, недостаточным и ненадежным. Но из ежегодных отчетов Министерства просвещения и сведений, к нам доходящих, с сожалением мы видим, что предположения сии доселе не восприяли еще своего действия. Исключая университеты Дерптский и Виленский, все прочие учебные заведения, в течение сего времени открытые, по малому числу учащихся, не соразмерны способам их учреждения. К вящему прискорбию нашему, мы видим, что дворянство, обыкшее примером своим предшествовать всем другим состояниям, в сем полезном учреждении менее других приемлет участия.

Между тем все части государственного служения требуют сведущих исполнителей, и чем далее отлагаемо будет твердое и отечественное образование юношества, тем недостаток впоследствии будет ощутительнее.

Восходя к причинам столь важного неудобства, мы находим между прочим, что главным поводом к оному есть удобность достигать чинов не заслугами и отличными познаниями, но одним пребыванием и счислением лет службою.

В отвращение сего, дабы положить наконец преграду исканиям чинов без заслуг, а истинным заслугам дать новое свидетельство нашего уважения, признали мы нужным постановить следующее:

1. С издания сего указа никто не будет произведен в чин коллежского асессора, хотя бы и выслужил положенное число лет в титулярных советниках, если сверх

отличных одобрений своего начальства, не предъявит свидетельство от одного из состоящих в империи университетов, что он обучался в оном с успехом наукам, гражданской службе свойственным, или что представ на испытание, заслужил на оном одобрение в своем знании. Порядок и образ сих испытаний имеет быть немедленно определен и обнародован от Главного училищ управления.

2. Порядок производства в чины до коллежских асессоров оставляется на прежнем основании.

3. Те, кои до издания сего указа произведены были и ныне состоят в чине коллежского асессора, могут быть производимы до статских советников на прежнем основании, но не иначе, как когда с полною выслугою лет соединены будут самые достоверные свидетельства об отличном усердии и делах, особенное одобрение заслуживших. Простое исполнение должности ни в каком случае, хотя бы оно и далее положенных простиралось, не дает права на производства...

5. В статские советники никто не может быть произведен по одним летам службы. К производству сему потребно совокупное представление следующих удостоверений: 1) свидетельство о том, что представляемый чиновник, по крайней мере, 10 лет продолжал службу с ревностью и усердием. 2) Что в числе разных должностей, по крайней мере, два года был он действительно в каком-либо месте советником, прокурором, правителем канцелярии или начальником какой-либо положенной по штату экспедиции. 3) Сверх сего он должен представить аттестат университета об успешном учении или испытании его в науках, гражданской службе свойственных. 4) Должен представить одобрение начальства, в коем он служит, изображающее именно, какие он оказал отличные заслуги.

6. В преграждение того, чтоб чины, при отставке даваемые, не были предлогом к неправильному их достижению при обратном в службу вступлении, постановляется, чтоб чиновники, получившие следующие чины при отставке, принимаемы были паки в службе не ина-

че, как теми самими чинами, какие имели они до отставки».

Специально оговаривалось (§ 9), что «чины гражданские, в ведомстве обеих военных коллегий и подведомственных им мест, также при полках и разных военных командах служащие, подходят под вышеначертанный порядок; переход же чинов военных за ранами и болезнями в гражданскую службу и определение к должностям полицмейстеров, городничих и тому подобных, остается на прежнем положении; но представление их к производству в чины 8-классные должно быть согласно 3 статье сего указа, и всегда на самых достоверных свидетельствах об отличном усердии и делах, особенное одобрение начальника заслуживших».

Для чиновников медицинской службы и горных существовали особенные правила чинопроизводства.

В заключение (§ 11) устанавливалось, что «с введением в действие» указа от 6 августа 1809 г. «Постановление об определении к штатным местам чиновников не выше и не ниже одного класса, само собой уже отменяется».

Столь крутая мера вызвала и в целом, и в деталях неблагоприятный отклик современников. В частности, подверглась осуждению программа экзаменов. Одним из выступивших с критикой ее стал известный историк Н. М. Карамзин. Он представил записку, в которой не без юмора, хотя и не совсем по существу дела, писал: «Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимое для их звания: науки инженерной — от инженера, законовения — от судьи и проч. У нас же председатель гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский — свойства кислорода и всех газов, вице-губернатор — пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших — римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни сорокалетняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга узнать вещи, совсем для нас чуждые

и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия столь несогласного с их целью...»

Указ 1809 г. не стал достаточным стимулом для повышения образовательного уровня чиновничества. К тому же в скором времени возникла необходимость делать исключения из установленных правил ввиду того, что министры жаловались на затруднения в замещении должностей, и каждый из них стремился доказать, что в работе его министерства опыт для служащих имеет преимущественное значение перед общим образованием. Предоставление разрешений не соблюдать предписанный указом порядок применительно к отдельным категориям чиновников и целым ведомствам приняло в результате столь широкий характер, что уже через три года после издания закона соблюдение его требований стало исключением.

10 апреля 1812 г. по указанию Александра I создается особый комитет из четырех министров, на который было возложено «составление общих по всем частям гражданской службы правил, для какого рода службы, каких именно наук познание нужно, дабы, определив то, подвергать при производстве в чины экзамену, с сим соотносительному». В связи с Отечественной войной 1812 г. составление таких правил затянулось до 1814 г. С этого времени начинается период нескончаемых обсуждений в правительственных верхах вопроса о самой целесообразности сохранения гражданских чинов и о реорганизации их системы и порядка чиновничьего производства.

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

С восшествием на престол Николая I принимаются решительные меры (хотя и не всегда успешно) по наживанию гражданской службы. Их проведение во многом связано с деятельностью Собственной его императорского величества канцелярии.

Николай был уверен («нет сомнения»), что в России избыток чиновников, «более чем требуется для успехов

службы», и «весьма многие [из них] остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах от праздности...» Он выражал намерение возвысить гражданскую службу, как им была возвышена военная, и даже «хотел знать всех... чиновников, как... знал всех офицеров... армии».

Уже 8 января 1826 г. он распорядился «немедленно рассмотреть» вопрос об организации гражданской службы в Государственном совете. Вследствие сложности проблемы сделать это в спешном порядке оказалось невозможно. Подготовка соответствующих законопроектов и надзор за организацией государственной службы были возложены Николаем на его собственную канцелярию.

Собственная его императорского величества канцелярия

Канцелярия эта возникла еще в 1812 г. и долгое время возглавлялась известным А. А. Аракчеевым и даже размещалась в его доме. В самом начале николаевского царствования (31 января 1826 г.) ее реорганизовали и разделили первоначально на два отделения. Первое осуществляло общий контроль за организацией гражданской службы и ее прохождением чиновниками (назначение высших чиновников, установление условий их службы, награды и т. п.). На Второе отделение возлагалась кодификация законодательных актов Российской империи (в 1882 г. его функции отошли к Государственному совету). 3 июля 1826 г. создается (более других известное) Третье отделение, которое стало органом административного надзора и центром политического сыска в стране (в 1880 г. его функции передали Министерству внутренних дел). В 1828 г. организуется Четвертое отделение, для заведования благотворительными учреждениями императрицы Марии Федоровны, вдовы Павла I (так называемое Мариинское ведомство, в 1880 г. реорганизованное в особую Собственную его императорского величества канцелярию по учреждениям

императрицы Марии). Временное Пятое (1836–1866) и Шестое (1842–1845) отделения ведали подготовкой нового положения о государственных крестьянах и реформы административного устройства Кавказа. После ликвидации прочих отделений с 1882 г. Первое отделение снова стало называться Собственной канцелярией.

Функции трех первых отделений Собственной канцелярии согласовывались. На Первое отделение возлагалось, как уже отмечалось, общее руководство организацией гражданской службы. Второму поручалась кодификация законов империи, чем предполагалось достичь установления в сфере государственного управления хотя бы основ правового порядка. Началось издание Полного собрания законов Российской империи (хронологического) и Свода законов (систематического). Третьему отделению (и подчиненному ему Корпусу жандармов) вменялось в обязанность наблюдение за правопорядком в стране и «общественным мнением» всех слоев населения. Своей важнейшей задачей руководители Третьего отделения считали «подавление происков бюрократии» — этого «гложущего червя», паразитирующего на обществе. Обеспокоенность состоянием чиновничества вызывалась двумя обстоятельствами. С одной стороны, тем, что в связи с введением в стране министерской системы численность гражданских служащих резко увеличилась за счет представителей социальных групп, не имевших права на государственную службу. С другой — несколько возросшей образованностью чиновников и обострением критического отношения их к действительности.

Чтобы успешно справиться с поставленными перед ней задачами, Собственной канцелярии самой предстояло стать образцовым учреждением. В начале своей деятельности Первое отделение насчитывало всего несколько чиновников, и Николай I хвастался, что, «несмотря на сие, течение дел столь быстро, что ежедневно кончаются все дела». А. А. Аракчеева в качестве главы Первого отделения заменил Н. Н. Муравьев. Но в 1831 г. он ушел в отставку по болезни и на его место назначили

Александра Сергеевича Танеева (1785–1866), пользовавшегося репутацией хорошего организатора и редактора. Позднее Танеев дослужился до чина действительного тайного советника, получил звание статс-секретаря, стал членом Государственного совета и был награжден придворным званием камергера (в Русском музее хранится его портрет в мундире члена Государственного совета, исполненный художником С. К. Зарянко).

Забегая вперед, отметим, что в 1865 г. А. С. Танеева сменил на посту управляющего Первым отделением его сын Сергей Александрович (1821–1889). Хорошо знавший его А. А. Половцов отзывался о нем как о чиновнике «исполинской посредственности», действовавшем по принципу «угадать и угодить»: «Самая ничтожная во всех отношениях личность, дошедшая до степеней известных только потому, что любят бессловесных. Самое изысканное подобиострастие, соединенное с полною бездарностью, — вот справедливая характеристика этого канцеляриста, который не имел в жизни иной цели, как обдeldывание своих личных делишек вроде прибавки жалованья, устройства казенной квартиры или получения какой-нибудь ленты». Именно ему в 1880-х гг. Александр III поручил руководство работой Особого совещания по вопросу об изменении действующих законоположений о порядке чиновничьего производства в гражданском ведомстве.

В 1896 г. главой Канцелярии (к этому времени отделения внутри нее были упразднены) назначается сын последнего — Александр Сергеевич (1850–1918). Третий

Управляющий Собственной его величества канцелярией А. С. Танеев в мундире члена Государственного совета. 1834 г.

Танеев стал обладателем высшего придворного чина обер-гофмейстера. Увлекался музыкой, получил известность как композитор-любитель. Его дочь Анна (1884–1964, по мужу — Вырубова), также увлекавшаяся музыкой, стала ближайшей подругой императрицы, что, конечно, усиливало позиции Танеева при дворе. Отзывы современников о последнем Танееве как государственном деятеле также не комплиментарные.

В сфере организации государственной службы деятельность Собственной канцелярии с самого начала направлялась на решение трех главных задач:

1. Очищение состава чиновников от тех, кто не имел права на государственную службу или чины данного класса;

2. Подготовка законоположений, устанавливающих четкий правовой порядок приема на государственную службу и прохождения ее;

3. Разработка единой системы форменной одежды для гражданских чиновников. Считалось, что такая одежда столь же необходима, как и в армии. Выделяя визуально агентов государственной власти из общей массы населения и, наоборот, указывая на корпоративную общность чиновников отдельных ведомств, такая одежда подчеркивала престиж государственной службы и оказывала большое нравственное влияние на ее обладателей. В законе говорилось, что «мундир означает место служения, а также степень звания и должности».

По указанию Николая I Первое отделение в 1827 г. организовало проверки состава столичных чиновников, в особенности низших, на предмет выяснения их прав на занятие должностей государственной службы. Сам император в 1828 г. неожиданно посетил Сенат, явно с контрольными целями. Собственной канцелярии он поручил разработать новую «Табель о рангах» — на этот раз о рангах (классах) всех должностей гражданской службы (в 1835 г. издается «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно»). Тогда же по указанию императора готовится реформа

форменной одежды гражданских чиновников (реализована законом от 27 февраля 1834 г.).

В 1836 г. на Первое отделение возлагается «наблюдение за службой всех гражданских чиновников». А в 1842 г. А. С. Танееву поручается исправить «Общий гражданский список», ведшийся Герольдией, по подлинным формулярным спискам. Как говорилось в отчете Танеева, в первые же месяцы «последовали целые сотни замечаний, сообщенных Герольдии через министра юстиции, по поводу массы ошибок, вкравшихся в список. Дело это было крайне трудное, так как формуляры присылались учреждениями с обычной в делопроизводстве того времени медлительностью. Вкравшиеся в сведения о чиновниках ошибки показывают, с какой неаккуратностью велся список... Государь обратил внимание на то, что в списке значатся лица, привлекавшиеся к ответственности, причем умалчивается об их подсудности. Государю угодно было проверить, нет ли незаконно приобретенных имений, и в этом также обнаружили злоупотребления. Поэтому государь, убедившись в необходимости особенного наблюдения за всем гражданским служебным персоналом в Империи, повелел... составить проект учреждения Инспекторского департамента гражданского ведомства, который удостоился высочайшего утверждения 31 июля 1846 г.». В указе Сенату по этому случаю говорилось: «...Признали мы за благо усвоить собственному руководству нашему заведование сими (гражданскими. — Л. III.) чинами в полном их составе». Уже через два года Николай I констатировал, что «цель достигнута: порядок, отчетность заменили беспечность и злоупотребления разного рода». Сам Танеев считал, что удалось достигнуть и некоторого «упрощения форм делопроизводства, на что требовалось прежде несколько месяцев... то совершается в несколько недель, и уже это одно ускорение производства есть для личного состава гражданских чинов истинное благодеяние». В Инспекторском департаменте оказались сосредоточены «все случаи, относящиеся до личного состава гражданских чинов», связанные как с назначениями на должность,

так и с производством в чины. Перемены по службе чинов VI класса и выше оформлялись «высочайшими приказами». Позже Танеев докладывал Александру II: «Делопроизводство о награждении чинами, за выслугу определенных по закону сроков, составляет главное занятие по Инспекторскому департаменту, которому подлежит из достаиваемых начальствами производства в чины ежегодно до 18 тыс. лиц рассмотреть права каждого». Так как «производство в чины и представление в них старшинства обуславливается занятием таких мест, которые открывают на повышение в чин право, то... никто не был производим двумя чинами выше класса занимаемой должности».

Танеев указывал на то, что из поступавших в департамент не оказалось «ни одного... представления, особенно по губерниям, где бы не открылись неправильные исчисления службы, ошибочные ссылки на приказы, недостаточность документов, и бывали случаи, что представлялись подложные документы». Особенно вопиющие злоупотребления обнаружались в документах, касающихся образовательного ценза чиновников: «...многие лица, прослужив безукоризненно долгое время и злоупотребляя безусловным доверием начальства, представляли задним числом университетские дипломы... оказавшиеся подложными».

Инспекторский департамент оказался втянут в непосильную работу. Непосредственно управлявшему им вице-директору камергеру М. В. Велинскому «пришлось прожить тяжкие два года, в течение коих он видел детей своих только спящими... Праздников для него не существовало». Мало того, деятельность департамента вызвала буквально катастрофический рост переписки по личному составу всех гражданских ведомств (признавалось, что она «достигла... колоссальных размеров»). Под влиянием этого и учитывая, что ведомства все же получили некоторую остротку в оформлении всех чиновпроизводственных дел, в 1858 г. Инспекторский департамент был упразднен, а обязанности его переданы Департаменту герольдии Сената.

Особенно активно против существования Инспекторского департамента возражали министры и главноуправляющие. Вот как это излагалось впоследствии:

«Инспекторский департамент совершенно устранил права местных начальств по назначению, перемещению и удалению от службы классовых чинов, так как все это стало делаться чрез департамент высочайшими приказами; вследствие такого порядка, с одной стороны, возникла во всех управлениях и по всем инстанциям новая и обширная переписка, с другой стороны, замещение освобождавшихся мест было донельзя затруднено и это при условии, что изменился только обряд окончательного назначения и увольнения лиц; ответственность же за назначение осталась по-прежнему на ближайшем начальстве, так как Инспекторский департамент для суждений о качествах и способностях назначаемых руководствовался исключительно сообщениями того же начальства. Весь Комитет министров полагал, что сношения с Инспекторским департаментом по увольнениям и назначениям могли бы быть отменены без всяких неудобств для службы. Рассмотрение департаментом документов лиц, впервые определяемых на государственную службу, содействовало, по общему отзыву, устранению некоторых беспорядков, в частности в определении на службу лиц, не имевших на то права; но, по мнению всех министров, для устранения подобных случаев достаточно было бы установить строжайшую ответственность за нарушение правил об определении на службу. Производство в чины за выслугу лет требовало также представления в департамент многих документов (формуляров, кратких и общих списков), что могло бы особенно быть сокращено вследствие издания нового закона (7 декабря 1856 г.), значительно упростившего самый расчет производства в чины за выслугу лет... Громадная переписка вытекала также из обязанности департамента составлять и вести как общие, так и частные формулярные списки всем состоящим на службе и издание ежемесячного списка гражданским чинам первых восьми классов; во всем этом, по мнению Комитета, не было

решительно никакой надобности. Наконец, согласно высочайшему повелению 27 февраля 1854 г., установлено, чтобы по делам о чиновниках Сенат требовал заключение не только от подлежащих министерств, но и от Инспекторского департамента. Такое повеление, конечно, замедляло самые дела и увеличивало переписку».

Комитет министров, рассмотрев отзывы министров и главноуправляющих, в 1858 г. признал возможным упразднить Инспекторский департамент.

Задачей Второго отделения Собственной канцелярии была, как уже отмечалось, кодификация законов Российской империи. Николай I справедливо считал существование полных и удобных для пользования изданий законодательных актов условием правопорядка в стране. В апреле 1831 г. в рескриптах на имя товарища министра юстиции Д. В. Дашкова и министра финансов Е. Ф. Канкринна император писал: «Полное собрание отечественных наших законов и достоверное их в общем и непрерывном составе издание... ныне наконец в течение последних четырех лет, по особенному моему повелению, приведено к совершению. Собрание сие объемлет сто семьдесят шесть минувших лет. Цель его, как прежде была, так и ныне есть: удовлетворить потребности времени настоящего и вместе с тем положить твердое основание будущему сей части устройству... Я приказал снабдить оным на счет казначейства Государственный совет, Комитет министров, Святейший Синод, все департаменты Правительствующего Сената и все губернские присутственные места». Далее предписывалось «надлежащее в каждом месте хранение их и употребление». Узаконения о форменной одежде чиновников, появившиеся до 1825 г., сконцентрированы во 2-й части 44 тома Полного собрания законов («Книга штатов») — к сожалению, без иллюстраций. Принимавшие участие в подготовке издания чиновники и типографские мастера, «коих неутомимыми трудами оно в столь короткое время окончено», получили денежные награды.

Только 14 октября 1827 г. и 25 июня 1834 г. Николай I подписал два закона, первый из которых определил порядок вступления на государственную службу, а второй — порядок дальнейшего чиновпроизводства. Оба они должны были учитывать ту важную реальность, что к этому времени чиновничество в значительной мере воспроизводило само себя. Дети чиновников следовали по пути отцов, поскольку почти не имели других возможностей заработка. По закону они получали приемлемые права поступления на службу даже вне зависимости от образования; вместе с тем они же пользовались правами обучения в большинстве учебных заведений. Доля поместных дворян в составе гражданского чиновничества постепенно сокращалась (отчасти вследствие роста общей численности чиновничества). Идеальное решение проблемы организации гражданской службы теперь виделось в том, чтобы, во-первых, обеспечить замещение всех низших вакансий и, во-вторых, открыть путь к должностям среднего и высшего уровней исключительно для специально подготовленных лиц, преимущественно из числа потомственного дворянства. Последнее предполагалось достигнуть предоставлением дворянству новых льгот в получении образования.

Указ 1827 г. устанавливал четыре категории лиц, пользовавшихся правом государственной службы: к 1-й относились потомственные дворяне; ко 2-й — дети личных дворян, купцов 1-й гильдии, священников и дьяконов; к 3-й — дети приказных служителей, не имеющих чинов; к 4-й — не имеющие права на гражданскую службу, но принятые ранее издания данного закона. Для производства низших канцелярских служителей из лиц названных разрядов в первый классный чин (XIV класс) устанавливались соответственно разные сроки службы: 2 и 4 года, 6 и 12 лет.

Положение 1834 г. предусматривало сокращение сроков выслуги XIV класса для канцелярских служителей первых трех категорий при наличии образования до

одного года, двух и четырех лет *. При дальнейшем чинопроизводстве первенствующую роль играло уже образование, а не происхождение. Все, кто имел классные чины, делились на три разряда: с высшим образованием, средним и начальным. Производство в каждый следующий чин должно было осуществляться строго по выслуге в предыдущем чине установленного для каждого разряда числа лет — от 3 до 8. При производстве за отличия обязательный срок службы в чине сокращался. Сословное происхождение учитывалось только при получении чина VIII класса, дававшего потомственное дворянство. Для недворян срок выслуги для его получения увеличивался независимо от наличия образования. Кроме того, условием производства в чины VIII и V классов служащих со средним и начальным образованием было назначение на должности этих классов. Производство в чины выше статского советника (V класс) могло иметь место исключительно по личному усмотрению императора, а не по выслуге определенного числа лет. Решалось назначать на должности чиновников, «имеющих один чин выше или ниже той степени, в которой положена должность». Чиновник с высшим образованием мог быть назначен даже через степень, то есть через класс должности. В 1835 г. такое право предоставили всем без исключения чиновникам. Юридическая возможность расхождения между классами чина и должности не ломала, однако, традиции, отдававшей из нескольких кандидатов на должность предпочтение старшему по классу чина и старшему по времени производства в данный чин.

* Через 10 лет постановлением 28 ноября 1844 г. устанавливалось, что лица, не окончившие курс в уездных или высших училищах и не выдержавшие экзаменов по особой программе, могли производиться в первый (XIV) классный чин лишь после 4–12 лет службы в зависимости от происхождения. Затем для канцелярских служащих 3-й категории этот срок был увеличен до 16 лет, но за половину данного срока они получали звание личного почетного гражданина. От этих норм, однако, вскоре стали делаться многочисленные отступления.

Для того чтобы реализовать идею соответствия класса чина классу должности (с расхождениями в 1–2 класса), требовалось упорядочить отнесение к определенным классам всех существовавших в империи должностей. Понятно, что от самого подхода к «классификации», от того, к каким именно классам будут отнесены должности, зависело реальное значение права, сообщаемого чином, на должность. Принадлежность к классам высших сравнительно немногочисленных должностей к середине 1830-х гг. уже вполне определилась. Отнесение должностей средней и низшей категорий к классам было уточнено и объявлено указом Николая I от 1835 г. «О расписании должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно». В XIX — начале XX в. обычно должность министра соответствовала II классу, товарища министра — III, директора департамента (управления), губернатора и градоначальника — IV, вице-директора департамента и вице-губернатора — V, начальника отделения и делопроизводителя в центральных учреждениях — VI, а столоначальника там же — VII классу. Такое ранжирование по классам Табели о рангах должностей и чинов в некоторых случаях приводило к коллизиям. Например, когда в 1849 г. новым министром народного просвещения назначили князя П. А. Ширинского-Шихматова, оказалось, что директор Императорской публичной библиотеки (подведомственной этому министерству) барон М. А. Корф имел три года старшинства в том же чине по сравнению с министром. Ситуацию признали неудобной, и выход нашли в переводе библиотеки в ведомство Министерства императорского двора (в 1850 г.). После ухода Корфа с поста директора (1861 г.) библиотеку вновь подчинили Министерству народного просвещения (1863 г.).

В 1840-е гг. правительство предпринимает ряд мер, имевших целью усилить общий контроль за составом чиновничества. В правительственных кругах в несомненной связи с революционными событиями на Западе и ростом образовательного уровня российских чиновников возникла серьезная озабоченность «направлением

умов» государственных служащих и наличием в их составе неблагонадежных элементов. Опасный прецедент Николай I видел в Австрии, где, как он считал, существовала «сильная бюрократия, которая минирует государство и ставит умы в вечную борьбу с правительством». В России его беспокоили, в частности, ведомства юстиции и путей сообщения*. По поручению царя министр юстиции граф В. Н. Панин в ноябре 1846 г. разработал соответствующую записку. Панин находил нужным подвергнуть общему пересмотру Устав о службе гражданской и уверял царя в том, что «никакие усилия вашего величества, ни усердие министров к исполнению вашей воли не достигнут цели, если самый порядок определения к должностям не поставит ясными постановлениями преграды к замещению должностей лицами, недостойными оказанного им доверия».

Для пересмотра Устава опять создается особый комитет, которому предлагалось при разработке нового варианта этого закона руководствоваться следующими указаниями царя: «Чинами не называться, а называться по местам службы и занимаемой должности. Производству быть не за выслугу, а, как в военном ведомстве, на вакансии и в редких случаях за отличие... Производство за выслугу лет заменить прибавкой к жалованью...» В январе следующего года царь дал указание приложить «всевозможное старание, чтобы действия комитета шли без замедлений».

Однако вскоре работа комитета оказалась парализованной двумя записками министра народного просвещения графа С. С. Уварова, поданными царю в 1847 г., где он выступил с апологией чинов. Записки эти на многие годы стали манифестом и сводом основных аргументов для сторонников сохранения чинов и вновь

* По свидетельству А. И. Дельвига, Николай «не любил ведомства путей сообщения, полагая, впрочем очень несправедливо, что в нем распространены либеральные идеи, и с большей справедливостью, что в нем распространено казнокрадство». Вопрос о неблагонадежности части чиновников более остро встал в 1880-х гг., и мы к нему еще вернемся.

привлекали внимание всякий раз, когда речь заходила об их отмене.

Записки графа С. С. Уварова

Ранее мы уже цитировали некоторые положения из названных записок, но эти документы так важны и интересны, что целесообразно привести из них обстоятельные выдержки. С. С. Уваров писал: «Система чинов, исходящая из Табели о рангах Петра I, обращалась в укоризну и насмешку не только иностранцами, писавшими о России, но и многими из русских, не постигавших смысла сего учреждения. Между тем никакая иная мера, никакое иное государственное постановление не свидетельствует столь явно о глубоком разуме великого преобразователя России, кому обязаны потомственные ценности новою силою, небывалою в руках других государей и составляющею твердую опору их власти. И по истине, отбросив все то, что с первого взгляда может в учреждении чинов казаться странным и несоответствующим нынешним понятиям, мы убедимся в высоком значении этого законоположения... Не останавливаясь на мертвой букве, на готических формах, сопровождающих положение о чинах, для всякого беспристрастного наблюдателя поразительны дух и последствия этой великой государственной меры...»

Как приобретаются отличия в России и что вкorenилось так глубоко в общем сознании неисчислимого большинства?..

Россия не пристрастилась, как иные думают, ни к титулам, с немецкого довольно неудачно переведенным, ни к званиям, льстящим

Министр народного просвещения С. С. Уваров. 1840-е гг.

самолюбию, но потерявшим большую часть их приманки: причина желания чинов лежит глубже... [В России] никто не пользуется вполне выгодами, предоставляемыми или знатностью рода, или даже дарами ума и талантами... Сын знатного вельможи или богатейшего откупщика, вступая на поприще государственной службы, не имеет в законах оной никакого другого преимущества, кроме преимущества постоянного усердия, и оно может быть у него благородно оспариваемо сыном бедного и неизвестного заслугами отца.

Итак, с одной стороны, Россия смотрит на Табель о рангах не как на игрушку мелкого ребяческого тщеславия, а как на залог одного из важнейших своих начал в быту народном; с другой, правительство держит в своих руках орудие, как будто общим согласием ему предоставляемое орудие, по силе которого к политическому смыслу самодержавия прибавляется еще и нравственное достоинство.

Законоположение о чинах может измениться двумя способами: совершенным уничтожением одного или ограничением. Замечательно, что один из записных недоброжелателей существующего порядка в России, Николай Тургенев, в сочинении своем о России, говорит, что едва ли возможно будет побудить правительство отказать вполне от этого учреждения и что на первый случай можно довольствоваться ограничением, состоящим в том, чтобы чины были предоставляемы одним служебным местам. Ясно, что несоразмерность сих последних с первыми должна мало-помалу положить конец самому учреждению и ввести новый порядок службы, новый порядок гражданского быта в России. Рассмотрим последствия такого изменения.

Первое действие не только совершенного уничтожения, но и одного ограничения закона о чинах произведет в общем мнении несомнительное потрясение, отчасти похожее на смятение, и даст повод к толкам и предположениям о дальнейших мнимых видах правительства. Этот сильный удар поразит множество преубеждений, скажем предрассудков. Но вместе с тем он воз-

будит множество тайных надежд и мечтаний. В России ум слишком деятелен, слишком сметлив и не может оставаться долго под бременем слепого оцепенения; в скором времени умы воспрянут к новым соображениям, проникнув в изгибы всех могущих быть следствий, и найдут себе пути более или менее благонамеренные к цели, вдали открываемой.

В России трудно делать решительный вывод касательно общего мнения, потому что оно лишено возможности открыто высказываться и обнаруживаться. При всем том, кто пристально и вблизи наблюдает за его ходом, тому последствия нового положения о службе представляются в чертах самых определенных. Ближайшим следствием подобного переворота был бы переворот в понятиях о службе, которые и без того мало-помалу подвергаются изменению.

Мысль общая за полвека, что каждый русский подданный должен служить престолу, мысль, которая благоговейно руководит целыми поколениями, — с уничтожением Табели о рангах несомненно ослабнет. Может быть, на первый случай останется привычка посвящать несколько лет юношеской жизни государственной службе; но когда счастливый случай не откроет желаемого поприща, когда при малом числе мест встретится безнадежность получить выгодное для честолюбия назначение, когда число неслужащих или переставших служить будет ежедневно возрастать, — тогда едва ли молодой человек решится долго оставаться в таком сомнительном служебном положении. Без сомнения, кто имеет наследственное достояние, тот выйдет в отставку, потому что для него служба потеряет всю нравственную силу, нравственное могущественное привлечение. В то же время быстро образуется новый разряд людей с особенными понятиями, с особенными предрассудками и мечтами, менее привязанных к правительству, а более занятых собственными выгодами. Решительно можно наперед сказать, что общие между ними начала произведут и новый дух общий, частью поместной, частью денежной аристократии, если только можно этим именем

назвать преимущество, какое дают поместья и деньги, независимо от знатности породы или личных заслуг.

Нельзя не остановиться на мысли: чем правительство заменит приманку чинов и, если бы успело найти какую-либо меру, что оно выиграет от нового порядка вещей и понятий?

Очевидно, что по разрушении мысли, столь мудро и искусно к России приложенной великим ее преобразователем, остается в виду одно лишь заменительное средство: умножение денежных окладов. Но и этого мало. Человеку врождена еще нравственная потребность, которую также нужно будет удовлетворять: потребность возвышения. С одной стороны, какую неисчерпаемую руду следовало бы вновь открыть, чтобы удовлетворять требования, неудержимо возрастать должны существующие? С другой стороны, не родятся ли новые покушения к приобретению, вместо чинов, славы, власти, чего на Западе с такою алчностью добиваются. Разумеется, никаких сокровищ не будет достаточно для замены чинов новыми окладами. Не подлежит также сомнению, что, давши однажды такое направление государственной службе, правительство не в состоянии будет остановить потом произвольного самовознаграждения. Что ж касается до последствий властолюбия, разрушительных и ужасных в наших глазах, об этом нельзя и думать без страха за будущее России. Единственная преграда всему этому находится доселе в идее о службе; по уничтожении этой идеи, корыстные и властолюбивые склонности, обыкновенно довольные одним настоящим, не знающие ни прошедшего, ни будущего, будут в полном смысле двигателями нового порядка служения и единственным мериллом служебной иерархии.

В рассуждений пользы, какой может правительство ожидать от такого перелома, из всего вышесказанного с достоверностию следует заключить, что посягательство на глубокомысленное учреждение Петра I не представляет ничего другого, кроме жертвы и добровольного уничтожения сильнейшего орудия высшей власти; с этим уничтожением ясно сопряжен некоторый ущерб

и самой власти. Нетерпеливость, с какою юное поколение ожидает этой меры, указывает достаточно, сколь она способна к возрождению всякой неосновательной и опасной мечты. Теперь каждый юноша воображает, что это сближение с настоящими европейскими понятиями откроет ему новое обширное поприще и что, освободившись от тягостного, более или менее медленного ига чиновничества, он шагнет на высшие места и займет важнейшие должности в государстве. Конечно, это во всяком случае останется мечтой, но мечты этого рода предвещают опасное волнение в умах. А какое время более настоящего доказывает необходимость удерживать всякое тревожное движение и оставаться на незыблемых началах своего родного быта, тысячелетием скрепленного и верой освященного.

Вопрос, коего лишь главнейшие черты изложены в этой краткой записке, есть вопрос первой важности, стоящий ныне наряду с коренными вопросами, от которых зависит будущность России, ее долголетие и благоденствие. Нетрудно было бы, распространив объем этой записки, подкрепить выводы прямыми доказательствами, взятыми из существа нашего государственного права и отечественной истории, но и краткого указания едва ли не достаточно, чтобы обратить на этот столько же важный, сколько и сложный вопрос внимание каждого благомыслящего, одушевленного чувством своих обязанностей к государю и Отечеству».

В другой записке Уваров высказывал убеждение, что если практика гражданского чиновничества и приводила в прошлом к некоторым неурядицам и несообразностям, то все причины этого ликвидированы мероприятиями Николая I. Достижение чинов одной выслугой лет было устранено в 1834 г., когда установили порядок производства в чины соответственно классам должностей и увеличили сроки выслуги. Если ранее при обязательности постепенного прохождения многих чинов затруднялось выдвижение хотя и молодых, но способных людей, то теперь установлением существенных льгот по образованию им была предоставлена возможность

более быстрого повышения. Одобрялось соединение права потомственного дворянства с чином статского советника (1845 г.). «Чины, существующие более века, при постепенных изменениях сообразно требованию обстоятельств, приведены наконец в такое положение, что, служа поощрением заслуг, совершенно устранены от неудобства — распространять до излишества класс потомственных дворян».

В случае отмены чинов, полагал Уваров, «исчезнет та нравственная сила, то нравственное могущественное привлечение, какое побуждает лиц, имеющих достаток, посвящать себя государственной службе, а с уничтожением подобной нравственной связи еще более ослабеет мысль, которая благоговейно руководила целыми поколениями, что каждый должен служить престолу, и честные бескорыстные деятели покинут государственную службу, не представляющую уже для них никакой особенной привлекательности, тем более что при малом вообще числе мест представляет трудность получить и выгодное для честолюбия назначение».

Если ликвидированы когда-то существовавшие отрицательные стороны чинов, то тем более важно обратить внимание на положительные. Чин обеспечивает почет служащим и одновременно почет правительству, «которого они токмо орудие». Поэтому отмена чинов унижит чиновников, а «всякое унижение их необходимо должно уменьшить степень важности представляемой ими власти». При недостаточности окладов, выплачиваемых служащим, чины есть средство привлечения к службе и удержания на ней способных людей. Частные занятия предоставляют и будут предоставлять много больше материальных выгод, чем государственная служба. Поэтому особенно важно поддерживать в служащих идею чести, «обольстительную» мысль, «что чин возвышает их над всеми званиями, хотя и пользующимися вполне житейскими выгодами... Следовательно, с уничтожением чинов, то есть когда чиновник был бы только наемщик, правительство могло бы вдруг лишиться самых необходимых орудий для движения государства».

Министр народного просвещения видел еще одну важнейшую выгоду существования чинов «в совершенной ответственности с монархическими началами»: «Бесчиновность... порождает ложные мысли о равенстве» и никак не допустима при монархии, где «люди возвышаются по чинам, жалуемым от престола» и где «всякий чиновник знает, что он обязан чином, а следовательно, и почетом, государю и, таким образом, чины являются выражением царской власти и милости». Такой порядок исключает, стало быть, превратное убеждение, что «каждый достигает важного участия в государственном управлении единственно своими способностями». Отмена чинов дискредитировала бы правительство и лишила бы его «важнейшей пружины действовать на умы, средства, которое, имея почти фантастическую силу, ничего не стоит государству и не может быть заменено никакими материальными вознаграждениями».

В заключение Уваров утверждал, «что, укорененная в общем уважении и совершенно согласная с монархическим духом, гражданская иерархия России, оставаясь неприкосновенною... послужила бы к вящему укреплению твердыни русского самодержавия».

Ознакомившись с записками Уварова, Николай I написал на одной из них: «Много весьма справедливых мыслей». Практическим результатом записок стало то, что проект нового Устава о службе гражданской, разработанный к 1850 г. на основе личных указаний Николая I, не получил утверждения, а сам комитет, созданный в 1846 г., закрыли в начале 1856 г.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX — НАЧАЛО XX В.

Потрясения, пережитые Россией в результате Крымской войны и совпавшие с началом нового царствования, дали толчок к разработке ряда реформ, в том числе связанных с изменением правовой структуры общества и улучшением системы государственного управления. Вполне естественно, что в тесной связи с этим вновь

возникли и идеи изменения системы чинопроизводства, прежде всего в гражданском ведомстве.

К концу царствования Николая I выяснилось, что достичь повышения образовательного уровня чиновничества путем предоставления льгот в чинопроизводстве по образованию (правила 1834 г.) в желательных масштабах не удалось и потому, что сами эти льготы оказались неэффективными, и потому, что ежегодное количество выпускников высших учебных заведений далеко не покрывало образующиеся вакансии (около 3 тыс. в год)*. В тексте закона от 9 декабря 1856 г. «О сроках производства в чины по службе гражданской» заявлялось о необходимости «утвердить на прочных началах действие того общего коренного правила, что награждения повышением в чинах, так же как и все прочие по службе награды, должны... быть даруемы токмо за постоянные усердные и отличные, непосредственным... начальством засвидетельствованные труды на самой службе, без принятия в уважение каких-либо обстоятельств, сей службе предшествовавших». Признавалось, что качество службы зависит не только от образования, но и от опытности и состязательности. В соответствии с этим льготы по выслуге в зависимости от образования отменялись и устанавливались общие для всех сроки выслуги: в XIV–IX классах — по 3 года в каждом, в VIII–VI классах — по 4 года (выслуга в высших классах юридически не давала определенных прав на получение следующего чина). При чинопроизводстве за отличия срок выслуги сокращался наполовину. Вместе с тем сохранялось правило определения при поступлении на службу в тот класс, на который давало право окончание данного учебного заведения и успехи в учебе.

Установление общего срока для получения чинов ликвидировало преимущества дворян на получение чина VIII класса. Таким образом, сословная дискриминация

* Университеты, лицеи и Училище правоведения выпускали в год в общей сложности примерно 400 человек.

нация сохранялась только для лиц, не имевших образования, при производстве в первый классный чин.

Вновь возникший в ходе подготовки закона 1856 г. вопрос о целесообразности сохранения гражданских чинов в их прежнем виде был передан на рассмотрение особого Совещательного собрания под председательством графа Д. Н. Блудова. В марте 1857 г. Собрание пришло к заключению, что наличие титулярных, то есть не соединенных с должностями, чинов привело к установлению «чрезвычайной зыблемости в путях службы» и утвердило существование ложных понятий о ее обязанностях и целях. Собрание осудило и общее пристрастие к чинам, которое привлекало на службу людей, совершенно к ней неспособных, и имело следствием чрезмерный рост числа служащих, а вместе с тем и усиление влияния бюрократии.

Все это заставило членов Собрания единогласно признать, что «было бы весьма желательно производство в чины отдельно от должностей совершенно отменить». Однако осуществлению этого предложения должно предшествовать увеличение окладов содержания чиновников. Последнее не связывалось исключительно с отменой чинов. Члены Собрания указывали, что вообще недопустимо такое положение, когда «чувства справедливости и человеколюбия почти не позволяют преследовать с надлежащей строгостью за взятки и другие более или менее преступные действия», так как «в канцеляриях присутственных мест многие, иногда семейные люди,

Замещающий председателя Государственного совета Д. Н. Блудов в форменном сюртуке. 1850-е гг.

должны жить пятью или десятью рублями в месяц». Кроме того, по мнению членов Совещательного собрания, было бы целесообразно приступить к решительному изменению порядка гражданской службы только после улучшения организации самой системы управления и делопроизводства. Уже в результате этих мер произошли бы «уменьшение числа чиновников и влияния бюрократии». Понимание того, что лишь изменение системы гражданского чиновничества не способно устранить все те недостатки в работе государственного аппарата, которые вызывали тревогу у наиболее дальновидных представителей правительства и являлись одной из причин обращения к проблеме реорганизации чиновничества, стало новым важным элементом в подходе к решению проблемы.

Александр II согласился провести рекомендованные мероприятия в предложенном Собранием порядке. Действительно, в последующие годы удалось увеличить оклады жалованья чиновников (к 1880-м гг. в 1,5–2 раза и более). Однако на последний шаг — упразднение чинов — правительство не решилось.

19 ноября 1857 г. в связи с нехваткой в провинции кандидатов на замещение классовых низших и средних должностей разрешили замещение вакансий в губернских и уездных учреждениях практически независимо от класса чина кандидатов.

Между тем после Крымской войны общее число гражданских чиновников продолжало возрастать: с 82,3 тыс. человек в 1856 г. и до 98,8 тыс. в 1874 г. (в том числе 12,4 тыс. преподавателей и ученых). Часть гражданских чиновников служила по военному и военно-морскому ведомствам (на 1874 г. — 6,1 тыс. человек). Вместе с тем, как мы уже отмечали, чиновники горного, путейского, телеграфного, лесного и межевого ведомств до 1867 г. имели военные чины, хотя по существу являлись гражданскими. Особенно интенсивно возростала численность чиновников высших классов. Так, число лиц, имевших чины III и IV классов, составляло:

Класс	1860 год	1870 год	1880 год
III	200	343	540
IV	805	1210	2040

При этом число чиновников названных классов значительно превышало общее число должностей тех же классов. В 1884 г. на 237 должностей III класса имелось 530 чиновников того же класса, а на 685 должностей IV класса — 2266 чиновников. К концу 1890-х гг. число чиновников IV класса составило 2687.

Довольно много чиновников служило сверх штата, в ожидании вакансий. На 1874 г. их числилось 2,8 тыс. человек. Такие «причисленные» чиновники не получали жалованья, но могли быть награждаемы. Одним из причисленных к Государственной канцелярии был барон В. Е. Нолькен. Поскольку он пять лет жил в деревне, то есть вовсе не служил, а лишь «числился», «продолжая получать чины и награды», А. А. Половцов предложил ему выйти в отставку.

В апреле 1862 г. с резкой критикой гражданской службы и системы чинов выступил главноуправляющий Вторым отделением Собственной его императорского величества канцелярии барон М. А. Корф (ранее входивший в состав Совещательного собрания). В представленной им в Совет министров записке он указывал, что «по единогласному признанию, вредное влияние чинов состоит особенно в том, что они образуют из служащих какою-то отдельную, разобщенную с прочим населением касту, которая живет

Главноуправляющий Вторым отделением Собственной его величества канцелярии М. А. Корф в форменном сюртуке. 1860-е гг.

своею собственной жизнью, считает себя выше остального общества и на которую общество также смотрит как на что-то чуждое и почти враждебное. Среди этой касты постоянно питается и поддерживается чувство самого ложного честолюбия, жажда к повышениям и внешним отличиям... Человек, который мог бы с успехом заняться любимым ремеслом или промыслом, поступает на казенную службу и бедствует на ней десятки лет единственно потому, что эта служба ставит его на искусственные ходули в обществе и ласкает его воображение обманчивой картиной иногда отдаленных, но все-таки возможных повышений и отличий. Однажды предавшись этому влечению, однажды надев виц-мундир, он с трудом снимет его и решится сесть за рабочий инструмент или прилавок. Редко решатся на то и сын, и внук его, и таким образом размножаются целые поколения самой несчастной породы нищих во фраке». Корф предлагал, в частности, отказаться от производства канцелярских служителей в классные чины, предоставляя им вместо этого за выслугу определенного числа лет право личного почетного гражданства. Александр II не поддержал это предложение, опасаясь, что его реализация «могла бы только возбудить тревогу в умах многочисленного класса» (февраль 1864 г.).

Через несколько лет царское правительство все же попыталось воздвигнуть образовательный барьер для претендентов на классную службу: законом от 3 мая 1871 г. производство в первый классный чин обуславливалось сдачей экзамена за курс уездного училища. Уровень знаний, дававшихся этими училищами, мог удовлетворить лишь требованиям службы на самых низких должностях. Однако последующая выслуга чинов открывала путь наверх. В этом отношении характерна карьера Н. А. Ермакова, начало которой, правда, относится к более ранним годам. Окончив Порховское уездное училище, он начал службу в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел, где «вследствие умения излагать бумаги, — как пишет в своих воспоминаниях хорошо знавший Ермакова крупный москов-

ский предприниматель Н. А. Найденов, — добрался до должности начальника отделения». Оттуда он перешел на должность сначала вице-директора, а затем и директора Департамента торговли и мануфактур Министерства финансов. Кажется совершенно невероятным, что «одновременно в течение нескольких лет» он занимал также должность директора Технологического института. После 1885 г., уже в чине тайного советника, Ермаков «состоял» при министре финансов. Характеризуя его личные качества, Найденов пишет, что это был «человек кладнокровный, поддерживавший со всеми дружественные отношения, услуживавший всякому, но знавший хорошо такт для следования намеченным им путем и отодвигавшийся от всего, что могло быть в этом отношении помехой».

Острая критика неудовлетворительной организации гражданской службы вообще, оставаясь безрезультатной, продолжалась и позднее. Яркий образец такой критики мы находим в письме известного в то время правоведа, одного из воспитателей наследника престола — будущего императора Александра III — К. П. Победоносцева своему воспитаннику (ноябрь 1874 г.): «В общем управлении... давно укоренилась эта язва — безответственность, соединенная с чиновничьим равнодушием к делу. Все зажили спустя рукава, как будто всякое дело должно идти само собою, и начальники в той же мере, как распустились сами, распустили и всех подчиненных... Нет, кажется, такого идиота и такого негодного человека, кто не мог бы целые годы благоденствовать в своей должности в совершенном бездействии, не подвергаясь никакой ответственности и ни малейшему опасению потерять свое место. Все уже до того привыкли к этому положению, что всякое серьезное вмешательство в эту оплячку считается каким-то нарушением прав».

После убийства Александра II и воцарения Александра III вопрос о необходимости радикальной реформы системы гражданского чиновничества возбуждается вновь, причем на сей раз одним из существеннейших стимулов проведения этой меры стала борьба против

«неблагонадежных элементов» в среде чиновничества гражданского ведомства.

Уже весной 1881 г. министр внутренних дел граф Н. П. Игнатъев представил новому императору записку, посвященную вопросу об искоренении «антиправительственных настроений, получивших широкое распространение в бюрократических сферах». Автор утверждал, что «редкий современный русский чиновник не осуждает правительство и начальство и редкий не считает себя вправе действовать по своим личным убеждениям». «Чиновная крамола», полагал Игнатъев, должна быть «вырвана с корнем». Признавалась недопустимой всякая критика чиновниками правительственных мероприятий и указывалось на невозможность успешной борьбы с революционным движением без уничтожения этой крамолы. Александр III наложил на записке резолюцию: «Умно и хорошо составлена записка, а главное, что все это — чистейшая правда, к сожалению».

Идеи записки Н. П. Игнатъева оказались созвучны давнишним убеждениям Александра III. Еще в середине 1860-х гг., будучи великим князем, он говорил одному из своих преподавателей — Ф. Г. Тернеру, «что вообще личный состав Министерства финансов по своему крайнему либерализму не вселяет к себе особенного доверия [в отношении] благонадежности». Одним из оснований этого убеждения послужила история активного участия в организации Польского восстания 1863 г. вице-директора Департамента разных податей и сборов Министерства финансов И. П. Огрызко: выяснилось, что он являлся представителем руководящего центра польской повстанческой партии в Петербурге. Арестованного в 1864 г., его приговорили к каторжным работам. Тот же Тернер свидетельствует, что «общее недоверие к крайнему либерализму чиновников Министерства финансов» у Александра III «оставалось до конца и только по своему расположению» к министру финансов Н. Х. Бунге «он настаивал на изменении состава его ведомства. Когда же был назначен министром финансов Вышнеградский, государь прямо ему высказал свое опасение, что состав

Министерства финансов не вполне благонадежен». К числу «красных» в составе финансового ведомства тогда относили директора Департамента окладных сборов А. А. Рихтера, вице-директора того же департамента В. И. Ковалевского, управляющего Дворянским и Крестьянским банками Э. Э. Картавцева, некоторых фабричных инспекторов.

Позднее Николай II обвинял в «неблагонадежности» директора Особенной канцелярии по кредитной части Министерства финансов Б. Ф. Малешевского, по мнению С. Ю. Витте, «честнейшего и надежнейшего человека». Подобные огульные обвинения в «неблагонадежности», конечно, не имели серьезных оснований. Речь могла идти лишь об отдельных лицах, служивших по гражданскому ведомству. Их примечательность сводилась к известной независимости суждений, глубокому знанию ими дела, искреннему стремлению облегчить положение народа, личной честности. Но за рамки существовавшей политической системы их устремления не выходили.

Среди этих лиц были такие, чья деятельность вызывает интерес и заслуживает глубокое уважение. Вот, например, необыкновенная служебная карьера упомянутого Владимира Ивановича Ковалевского.

В. И. Ковалевский родился в 1848 г. Начав службу пехотным офицером, он вскоре вышел в отставку и поступил в Петербургский земледельческий институт. Будучи студентом, привлекался к судебной ответственности по обвинению в укрывательстве террориста С. Г. Нечаева и два года затянувшегося следствия провел в Петропавловской крепости. Суд его оправдал. В 1879 г. Ковалевский с большим трудом поступил на службу в Департамент земледелия и сельской промышленности Министерства государственных имуществ, а в 1883 г. он уже вводится в состав Ученого комитета этого министерства. В 1884 г. он перешел в Министерство финансов, где сначала занимал пост вице-директора Департамента окладных сборов, но в 1888 г. по требованию Министерства внутренних дел (как политически неблагонадежный) оставил пост вице-директора и занял должность чиновника для особых поручений в Министерстве финансов

в чине сначала статского, а затем действительного статского советника. В 1892 г. Ковалевский назначается директором Департамента торговли и мануфактур и оставался на этом посту до 1900 г., когда в связи с реорганизацией департамента уже в чине тайного советника его назначили товарищем (одним из заместителей) министра финансов (тогда этот пост занимал С. Ю. Витте), заведовавшим промышленностью и торговлей. По существу, должность создали специально для Ковалевского с целью расширить его права и создать ему (а вместе с тем и Витте) более благоприятные условия деятельности. При обсуждении в 1900 г. в Государственном совете вопроса об учреждении новой должности товарища министра Витте указывал, что она необходима для «человека, который давал бы всему делу общее направление», «человека, который мог бы ответственно и самостоятельно вести это дело». Таким человеком с самого начала считался Ковалевский. А. А. Половцов называет Ковалевского в своем дневнике (август 1901 г.) «de facto... министром по делам промышленности и торговли».

Организаторский талант Ковалевского вполне осознавался современниками. Дореволюционные газеты называли его «ближайшим помощником Витте в осуществлении коренных реформ нашей промышленности, в развитии производительных сил страны». Но уже в ноябре 1902 г. по причинам личного характера Ковалевский подал в отставку. В 1903–1916 гг. он возглавлял Русское техническое общество. Одновременно он занимал пост председателя правлений трех крупных акционерных компаний. После Октябрьской революции работал в центральных научных сельскохозяйственных учреждениях: с 1920 г. — председатель Сельскохозяйственного ученого комитета Наркомзема, а с 1923 г. — почетный председатель Ученого совета Государственного института опытной агрономии в Петрограде. Являлся ближайшим сотрудником Н. И. Вавилова. Умер Ковалевский 2 ноября 1934 г., имея почетное звание заслуженного деятеля науки и техники.

Для решения вопроса о реформе системы чиновнопроизводства в 1883 г. было образовано Особое совещание (еще одно!) во главе с С. А. Танеевым. Наиболее последовательным сторонником отмены чинов и самым активным членом Совещания стал А. А. Половцов, считавший, что «чины... умножают число тунеядцев, которые числом годов жизни приобретают чины, а потом являются полными претензий и на получение мест, и на казенные деньги в форме содержаний, и особливо пенсий».

Главной идеей Совещания стало предположение «о слиянии чинов с должностями», лежавшее в основе и трех предыдущих попыток ликвидации гражданских чинов. Совещание пришло к выводу, что «соотношение между чином и служебным положением лица, его носящего, сделалось ныне явлением почти случайным, и вследствие того чин утратил всякое полезное значение». Массовый характер получил и обход действовавших правил чиновнопроизводства; подчинение чиновников начальникам, состоящим в более низких чинах; наличие высших чиновников, не несущих соответствовавших их чинам служебных обязанностей (напомним, что число чиновников IV класса более чем в 3 раза превышало количество должностей этого класса) и т. п. Из этих явлений делался вывод о том, что «чин, очевидно, не может считаться мерилем ни служебного или общественного положения лица, им облеченного, ни действительных заслуг, сим лицом оказанных. Несмотря на этот несомненный факт, стремление к получению чинов, и в особенности высших степеней оных, нисколько не уменьшается в нашем обществе». Более того, по мнению Совещания, укрепилось ложное понимание целей и значения государственной службы, заключающееся в том, что основным желанием поступающих на службу является получение чинов. Причем «иных привлекает желание приобрести сословные преимущества, соединенные с чинами, а других — тщеславие или надежды на карьеру, надежды в большинстве случаев не оправдывающиеся». Прямым следствием такого положения вещей является

«размножение чиновников, по большей части бесполезных». Члены Совещания пришли к выводу, что какие-либо частные мероприятия правительства, направленные на предотвращение этого, были бы бесполезны. Необходима радикальная мера: заменить иерархию чинов иерархией должностей, «предоставив присвоенные в настоящее время чинам права и преимущества должностям соответствующих степеней». Журнал Совещания, в котором была зафиксирована эта позиция, Александр III утвердил резолюцией: «Совершенно одобряю этот взгляд и предполагаемое направление этого дела». Опираясь на позицию императора, Совещание сочло необходимым сократить число классов должностей с 14 до 12, сохранив, однако, постепенность в продвижении служащих — «последовательное проведение лиц, посвящающих себя служебной деятельности, через установленные иерархические степени, начиная с низших».

Предполагалось установить общий срок службы до назначения на должность VI класса в 6–9 лет (такое время требовалось выслужить чиновнику с университетским образованием для получения должности VI класса с учетом возможности начать службу с чином VIII класса). Лица, начинавшие службу, могли бы поступать непосредственно на все низшие должности до VII класса включительно, назначение на которые было предоставлено власти директоров департаментов и губернского начальства. Назначение на должность каждого следующего класса могло иметь место только через два или три года беспорочной службы в должности предшествующего класса.

Вместе с тем Совещание установило, что «разновременность образования государственных учреждений, а также их штатов и расписаний привела к тому, что одинаковые должности принадлежат к разным классам и им присвоены далеко не одинаковые оклады содержания и различные права и преимущества». Оказывалось необходимым в ходе предстоящего преобразования установить возможное равенство в служебных преимуществах должностей, примерно одинаковых по старшин-

ству (значению), но вместе с тем с учетом «условий и потребностей службы в каждой отдельной отрасли государственного управления».

Большинство членов Совещания высказалось за сохранение на время чинов действительного тайного советника и тайного советника в качестве почетных званий для высших служащих. Мотивировалось это тем, что «упразднение... всех без изъятия чиновных степеней в гражданском ведомстве, как всякая крутая и радикальная реформа, может произвести неблагоприятное впечатление».

В июне 1885 г. материалы Совещания разослали всем министрам с обязательством представить отзывы к середине октября.

Большинство поступивших отзывов содержало возражения против отмены чинов. Защитники чинов сходились на том, что чин, являясь мерилем заслуг, возвышает чиновника над своими согражданами. Возможность же возвыситься в обществе служит не только средством привлечения на государственную службу, но и стимулом при ее исполнении, представляя собой желанную награду для служащих. Чин, хотя и не свидетельствует достаточно точно об иерархическом положении служащего, все-таки сохраняет официальное и общественное значение. Оклады содержания низших и средних чиновников, особенно в провинции, признавались более чем недостаточными (несмотря на их повышение в предыдущие годы). При этом сколько-нибудь значительное увеличение их было невозможно. Отмена чинов в таких условиях приведет к переходу части чиновников с государственной службы на частную, где материальное вознаграждение всегда будет выше. Уменьшение числа служащих пагубно отразится на деятельности государственного аппарата, в частности потому, что возможность выбора лучших кандидатов будет затруднена.

Согласно большинству отзывов необходимость сохранения чинов вызывалась их традиционностью. Чины прочно вошли в общественный быт, и отмена их

произвела бы слишком сильное потрясение в среде служащих. И если Совещение усматривало в неоднократном возбуждении вопроса об уничтожении чинов аргумент в пользу необходимости рассмотреть этот вопрос еще раз и провести предположения в жизнь, то факт сохранения чинов, несмотря на все обсуждения, представлялся защитникам этого института подтверждением их взгляда. Но они не могли не согласиться в той или иной степени с указаниями Совещения на факты чиновной неурядицы и путаницы в государственной службе. Настаивая на невозможности упразднить чиновную иерархию, они считали, что недостатки чиновничества есть не более чем отступления от законов, которые «вовсе не коренятся в существе самой системы».

В полном противоречии с воззрениями большинства оказалось мнение управляющего Морским министерством И. А. Шестакова. Подвергнув критическому разбору аргументы защитников чинов, Шестаков приводил целую систему доводов против них. Главные из них сводились к следующему. Народ чинов не знает, составляя себе представление о служащих по их должностям (становой, исправник и т. п.). В среде же «интеллигенции... чиновничество стало уже чем-то комическим. В провинции уважение к нему издавна поколеблено Гоголем и другими сатириками... Столичная интеллигенция высказывает свое равнодушие к чинам, редко выставив их на [визитных] карточках и заменяя должностями». Наконец, «само правительство... несомненно тяготеет чинами». «Вид странной неправильности» имеют ситуации, когда «в том же чине и директор департамента или канцелярии, и регистратор, отмечающий в журнале приносимые пакеты»*. «...Когда в проявления правитель-

* В воспоминаниях управляющего Тарифным отделом Министерства путей сообщения Н. Н. Изнара содержится рассказ о любопытном эпизоде при его назначении на должность. В это время он имел чин ниже, чем у одного из его будущих подчиненных. Тот «выразил свое неудовольствие... тем, что подал... два пальца и ничего не ответил на обычное в таких случаях приветствие». В дальнейшем Изнар вынужден был выхлопотать ему перевод в другое учреждение.

ственных действий входит комизм, он переступает пределы смешного и становится вредным», — писал Шестаков. Правительство при усилиях выбирать на всякое дело людей способных встречает «китайскую стену рангов»; еще более затруднительно привлечь на службу людей бесчиновых. С существованием чинов Шестаков связывал существование «истинной язвы» российского «общества» — «презрения к работе, перешедшего от благородного рыцарства, имевшего по крайней мере прошедшее, к наслоившемуся чиновничеству, чуждому прошлого и одержимому пагубными надеждами на случайное, незаслуженное будущее».

Ознакомившись с запиской управляющего Морским министерством, Александр III написал: «Умно, дельно, справедливо».

В своих беседах с императором А. А. Половцов пытался укрепить его в намерении отменить гражданские чины. Прежде всего он обращал его внимание на то обстоятельство, что «верховная власть и вообще правительство не проиграют, а выиграют, если у них будет не толпа непригодных к делу чиновников, а только нужное их число, и притом людей, могущих полезно трудиться». При этом Половцов указывал, что добиться ликвидации чиновничества, не уничтожая чинов, совсем непросто. Осуществление предложения К. П. Победоносцева «не давать более чинов, превосходящих ту должность, которую занимает чиновник», приведет к тому, что «каждый министр будет... просить изъятия для своих подчиненных» и царь очутится в затруднительном положении.

Выражая мнение большинства оппонентов, С. А. Танеев в декабре 1886 г. выступил с предложением ограничиться усилением контроля за порядком чиновничества. Ознакомившись с его предложением, Александр III направил Половцову записку, ярко рисующую беспомощность самого царя в преодолении чиновной рутины. В записке, в частности, говорилось: «По-видимому, чиновничество желает провалить это дело, а я этого не желал бы. Что делать и как повести его, чтобы добиться

результата?». Выход был найден лишь в 1892 г. Решение не отличалось оригинальностью: восстанавливалось Особое совещание при Собственной его императорского величества канцелярии, на сей раз под председательством министра Императорского двора графа И. И. Воронцова-Дашкова. Незадолго перед тем Александр III по поводу отмены чинов снова заявил, что «решился это сделать и готов идти вперед решительно». Через месяц после возобновления Совещания он, по свидетельству Половцова, сохранял «твердое намерение чины уничтожить, оставив одни должности». И все же четвертая попытка уничтожить чины закончилась безрезультатно.

Осенью 1894 г. взамен упраздненного еще в 1858 г. Инспекторского департамента при Собственной канцелярии организуется Императорский отдел, имевший задачей контроль за правильностью чиновпроизводства. Тогда же возникает Межведомственный комитет о службе чинов гражданского ведомства и о наградах, который должен был координировать практику чиновпроизводства и наградений в разных учреждениях.

Тем временем в декабре 1894 г. министр финансов С. Ю. Витте сумел добиться особых прав по замещению должностей в своем ведомстве. Это было связано со значительной активизацией и функциональным расширением деятельности финансового ведомства, что вызвало необходимость приглашения на службу людей, имевших практический опыт деятельности в банковской, железнодорожной и промышленной сферах. Витте получил право замещать все должности до V класса включительно «лицами, не имеющими соответствующих чинов, а равно и лицами, хотя вовсе чинов не имеющими и, по общим правилам, не имеющими права на вступление на государственную службу, но получившими высшее образование». Государственный совет рекомендовал и другим министрам «внести на законодательное разрешение» свои предложения относительно «условий замещения должностей» в их ведомствах.

С 1 августа 1898 г. повысились требования к кандидатам на получение чина действительного статского

советника (IV класс): этот чин мог даваться лишь тем, кто выслужил в предыдущем чине 5 лет и занимал должность не ниже V класса. А 2 августа 1900 г. дополнительно устанавливалось, что для получения чина действительного статского советника требовалось прослужить в классных чинах не менее 20 лет.

В последующем появилось лишь одно изменение в порядке государственной службы, относящееся к 1906 г. и вызванное революционными событиями того времени, — полное уравнивание прав представителей всех сословий на государственную службу, в частности на вступление в нее.

Действовавшее законодательство о чинах в конце XIX — начале XX в. также не исключало отступлений от него, как это мы отмечали для более раннего периода. Например, С. Ю. Витте, имевшего чин титулярного советника (IX класс) и находившегося на частной службе, в 1889 г. назначили директором Департамента железнодорожных дел Министерства финансов с производством в чин действительного статского советника (IV класс). Сам Витте расценивал этот случай как «совершенно исключительный». Но в 1906 г. П. А. Столыпин назначается министром внутренних дел и председателем Совета министров, будучи в чине всего лишь IV класса.

Изложенная история попыток отмены гражданских чинов или реорганизации системы чиновпроизводства показывает, что в условиях царской России чинам постоянно придавалось важное значение и как фактору формирования состава бюрократии, и даже как одному из средств устранения пороков в организации государственного управления. Сплошные неудачи в реализации всех этих попыток сами по себе великолепно демонстрируют косность и неповоротливость государственного аппарата царской России, а также консервативную силу самого чиновничества, сумевшего действительно саботировать все новации, несмотря на неоднократно и категорически выражавшееся «высочайшее» желание реформировать систему чинов.

Все варианты реформирования чиновничества, имевшие сколько-нибудь серьезное значение, хотя и предусматривали отмену чинов как особой правовой категории, но не отнимали привилегий чиновничества, а лишь переносили их с чина на должность.

Попытки улучшить реформой гражданского чиновничества работу государственного аппарата оказались тщетными. Улучшение же качественного состава чиновничества хотя и имело место, но процесс этот шел крайне медленно и явно отставал от требований жизни. Кастовость и эгоцентризм чиновничества преодолеть невозможно.

Каковы же количественные итоги развития гражданского чиновничества к началу XX в.?

По официальным данным (возможно, неполным), в 1902 г. в России оказывалась 161 тыс. классных гражданских чиновников. К сожалению, общая цифра никак не дифференцируется. Поэтому, чтобы дать хотя бы примерное представление о распределении чиновничества по группам классов и их образовательном уровне, мы обратимся к официальным же данным на 1897 г. о гражданских чинах, действительно занимавших классные должности в высших органах власти и основных ведомствах царской России. В абсолютных цифрах эти данные, охватывавшие лишь часть чиновничества (101,5 тыс.), не показательны, но в относительных величинах они дают примерно верную картину.

К первым четырем классам принадлежало менее 1,5% чиновников. Из них высшее образование имели 87%. V–VIII классы имело 49% чиновников (58% — с высшим образованием). В центральных учреждениях они занимали должности вице-директоров департаментов, начальников отделений, чиновников для особых поручений, столоначальников и делопроизводителей. Должности V класса в провинции по ряду ведомств являлись руководящими. Наконец, к IX–XIV классам принадлежало 49,5% чиновников. Лишь в провинциальных учре-

ждениях они могли занимать должности, имевшие сколько-нибудь самостоятельный характер.

Стремясь усилить свое влияние на деятельность органов местного самоуправления, царское правительство присвоило классы государственной службы и мундиры сначала предводителям дворянства, а позднее также некоторым руководящим должностям в земстве и городском самоуправлении. Лица, избранные на такие должности, на время исполнения ими соответствующих обязанностей получали право пользования чином того же класса, а при повторном избрании сначала утверждались в этом чине, а затем могли получить более высокий чин. Так, губернский предводитель дворянства во второе трехлетие службы по выборам утверждался в чине статского советника, а в третье трехлетие — в чине действительного статского советника (IV и V классы); уездный предводитель во второе трехлетие утверждался в чине коллежского советника, а в третье трехлетие — в чине статского советника (VI и V классы).

Еще в 1800 г. к VIII классу гражданской службы приравнивали тех, кто получал введенные в этом году почетные звания для лиц, успешно занимавшихся промышленностью и торговлей, — мануфактур-советник и коммерции советник. Хотя по закону они оставались «при тех правах и преимуществах, кои купечеству присвоены», и не получали дворянства, класс давал им право на общий титул *ваше высокоблагородие*. В последующем лица купеческого сословия награждались за заслуги и более высокими чинами. В 1889 г. чин действительного статского советника (IV класс) присвоили за благотворительную деятельность неграмотному бакинскому предпринимателю Г. З. Тагиеву. Конец подобной практике положил только закон от 9 июня 1892 г.

ПОЧЕТНЫЕ ГРАЖДАНСКИЕ ЗВАНИЯ

Система гражданских чинов дополнялась несколькими высшими почетными званиями: статс-секретарь его величества, член Государственного совета, сенатор и

почетный опекун. Все эти звания не предусматривались Табелью о рангах и не относились формально к каким-либо ее классам, хотя определенное соответствие между чином и званием все же подразумевалось. Все они вели свое происхождение от одноименных должностей.

Еще во второй половине XVIII в. существовала должность статс-секретаря при императрице — особо доверенного лица для выполнения личных поручений секретарского характера по гражданской части. В начале XIX в. должность статс-секретаря занимал М. М. Сперанский. Позднее это уже только высшее гражданское почетное звание для чинов пяти высших классов. Число лиц, имевших это звание, во второй половине XIX — начале XX в. сокращалось: в 1874 г. значилось 40 статс-секретарей, в 1900 г. — 27, а в 1915 г. — всего 19. В дореволюционной «Большой энциклопедии» в статье о статс-секретарях не без основания констатируется, что «обязанности их в настоящее время совершенно неопределенны». Важной привилегией статс-секретарей было право личного доклада царю и объявления словесных повелений императора подобно дежурным генерал-адъютантам*.

По закону 1842 г. статс-секретари «занимали места выше всех гражданских чинов одного с ними класса, в частности «выше тайных советников, хотя бы и сенаторов». Звание статс-секретаря давалось доверенным министрам, выделяя их сразу из числа всех прочих. Значительно реже это звание получали товарищи министров, директора департаментов и только в исключительных случаях лица, занимавшие менее крупные посты. Все случаи такого рода обычно замечались современниками, и им придавалось важное значение. Известно, что в царствование Николая I статс-секретарем сделали барона М. А. Корфа, имевшего к тому времени лишь чин статского советника. В 1858 г. в статс-секретари были

* Не следует путать звание «статс-секретарь его величества» с наименованием должности «статс-секретарь Государственного совета», в обязанности которого входило заведование канцелярией одного из департаментов Государственного совета.

пожалован директор одного из департаментов князь Д. А. Оболенский. В начале 1860-х гг. по ходатайству министра финансов А. М. Княжевича звание статс-секретаря дали директору Кредитной канцелярии Министерства финансов Ю. А. Гагемейстеру, тогда как сам Княжевич этого звания не имел. Следующий за ним министр финансов М. Х. Рейтерн получил это звание еще до своего назначения на министерский пост. С мая 1903 г. по 1905 г. звание статс-секретаря имел не занимавший никакого официального поста А. М. Безобразов.

В 1872 г. статс-секретари получили особый знак своего звания — серебряный вензель императора, пожаловавшего им это звание. Знак носился на левой стороне груди или на погонах, когда они полагались к гражданскому мундиру. С 1894 г. вензель на знаке не отличался от вензеля генерал-адъютантов.

Звание члена Государственного совета возникло вскоре после возникновения этого органа в 1810 г. Для большинства членов Совета (около 40 человек) это была должность, относившаяся обычно ко II классу. Но могло быть и так, что несколько лиц (не министерского ранга) назначались членами Совета, занимая вовсе другую должность или не занимая никакой, но не включались в ежегодно объявляемый состав присутствовавших на заседаниях департаментов или Общего собрания членов Совета и не несли соответствующих обязанностей. Для них-то должность члена Государственного совета становилась исключительно почетным званием. Все члены Совета «имели бесспорное право являться к императору без всяких предварений». Когда в 1880-х гг. министр двора выразил намерение обязать их заранее уведомлять о предстоящем визите придворное ведомство, это вызвало недовольство. Число членов Государственного совета разного рода обычно составляло 60–70, из них от трети до половины — военные и от четверти до трети — имевшие титулы князей и графов. С 1906 г. общее число членов Совета возросло почти до 200, причем половина из них стала избираться.

Гражданским членам Государственного совета (в том числе и тем, кто не участвовал в его работе) полагался темно-зеленый с красными воротником и обшлагами,шитый золотом мундир, введенный в 1826 г.

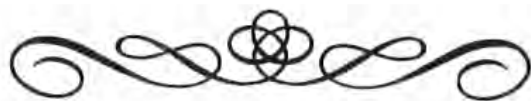
Аналогичным образом еще с конца XVIII в. существовали должность и звание сенатора, то есть члена Правительствующего сената, приравненные к III классу. Естественно, что звание сенатора считалось менее почетным, чем звание члена Государственного совета. Обычно его получали товарищи министров либо в период нахождения в этой должности, либо при отставке, как бы в завершение карьеры. А. А. Половцов свидетельствует в своем дневнике за 1886 г.: «В последние 25 лет вошло в обычай всякого товарища министра назначать сенатором, несмотря на то, что каждый из них по званию (точнее, по должности. — Л. Ш.) своему присутствует в Сенате по делам, его министерства касающимся. Вследствие сего по прослужении нескольких лет товарищи министров являются претендентами на звание члена Государственного совета. Между тем по общему порядку министры берут в товарищи лиц, не могущих представляться опасными заместителями, то есть людей, не выходящих из ряду по своим способностям». Но сенаторское звание могло принадлежать и министрам. Так, его имел государственный контролер Т. И. Филиппов. На 1858 г. числилось 124 сенатора, из них 38 — военные; в 1897 г. — 113 сенаторов, присутствовавших в департаментах и общих собраниях Сената, лишь 5 из них — военные, а 13 имели родовые титулы. В конце XIX в. в правительственных верхах считалось, что существует «множество сенаторов..., получающих жалованье и почти ничего не делающих».

К званию сенатора приравнивалось звание опекуна или почетного опекуна, установленное в 1798 г. для награждения им членов опекунских советов — органов, ведавших благотворительными учреждениями. Нередко звание это давалось и за крупные пожертвования на

благотворительные цели. Одним из первых в начале XIX в. звание почетного опекуна получил действительный тайный советник князь П. П. Щербатов. Почетным опекунам полагался темно-зеленый оригинального покроя мундир с черным бархатным воротником и обшлагами, отороченными голубым кантом, украшенный золотым шитьем.

Звания статс-секретаря и почетного опекуна (в большинстве случаев) давались гражданским лицам; звания члена Государственного совета и сенатора — также и военным. Указанные звания (кроме статс-секретаря) присваивались пожизненно. Их можно было совмещать. Например, И. Л. Горемыкин накануне Февральской революции являлся одновременно действительным тайным советником I класса, статс-секретарем, членом Государственного совета и сенатором.

МУНДИРЫ ГРАЖДАНСКИХ ВЕДОМСТВ

КОНЕЦ XVIII В.

Как мы уже отмечали, с 1782 г. гражданские чиновники носили губернские мундиры. Первые известия о существовании некоторой системы специальных ведомственных мундиров относятся к 1794 г., когда появился упоминавшийся ранее альбом-справочник «Изображение губернских, наместнических, коллежских и всех штатских мундиров» с рисунками и краткими пояснениями к ним. Уже в самом названии его выражается претензия на полноту. Вероятнее всего, появление справочника не было способом обнародования новой форменной одежды, а служило пособием для изготовления мундиров и их распознавания. Возможно, он существовал во многих экземплярах, но до нас дошел единственный, хранящийся в Государственной исторической библиотеке в Москве.

В альбоме-справочнике 1794 г. фиксируется существование в стране мундиров семи разных ведомств и учреждений: Адмиралтейств-коллегии, Военной коллегии («армейский» и «провиантский» мундиры), государственных банков, почтамта, ведомства водных («водных», как тогда называли) коммуникаций, Московского университета и Горного училища. Время их возникновения, так же как и акты, которыми они вводились, не указаны и из других источников нам неизвестны.

Фасон всех кафтанов и дополнявших их белых или цветных камзолов, штанов до колен и треугольных шляп (черных) не оригинален и, в общем, однотипен с губернскими мундирами (в частности, не во всех случаях есть лацканы, разная форма карманов).

Первые три мундира предназначались, как можно понять, для гражданских чинов военных ведомств. Если это так, то мы имеем здесь первое упоминание об особой разновидности гражданских ведомственных мундиров, о которой далее будем говорить подробнее.

Чиновники государственных банков имели зеленый кафтан с палевыми воротником, лацканами, обшлагами и подбоем (подкладкой); на обшлагах зеленые клапанцы; карманы горизонтальные. Камзол и штаны белые, пуговицы белые. Директорам и советникам на мундире полагались серебряные петли. Именно в таком мундире изображен граф П. В. Завадовский (художник С. С. Щукин). Банковский мундир просуществовал 10 лет.

Для чиновников почтового ведомства был установлен зеленый кафтан с черными воротником, лацканами и обшлагами; камзол и штаны — палевые. Известен портрет главного директора почт графа А. А. Безбородко, облаченного в такой мундир (художник Д. Г. Левицкий 1780–1790 гг.).

Заметим, что еще в 1765 г. были установлены и некоторое время существовали мундиры для чинов ведомства Ямской канцелярии. В сенатском указе читаем: «Ее императорское величество высочайше указать соизволила: ведомства Ямской канцелярии в штаб- и обер-офицерских рангах и унтер-офицерам, состоящим на ямах управителями, иметь мундиры: кафтаны синего сукна, камзолы, штаны, на кафтанах лацканы, воротники и обшлага круглые палевого сукна, подбой у кафтанов такого же цвета как камзолы, а у камзолов белый, пуговицы штаб- и обер-офицерам томпаковые гладкие позолоченные, а унтер-офицерам медные с признаками во всем по своим званиям против армейских чинов, да сверх того состоящим в унтер-офицерских чинах иметь

на лацканах на левой стороне медные небольшие гербы на таких же цепочках. В исполнении одного Правительствующий Сенат приказали: об оном для сведения и чтоб никто другие таких мундиров не носили [сообщить] во все здесь и в Москве обретающиеся присутственные места, в губернии и провинции, а из оных в приписные города послать указы, в московские же Сената департаменты сообщить ведение».

Чиновники ведомства водных коммуникаций имели кафтан болотного цвета с малиновым бархатным воротником, подкладка кафтана также болотного цвета, камзол и штаны белые. Цвет мундира выбран не случайно. Вскоре ведомству подчинили и сухопутные сообщения, в связи с чем за чиновниками укоренилось шутовское наименование «лягушки», указывавшее на их «земноводные» занятия. Позднее при утверждении эскиза диплома инженеров путей сообщения Николай I собственноручно пририсовал на нем лягушку. Указом от 30 декабря 1806 г. кафтан заменялся на однобортный темно-синий мундир с синими же стоячим воротником и обшлагами, а также с серебряными нашивками, указывавшими на принадлежность к генеральским, штаб- и обер-офицерским чинам. Предусматривались обкладки на полах и фалдах из сукна синего же цвета. К указу прилагались рисунки, но они не сохранились.

Мундирный кафтан чиновников Московского университета изображен малиновым, с синими воротником и обшлагами; штаб-офицерским чинам полагались «петли, шитые золотом»; камзол и штаны белые. 14 октября 1800 г. (то есть еще в павловское царствование) этот мундир заменяется другим — темно-зеленым кафтаном с малиновыми воротником и обшлагами; на «белых» (то есть посеребренных) пуговицах его изображались государственный герб и «атрибуты учености».

Непонятно, почему в справочнике 1794 г. указан мундир Горного училища, тогда как известно о существовании во второй половине XVIII в. общего мундира чиновников горного ведомства. Он был установлен еще в апреле 1755 г. повелением императрицы Елизаветы

Петровны: «Горным штаб-офицерам мундир иметь: кафтан сукна красного доброго; обшлага разрезные суконные белые, называемые шведскими; воротник [и] камзол суконные белые; штаны суконные же красные; подбой белый». По бортам кафтана и камзола, а также на шляпе предписывалось «иметь галун золотой шириною... в один вершок с половиной». «На камзоле под клапаном» полагалась галунная «выкладка с фигурой». Пуговицы — золоченые. На кафтане, камзоле и шляпе горных обер-офицеров галун полагался шириной в один вершок (на камзоле под клапаном выкладка отсутствовала). Исключительное право горных чинов на такие мундиры закрепляло распоряжение Сената «во все коллегии, канцелярии, конторы и приказы, чтоб никто таких мундиров не делал». Таким образом, в соответствии с их полувоенным статусом (и даже приравнением их к молодой гвардии) горные чиновники получили особые мундиры с военной системой обозначения рангов посредством галунов. Замена белого прибора на зеленый (зафиксированная в альбоме 1794 г.) произошла, по-видимому, незадолго до 1794 г. В декабре 1796 г. Берг-коллегия подтвердила, что все горные чины «имеют мундиры сукна красного; обшлага, лацканы, воротник, камзол и штаны цвету зеленого; пуговицы же белые выпуклые». О золотых галунах речи уже нет. Шляпы штаб- и обер-офицеров обшивались «белым и узким галсом». Темляки и кисти к ним — серебряные.

5 мая 1794 г. был утвержден мундир для преподавателей и чиновников Академии художеств. В альбоме-справочнике 1794 г. он не зафиксирован, вероятнее всего из-за того, что «опоздал» к включению в издание. Первое упоминание о мундирах Академии художеств относится еще к началу царствования Екатерины II. В связи с утверждением нового устава академии в 1764 г. и подчинением ее непосредственно императрице, члены академического собрания решили изготовить для преподавателей и чиновников одинаковые кафтаны «вишневого цвета», украшенные по краям золотым гладким галуном (у академиков) или золотым же «шитым по

Узор шитья на мундирах чинов Академии художеств. 1765 г.

установленному образцу» (у профессоров); кафтаны старших чиновников получили «шитье серебром». Рисунок шитья, утвержденный в 1765 г., удалось обнаружить в Российском государственном историческом архиве. За изготовление мундиров производились вычеты из жалованья преподавателей и служащих в крупных по тому времени суммах — от 55 до 100 руб. Идея введения мундиров для преподавателей и чиновников Академии связана, конечно, с тем, что воспитанники ее, находившиеся большей частью на казенном содержании, уже имели унифицированное форменное обмундирование. Оно различалось в зависимости от возраста воспитанников. Этим преследовались воспитательные (дисциплинарные) цели, а также обеспечивались удобство и экономичность изготовления обмундирования. По-видимому, мундиры 1764 г. просуществовали недолго, а в 1780-х гг. их заменили губернские.

Инициатива нового (1794 г.) введения академических мундиров исходила от вновь назначенного президентом Академии художеств графа А. И. Мусина-Пушкина. Он исходатайствовал повеление Екатерины II, чтобы «отныне впредь все чины императорской Академии художеств... имели мундиры малинового цвета с черной подкладкой и такими же бархатными отворотами с золотыми петлицами по приложенному...

Мундир чинов Академии художеств. 1794 г.

рисунок». Рисунок этот позднее оказался в художественном собрании князя В. Н. Аргутинского-Долгорукова и в 1908 г. был опубликован (в черно-белом изображении) Н. Н. Врангелем в приложении к журналу «Старые годы». Как видно, под петлицами на сей раз действительно подразумевались петли на лацканах (отворотах) и обшлагах. Изображение мундира 1794 г. в цвете можно видеть на портрете художника и педагога И. А. Акимова, исполненном И. Б. Лампи-младшим.

В конце января 1800 г. президентом Академии художеств становится граф А. С. Строганов, и вновь следует реформа ее мундиров. В марте упраздняются лацканы, черные воротник и обшлага заменяются на малиновые (под цвет кафтана), а подкладка — на палевую. Относительно фасона мундира пояснялось, что он должен быть таким, «как делаются обыкновенно немецкие кафтаны». Это означало, в частности, что воротник становится отложным. На воротнике и обшлагах предусматривались вышитые золотом «петлицы», их рисунок прилагался (но, к сожалению, не сохранился).

9 ноября 1801 г. воротник и обшлага академических мундиров опять заменили на «черные бархатные, на которых петлицы положены те же самые и на тех местах, как сие теперь есть». Фасон мундира на этот раз не разъяснялся. Однако мы можем видеть его на автопортрете известного исторического живописца А. И. Иванова, ныне хранящемся в Государственной Третьяковской галерее. В искусствоведческой литературе обычно указывается, что автопортрет написан вскоре после окончания Ивановым Академии

А. И. Иванов в мундире Академии художеств образца 1800–1801 гг.

художеств — в 1800 г. Но такая датировка неверна. Ей не соответствуют ни прическа художника (явно не павловского времени: без парика, не завитые волосы слегка пудрены), ни фасон мундира. Мундиры с высоким стоячим воротником появились лишь в самом начале александровского царствования. Никакого акта о введении нового фасона мундира (ни в Академии художеств, ни в гражданском ведомстве вообще) до нас не дошло. На автопортрете ясно видно шитье на воротнике, имитирующее петлицы, предусматривавшиеся мартовским указом 1800 г. Мундир, в который облачен Иванов, — самое раннее из известных нам изображений мундиров нового, так называемого французского образца. По всей видимости, портрет был написан вскоре после 9 ноября 1801 г. (черный воротник), а постановление о введении французских мундиров в Академии принято незадолго до этого. Последующая эволюция академического мундира указывает на теоретически возможную (крайне позднюю) дату написания автопортрета — 7 июля 1804 г. (см. с. 220).

27 октября 1799 г. появляется еще один ведомственный мундир — для чиновников Коллегии иностранных дел: темно-зеленый, с воротником и обшлагами из черного бархата, с серебряными пуговицами и петлицей на шляпе. На сей раз пояснялось, что воротник должен быть стоячим. Это первый случай появления стоячего воротника на гражданском мундире немецкого образца. Такой воротник явился результатом эволюции отложного воротника на высокой стойке (воротник утрачен, стойка осталась). На партикулярных кафтанах он известен с середины 1790-х гг. Рисунков мундира Коллегии не сохранилось. Скромность мундира и отсутствие деления на ранги (разряды) порождают вопрос о том, предназначался ли он для старших чинов Коллегии и для дипломатических представителей России за границей? Лишь в конце 1809 г. мундир Коллегии иностранных дел получил шитье (серебряное) для обозначения рангов чинов.

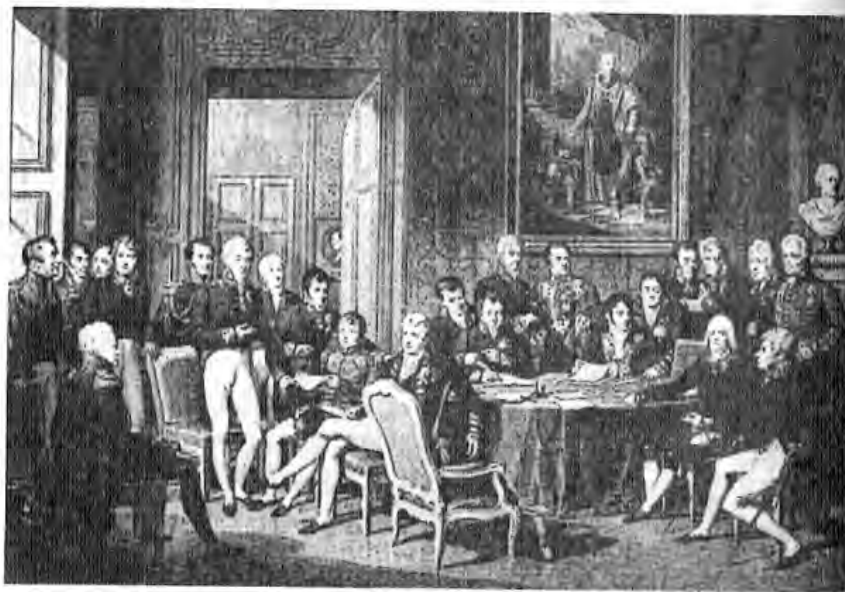
Как видим, специфика ведомственных мундиров в конце XVIII в. выявилась только в их расцветке. Лишь некоторые из них имели специальные обозначения рангов (шитые петлицы). При этом в одних случаях обозначались ранги чинов, в других — ранги должностей.

В начале 1798 г. Павел I распорядился, «чтобы все служащие являлись [на службу] всегда в мундирах», либо ведомственных, либо губернских, и чтобы «никто не дерзал носить фраков, жилетов, коротких сапогов». По учреждениям рассылались предписания «о сем объявить и наблюдать, чтобы сие всегда было исполняемо в самой точности». 28 февраля 1800 г. Павел I снова повелел, чтобы штатские чиновники носили мундиры только по «высочайше апробированным образцам». Возможно, распоряжение это было вызвано появлением каких-то частных мундиров, в частности мундиров Дружеского литературного общества. Поэт И. И. Дмитриев вспоминал, что члены этого общества решили носить «кафтаны одинакового покроя и цвета — голубые с золотыми петлицами» и с «черным исподним платьем».

ПЕРВАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

Начало XIX в. было временем, когда вместе с развитием нового мышления менялся и внешний облик граждан Европы: исчезают парики, длиннополые и широкие кафтаны заменяются более «компактными», появляется сравнительно четкая и понятная система обозначения на одежде служебного положения ее обладателей. Все это можно видеть, в частности, на «коллективном портрете» участников известного Венского конгресса 1815 г.

В России ведомственные мундиры, возникшие в конце XVIII в., претерпели те же изменения и, вслед за губернскими и военными, сменили «немецко-венгерский» покрой на «французский». Они становятся узкими, однобортными, с высоким стоячим воротничком; полы мундиров спереди внизу раздвигаются (отчасти для облегчения ходьбы и сидения).

Участники Венского конгресса 1815 г. в форменном платье государств Европы

Вероятно, в некоторых случаях эволюция ведомственных мундиров начиналась «стихийно» — без законодательного оформления. Свидетельством тому является парадный портрет Петра Васильевича Мятлева (1756–1833), написанный И. И. Олешкевичем примерно в 1801 г.

Мундир Мятлева соответствует нормативному описанию 1794 г. Сохраняются лацканы с двумя рядами пуговиц, но воротник определенно стоячий. На нем, на обшлагах и на зеленых клапанцах обшлагов парные петлицы.

По «Адрес-календарю на 1796 г.» Мятлев числится председателем правления государственного Ассигнационного банка, тайным советником, сенатором, действительным камергером и кавалером орденов Св. Владимира 2-й степени «большого креста», Белого Орла и Св. Станислава. Владимирский крест мы видим на шее Мятлева, а орден Белого Орла с лентой лежит на столе возле левой руки. Младший орден Св. Станислава не показан

вообще. 28 июня 1796 г. Мятлев награждается орденом Св. Александра Невского, звезда которого видна на левой стороне груди, а красная лента перекинута через левое плечо. В парадное одеяние этого ордена портретированный и облачен; поверх мундира — орденская спанча (накидка), а на столе — шляпа с крестом и перьями.

В 1970-х гг. этот портрет, ныне хранящийся в Эрмитаже, был подробно изучен К. В. Мытарева. Результаты ее исследования изложены на страницах периодического сборника «Сообщения Государственного Эрмитажа». Автор установила наличие в музеях «четырёх совершенно идентичных экземпляров этого портрета» (кроме эрмитажного еще и в Государственном Историческом, Ярославском художественном и Молдавском художественном музеях). Из них лишь хранящийся в Эрмитаже имеет на полотне обозначение фамилии художника и дату «1824». Подпись, как и дата, пишет Мытарева, «на портрете сделана в красочном слое, находится под лаком и не вызывает сомнения». «Мы можем утверждать, — заключает она, — что эрмитажный портрет П. В. Мятлева является подписным и датированным основным экземпляром». Это, однако, не согласуется с нашими знаниями о банковских мундирах и «мундирных» портретах вообще.

Известно, что в 1801 г. Мятлев оставил государственную службу. Есть основания полагать, что заказ портрета он приурочил именно к отставке с целью сохранения памяти об успешной карьере. Стоячий воротник мундира и отсутствие парика (возможно, волосы портретированного пудрены) указывают на начало александровского царствования. Определенно известно, что банковский мундир, изображенный на портрете, просуществовал лишь до конца 1804 г. Разыскать такой мундир в позднейшие годы было бы затруднительно. Наконец, на портрете мы видим далеко не старого человека (Мятлев ушел в отставку в 45 лет), тогда как в 1824 г. ему исполнилось 68 лет.

Обстоятельства появления на эрмитажном портрете даты «1824» могут быть с большой вероятностью объяснены следующим образом. Мытарева справедливо отмечает, что Мятлев — высокообразованный и относительно состоятельный человек. Ему удалось собрать «неплохую коллекцию картин». Вместе с тем он пытался создать портретную галерею представителей своего рода. Мытарева сообщает, в частности, что в 1825 г. Мятлев заказал Олешкевичу посмертные портреты своих родителей. Возможно, что для той же галереи понадобилась и авторская копия его портрета, написанного Олешкевичем много раньше. Во всяком случае, эрмитажный вариант портрета — не оригинал, а одно из позднейших (1824 г.) повторений. Является ли оригиналом один из трех других вариантов портрета, когда и при каких обстоятельствах они написаны — все это еще требует выяснения.

Вероятным представляется, однако, что оригинал портрета П. В. Мятлева написан в 1801 г. либо в 1802–1803 гг. (но все же изображал его облик с ориентацией на 1801 г.). Предположение не противоречит фактам биографии И. И. Олешкевича: в 1802 г. он закончил учебу в Виленском университете, а в 1803 г. совершенствовался в Дрездене. Похоже, что портрет Мятлева — одна из первых больших работ молодого художника.

Банковский мундир, который мы видим на портрете Мятлева, — хорошая иллюстрация эволюции «немецко-венгерских» кафтанов в начале александровского царствования: сам кафтан сохраняется, но получает стоячий воротник со знаками различия на нем (парные серебряные нашивки-петлицы); сохраняются даже лацканы. Законом от 21 декабря 1804 г. вводится новый банковский мундир с золотым узорным шитьем.

Число ведомственных мундиров в начале XIX в. возрастает: к концу александровского царствования более 30 ведомств и учреждений обзаводятся ими. Все они получают «французский» фасон. Со временем полы мундиров спереди внизу раздвигаются все более.

Возникновение новых гражданских мундиров происходило по инициативе самих ведомств и почти не координировалось*. Единственным общим принципом «построения» этих мундиров был тот, что ранг мундиров должен был соответствовать рангу должности чиновника (а не рангу его чина, как это устанавливалось для военных мундиров).

Первым из возникших в XIX в. гражданских ведомственных мундиров стал мундир сенаторов. Вот некоторые подробности его появления.

Вскоре после вступления на престол Александр I торжественно заявил о намерении «навек и непоколебимо» утвердить права и преимущества единственного в то время высшего органа государственного управления — Правительствующего сената. Замысел этот не был, однако, реализован, и все свелось лишь к пожалованию членам Сената (а также тем, кто имел лишь звание сенатора) особого мундира. В тексте императорского указа от 9 декабря 1801 г. сенаторам «высочайше назначалось иметь два мундира с шитьем по приложенным образцам: один праздничный, а другой для вседневного употребления». Прилагались натурные образцы золотого шитья. Кафтаны обоих мундиров изготавливались из красного сукна с темно-зелеными бархатными воротниками (стоячими) и обшлагами. Праздничный мундир украшался золотым шитьем не только по воротнику, обшлагам и карманным клапанам (и под ними), но и по бортам. Узор шитья в форме повторяющихся завитков дополнялся бордюром («бортом») из трех (иногда пяти)

* Отчасти по этой причине многие изобразительные материалы позднее оказались утрачены. Но мы можем судить о них по рисункам, подготовленным в связи с реформой гражданских мундиров 27 февраля 1834 г.

На практике установился порядок обозначать ведомственную принадлежность мундира цветом его сукна, цветом прибора и особым узором шитья (золотого или серебряного). Разнообразие узоров шитья лучше всего можно видеть на воротниках и обшлагах мундиров, на карманных клапанах и под ними.

параллельных золотых шнуров, перевитых четвертым и обрамленных по краям еще двумя. Красный цвет мундира и шитье по бортам становилось уникальной привилегией сенаторов в системе гражданской службы (цвет — навсегда, а бортовое шитье — до 1809 г.). «Вседневный» мундир (вицмундир) имел то же шитье только на воротнике и обшлагах. К 1804 г., однако, парадное шитье на вицмундире заменили на более простое — другого узора с включением в него senatorского бордюра. В 1810-х гг. вицмундир стал темно-зеленым. На позолоченных пуговицах мундира и вицмундира изображалась колонна со словом «закон» на ней, получившая наименование «сенатского чекана». В законе оговаривалось, что те сенаторы, «кои право имеют носить мундиры военные, ...при оных они и остаются». Тем самым устанавливался общий принцип приоритета военного мундира: военные, назначенные на гражданскую должность, сохраняли свои мундиры.

Сложилась традиция, согласно которой на всех заседаниях сенаторы, имевшие гражданские чины, «присутствовали в шитых золотом» мундирах.

Лишь в феврале 1804 г. мундиры получили чиновники департаментов Сената: темно-зеленые с красными воротниками и обшлагами, красной суконой выпушкой по борту и карманными клапанами. На воротнике и обшлагах мундиров обер-прокуроры и герольдмейстер имели senatorское праздничное золотое шитье, чиновники средних рангов — будничное senatorское шитье. Мундиры низших чиновников шитья не имели (но сохраняли красную выпушку).

Канцелярский чиновник Сената. 1804 г.

Шитье на воротнике и обшлагах парадного мундира и вицмундира сенаторов. 1801, 1804 гг.

Мундиры и сенаторов, и чиновников Сената дополнялись белыми камзолами и штанами ниже колена с чулками и башмаками.

Оба senatorских шитья (праздничное и упрощенное вицмундирное) сохранились до 1917 г. Элементы этого шитья использовались на мундирах и других ведомств (Синода, Министерства юстиции, губернской администрации). Некоторые ведомства использовали пуговицы с senatorским чеканом.

13 апреля 1803 г. мундир был установлен для чиновников Лесного корпуса (гражданского). Воротник (обложенный красным шнурком в виде опушки) и обшлага его — зеленые бархатные с серебряным шитьем. На мундире главного директора государственных лесов шитье размещалось по краям воротника, по верхнему краю обшлагов и на карманных клапанах (косого кроя). Второй разряд мундиров лесного ведомства имел две шитые петлицы на воротнике и

Мундир чиновников лесного ведомства. 1803 г.

Узор мундирного шитья лесного ведомства. 1834 г.

по три меньшего размера на обшлагах и клапанах. Третий разряд имел одну петлицу на воротнике и две на обшлагах. Четвертый разряд сохранял лишь петлицы на обшлагах. Наконец, обер-офицерские чины имели суконный воротник без петлиц. На нижних углах треугольной шляпы полагались се-

ребряные кисточки, по верху шляп — белый плюмаж. Позднее узор шитья изменился.

31 декабря 1803 г. утверждается мундир для Академии наук, а 20 августа 1804 г. — для Российской академии (занималась изучением русского языка). И тот и другой — темно-синие с красными суконными воротниками и обшлагами. Шитье же у них различалось: у Академии наук — золотое, а у Российской — серебряное. Узор последнего известен. Рисунка же первоначального узора шитья на мундирах Академии наук не сохранилось.

24 марта 1804 г. в соответствии с новыми веяниями изменяется мундир чиновников горного ведомства: он стал темно-синим французского покроя; однобортным, на 9 пуговиц, с вырезом юбки спереди и с высоким стоячим воротником. К мундиру полагались белые панталоны

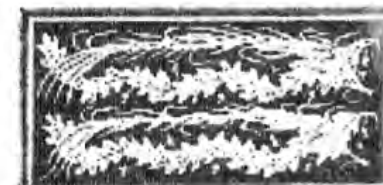
в сапоги (в феврале 1826 г. панталоны заменили на длинные синие брюки, носившиеся поверх сапог). Согласно указу 1804 г. горные мундиры имели воротник и обшлага с клапанцами из черного бархата, а на полах и фалдах — «обкладки» из черного сукна. Края обкладок, воротника, обшлагов и клапанцев оторочивались красным сукном. Генеральским и штаб-офицерским чинам полагались «сверх того на воротнике и клапанцах мундира золотые нашивки». Обозначали ли они ранги чинов или должностей и как именно, не разъяснялось. Ни рисунки, ни описания этих нашивок до нас не дошли. На рисунке-реконструкции к «Историческому описанию...» они обозначены в виде галуна вокруг верхней части воротника и обшлагов. Либо

это ошибка, либо вскоре взамен галуна было введено золотое шитье «из дубовых и лавровых ветвей», хорошо известное по позднейшим изображениям мундиров горных чинов. Именно такое шитье можно видеть на портрете публициста-демократа начала XIX в. А. Ф. Бестужева, написанном В. Л. Боровиковским в 1806 г.

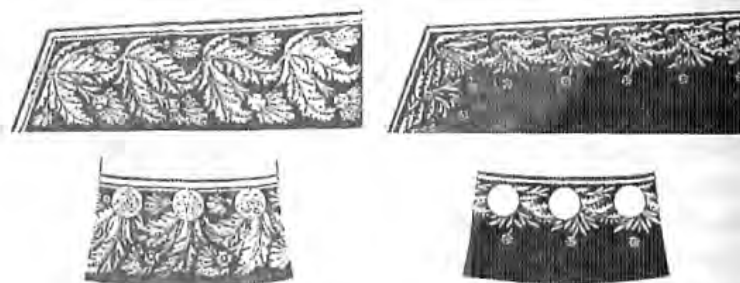
Тем же указом совершенно аналогичные мундиры установили и для служащих при Монетном департаменте Министерства финансов с тем, однако, отличием, что «генералитет и штаб-офицеры» имели «нашивки» не золотые, а серебряные.

А. Ф. Бестужев в мундире горного ведомства. 1806 г.

Узор мундирного шитья горного ведомства

Узор мундирного шитья Академии наук и Российской академии. 1803, 1894, 1834 гг.

Узор мундирного шитья межевого ведомства

сюртука в составе форменной одежды гражданского ведомства. Мундир дополнялся шпагой с серебряным темляком.

30 марта 1804 г. вводится мундир для чиновников Межевой канцелярии Министерства юстиции и подведомственных ей губернских учреждений. Черные суконные воротник и обшлага мундира не имели шитья. Единственным отличием являлась красная выпушка по борту. Не ясно, различались ли как-то ранги служащих. 10 декабря 1819 г. в связи с созданием Межевого корпуса (гражданского) чины его получили черные бархатные воротники и обшлага с голубой выпушкой и серебряным шитьем. Узор шитья не пояснялся. Судя по рисункам к закону 1834 г. шитье изображало масличную ветвь и межевую измерительную цепь (в виде борта). На пуговицах изображались «межевые орудия».

Указом от 7 июля 1804 г. цвет мундира Академии художеств был заменен с малинового на темно-синий, с синими же бархатными воротником и обшлагами. Еще в мае президент академии граф А. С. Строганов распорядился сделать рисунок мундира и представить ему.

Узор шитья Академии художеств. 1804 г.

Помимо мундиров, для использования «при работах горного и монетного производства» вводился сюртук (из синего же сукна, однобортный, с полной юбкой, со стоячим черным бархатным воротником без шитья), носившийся с серыми панталонами. Это одно из наиболее ранних упоминаний

рядился сделать рисунок мундира и представить ему. Тогда же были изготовлены и «разные пробы следующим быть вышивкам на воротнике и обшлагах» мундира. Рисунок мундира до нас не дошел, а «пробы» узора на

воротнике сохранились, хотя и не в полном составе. В 1828 г. новый президент Академии художеств А. П. Оленин характеризовал их как единственно имеющиеся, но «весьма неисправные».

Уже в августе 1804 г. выяснилось, что указ от 7 июля имел в виду лишь мундиры для «чинов, принадлежавших к академическому собранию». Затем (в июле же или августе) особым докладом царю Строганов испросил разрешения на введение таких же мундиров для «чиновников, имевших штаб-офицерские чины», чины низших классов, а также для «мастеров разных мастерств, к художествам принадлежащих». Члены «академического собрания» получали на воротники и обшлага мундиров так сказать основное (полное) шитье. Рисунок его, к сожалению, не сохранился. Но такое шитье можно видеть на портрете самого Строганова кисти Ж.-Л. Монье, датированном 1804 г. Чинам штаб-офицерского ранга полагались «золотые петлицы на воротнике того же шитья». Мундиры чинов низших классов шитья не имели. Исключение было сделано лишь для «мастеров разных мастерств», которые получали мундирное шитье по представленному эскизу. Это шитье повторяло в укороченном виде (лишь на концах воротника) воротниковое шитье членов академического собрания. Позднее разъяснялось, что узор шитья на мундирах Академии художеств образуется переплетением дубовой и оливковой ветвей.

Портреты с изображением штаб-офицерских мундиров Академии художеств нам неизвестны. Вместе с тем существует целый ряд портретов «мастеров», изображенных в установленных для них мундирах. Некоторое увлечение этими мундирами объясняется, в частности, тем, что объем шитья на них указывал (по меркам того времени) на сравнительно высокий ранг портретированных (более высокий, чем в действительности обычно был у «мастеров разных мастерств»).

Неполный и не вполне ясный текст закона от 7 июля 1804 г., а также отсутствие (или утрата) вполне завершённых нормативных рисунков шитья на мундирах

Узор мундирного шитья Академии художеств, 1821 г.

А. Н. Оленин в форменном сюртуке Академии художеств

Академии художеств со временем привели к тому, что узор его стал варьироваться с общей тенденцией к укрупнению.

В июне 1821 г. А. И. Оленин в официальном письме министру духовных дел и народного просвещения князю А. Н. Голицыну сетовал на то, что в систему мундиров чинов академии от «наставников в художествах» до «первостепенных звании академических... вкрались некоторые отступления по сей более причине, что предписания по сему предмету не были довольно обстоятельно и ясно изложены». Чтобы «сия часть могла быть приведена в надлежащей порядок», Оленин предлагал, в частности, уточнить детали фасона мундира и рисунок мундирного шитья.

«Я не предполагаю значительных перемен в сих мундирах, — писал Оленин, — но желаю иметь основательные документы, которыми можно бы было безошибочно руководствоваться». При подготовке новых нормативных материалов за некоторый образец были взяты рисунки мундиров Императорской Публичной библиотеки 1812 г., возглавлявшейся тогда тем же А. Н. Олениным. На первом листе были изображены две фигуры преподавателей и чиновников академии в парадном мундире и повседневном мундирном фраке; на втором — две фигуры учеников в форменной одежде; на третьем — новый вариант узора шитья на воротнике, обшлагах и карманных клапанах; на четвертом — печать академии и наградные медали

для отличившихся воспитанников. Узор шитья включал прежние компоненты — дубовую и масличную ветви, но их переплетение было менее выражено: теперь эти ветви как бы чередовались, спускаясь от верхнего края воротника и обшлагов к нижнему. В связи с этим увеличивалась плотность шитья.

Предполагалось, что мундиры будут разделяться на пять разрядов по объему шитья. Высший разряд должен был иметь шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. 2-й разряд лишался шитья на клапанах. Мундиры 3-го разряда получали шитье по воротнику и двойной кант (вместо шитья) на обшлагах. 4-й разряд мундиров имел шитье только в передней части воротника, а на обшлагах — одинарный кант. Наконец, 5-му разряду мундиров полагался двойной кант по воротнику и одинарный на обшлагах. Профессора имели право на мундир 2-го разряда, а «мастера разных мастерств» — на мундир 4-го разряда.

Рисунки 1821 г. формально не были утверждены, но фактически, судя по портретам того времени, повлияли на практику оформления мундирного шитья. Так, на портрете живописца, профессора Академии художеств А. И. Иванова 1824 г. (кисти И. В. Бугаевского-Благодарного) шитье вполне явно в соответствии с рисунками 1821 г. Эти рисунки были утверждены лишь 19 декабря 1830 г. Но теперь мундиры получили разделение не на пять, а на восемь разрядов из десяти, вновь вводимых для гражданских чиновников. При этом высший разряд академических мундиров (для президентов) соответствовал 3-му по десятиразрядной системе. Шитье на

А. И. Иванов в мундире Академии художеств, 1824 г.

М. А. Белосельский-Белозерский в мундире Академии художеств. 1811 г.

бинировались с оливковыми, причем они изображались попеременно спускающимися от верхнего края воротника к нижнему. Предусматривалось так же шитье на обшлагах и карманных клапанах. Собственно шитье

Князь Н. В. Юсупов в мундире Академии художеств

воротнике, обшлагах и карманных клапанах было дополнено для мундиров 3-го разряда однородным шитьем по бортам и полам. Правда, при оформлении рисунков шитья была допущена погрешность: на масличных ветвях вместо ягод изображены желуди.

В 1827 г. в связи с подготовкой нового «Положения» об Академии художеств был разработан также и проект новой системы шитья на академических мундирах. И на этот раз дубовые ветви комбинировались с оливковыми, причем они изображались попеременно спускающимися от верхнего края воротника к нижнему. Предусматривалось так же шитье на обшлагах и карманных клапанах. Дополнялось «шитым кантом». Намечались 5 разрядов шитья: полное — по воротнику, обшлагам и клапанам для президента, ректоров, почетных любителей и почетных членов; по воротнику и обшлагам получали шитье профессора, конференц-секретарь, почетные вольные общники. Предусматривалось и «половинное» шитье — лишь на передних концах воротника. Чины низших классов, к которым чаще всего относились художники, имели право лишь на мундир с двойным кантом на

воротнике и одинарным на обшлагах. Вводился также форменный сюртук без шитья. Новая пятиразрядная система академических мундиров осталась не реализованной. Но в марте 1831 г. для всех учреждений ведомства Министерства императорского двора была установлена система шитья по 10 разрядам. В соответствии с ней президент Академии имел мундир 3-го разряда (шитьем на воротнике, карманных клапанах, по борту и по краям фалд в один ряд), а профессорам I степени полагался мундир 6-го разряда с половинным шитьем на воротнике.

Мундир для чиновников Комиссии составления законов был установлен еще 12 июля 1804 г. Он имел черные бархатные воротник и обшлага с «золотым шитьем масличных и дубовых листьев», красную выпушку и сенатские пуговицы. Исполнение платья в праздничные дни полагалось белое, а в будни — под цвет мундира. Нормативного рисунка мундира и мундирного шитья не сохранилось. Но как удалось установить, мы видим этот мундир на портретах князя Н. В. Лопухина.

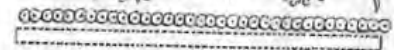
21 декабря 1804 г. был изменен мундир чиновников государственных банков 1794 г.: он получил новый фасон, палевые воротник и обшлага заменялись бархатными фиолетовыми с серебряным

Князь П. В. Лопухин в мундире Комиссии составления законов. 1820-е гг.

Мундир чиновников государственных банков. 1804 г.

Узор шитья и пуговица с эмблемой мундиров чиновников государственных банков. 1804 г.

возникновения новых были подведены (хотя и не совсем полно) в упоминавшемся уже альбоме «Собрание гербов всех губерний Российской империи, губернских мундиров и [мундиров] прочих присутственных мест, ныне существующих» (1805 г.).

Мундир чиновников ведомства водяных сообщений. 1806 г.

шитьем на них (и на карманных клапанах) по трем разрядам. Узор шитья и чекан на пуговицах изображали рога изобилия и пчел. Такой же мундир без шитья мог использоваться в качестве вице-мундира. Особые банковские мундиры просуществовали до февраля 1819 г., когда их заменила форменная одежда Министерства финансов.

Первые итоги реформирования прежних (конца XVIII в.) ведомственных мундиров и

После 1805 г. появление новых ведомственных мундиров продолжалось, хотя и с меньшей интенсивностью.

В декабре 1806 г. были установлены темно-синие мундиры для чиновников Департамента водяных коммуникаций. Они имели синие воротники и обшлага с «серебряными нашивками» на них. В ноябре 1809 г. ведомство военизировало образование Корпуса инженеров путей сообщения. 3 января 1827 г. вводятся мундиры для чиновников Дежурства Корпуса инжене-

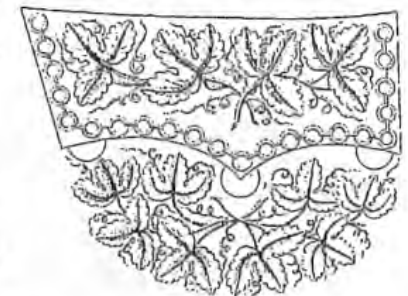

Штаб-офицер и генерал Корпуса инженеров путей сообщения. 1809 г.

Фрак и сюртук чиновников ведомства путей сообщения. 1828 г.

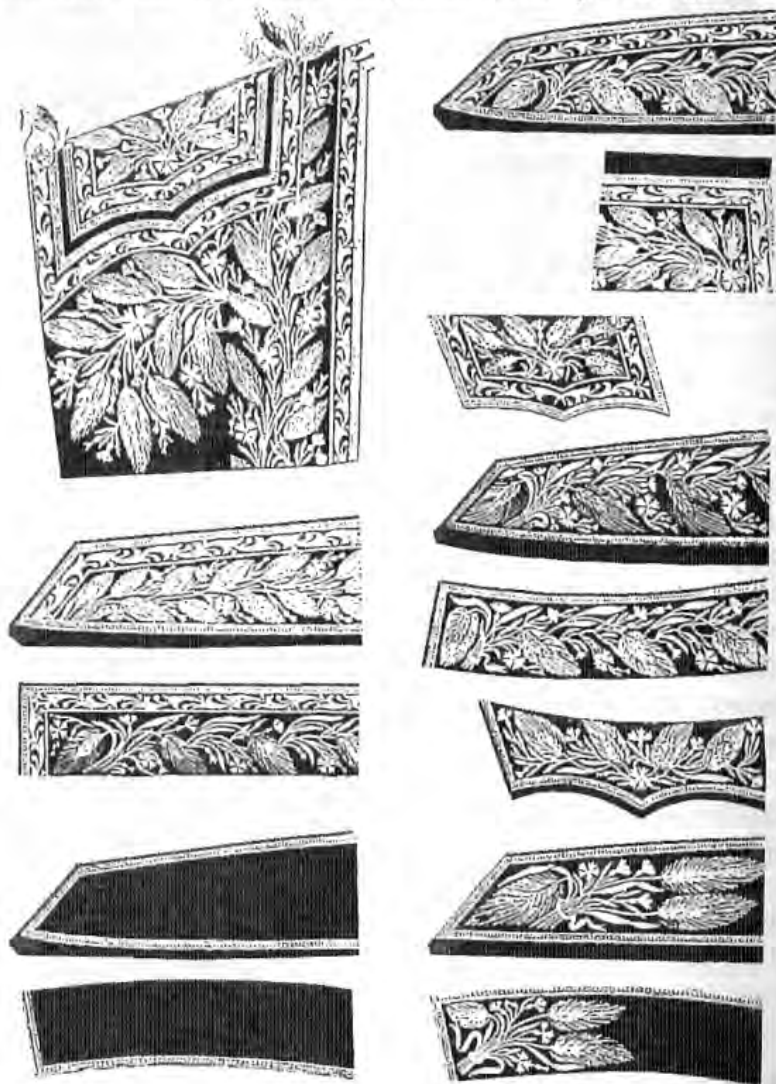
ров путей сообщения. А 9 марта 1828 г. появляется новая форма гражданских мундиров ведомства путей сообщения: они сохраняли темно-синий цвет, но получили черные воротники (бархатные в центральных учреждениях и суконные — в местных) и «серебряное шитье с бордюром вокруг всего воротника, на обшлагах и клапанах» (6 разрядов). Шитье это состояло из виноградной ветви и цепи из круглых звеньев (бордюр).

Министерские мундиры — самые типичные и наиболее распространенные из ведомственных мундиров. Первым 27 марта 1808 г. обзавелось ими Министерство внутренних дел. Образцом

Узор шитья на мундирах чиновников ведомства путей сообщения. 1828 г.

для них послужил почтовый мундир, поскольку с 1806 г. «почтовое управление» находилось в составе Министерства внутренних дел. Но на воротнике и обшлагах из черного бархата, а также на карманных клапанах полагалось золотое шитье из переплетающихся колосьев и васильков. Такой сюжет избрали потому, что до 1819 г.

Проектные рисунки шитья на воротниках, обшлагах и карманных клапанах мундиров чиновников разных рангов ведомства внутренних дел. 1808 г.

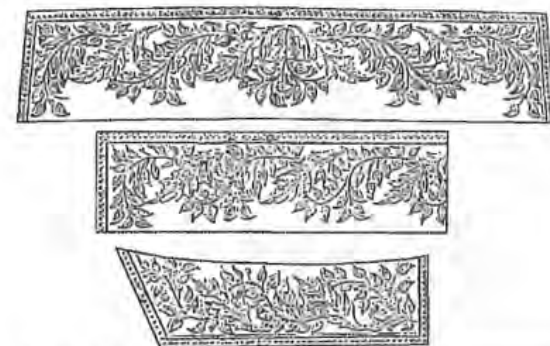
министерство ведало преимущественно сельским хозяйством страны. Ранний мундир Министерства внутренних дел изображен на портрете главы этого ведомства в 1807–1810 гг. князя А. Б. Куракина, хранящемся в Тверском краеведческом музее. Вицмундиры чиновников высших классов имели только бордюры (широкий и узкий). Сохранились рисунки шитья мундиров.

В 1819 г. Почтовый департамент был выведен из состава Министерства внутренних дел. И 9 сентября 1820 г. его чиновники в центре и на местах получили на мундиры золотое шитье нового узора «с внутренним внизу бордюром». На пуговицах под гербом изображались почтовые сигнальные трубы. В измененном виде шитье и пуговицы нам известны по рисункам к закону 1834 г. Шитье разделялось на пять рядов (чиновники низших рангов шитья на мундире не имели).

В феврале 1832 г. в состав Министерства внутренних дел вошло Главное управление духовных дел иностранных исповеданий. Поскольку ранее (с 1818 г.) оно входило в Министерство

Узор шитья на мундирах чиновников ведомства внутренних дел. Аналогичный узор шитья (из хлебных колосков и васильков, посеребряное), в 1832 г. получили чиновники Департамента духовных дел иностранных исповеданий, а в 1834 г. и чиновники Человеческого общества.

Шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах мундиров чиновников почтового ведомства. 1819 г.

Главноуправляющий почтовым ведомством князь А. Н. Голицын в служебном мундире

для российских консулов за рубежом: темно-зеленые с бархатным вишневого цвета воротником и обшлагами и такого же цвета выпушкой по бортам. Золотое шитье изображало «масличную ветвь, вверх обращенную и проходящую сквозь двух меркуриевых жезлов» (на обшлагах — сквозь три жезла). Вице-консулы имели такой же мундир, но с упрощенным шитьем (два жезла без ветви). Функции вицмундира выполнял фрак вишневого цвета с позолоченными пуговицами с государственным гербом. В законе 1834 г. оговаривалось, что мундир и шитье консулов оставались без изменений. 11 ноября следующего, 1809 г. роскошное серебряное шитье ввели на мундирах чиновников самого Министерства иностранных дел (установленных еще 27 октября 1799 г.), а

народного просвещения, мундиры его имели темно-синий цвет (лишь в мае 1855 г. их заменили на темно-зеленые). В 1832 г. они получили шитье Министерства внутренних дел, но не золотое, а серебряное (такое же шитье на воротниках и обшлагах фиолетового цвета имели мундиры чиновников Человеческого общества).

В год появления мундиров для чиновников ведомства внутренних дел (1808 г.) приступили к модернизации мундиров Министерства иностранных дел. Сначала (4 сентября) появляются мундиры

такие же, как у консулов, но с упрощенным шитьем (два жезла без ветви). Функции вицмундира выполнял фрак вишневого цвета с позолоченными пуговицами с государственным гербом. В законе 1834 г. оговаривалось, что мундир и шитье консулов оставались без изменений. 11 ноября следующего, 1809 г. роскошное серебряное шитье ввели на мундирах чиновников самого Министерства иностранных дел (установленных еще 27 октября 1799 г.), а

также на мундирах послов и посланников. Об узоре шитья ни словом не упоминалось, и мы можем судить о нем лишь по рисункам к закону 1834 г. Как видно, узор состоял из чередующихся дубовых и лавровых ветвей с бордюром вокруг. По объему шитья на них мундиры ведомства иностранных дел не имели себе равных. Государственному канцлеру и послам вне государства шитье полагалось не только на воротниках, обшлагах и карманных клапанах, но по бортам и по швам мундира. Товарищ министра иностранных дел, чиновники II и III классов, а также посланники 2-го ранга имели то же шитье (кроме шитья по швам). Чиновники IV и V классов сохраняли лишь шитье на воротнике, обшлагах и клапанах, а VI–VIII классов — только на воротнике и обшлагах. Все прочие чиновники имели шитье лишь на воротнике. В 1834 г. в эту систему внесли уточнения: в частности, предусматривался мундир для министра иностранных дел или вице-канцлера, такой же как для товарища министра и посланников (как у канцлера, но без шитья по швам).

Шитье на мундирах чиновников ведомства иностранных дел: карманный клапан и шитье под ним, бортовое шитье и шитье по швам

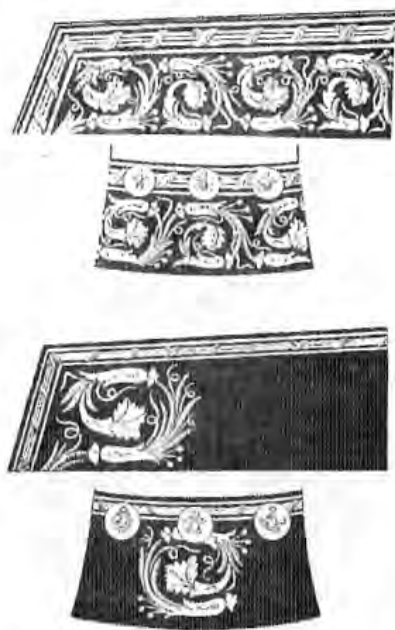
Узор шитья мундира генерального консула Министерства иностранных дел. 1834 г.

Л. А. Яковлев в мундире ведомства иностранных дел. 1812 г.

Однорядное широкое шитье по бортам мундира высших чинов сохранилось в ведомстве иностранных дел и тогда, когда в 1834 г. для всех других ведомств было установлено трех- и двухрядное (с 18 апреля 1855 г. воротник и обшлага мундира ведомства иностранных дел стали красными суконными).

В конце 1808 — начале 1809 г. вводятся мундиры для чиновников органа государственного управления делами Русской православной церкви — Святейшего Синода: темно-зеленого цвета с черными бархатными воротником и обшлагами и с красным суконным выпуском по краю воротника, обшлагов, карманных клапанов и бортов. Серебряное шитье первоначально изображало широкую фигурно извивающуюся ленту и делилось на четыре разряда. Мундир получали и те служащие, которые не имели классов чинов, но без шитья и без пуговиц на карманных клапанах. С назначением обер-прокурором Синода князя А. Н. Голицына изучался вопрос о замене узора шитья на мундирах синодских чиновников сенатским. Судя по сохранившимся рисункам, изучались два варианта: мундиры с золотым (как у Сената) и с серебряным шитьем. Предполагалась, по-видимому, и возможность того, что обер-прокурор Синода получит мундир с бортовым шитьем. В конечном итоге указ от 7 февраля 1816 г. установил, что синодский «мундир оставляется так, как он был утвержден в 1809 году, переменяв узор шитья на воротнике и обшлагах на узор сенаторского парадного мундира, серебром шитого».

Воротники и обшлага мундира чиновников ведомства Синода: полное и половинное шитье. 1816 г.

В июле 1810 г. вводится мундир для чиновников Министерства юстиции. Темно-зеленые бархатные воротник и обшлага мундира (а также карманные клапаны) имели золотое шитье шести разрядов в виде дубовых листьев, с бордюром и каймой:

1. Шитье вокруг воротника, обшлагов и на карманных клапанах, с широким бордюром вокруг.

2. То же шитье, но узкое и с узким бордюром.

3. Узкое шитье вокруг воротника и обшлагов, с узким бордюром по верху и с каймой.

4. То же без каймы внизу воротника.

5. Узкое шитье вокруг воротника с каймой.

6. Шитье только на концах воротника с каймой.

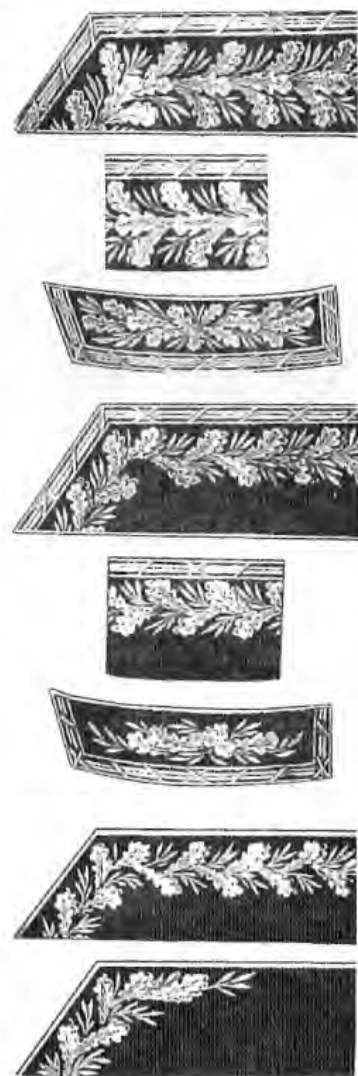
Шитье вицмундиров представляло собой как бы отрезки бордюра, ограниченные дубовыми листьями; оно имело четыре разряда:

1. Две петли с каждой стороны воротника и по три на обшлагах и карманных клапанах.

2. То же, но меньшего размера на воротнике и обшлагах.

3. Две петли меньшего размера на каждом конце воротника и на обшлагах.

4. То же на каждом конце воротника.

Шитье на воротниках, обшлагах и карманных клапанах мундиров ведомства юстиции. 1819 г.

Министр юстиции князь А. А. Долгорукий в парадном мундире ведомства. 1827–1829 гг.

Сохранились проектные рисунки этого шитья.

На мундирных пуговицах изображалась эмблема Сената.

Мундир Министерства юстиции мы видим на портрете князя А. А. Долгорукого.

В связи с реорганизацией в 1810 г. Государственного совета возникли проекты введения мундира для его членов, аналогично тому, как это было сделано для сенаторов. Большинство членов Совета уже имели гражданские или военные мундиры.

Но автор одного из проектов полагал, что ношение мундира обычного типа для высших сановников, составляющих Совет, «неприлично», поскольку он узок и годится лишь для молодых людей. Кроме того, отмечал он, «одежда, к которой мы пригляделись... не делает на нас никакого впечатления». Поэтому предлагалось вернуться к образцам прошлого века и установить зеленый кафтан «с лежащим воротником черного бархата», украшенный «старым генеральским золотым шитьем» и золотыми шнурами на плечах. Другим проектом предусматривалось введение бархатного темно-зеленого кафтана со стоячим воротником и обшлагами того же цвета. Кафтан должен украшаться золотым шитьем оригинального узора по воротнику, обшлагам, карманам, по бокам и сзади «на разрезе». Пуговицы намечались не металлические, а «шитые или плетенные золотом». Камзол предусматривался белый глазетовый с золотым шитьем; исподнее платье — бархатное, темно-зеленое. Костюм дополнялся шляпой с плюмажем, золотой петлицей и черным бантом. Подготовленные рисунки парадного мундира и вицмундира,

а также образцы золотого шитья не сохранились. Тогда (в александровское царствование) мундир для Государственного совета так и не установили. Это было сделано лишь в 1826 г. — в начале нового царствования.

Чиновники центральных органов Министерства народного просвещения получили мундиры лишь 28 августа 1810 г. с назначением главой ведомства А. К. Разумовского. Темно-синие мундиры имели бархатные того же цвета воротники и обшлага. Золотое шитье на них и карманных клапанах изображало гирлянду из пальмовых листьев, а борт образовывали три золотых шнура, обвитых четвертым. Полное шитье полагалось министру и его товарищу; директор департамента и экспедиторы имели шитье на воротнике и бортики на обшлагах; мундиры чинов IX класса и ниже не имели шитья. При князе А. Н. Голицыне — третьем

министре народного просвещения — проводится крупная реорганизация ведомства: с октября 1817 г. по май 1824 г. в состав Министерства народного просвещения входило ранее самостоятельное Главное управление духовных дел иностранных вероисповеданий. В связи с чем 12 мая 1818 г. чиновники последнего также получили министерский мундир. В феврале 1832 г. Главное управление было передано в состав Министерства

А. К. Разумовский в мундире Петербургского учебного округа. 1810–1816 гг.

Министр народного просвещения князь А. Н. Голицын в ведомственном мундире. 1816–1824 гг.

Министр народного просвещения князь П. А. Шаринский-Шихматов в ведомственном мундире. 1849–1853 гг.

внутренних дел и получило установленное в этом ведомстве шитье, но не золотое, а серебряное. (22 мая 1855 г. синий цвет мундира был заменен на темно-зеленый.)

Ведомство народного просвещения было единственным, в котором подчиненные ему местные учреждения (администрация учебных округов, университеты и другие учебные заведения) имели особую форму одежды — отличную от формы самого Министерства народного просвещения.

Мундиры учебных округов

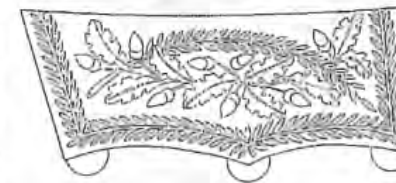
10 июля 1802 г. Александр I «высочайше указал мундиру Дерптского университета быть следующим»: темно-синего сукна, с воротником и обшлагами из черного бархата, с желтого металла пуговицами и «с вышитыми золотыми петлицами», указывавшими на старшинство должностей; у куратора и вице-куратора университета петлицы полагались «по обеим сторонам кафтана впереди и на карманах, также по две петлицы на каждой стороне воротника, а по три на рукавах; у профессоров, учителей и прочих чиновников — на воротнике и рукавах только». Студенты имели петлицы лишь на воротнике. «Камзол и исподнее платье» (в данном случае штаны, застегивавшиеся под коленом) должны быть белыми. Рисунок мундира не прилагалось. Описание петлиц также не давалось. Однако сохранились рисунки шитья на мундирах Дерптского учебного округа на 1834 г. Возможно, некоторые его элементы ранее использовались в узоре шитья петлиц. Темно-синий

цвет стал (со времени утверждения мундира Дерптского университета) обычным для мундиров учебных и учебных заведений технического профиля.

14 апреля 1804 г. мундир для преподавателей и студентов Московского университета и «подведомственных оному училищ» был изменен. На малиновых воротниках и обшлагах, а также на карманных клапанах вводилось золотое шитье следующего описания: «Края оных обложены вышивкой, представляющей лавровые листья. Вдоль... клапана простирается дубовая ветвь. На передних частях воротника такие же ветви, а на обшлагах ветви сии окружают пуговичные петли». Полное шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах полагалось тем, кто имел чины VII и выше классов; чины VIII класса лишались шитья на карманах, а IX и X классов — также шитья «ветвей на обшлагах»; чины низших классов имели на воротнике и обшлагах только «вышивку лавровых листьев». Мундиры служащих, не имевших чинов, и студентов университета шитья не имели. (Такие же разряды шитья стали затем предусматриваться на мундирах большинства других учебных округов.) Новшеством было

Дерптский округ

Московский округ

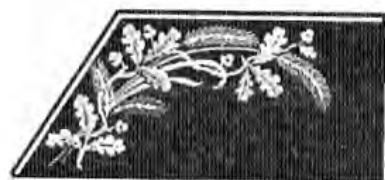

Харьковский округ

текст описания не позволяет правильно представить себе композицию и объем шитья.

11 июля 1804 г. устанавливается мундир для Харьковского университета и подведомственных ему училищ: «однобортный кафтан темно-синего сукна со стоячим воротником; воротник и обшлага черные бархатные; пуговицы металлические белые без гербов; камзол и исподнее платье белое же». На воротнике, обшлагах и карманных клапанах чинов семи высших классов полагалось серебряное шитье, «как оно изображено на приложенном рисунке». Без существенных изменений узор

Виленский округ

то обстоятельство, что «чиновники... по хозяйственной части» получили воротник и обшлага не малиновые, а темно-синие, причем лишь с золотым бордюром из лавровых листьев. Сохранился рисунок мундира с изображением шитья, что дает возможность сравнить его с описанием и убедиться в том, что

шитья сохранялся до 1834 г. Экстраординарные профессора, адъюнкты и чины VIII класса имели шитье только на воротнике и обшлагах. У магистров и учителей IX класса и ниже шитье размещалось лишь на воротнике. Студенты и служащие, не имевшие чинов, носили мундир без шитья. Таким образом, разряды мундиров Харьковского университета соответствовали несколько иным группам чинов, чем это устанавливалось для Московского университета.

Темно-синий мундир Виленского университета (введен 15 мая 1806 г.) получил суконные воротник и обшлага «сапфирного цвета» (светло-синие) с золотым шитьем, изображающим дубовую ветвь и колосья. Обшлага имели вертикальные клапанцы (на военный манер) с шитьем, что в описании мундира не отмечалось. Вокруг воротника и клапанцев полагалась красная выпушка. Мундиры разделялись на три разряда. Студенты шитья не имели. 1 мая 1832 г. Виленский университет закрыли, а «училища, подведомственные оному», подчинили Белорусскому учебному округу.

Мундир столичного Петербургского учебного округа, установленный законом от 20 января 1809 г., имел красные суконные воротник и обшлага. По объему золотого шитья он разделялся на четыре разряда. Для чиновников VII и высших классов шитье полагалось на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Экстраординарные профессора, адъюнкты и «состоящие в VIII классе» чины лишались шитья на клапанах. Чины IX и X классов сохраняли шитье только на воротнике, а относящиеся к XII и XIV классам имели лишь «золотом вышитый бортик» на воротнике. Студенты и служащие, не обладавшие «офицерскими званиями» (классами), не имели на мундирах шитья. Пуговицы на мундирах были «позолоченные гладкие».

Белорусский округ

Петербургский округ

Ни рисунки мундиров столичного учебного округа, ни описание шитья на них до нас не дошли. И все же его узор можно установить. Известны рисунки шитья Петербургского учебного округа на 1834 г. То же шитье мы обнаруживаем на портретах первого министра народного просвещения графа П. В. Завадовского (занимал этот пост в 1802–1810 гг.) и его преемника графа А. К. Разумовского (1810–1816 гг.). Оба они портретировались в мундирах столичного округа, поскольку еще не был введен мундир Министерства народного просвещения (август 1810 г.). Данное обстоятельство дает возможность датировать оба портрета. Первый из них мог быть написан между 20 января 1809 г. и апрелем 1810 г., когда Завадовский оставил пост министра. Второй датируется периодом не ранее апреля 1810 г. и не позднее конца того же года, когда ввели мундир Министерства народного просвещения.

Известен еще один портрет с таким же шитьем — портрет первого попечителя Петербургского учебного округа (до 1810 г.) графа Н. Н. Новосильцова, работы С. С. Щукина, датируемый 1808 г.

Поскольку Новосильцов одновременно состоял и президентом Академии наук, долгое время считалось, что на портрете он изображен в академическом мундире. На самом деле мундир Академии наук имел другой узор шитья, о чем будет рассказано далее. А здесь необходимо отметить, что на портретах и Завадовского, и Новосильцова воротник мундира красный (по закону от 20 января 1809 г.), а на рисунках 1834 г. — синий. Известно, однако, что перемена цвета воротника произошла в том же 1834 г.

Когда в 1819 г. открыли Петербургский университет (до революции этот год считался официальной датой образования столичного университета), его служащие и студенты получили форменную одежду учебного округа образца 1809 г.

По закону от 29 декабря 1825 г. «во всех учебных заведениях Петербургского округа мундир для воспитанников положен синий с красным воротником и обшла-

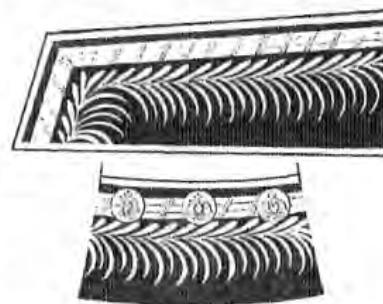
гами такого же покроя, какой принят в Царскосельском лицее». Такими же (синими с красным прибором), но с золотым шитьем изготавливались мундиры преподавателей и чиновников. Поскольку «в течение последних двух годов [перед 1825 г.] число учащихся, особенно в гимназии и Высшем училище (университете. — Л. Ш.), нарочито увеличилось», а «каждому заведению присвоены особые права и преимущества... необходимо отличить воспитанников оных особой формой». К сожалению, рисунки ее, утвержденные в декабре 1825 г., не сохранились.

10 ноября 1809 г. ввели мундир еще одного учебного округа — Казанского. Мундир этот имел суконные воротник и обшлага темно-синего цвета, серебряное шитье в виде переплетающихся дубовых ветвей и «белые гладкие» пуговицы. Рисунки шитья сохранились, и можно убедиться, что они совпадают с известными на 1834 г. Мундир имел четыре разряда — такие же, как у мундиров Московского университета.

Хотя 28 августа 1810 г. наконец установили мундир для чиновников собственно Министерства народного просвещения, введение мундиров для отдельных учебных заведений и учебных округов продолжалось. 17 мая 1811 г. особый мундир предназначили для Царскосельского лицея. На красных воротнике и обшлагах, а также на карманных клапанах темно-синих кафтанов лицейских преподавателей и служащих полагалось «шитье частью золотое, частью серебряное». То

Казанский округ

Шитье на воротнике, обшлагах и карманных клапанах мундиров Министерства народного просвещения. 1810 г.

Одесский округ

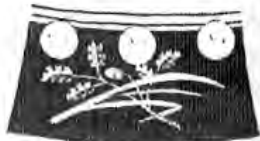
Закавказский округ

Шитье на мундирах Педагогического института

Киевский округ

Сибирский округ

был единственный случай, когда мундир имел шитье из золотых и серебряных нитей одновременно. На воротниках же воспитанников вышивались петлицы: для младших — серебряные, а для старших — золотые.

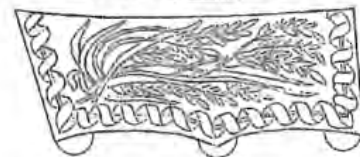
В 1832 г. вводятся мундиры для Одесского и Киевского учебных округов. При утверждении шитья для них Николай I распорядился упростить узор, сочтя его «слишком кудрявым». В 1834 г. мундиры получают учебные заведения

Закавказья и Сибири, а также Главный педагогический институт в Петербурге.

В связи с образованием особого Министерства полиции 26 августа 1811 г. вводится мундир для чиновников его департаментов. Воротник, обшлага и выпушка на мундире полагались малиновые суконные, шитье золотое четырех разрядов. Высший разряд мундира имел «широкое шитье и борт вокруг всего воротника, на обшлагах и на карманах».

12 февраля 1812 г., вскоре после посещения Публичной библиотеки в Петербурге императором Александром I, для ее чиновников были установлены праздничный и повседневный мундиры. Оба они были из сукна синего цвета. Покрой праздничного мундира полагался таким же, каким «обыкновенно бывают статские мундиры». Воротники и обшлага рукавов полагались из синего бархата. Всем служащим, имевшим классные чины, на воротнике мундира (а директору и его помощнику еще и на обшлагах) назначалось золотое шитье. Позднее (в 1858 г.) разъяснялось: «Шитье на воротнике чинов библиотеки есть следующее: кайма, воротник окружающая, должна представлять собой свиток, на каковых в древности книги были писаны; шитье же по обеим сторонам воротника изображает ветвь папируса». На медных пуговицах мундира изображался «двуглавый орел под короной, окруженный лавровым венком с литерами И. П. Б.».

Повседневный мундир на поминал фрак. Отложной воротник его имел высокую стойку. Мундир носился с синими длинными панталонами и мягкими сапожками. Шпагу разрешалось не носить.

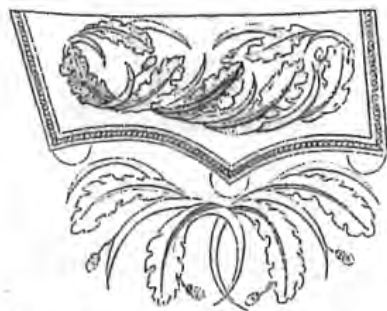
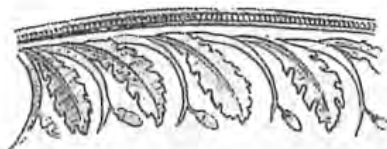

Шитье на мундирах чиновников Публичной библиотеки. 1812 г.

Государственный контролер Т. И. Филиппов в ведомственном мундире. 1889–1899 гг.

Обычный темно-зеленый мундир имел красную суконную выпушку и бархатные яхонтового цвета воротник и обшлага. Сохранились рисунки мундира и комплекта шитья четырех разрядов. Шитье изобража-

Узор мундирного шитья ведомства государственного контроля. 1881 г.

19 мая 1834 г. мундир Публичной библиотеки получили и служащие Румянцева музея, «по сходству обязанностей чиновников оного с занятиями служащих» библиотеки. Сохранились также узор шитья и рисунок пуговиц (с заменой литер на «Р. М.»).

Отечественная война 1812 г. на несколько лет задержала дальнейшее развитие системы гражданских ведомственных мундиров. Лишь 28 декабря 1818 г. форменную одежду ввели для чиновников Государственного контро-

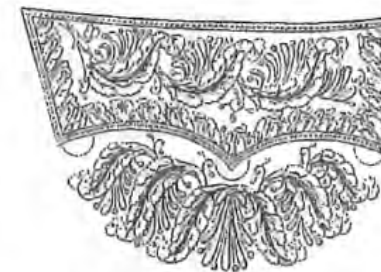
ля. Шитье изображало дубовые листья и ветви с желудями, расположенные в две или одну полосу, в зависимости от разряда мундира.

Расширение деятельности Министерства финансов послужило, по-видимому, поводом к введению 14 февраля 1819 г. мундиров для его чиновников. Они имели темно-зеленые бархатные воротник и обшлага «красного сукна» и с золотым шитьем, а также с красной выпушкой по воротнику, обшлагам и карманным клапанам. Узор шитья никак не разъяснялся.

Как видно по материалам 1834 г., узор этот составляют изогнутые листья сложной конфигурации; из оконечностей тех же листьев состоит и борт шитья. Мундир чиновника Министерства финансов мы видим на портрете Княжевича. Подчиненные министерству банковские чиновники взамен прежнего получили общеведомственный мундир. Наоборот, чиновники, служившие в местных учреждениях, сохранили губернские мундиры.

Наводя порядок в гражданской службе, Николай I важное значение придавал форменной одежде чиновников. Уже в январе 1826 г. при реорганизации Собственной его императорского величества канцелярии для ее чиновников устанавливались особые мундиры: однобортные «о 9 пуговицах», темно-зеленого сукна со светло-синими суконными воротником и обшлагами. Предусматривалось золотое матовое шитье четырех разрядов, узор которого послужил образцом для возникших позднее мундиров чиновников канцелярий Комитета министров и Государственного совета. Шитье это имело вид густой дубовой ветви, обрамленной характерным зубчатым бортом. В качестве вицмундира вводился темно-зеленый фрак с отложным светло-синим бархатным воротником.

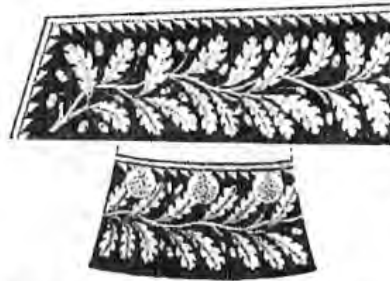
С созданием Собственной канцелярии Комиссия составления законов вошла в ее состав и получила ее

Узор мундирного шитья финансового ведомства. 1819 г.

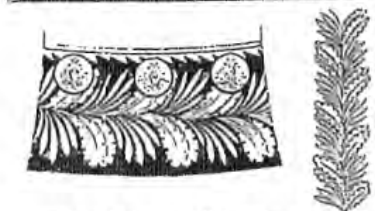
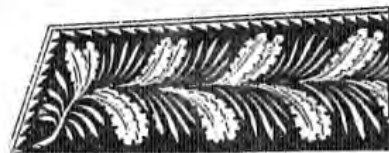

Министр финансов А. Н. Княжевич в ведомственном вицмундире. 1858–1862 гг.

Узор шитья на мундирах чиновников: Собственной его величества канцелярии (на голубом фоне), Государственной канцелярии (на красном фоне) и Канцелярии Комитета министров (на темно-зеленом фоне). 1826 г.

не отличались от мундиров других ведомств и учреждений: темно-зеленые, на 9 пуговиц по борту, с воротником и обшлагами из алого сукна. Председатель Совета имел максимальное золотое шитье: на воротнике и обшлагах, карманах, карманных клапанах и под ними, на полах в один ряд, по бортам в три ряда, а также по всем швам (введение шитья по бортам в несколько рядов и

Узор шитья на мундирах членов Государственного совета. 1826 г.

мундир, а председатель Государственного совета, носивший до того мундир Комиссии, оказался без мундира накануне коронации. Об этой ситуации государственный секретарь А. Н. Оленин доложил Николаю I: тот распорядился (указ от 7 мая 1826 г.) о введении мундиров и для председателя, и для штатских членов Совета (в том числе и тех, кто имел лишь звание члена Совета). Мундиры эти по своему типу

не отличались от мундиров других ведомств и учреждений: темно-зеленые, на 9 пуговиц по борту, с воротником и обшлагами из алого сукна. Председатель Совета имел максимальное золотое шитье: на воротнике и обшлагах, карманах, карманных клапанах и под ними, на полах в один ряд, по бортам в три ряда, а также по всем швам (введение шитья по бортам в несколько рядов и под карманными клапанами было новостью). Члены Совета в чине I класса имели такое же шитье за исключением шитья по швам. Члены II класса сохраняли лишь две полосы бортового шитья; а члены III класса — только одну. Шитье изображало фантастическую ветвь с дубовыми и пальмовыми листьями и обрамлялось зубчатым бортом. Кроме парадного, вводился и будничный мундир аналогичного покрой (носился с темно-зелеными

панталонами). По его воротнику, обшлагам и карманным клапанам полагался тот же зубчатый борт (кант). Ничего не говорилось в законе о мундирах для чиновников канцелярии Совета. Они появились только 7 ноября 1826 г. Их воротник и обшлага не отличались от установленных указом от 7 мая того же года, но золотое шитье на них полагалось по образцу мундиров для чиновников Собственной канцелярии.

Незадолго до того указом от 10 февраля 1826 г. был установлен мундир для чиновников Канцелярии Комитета министров. Воротник и обшлага его были из темно-зеленого сукна с золотым шитьем такого же узора, как и на мундирах Собственной канцелярии. Старший разряд мундира имел шитье по воротнику, обшлагам и карманным клапанам, в 1834 г. добавилось еще шитье на бортах и фалдах. Председатель Комитета получил мундир лишь 4 марта 1865 г. «тех цветов, кои положены для чинов Канцелярии сего Комитета», но с шитьем по I-му разряду. Изображений его в парадном варианте не сохранилось.

Председатель Государственного совета князь В. П. Кочубей в мундире высшего разряда. 1826 г.

ВТОРАЯ ЧЕТВЕРТЬ XIX В.

В первые годы николаевского царствования выяснилось, что система мундирного шитья в разных ведомствах не унифицирована, а чиновники не всегда носят установленные для них мундиры. Так, в августе 1828 г. Николай I посетил Сенат, где застал «господ чиновников... большей частью в мундире каком-то цветном и полосатых

шароварах». В письме по этому случаю генерал-прокурору князю Д. И. Лобанову-Ростовскому Николай I писал: «Желая и неотступно требуя везде должного порядка, благовидности и во всем приличия, достойного важности места (то есть Сената. — Л. Ш.), предписываю Вашему сиятельству... никому из чиновников, коим положены мундиры, иначе в Сенат не приходить, как в должной форме, за чем следить обер-прокурорам... Тем, которым мундиров не положено, составить проекты на таковые... Пребываю Вам всегда благосклонный — Николай».

Еще в апреле того же года Николай I распорядился, «чтобы образцы всех форм гражданского ведомства были доставлены в I отделение» Собственной канцелярии. По-видимому, имелись в виду рисунки мундиров. Маловероятно, что царское распоряжение осталось невыполненным. Но собрание рисунков, которое должно было в результате возникнуть, до нас, к сожалению, не дошло. В следующем, 1829 г. на Канцелярию возложили разработку проекта «Общего положения о гражданских формах». Вследствие русско-турецкой войны поручение выполнили лишь к маю 1833 г. Управляющий Собственной канцелярией А. С. Танеев так разъяснял причины и цели предстоявшей реформы: «Государь император, приняв во внимание, что в гражданских мундирах недостает единообразия, что в степенях должностей, особенно высших, нет приличных различий и что часто мундиры присвоены были одинакия и должностям, и чинам, изъявил высочайшую свою волю, чтоб вместо существовавших доселе по некоторым ведомствам частных и неполных положений составлено было одно общее положение, чтоб мундиры различались отныне токмо по должностям и чтоб в общем уравнительном по всем ведомствам расписании указано было в разрядах присвоенное каждой должности шитье».

Эти установки оказались воплощенными в законе от 27 февраля 1834 г. — «Положение о гражданских мундирах», подготовкой которого занималась Собственная канцелярия. Основные тезисы нового закона состояли в следующем.

Система гражданских мундиров должна охватывать классовых чиновников государственных учреждений. Учреждения каждого ведомства в центре и на местах получали, как правило, мундиры одного образца. Губернские мундиры чиновников упразднились.

Сохранялся мундир французского образца, но его покрой несколько изменился за счет более четкого выреза юбки спереди. Сохранялись в большинстве случаев и ранее установленные расцветка мундиров и узор шитья.

Отныне мундиры соответствовали только рангу должности, а не чина. Для большинства ведомств вводилась десятиразрядная градация должностей (закрепленная в штатных расписаниях), которой соответствовала одинаковая полнота шитья на мундире.

Наибольший объем шитья соответствовал 1-му разряду. (Мундиры 1-го разряда носили только председатель Государственного совета, канцлер иностранных дел и канцлер орденов.) В этом случае шитье полагалось на воротнике, обшлагах и карманных клапанах, вокруг воротника по плечам и спине (это шитье устанавливалось впервые), под клапанами (*перо*), по бортам, полам и фалдам в три ряда (*гирлянды*), по краям заднего разреза и над ним (*капик*), а также по швам спины и рукавов.

Мундир 2-го разряда утрачивал шитье по швам и третью гирлянду.

Мундир 3-го разряда лишался, кроме того, шитья вокруг воротника и второй гирлянды, а «перо» имел упрощенной формы.

Мундир 4-го разряда сохранял только шитье по воротнику, обшлагам и карманным клапанам, а 5-го — только на воротнике и обшлагах.

Полное и половинное шитье на воротнике и обшлагах мундиров ведомства иностранных дел

Мундир 6-го разряда имел половинное шитье (наполовину укороченный вариант шитья) на воротнике и обшлагах; 7-го — половинное шитье на воротнике и шитый кант на обшлагах; 8-го — то же, но без канта на обшлагах.

Мундир 9-го разряда имел шитый кант на воротнике и обшлагах, а 10-го — только кант на воротнике.

Устанавливались семь форм одежды (комбинаций разных компонентов форменной одежды) и случаи, когда форма должна носиться. Формы назывались: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, особая, дорожная и летняя. В 1845 г. отдельным изданием выпустили «Расписание, в какие дни в какой быть форме». Форма одежды обычно указывалась и в повестках, приглашавших на разного рода совещания и торжества.

Парадная форма для первых пяти разрядов состояла из мундира и белых суконных или казимировых штанов до колен (кюлоты), с белыми шелковыми чулками и башмаками с пряжкой. Могли надеваться и белые суконные брюки с сапогами. Для пяти последних разрядов полагались «при мундирах под цвет оных суконные панталоны сверх сапогов». Предписывалось обязательное ношение парадной формы «во всех присутственных местах... во время заседаний».

Гражданский мундир имел «общий покрой... однобортный, с девятью пуговицами на груди, с тремя на обшлагах, когда они круглые, с тремя же под карманными клапанами и с двумя на каждой фалде, что составляет всего двадцать пять пуговиц, коих цвет металла и изображения на них назначаются по ведомствам». Лишь мундирам чиновников лесного ведомства и Академии художеств (а также особому рода мундирам, имевшим военный покрой) полагались «разрезные обшлага» с двумя пуговицами на них. Однобортный фасон мундиров был связан, как будет показано далее, с размещением шитья на них. «Большая часть гражданских мундиров темно-зеленого сукна, — разъяснялось в законе, — ибо темно-синий цвет присвоен только Министерству народного просвещения, местам, в состав оно

го входящим, Академии художеств, горному ведомству, гражданским чиновникам ведомства путей сообщения и публичных зданий и Департамента духовных дел иностранных исповеданий; красное же сукно остается для одних парадных мундиров сенаторов». Карманные клапаны (суконные) и подкладка должны были быть под цвет мундира.

Важным дополнением парадной формы являлась треугольная черная шляпа с небольшими серебряными кистями на концах и петлицей с малой пуговицей, одинакового цвета с шитьем мундира. Чинам I–V классов петлица полагалась витая, «наподобие военной генеральской», прочим — из гладкого позумента. Петлица перекрывала кокарду в виде розетки из трех кругов муаровой ленты черного (в центре), оранжевого (с черным просветом в центре) и белого цветов («как доньше существовало»). Оранжевый цвет символизировал золото, а белый — серебро. Кокарда всегда считалась важным элементом форменной одежды, указывавшим на государственную принадлежность. Позже на фуражках матерчатая кокарда была заменена небольшой металлической. Сначала она имела форму эллипса и крепилась на околыше спереди, а затем у гражданских чиновников стала круглой и переместилась на туюлю.

Непременным атрибутом мундира была шпага гражданского образца с серебряным темляком.

При выходе чиновника в отставку мундир мог сохраняться за ним, если он прослужил в ведомстве «сряду не менее 10 лет» и «во всех отношениях признан... достойным сего отличия».

Кроме того, в состав форменной одежды в общем порядке включались вицмундир (взамен парадных мундиров 1–3-го разрядов, имевших бортовое шитье), мундирный фрак и сюртук. Они шились из того же сукна, что и мундиры, и имели (в большинстве случаев) сходные с ними по материалу и цвету воротники, обшлага и пуговицы. Исключение составил только вицмундир сенаторов: темно-зеленого сукна (а не красного, как это предусматривалось законом 1801 г.), с такого же цвета

воротником и обшлагами. На воротнике, обшлагах и карманных клапанах вицмундира полагался «один только шитый кант» особого рисунка. Фраки (двубортные, с отложным воротником по цвету мундирного или черным, без шитья) в составе формы 4-го и ниже разрядов выполняли функцию вицмундира. В законе оговаривалось, что «мундирный фрак... отнюдь не должен изменяться в покрое, следуя модам нынешним и будущим». Форменный сюртук полагался «всем вообще гражданским чиновникам для дороги и при производстве следствий на открытом воздухе». Однобортный, с восемью мундирными пуговицами сюртук имел полную юбку (без выреза спереди), стоячий суконный воротник того же цвета, что и на мундире, без шитья (обшлага сюртуков изготавливались из мундирного сукна). Фрак дополнялся круглой высокой черной шляпой с полями (наподобие цилиндра), а сюртук — фуражкой одинакового с ним цвета, с суконным околышем по цвету воротника. Таким образом, мундирный фрак и сюртук не имели отличий по разрядам и как самые демократичные и относительно дешевые компоненты форменной одежды получили широкое распространение.

Канцелярским служащим вместо мундиров полагались однобортные сюртуки (того же цвета, что и мундиры данного ведомства) с галунной обшивкой воротника и обшлагов.

«Положение о гражданских мундирах» 1834 г. дополнялось двумя приложениями. Одно из них — «Расписание мест и званий для различия в парадных мундирах гражданских чиновников», другое — перечень должностей и званий («чинов»), обладатели которых имели мундиры с особым, не десятиразрядным разделением шитья. Такое шитье полагалось на мундирах чиновников горного ведомства, губернских и придворных.

Подготовленный в связи с проведением мундирной реформы 1834 г. большой комплекс изобразительных материалов включал цветные рисунки фигур (парные) во всех видах форменной одежды (парадный кафтан, вицмундир, мундирный фрак, сюртук) в двух ракурсах

(вид спереди и сзади), а также рисунки воротников и обшлагов в натуральную величину, особенно ясно выявлявшие специфические признаки каждого рода мундиров (включая изображения на пуговицах). Кроме того, в состав изобразительных материалов к закону входят узоры шитья на карманах, на полах и других частях мундира (не цветные). Контуры фигур отпечатаны типографским способом, а затем вручную раскрашены. В результате по каждому ведомству мы видим одни и те же фигуры — манекены в нескольких стандартных позах (комбинациях).

Подготовка рисунков возлагалась на академика И. А. Иванова, «известного своими перспективными видами и пейзажами». Художник уже имел опыт такой работы: в 1815 г. он рисовал альбом «Изображение перемен, последовавших в вооружении и одеянии российского войска с половины IX до начала XIX века». Новая его работа получила одобрение, и художник получил значительное вознаграждение — 3 тыс. руб. Оригиналы рисунков разослали ведомствам для снятия копий, после чего они подлежали передаче в Сенат для хранения. Все это предпринималось для обеспечения максимально

1 разряд

2 разряд

3 разряд

4 разряд

5 и 6 разряды

7, 8 и др. разряды

возможной унификации покроя и оформления мундиров. На изготовление новых мундиров давался год, в течение которого разрешалось донашивать старые. С портных и золотошвей в обеих столицах взяли подписку об обязательном не принимать заказов на шитье мундиров «без предъявления со стороны заказывающего рисунка». Для наглядности приведем 6 нормативных рисунков, на которых изображены фигуры в мундирах.

Закон 1834 г. зафиксировал все гражданские мундиры, существовавшие на эту дату. В оформление ранее возникших мундиров внесли лишь некоторые уточнения (например, воротники мундиров чиновников учебных округов получили единый синий цвет). Поскольку реально существовало двенадцать рангов гражданских чинов, разряды мундиров соответствовали лишь I–VIII классам, а на четыре обер-офицерских чина приходилось только два низших разряда мундиров.

Положение от 27 февраля 1834 г. явилось, несомненно, основой для всего последующего законодательства, посвященного гражданским ведомственным мундирам. Новые ведомства и группы гражданских чиновников, возникавшие после 1834 г. (в частности, Министерство государственных имуществ, образованное в 1837 г.), получали мундиры в полном соответствии с нормами этого закона.

Реализация «Положения о гражданских мундирах» проходила не без трудностей. На практике неожиданно обнаружилось, что вицмундиры стали активно использоваться и чиновниками, не имевшими на них права. В случаях, когда высшим чинам разрешалось быть в вицмундирах, прочим полагалось надевать парадные, что указывало на их невысокий чин (ранг). Будучи облачены в вицмундиры, они внешне сравнивались со старшими. Кроме того, обладание вицмундиром позволяло беречь более дорогой парадный мундир. Николай I распорядился прекратить ходатайства о введении вицмундиров для чиновников среднего уровня и тем более не допускать самовольства, поскольку тем самым нарушалось «на службе то различие» в форменной одежде, «каковое повелено Положением о мундирах».

Гражданский мундир считался несовместимым с ношением бороды и даже усов. В 1837 г. предписывалось «всем начальникам гражданского ведомства строго смотреть, чтобы их подчиненные ни бороды, ни усов не носили, ибо сии последние принадлежат одному военному мундиру». Это распоряжение особенно задевало

пожилых чиновников, которым в случае утраты зубов становилось затруднительным бриться.

В мае 1838 г. Комитет министров рассматривал вопрос о случаях «несоблюдения... установленной для гражданских мундиров формы». Поводом для этого послужили замечания самого императора. Николай I сетовал на то, что «некоторые чиновники позволяют себе при мундирных фраках носить фуражки, цветные жилеты... панталоны и палочки (видимо, трости. — Л. Ш.), к явному безобразию форменной одежды». Более серьезное значение имело его замечание относительно того, что «многие особы», имеющие мундиры «3-го разряда, распространяют шитье против того, что узаконено, а посланники наши при иностранных дворах, принадлежащие к 3-му разряду, все без исключения по шитью своему носят мундир 2-го разряда». Повинны оказались даже чиновники Собственной его императорского величества канцелярии, на чьих мундирах золотое шитье «совершенно изменялось тем, что у иных оно не матовое, а с блесками». Понадобились особые «подтвердительные высочайшие повеления», чтобы добиться более точного соблюдения закона 1834 г.

Очень скоро стали обнаруживаться некоторые упущения «Положения о гражданских мундирах». В частности, в августе того же года петербургский военный генерал-губернатор запросил министра внутренних дел о том, «какой должны носить мундир здешний городской голова» и другие должностные лица городского самоуправления, поскольку в «Положении насчет поминутых лиц пояснения не сделано». Вопрос рассматривался в Комитете министров, и по его докладу состоялось повеление Николая I от 14 августа 1834 г.: «Должностям, замещаемым по выбору купечества и мещанства, присвоить разряды для ношения мундиров» Министерства внутренних дел: городским головам в столицах — 6-й, в губернских и портовых городах — 7-й, в уездных и заштатных городах — 8-й; заседателям от купечества в судебных палатах, и в приказах общественного призрения, членам городских дум и бургомистрам в столи-

цах — 7-й, в губернских и портовых городах — 8-й, в уездных и заштатных городах — 9-й и т. д. Вместе с тем пояснялось: «Как некоторые лица, занимающие городские должности, носят старинное русское одеяние, то таковым дозволяется повсеместно... носить вместо мундиров кафтаны с шитьем соответственно разрядам, а вместо шпаг — сабли». Изображение такого кафтана (двубортный, без выреза юбки спереди) с мундирным шитьем 8-го разряда ведомства путей сообщения можно видеть на портрете купца 2-й гильдии Ф. И. Тюменева (1842 г., художник К. П. Мазер). Через несколько недель после повеления Николая I по представлению Министерства юстиции право на мундиры этого ведомства предоставили членам коммерческих судов, избираемым «городскими обществами». А в марте 1843 г. право ношения мундиров Министерства финансов 6-го разряда получили биржевые старшины и гоф-маклеры.

Предоставление избранным на разные должности лицам права носить ведомственные мундиры (и заменяющие их кафтаны) преследовало разные цели: закрепить подчиненность этих лиц ведомствам, придать им авторитет, вознаградить их за

Н. П. Трапезников в мундире ведомства внутренних дел. 1847 г.

Неизвестный купец в мундире (форменном кафтане) ведомства внутренних дел с медалью. Середина XIX в.

труды (когда работа велась на общественных началах). При введении «Городового положения» в 1870 г. высказывались сомнения в возможности предоставления городским головам мундира собственно Министерства внутренних дел и предлагалось предоставить им «мундир по особому образцу» (как это было сделано для чинов дворянского самоуправления). От идеи, однако, отказались, и мундир ведомства внутренних дел за ними сохранился. В том же году разряд мундира губернского городского головы повысили до 4-го. В мундире ведомства внутренних дел на портрете 1840 г. изображен вологодский купец П. И. Скулябин (художник Васильев), некоторое время занимавший пост городского головы Вологды. Узор шитья мундира передан не вполне точно.

Мундиры благотворительных учреждений

В дореволюционной России существовало два особые благотворительных ведомства, чиновники которых, а также деятели на общественных началах имели мундиры.

Еще в 1763 и 1770 гг. были образованы Московский и Петербургский воспитательные дома для малолетних сирот с опекунами советами во главе. Задачей последних являлось, в частности, руководство несколькими кредитными учреждениями, Александровской мануфактурой в Петербурге, фабрикой игральных карт и некоторыми другими казенными предприятиями, доходы которых направлялись на содержание воспитательных домов. В мае 1797 г. оба совета перешли в ведение императрицы Марии Федоровны (супруги Павла I), уделявшей особое внимание развитию женского образования и попечительству о больных и увечных. После кончины императрицы в 1828 г. руководство учреждениями «Мариинского ведомства» Николай I возложил на Четвертое отделение Собственной его императорского величества канцелярии. В мае 1802 г. для благотворительной деятельности было образовано также особое Благотворительное общество. В августе 1816 г. оно переименовыва-

ется в Императорское Человеколюбивое общество. В его задачу входила организация приютов, богаделен, учебно-воспитательных, медицинских и других благотворительных учреждений. За 100 лет своего существования оно оказало помощь (в той или другой форме) почти 8 млн человек, израсходовав на это 101 млн руб. Работой Общества руководил Совет, во главе его стоял главный попечитель. До 1824 г. им был близкий Александру I человек — статс-секретарь князь А. Н. Голицын (он же — фактический организатор Общества). После 1824 г. главными попечителями являлись петербургские митрополиты (до 1913 г.). Голицын же до 1842 г. оставался действительным членом Совета — докладчиком императору по делам Общества. При Совете существовала канцелярия; ее чиновники «состояли в действительной службе».

О мундирах и Человеколюбивого общества, и Мариинского ведомства мы узнаем только из закона от 27 февраля 1834 г.

Чиновники Человеколюбивого общества получили темно-зеленые мундиры общегражданского покроя с фиолетовым бархатным воротником и обшлагами. Узор десятиразрядного серебряного шитья на них совпадал с узором шитья Министерства внутренних дел: колосья и васильки, с бордюром по краю. Такое же шитье имели мундиры Департамента духовных дел иностранных исповеданий, но они были темно-синие, а воротники и обшлага на них из черного бархата. При реформировании форменной одежды Общества в августе 1904 г. члены его получили право носить мундирный сюртук (такой же, какой имели

Воротник и бортовое шитье мундира Человеколюбивого общества

чиновники VII и ниже классов, но без воротниковых петлиц). В 1913 г. главным попечителем Человеколюбивого общества назначается сенатор В. И. Маркевич. В следующем году должность главного попечителя отнесли ко 2-му разряду по мундиру (то есть приравняли к министерской).

Ясно, что мундиры высших чинов и сюртуки членов Человеколюбивого общества имели во многом не формально-служебное, а поощрительно-наградное значение. Комплект же сохранившихся изобразительных материалов, связанных с установлением в Императорском Человеколюбивом обществе мундира 2-го разряда, убеждает нас в неизменности (и на 1914 г.) принципов построения гражданских мундиров, установленных в основе своей еще в 1834 г.

Мундиры чиновников Мариинского ведомства имели оригинальный фасон и шестиразрядную систему шитья. В «Положении о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. говорилось, что «места, бывшие под начальством в бозе почившей императрицы Марии Федоровны, сохраняют парадный мундир прежний, по избранию ее величества установленный».

Логично предположить, что форменная одежда в Мариинском ведомстве была установлена в начале 1826 г., когда появились мундиры для чиновников Собственной канцелярии его императорского величества. Однако никаких свидетельств этого (ни рисунков, ни даже правового акта) не сохранилось. Вместе с тем в издании великого князя Николая Михайловича «Русские портреты XVII и XIX столетий» воспроизведен портрет чиновника Мариинско-

И. А. Тутолмин в мундире ведомства императрицы Марии Федоровны. До 1815 г.

го ведомства в Москве И. А. Тутолмина, изображенного в мариинском мундире. Портрет не датирован, но известно, что портретированный умер в 1815 г. Либо к тому времени мундиры ведомства уже существовали, либо портрет посмертный, написан позже кончины Тутолмина. Этот человек известен своими героическими усилиями по защите от казаков Мариинского воспитательного дома в Москве во время нашествия наполеоновских войск.

Темно-зеленые мундиры чиновников Мариинского ведомства имели воротники и обшлага из черного бархата с голубой выпушкой. Особенности мундиров: отсутствие карманных клапанов (а следовательно, и шитья на них), а также шитья по бортам мундиров высших разрядов и наличие его на рукавах — по обшлагам и выше их (как на придворных вицмундирах). Еще одна особенность мундиров чинов Мариинского ведомства — использование двух узоров золотого шитья: на мундирах чиновников «воспитательных домов и подведомственных мест» оно состояло «из дубовых и пальмовых ветвей», а «на мундирах Общества благородных девиц и прочих институтов — из виноградных и пальмовых ветвей». Золоченые пуговицы первых имели «изображение пеликана, питающего птенцов», а вторых — «изображение растущего винограда с солнечным сиянием и надписью: "Посети виноград сей"». Мундиры с шитьем «из дубовых и пальмовых ветвей» предназначались также чиновникам Управления всеми учреждениями Мариинского ведомства; чиновники же Четвертого отделения Собственной его императорского величества канцелярии пользовались мундирами с шитьем «из виноградных и пальмовых ветвей».

Старшие чины Мариинского ведомства (почетные опекуны и члены попечительных советов) имели «полное шитье на воротнике, а на фалдах и на рукавах у пуговиц по четыре двойные... ветви» в виде шевронов (на рукавах одна пара ветвей размещалась на обшлагае). Чиновники штаб-офицерского ранга утрачивали нижнюю

часть характерного для ведомства геометрического бордюра (типа меандра) на воротнике. На рукавах же шитье сохранялось только на обшлагах, а выше заменялось голубыми кантами в форме шевронов. Чиновники обер-офицерского ранга имели на воротнике уменьшенное (половинное) шитье только из дубовых или из виноградных ветвей, без бордюра, а на рукавах только голубые канты. Тем самым получалось, что чиновники низших рангов имели шитье с особым, третьим узором, идентифицировать которое (например, на портрете) довольно сложно.

Чины старших рангов помимо парадного мундира имели вицмундир с шитьем только на воротнике и обшлагах. Прочие чиновники ведомства вместо вицмундира носили фраки.

Мундиры, наподобие употреблявшихся в Мариинском ведомстве, с шитьем «из виноградных и пальмовых ветвей», имели чиновники еще одной группы благотворительных учреждений — заведений императрицы Александры Федоровны (супруги Николая I). Бархатные воротники и обшлага этих мундиров имели темно-синий цвет. Вокруг воротника и обшлагов полагалась выпушка из черного сукна. Золотое шитье на воротнике и рукавах (в форме шевронов) делалось несколько мельче, чем на мундирах Общества благородных девиц, причем ветви на рукавах обращались не вверх, а вниз. Пуговицы имели то же изображение растущего винограда с надписью по верху: «Посети виноград сей». Описание и рисунки этих мундиров Николай I утвердил 16 января 1830 г., но до 1834 г. они не публиковались.

Ясно, что «учреждения» и «заведения» благотворительных ведомств не являлись государственными в точном смысле слова. Их служащие получили право носить особые гражданские мундиры исключительно ради усиления престижа благотворительной деятельности. Вместе с тем мундиры эти являлись эффективным средством привлечения благотворителей — как собственно жертвователей средств, так и тех, кто брал на себя безвозмездный

труд организаторов и руководителей медицинских, учебных, сиротских и других благотворительных учреждений.

Мундиры ведомств императриц Марии Федоровны и Александры Федоровны можно видеть на портретах представителей купечества, занимавшихся благотворительной деятельностью в разных ее формах. Никаким другим путем столь роскошные мундиры, как опекунские, купцами не могли быть получены. Стремилась к их приобретению и чиновники высших рангов: шиком считалось иметь два мундира — ведомственный и мариинский.

Сохранился фотографический портрет М. А. Остроградского — тайного советника, в 1908–1910 гг. занимавшего пост товарища министра торговли и промышленности. О его успешной карьере свидетельствует множество орденов (в том числе иностранных). Тем не менее Остроградский предпочел фотографироваться не в министерском мундире 3-го разряда с шитьем по бортам, а в мундире почетного опекуна, демонстрируя свое высокое положение и в Мариинском ведомстве. (Узор шитья в деталях трудно различим, но по расположению пуговиц на обшлагах можно заключить, что на мундире шитье «из виноградных и пальмовых ветвей».)

М. А. Остроградский в мундире почетного опекуна Мариинского ведомства. Конец XIX в.

ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.

Сразу же после воцарения в 1855 г. Александра II ведомственные мундиры вновь подверглись реформированию. На этот раз главной целью стало упрощение

форменной одежды, придание ей большей практичности. Прежде всего, изменялся фасон мундира: вырез юбки спереди устранялся, карманы (внутренние) отодвигались назад и превращались в вертикальные (по сторонам заднего разреза юбки). Длина мундира уменьшалась (практически сокращалась длина фалд). В результате мундир получал форму (и название) полукафтана; но с 1859 г. стал снова называться мундиром.

Разработку новой гражданской формы опять возложили на Собственную его императорского величества канцелярию. Признавалось, что прежняя форма «отличалась значительной вычурностью и представляла большие затруднения для ношения». Как писал управляющий Канцелярией А. С. Танеев, «большая часть чиновников с такой благодарностью приняла дарованные удобства, как будто давно их ожидала».

Начальным актом реформы стало утверждение Александром II 9 апреля 1855 г. рисунка гражданского вицмундирного полукафтана. При этом император собственноручно подрисовал обшлага: из круглых сделал их разрезными, расклепанными. На другом экземпляре того же рисунка Александр II сделал помету: «Шляпа должна быть с галуном». По правилам того времени царские подрисовки и помета, сделанные карандашом, покрывались лаком для сохранности.

Уже 18 апреля того же года император утвердил «Проект изменения в форме мундиров гражданского ведомства». Приведем дословно начальную формулу публикации этого закона в Полном собрании законов, любопытную по своей архаико-бюрократической вычурности и верноподданнейшему раболепию:

«Указ Правительствующего Сената 2 мая 1855 г., по Высочайшему повелению. Правительствующий Сенат слушал предложение министра юстиции от 27 апреля сего года, что Государь Император, утвердив собственноручно в 18 день апреля нынешнего года проект изменения в форме мундиров гражданского ведомства, высочайше повелеть соизволил: привести оное в исполнение че-

рез Правительствующий Сенат. Статс-секретарь Танеев, препровождая к нему, министру юстиции, для зависящего распоряжения копию означенного проекта изменения с следующими к нему рисунками полукафтана, шляпы и шпаги, сообщил что как шитье остается везде прежнее, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы со дня объявления сего изменения тотчас же приступлено было к шитью полукафтанов. О таковой Монаршей воле он, министр юстиции, предлагает Правительствующему Сенату, прилагая помянутую копию высочайше утвержденного проекта и рисунки.

Приказали: Означенного собственноручно утвержденного Его Императорским Величеством Положения о гражданских мундирах, напечатав потребное число экземпляров, разослать для должного исполнения при указах: во все губернские, войсковые и областные правления, к министрам, главноуправляющим отдельными частями, главным начальникам губерний и гражданским губернаторам».

Парадные мундиры трех первых разрядов сохранялись в прежнем виде. Вицмундир же заменялся полукафтаном, «форма» которого полагалась следующая: «полукафтан однобортный, воротник скошенный стоячий с шитым кантом, должности присвоенным, обшлага на рукавах разрезные с шитым же кантом, как на воротнике, 9 пуговиц (большого размера) по борту, 2 на обшлагных клапанах, 2 на лифе и 2 на конце продольных карманных клапанов, всего 17 пуговиц. Шитье на поперечных карманных ныне клапанах заменяется на продольных прямых клапанах для чинов не ниже 4 разряда... Длина полукафтана от колена выше на 3 вершка». Главное же содержание правил 18 апреля состояло в замене на полукафтаны прежних парадных мундиров чиновников «4-го и других ниже разрядов». Присвоенный мундирам «цвет воротника и обшлагов, бархатных или суконных, смотря по ведомству, равно как и шитье на оных, остаются в прежнем виде», — говорилось в одном из параграфов. Несколько менялось лишь расположение шитья. На бортах оно продлевалось до

низа пол. Поскольку карманные клапаны упразднились, «перо» (шитье под ними) поднималось до пояса, а на узких вертикальных клапанах по сторонам заднего разреза полукафтана шитье вынужденно приобретало упрощенный вид.

Большое внимание уделялось в «Проекте изменения...» парадным треугольным шляпам. Теперь они получали различие по четырем группам чинов (не должностей). Шляпы чиновников I–IV классов на лицевой стороне (правой) обшивались по верхнему краю («вокруг поля») фигурным галуном в тон мундирному шитью «по образцу придворных чинов, но без плюмажа». Кроме того, I и II классы имели две косые галунные нашивки спереди и сзади, а III и IV классы получили такие же нашивки из черной муаровой ленты с узким позументом по краям. Все шляпы имели на лицевой стороне кокарду в виде розетки из черной муаровой ленты с оранжевой и серебряной полосами. Кокарда пересекалась петлицей с пуговицей. У чиновников высших классов (I–V) петлица была витой, из золотого или серебряного шнура, а у прочих — галунной.

Была также утверждена «однообразная форма» шпаги «по всем ведомствам», с серебряными темляком и кистью.

2 июня 1855 г. Сенат распорядился опубликовать «предложение министра юстиции» от 22 мая с изложением санкционированных Александром II частных поправок к «Проекту изменения...». Между прочим разрешалось чиновникам всех ведомств, «не составляющим присутствующих, являться в должности в мундирных фраках или в форменных сюртуках, но без шпаги, и носить при сюртуках фуражки». Тогда же было «повелено заменить мундирные фраки для гражданских чинов форменными сюртуками», но уже в сентябре новшество отменили.

Менее чем через год, 2 февраля 1856 г., Александр II утвердил новое «Описание формы одежды чинам гражданского ведомства и правила о ношении сей формы». На этот раз отменялись парадные мундиры 1–3-го раз-

рядов образца 1834 г. и вместо них вводились полукафтаны с прежним прибором и шитьем. Вместе с тем шитье на полукафтанах 4–10-го разрядов упразднилось. Его заменили галуны по воротнику, обшлагам и карманным клапанам трех видов: генеральские, штаб- и обер-офицерские (то есть по рангам чинов, а не должностей). Были утверждены и рисунки полукафтанов с галунным отличием. Чины IV класса получили золотой или серебряный галун шириной в $\frac{3}{4}$ вершка (1,5 см) на воротнике и обшлагах в три ряда, а на карманных клапанах — в один. Чины V–VIII классов получили узкий галун в два ряда на воротнике и обшлагах (статские советники — на обшлагах в три ряда), а прочие — в один ряд. Хотя «Описание формы одежды...» тогда же опубликовали отдельной брошюрой, устанавливаемые им нормы остались нереализованными.

8 марта 1856 г. было принято другое решение по развитию мундирной реформы. Согласно утвержденному Александром II «Описанию изменениям в форме одежды чинов гражданского ведомства» парадные мундиры первых трех разрядов (как и прочих) заменялись полукафтанами. Цвет мундирного сукна, воротников и обшлагов, шитье и пуговицы сохранялись прежними, правда шитье продлевалось до низа пол. Белые короткие штаны, носившиеся с шелковыми белыми чулками и лакированными башмаками, сохранялись лишь для танцев на балах в присутствии членов императорской фамилии. Ранее установленные пять форм одежды сохранялись. На одном из рисунков показаны три формы одежды для членов Государственного совета: парадная — парадный полукафтан и белые брюки с галуном, праздничная — вицмундир и те же брюки и обыкновенная — вицмундир с черными брюками. Будничную форму составляли мундирный фрак (с круглой шляпой) или двубортный сюртук на 6 пуговиц с отложным бархатным или суконным воротником «по цвету, ныне существующему». Первое время сюртук носился лишь с закрытым воротом, но уже на рисунках 1859 г. его можно видеть

открытым, надетым на белую рубашку с галстуком. К сюртукам полагались фуражки с суконными околышами «по цвету воротников на полукафтанах и без выпушки». 25 апреля 1857 г. овальную кокарду военного образца на них заменили круглой, меньшего размера; 14 января 1876 г. ее перенесли с околыша на тулью.

Впервые в общем порядке регламентировалось «наружное платье» — пальто (*плащ*), носившееся обыкновенно с фуражкой, и шинель (*накидка*), более удобная для надевания на парадную форму с орденскими знаками.

Цветные рисунки к закону от 8 марта 1856 г. (хромолитография) насчитывают более двадцати листов с изображением свыше пятидесяти фигур. Большая часть рисунков представляет собой изображения парных фигур в мундирах трех высших разрядов всех ведомств (за непонятным исключением мундиров Министерства государственных имуществ, ведомства Государственного контроля и Министерства путей сообщения). Рисунки эти подготавливались главным образом для того, чтобы показать размещение шитья на мундирах нового покроя — полукафтанах. Кроме того, на нескольких листах представлены фигуры в парадных мундирах 4–10-го разрядов, в сюртуке и фраке, пальто и шинели. Специальных рисунков шитья на этот раз не создавалось, поскольку сохранялось шитье 1834 г. Отлитографированные рисунки разослали «по всем местам гражданского ведомства», а подлинники передали «для хранения при делах Первого отделения Собственной... канцелярии». Впервые мундирные рисунки напечатали в Полном собрании законов, но не в цвете, а в виде прорисовок. В царском экземпляре, хранящемся в Эрмитаже, рисунки эти раскрашены от руки. Среди них два многофигурных рисунка: один включает шесть фигур в разных вариантах форменной одежды, другой — три фигуры в наружной одежде (пальто и шинель), а также фигуры канцелярского служителя и курьера в форменном пла-

тье. В подготовке рисунков принимали участие А. Шарлемань и А. Беземан.

Позднее начальству предписали «наблюдать, дабы каждый имел полукафтан и шитье того разряда, к которому принадлежит, и чтобы никто не отступал от формы, установленной для гражданской одежды. На сей конец каждое ведомство должно иметь рисунки».

Заметим, что в тех случаях, когда на гражданские должности назначались военные чины, они обычно продолжали носить военные мундиры как более «нарядные». Так, генерал от кавалерии и генерал-адъютант князь А. Ф. Орлов сохранил свой военный мундир, будучи назначен в 1856 г. председателем Государственного совета и Комитета министров.

Правила, утвержденные 8 марта 1856 г. в течение почти пятидесяти лет оставались главным законодательным актом, определявшим систему гражданской форменной одежды. Считалось обязательным при приглашении на разного рода совещания, церемонии или праздники в соответствующих повестках указывать,

Председатель Комитета министров генерал от кавалерии и генерал-адъютант князь А. Ф. Орлов в военном мундире. 1850-е гг.

Министр финансов П. Ф. Брок в ведомственном вицмундире. 1852–1858 гг.

Министр внутренних дел С. С. Ланской в ведомственном мундире. 1855–1861 гг.

ное заседание Комитета, на котором С. Ю. Витте предложит принять какую-нибудь решительную меру... И действительно, я не ошибся».

Форма одежды женщин-телеграфистов

в какой форме одежды следует быть. А указание на форму позволяло отчасти судить о том значении, какое придавалось мероприятию. Например, в своих записках чиновник Министерства финансов Н. Н. Изнар рассказывает: «В одной из повесток, приглашавших членов Тарифного комитета в заседание, было прописано, что форма одежды — вицмундир. Я по прежним примерам знал, что готовится торжествен-

Любопытно отметить существование форменной одежды для женщин – вольнонаемных государственных служащих. Так, в 1866 г. «Мундирное платье» было введено для телеграфисток, а в 1885 г. – для тюремных надзирательниц.

Ношение форменной одежды в официальной обстановке являлось обязательным. Во многих случаях заказывались дорогостоящие живописные портреты (особенно до появления фотографии) в мундирах и с орденами. Репродукции таких портретов мы находим

в разного рода изданиях того времени, особенно посвященных истории ведомств.

Вместе с тем необходимость пользоваться парадными мундирами считалась обременительной и вызывала сетования многих высокопоставленных лиц. Так, в октябре 1866 г. П. А. Валуев жаловался в дневнике: «С 12 часов утра до 10 вечера я не снимал белых *inexpressibles* с галунами» (речь идет о парадных брюках, русское название которых он затрудняется дать). В феврале 1876 г. Валуев стал свидетелем того, как на похоронах великой княгини Марии Николаевны, спасаясь от холода, «князь Урусов надел треугольную шляпу на барашковую шапку, что ему придавало самый карнавальный вид». В 1880-е гг.

эпизодов упоминает в дневнике А. А. Половцов. Его шефом — председателем Государственного совета — являлся великий князь Михаил Николаевич. Было принято, что в дни рождений и именин членов семьи великого князя «все служащие при их высочествах обязаны надевать мундиры и являться к обеду». Половцов игнорировал этот обычай, поскольку, по его подсчетам, число таких визитов доходило до восемнадцати в год, не считая

Форменная одежда женского персонала тюремной службы

Государственный контролер Д. М. Сольский в ведомственном мундире. 1878–1889 гг.

остальных праздников. В течение одного дня Половцову приходилось для доклада Александру III «по приезде в Петергоф переодеваться в мундир у дочери Бобринской», а затем у нее же надевать вицмундир, чтобы ехать в Михайловское к великому князю Михаилу Николаевичу. По его мнению, чтобы «напяливать мундир», надо «иметь храбрость». Половцов отказался посетить открытие выставки цветов, организованной бывшим министром финансов, а в то время членом Государственного совета С. А. Грейгом, не желая «надевать белые штаны (то есть парадный мундир. — Л. Ш.) среди белого дня, да еще для прогулки в саду». Когда в феврале 1892 г. к нему домой заехал С. Ю. Витте в парадном мундире по случаю назначения министром путей сообщения, Половцов объяснил ему, что «в мундире ездят только к высшим», каковым он для Витте не является. Кстати сказать, и визиты в парадных мундирах, когда это не было обязательно, и разъяснения такой «необязательности» происходили довольно часто, являясь демонстрацией личной любезности, а по существу — «играми» в любезность.

Среди основной массы гражданских чиновников иногда встречалось пренебрежение к форменной одежде, а чаще — затруднения в понимании всей системы действующих правил о пользовании ею. С учетом этого Собственная его императорского величества канцелярия подготовила (к началу 1890-х гг.) «Свод положений и правил о форменной одежде гражданских чиновников», который содержал «совокупное обозрение главнейших из изданных по сему вопросу узаконений», не утративших к 1890-м гг. своего значения. Имелись в виду «Положение о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г., «Описание изменениям в форме одежды чиновников гражданского ведомства» и «Правила о ношении сей формы» от 8 марта 1856 г., а также вошедшие в Свод законов Российской империи издания 1857 и 1876 гг. «Положение...» и «Правила о форменной одежде гражданских чиновников». Два последних акта представляли собой кодифицированное изложение действовавшего

го на эти даты законодательства (в том числе и частного характера).

В объяснительной записке к «Своду положений и правил...» необходимость его подготовки объяснялась следующим образом: «В ряду внешних признаков устанавливаемого службой различия в иерархических степенях немаловажное значение имеет форменная одежда, которая по самому смыслу Устава о службе гражданской "означает место служения, а также степень звания и должности..."» Одежду эту «законодатель счел нужным установить для обязательного ношения при отправлении должностным лицом служебных обязанностей. К сожалению, что касается гражданского ведомства, в общественной среде встречается довольно часто как бы предвзятое мнение, что постановления о форменной одежде могут не быть выполняемы с той неукоснительной точностью, которая наблюдается со стороны военных чинов, по той причине, что гражданские чиновники, по самому свойству их службы, едва ли подлежат одинаковой по строгости с военными дисциплине. Нельзя, конечно, не отдать полной справедливости той части указанного воззрения, по которой в воинской дисциплине усматривается, вообще, особое преимущественное значение, содействующее большему украшению воинского звания и ведущее носителей его на поле брани к совершению подвигов храбрости и самоотвержения. Не следует, казалось бы, также впадать и в противоположную крайность, доходящую до оправдания некоторого равнодушия в деле соблюдения гражданскими чинами положенных законом правил и условий ношения форменной одежды. Во всяком случае, вседневный опыт свидетельствует о том, что форменная одежда носится гражданскими чинами далеко не однообразно, а с различными более или менее значительными отступлениями, граничащими даже иногда с некоторым произволом. При исследовании ближайших причин сего ненормального явления, успевшего обратить на себя заботливое внимание высшего правительства, надлежит указать на то, что замечаемые на практике отступления

и несообразности объясняются в большинстве случаев не столько действительным равнодушием служащих к выполнению предписанных правил, — примеры таких поступков составляют, очевидно, единичные и притом весьма редкие исключения, — сколько простым незнанием либо недоумением о том, как носить в данном случае требуемую форму и присвоенные ей принадлежности, или же обычно укоренившимся ошибочным пониманием постановлений закона. Что такие незнание и недоумение на самом деле могут иметь место, в этом легко убедиться, если вникнуть в существо действующих постановлений о мундирной форме и исторического хода их происхождения».

«Свод положений и правил о форменной одежде гражданских чиновников» рассматривался как «полное, систематически изложенное положение... в котором всякий служащий мог бы найти точные указания на каждый случай, не прибегая к медленным и хлопотливым справкам по разным томам и продолжениям свода законов, а равно по сборникам и другим официальным изданиям. Для той же цели представлялось бы вполне целесообразным, чтобы в приложении к такому собранию правил изданы были особые ведомости предметам, составляющим принадлежности каждой формы... подобно ведомости формы обмундирования чиновников гражданского ведомства, коим полагается мундир военного покроя [1885 г.]».

Юридическое воплощение все это получило позже — в виде «Свода правил о ношении форменной одежды чинами гражданских ведомств», утвержденного Александром III 6 мая 1894 г. Для штатных чиновников предусматривались шесть видов формы одежды: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная, дорожная и особая. Во втором разделе говорилось «о форме для классных чиновников, коим не присвоено особых полукафтано́в, для чиновников причисленных и прикомандированных». Третий раздел посвящался форме канцелярских чиновников и служителей, четвертый — форменной одежде отставных чиновников и пятый —

форменной одежде лиц, «состоящих в благотворительных и общепользных учреждениях». Особый раздел содержал «означение дней и случаев ношения различных форм». Имелись два приложения: в одном перечислялся набор элементов одежды каждой из шести форм для чиновников разных «разрядов» (классов должностей), в другом давалось «краткое описание предметов общегражданской форменной одежды».

«Свод правил...» 1894 г. не сопровождался какими-либо рисунками, поскольку никаких новых видов форменной одежды не вводилось. Он главным образом определял порядок ношения форменной одежды и не менял ее составляющих. Между тем необходимость в совершенствовании «общегражданской формы» — как в лучшем приспособлении к условиям службы, так и в удешевлении ее — ощущалась все более, и отдельные ведомства стали осуществлять ее сепаратно. Статс-секретарь С. А. Танеев объяснял это в декабре 1901 г. «дороговизной... шитых золотом полукафтано́в» и «неудобством при служебных занятиях мундирного фрака». Следствием того и другого стало распространение (с санкции Николая II) «более приспособленных для работы в канцеляриях и для наружной службы и вместе с тем более дешевых двубортных сюртуков и укороченных пальто (тужурок)». Так как они не имели шитья, указывавшего на ранг должности, более широкое их применение сопровождалось введением на них погон (продольных или поперечных) либо воротниковых петлиц, присущих форме военного покроя. Начало положило уже 25 мая 1894 г. судебное ведомство (входило в состав Министерства юстиции). Затем по тому же пути пошли министерства Земледелия и государственных имуществ, Иностранных дел, Народного просвещения, а в 1899 г. и сама Собственная его императорского величества канцелярия.

В результате «общность характера гражданской формы была нарушена». Чтобы как-то сдержать возникновение все новых вариантов одежды, в декабре 1898 г. учредили комиссию для предварительного «рассмотрения вопросов и предложений, касающихся форменной

одежды служащих по гражданскому ведомству лиц». Но устранить уже существовавший разницей она не могла.

Гражданские мундиры военного покроя

Во второй половине XIX в. получила развитие особая категория гражданских ведомственных мундиров, получивших название «формы военного покроя». Такая форма предназначалась гражданским чиновникам военного ведомства, а также чиновникам военных корпусов гражданских ведомств.

В отличие от собственно военной формы мундиры «военного покроя» разделялись на разряды не по чинам, а по рангу должностей их обладателей. Шитье, указывавшее на ранг должности, полагалось только на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. Для обозначения ранга чина вместо эполет использовались погоны (с 1834 г.), а позднее звездочки или петлицы на воротниках.

Первые сведения о мундирах военного покроя относятся к 1794 г., о чем упоминалось ранее. В 1800 и 1808 гг., а затем более обстоятельно указом от 4 марта 1834 г. «О мундирах для чинов Военного министерства» определены главные особенности формы военного покроя. В преамбуле к указу говорилось о необходимости «для вящего привлечения на службу в Военном министерстве достойных чиновников» установить как для военных (имевших военные чины), так и для классных чиновников (имевших гражданские чины) «мундир одинакового военного покроя: темно-зеленый, с красным суконным воротником и таким же выпуском на фалдах, зеленым по воротнику выпуском, темно-зелеными обшлагами с красными на оных клапанами и зеленым выпуском, подкладка темно-зеленая, панталоны темно-зеленые с красной выпушкой; сапоги со шпорами; шитье серебряное по рисунку, ныне употребляемому, и серебряные же дутые пуговицы с изображением на оных государственного герба». Но «военные чиновники носят

мундир сей с военным прибором по роду оружия, к которому принадлежат, и имеют все без различия на воротнике и клапанах обшлагов серебряные прямые петлицы и таковой же вокруг кант». А классные чиновники военного прибора не имеют и носят «при сем мундире шпагу с серебряным темляком и треугольную шляпу без султана». Главное же то, что «относительно полноты шитья они разделяются на пять разрядов, сообразно должностям, ими занимаемым». Мундиры 1-го разряда имели «на воротнике и клапанах обшлагов и карманов полное шитье, то есть сверх серебряных прямых петлиц, серебряный борт по рисунку, ныне употребляемому... и кант». К этому разряду относились директора департаментов Военного министерства и генерал-интенданты армий. Ко 2-му разряду принадлежали вице-директора департаментов и чиновники для особых поручений «не ниже V класса». Они имели то же шитье, но на карманных клапанах — только кант. На мундирах чиновников 1-го и 2-го разрядов вместо офицерских эполет полагались «погоны из серебряной генеральской канители». К 3-му разряду относились начальники отделений департаментов и другие чиновники не ниже VIII класса. Их мундиры имели на воротнике полное шитье, а на клапанах рукавов кант с петлицами. Мундиры 4-го и 5-го разрядов имели обер-офицерские чины. Первые обозначались серебряными петлицами и серебряным кантом вокруг на воротнике и клапанах обшлагов, а вторые серебряными же петлицами и кантом только на воротнике.

Узор шитья (бордюра) «в виде змейки и листьев» существовал еще с февраля 1808 г.

22 июля 1836 г. Николай I утвердил особое «Положение о мундире для чинов мест, подведомственных Военному министерству». Под «местами» подразумевались не только местные органы Провиантского и Комиссариатского департаментов, а также артиллерийского и инженерного ведомств, но и «штабы всех вообще войск». Клапаны на обшлагах «местных» мундиров полагались не красные, а темно-зеленые, но «с красным около...

обшлагов и клапанов выпуском». Число разрядов ограничивалось четырьмя.

Последующая эволюция форменной одежды гражданских чиновников военного ведомства определялась стремлением установить оптимальное соотношение с военной формой — меру их общности и различия.

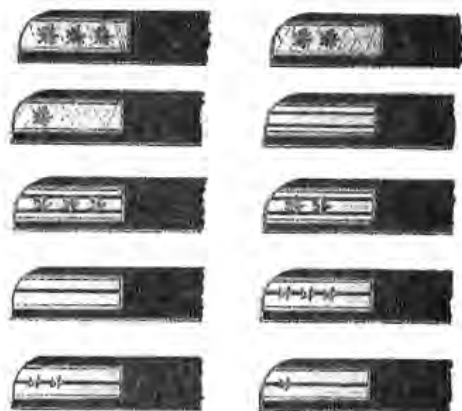
3 марта 1862 г. присвоенные классным чиновникам военного ведомства пяти высших классов «плечевые жгуты» отменялись, а взамен их вскоре (28 марта) вводятся узкие (1,3 см) галунные «погончики». Но в сентябре 1863 г. «для большего сходства обмундирования» гражданских чиновников Военного министерства с обмундированием военных чинов в форму первых внесли некоторые изменения. В частности, чинам первых пяти классов предписывалось «при парадном мундире иметь шляпы, одинаковые с высочайше утвержденными для гражданских чиновников прочих ведомств, с... отличиями по чинам и разрядам должностей». А для точного обозначения чинов всем чиновникам предписывалось иметь погоны шириной в $\frac{5}{8}$ вершка (3 см) на мундирах, сюртуках и плащах. Прежние погоны («существующего образца», которые ранее имели чины 1-го и 2-го разрядов) теперь полагались всем чиновникам первых пяти классов; чиновникам VI–VIII классов присваивались «погоны из красной шелковой тесьмы с тремя затканными серебром полосками», а чиновникам низших классов — такие же с двумя полосками. Ранги чинов обозначались «вышитыми серебром звездочками», располагавшимися «посередине погона вдоль».

Согласно «Положению о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. статус темно-синих мундиров гражданских чиновников военных корпусов ведомств путей сообщения и горного различался: чиновники первого из этих ведомств имели общегражданские мундиры, а второго — мундиры военного покроя. О мундирах классных чинов военных корпусов в «Положении...» не упоминалось.

После ликвидации в 1867 г. военных корпусов гражданских ведомств бывшие офицеры получили форменную одежду военного покроя, то есть фактически сохранили прежнюю форму, но без «военного прибора по роду оружия». Эполеты заменялись погонами. Гражданские чиновники корпусов либо продолжали носить свою форму, либо получили мундиры тех ведомств, в состав которых прежде входили корпуса.

1869 г. стал годом введения важного новшества. Сначала (13 мая) Александр II распорядился о замене плечевых погон на плащах (пальто) и шинелях гражданских чиновников военного ведомства нового вида «клапанами на отложных воротниках». Таким образом, в качестве знаков для различия чинов впервые появляются воротниковые петлицы (как мы их теперь называем) «из галунов, положенных для плечевых погон на мундирах и сюртуках», с теми же просветами и звездочками, а также «с пуговицей на заднем конце клапана». (Петлицы эти сохранялись до июля 1875 г., когда их заменили на плащах «наплечными жгутами, как на мундирах».) О цели майской акции 1869 г. можно только догадываться: вероятно, имелось в виду отличить наружную форму гражданских чинов военного ведомства от офицерской в условиях увеличения в то время общего числа этих чинов. Оригинальность ситуации состояла в том, что форменная одежда гражданских чиновников военного ведомства стала одновременно включать два вида различия чинов: погоны на мундирах и сюртуках и петлицы на воротниках плащей и шинелей.

Немного позже распоряжением императора от 28 июня 1869 г. в форме одежды военного покроя для чиновников гражданских ведомств «погоны... отменялись, а взамен оных знаки для отличия чинов переносились на воротники мундиров, вицмундиров, сюртуков, плащей и шинелей». На мундирах и вицмундирах звездочки трех видов (генеральские вышитые, штаб-офицерские металлические крупные и такие же обер-офицерские меньшего размера) размещались прямо на

Система обозначения рангов чинов на воротниковых петлицах гражданских чиновников, имевших мундиры военного покроя. 1869 г.

шитье воротников. Разъяснялось, что при введении новой системы обозначения чинов на мундирах военного покроя воротники их «остаются... в том виде, в каком они присвоены». На сюртуках и плащах (пальто) те же звездочки располагались вдоль средней линии воротниковых клапанов-петлиц (9 × 3 см). Разработка соответствующих «проектов

частных изменений» в форме одежды отдельных ведомств поручалась министрам. По-видимому, делалось это согласованно, поскольку еще 9 декабря 1855 г. Александр II распорядился, чтобы впредь «в случае изменения формы обмундирования... чинов военного ведомства» (в том числе гражданских) аналогичные преобразования проводились в ведомстве путей сообщения, а затем, «не испрашивая на то особого высочайшего повеления», в других корпусах гражданских ведомств, «сообразно той форме, какая будет установлена для ведомства путей сообщения». В 1869 г. путейское ведомство действительно провело необходимые изменения в форменной одежде первым — 19 августа.

Черные просветы в серебряном галуне петлиц и светло-зеленые канты указывали на принадлежность к категории инженеров путей сообщения. В отличие от военных чинов на мундирах появились петлицы с обозначением чина. В таком виде система обозначения чинов на петлицах и погонах гражданских чинов оставалась и в дальнейшем.

Отметим то обстоятельство, что воротниковые петлицы как средство для обозначения рангов более удобны

(практичны), нежели наплечные погоны и эполеты: они нагляднее (поскольку видны спереди) и не мешают надевать верхнюю одежду.

28 июля 1875 г. было утверждено новое «описание формы одежды гражданских чиновников военного ведомства». Мундир полагался из темно-зеленого сукна, однобортный, на восемь пуговиц, со скошенным воротником из красного сукна с темно-зеленой выпушкой и темно-зелеными обшлагами с красной выпушкой; красная выпушка была по борту мундира и карманным клапанам. Воротник и обшлага имели серебряное шитье в виде «петличек» и «узорчатого... бордюра с кантом». Вицмундир (сюртук) полагался «двубортный, покроем сходный с... установленным для чинов флота». На этот раз галунные погоны на мундирах, вицмундирах, сюртуках и плащах заменялись витыми «жгутами из серебряного ветишкетного шнура» трех видов (генеральские — широкие, штаб-офицерские — поуже, обер-офицерские — узкие), со звездочками для точного обозначения чинов. Шинели теперь оставались «без всяких отличий».

14 января 1876 г. Александр II распорядился для «установления более видимого различия между формами военной и гражданской» перенести гражданскую круглую кокарду с околыша фуражки на тулью (на середину ее передней части). Специально оговаривалось, что «правило это должно распространяться... также и на гражданских чинов Военного и Морского министерств».

В том же году в форменную одежду военного покроя всех ведомств было внесено три новшества. Во-первых, вводился вицмундир-сюртук, «покроем сходный с вицмундиром, установленным для чиновников военного и морского ведомств». Напомним, что в морском ведомстве такой вицмундир-сюртук «гражданского покроя с отложным воротником и жилетом» появился еще в октябре 1870 г. Образцом для него послужил гражданский мундирный сюртук с отложным воротником и открытым воротом образца 1856 г. Чаще всего он носился с

белой рубашкой и черным галстуком. Во-вторых, дорожная и рабочая формы в некоторых ведомствах (в частности, в телеграфном) дополнялись двубортным коротким кафтаном из черного сукна с отложным того же сукна воротником и боковыми карманами. Позднее такой кафтан получил широкое распространение под названием «короткое пальто» или «тужурка». В-третьих, восстанавливались погоны (но уже нового образца).

Импульсом к возрождению погон в форме военного покроя гражданских ведомств послужило упомянутое выше введение 28 июля 1875 г. погон (в виде жгутов) для классных чинов военного ведомства. Вновь вводимые в гражданских ведомствах погоны имели ширину около 4 см. Подложки погон цвета ведомственного прибора покрывались золотым или серебряным галуном, имитирующим плетение из плоских жгутов («узором плоского жгута»). Такой галун получил наименование *гражданского*. Наряду с обычными продольными погонами появились поперечные (такого же вида, но более короткие — около 10 см). Они предназначались для сверхштатных чиновников и для откомандированных в частные общества и земства. (Отметим, что к этому времени поперечные погоны получили распространение главным образом на форменной одежде воспитанников высших учебных заведений.) Система обозначения чинов на продольных и поперечных погонах была одинаковой. Просветы погон для чинов VI–VIII классов сдвигались к самым краям. Штатные служащие, не обладавшие чинами, имели посередине погона продольную «плетеную» полосу в $\frac{1}{3}$ ширины погона. Вольнонаемные служащие имели такую же полосу из обычного галуна.

Все мундирные нововведения 1876 г. прочно вошли в жизнь.

Как уже отмечалось, с воцарением Александра III (1881 г.) военная форменная одежда подверглась общему упрощению, стала более удобной, соответствующей российским условиям и национальным традициям. Вот что писал об этом С. Ю. Витте: «Когда император Александр III

вступил на престол, то он сейчас изменил обмундирование, сделав его весьма простым и поэтому сравнительно дешевым. Он любил русский костюм — поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами, и костюм всего войска во всем он приспособил к этому типу». Новое обмундирование сохранялось до русско-японской войны.

В начале 1885 г. Александр III обратил внимание на то, что «теперь почти все чиновники ходят с погонами и не отличить их от офицеров». Более того, император «изволил найти неудобным, чтобы некоторым чинам гражданского ведомства был присвоен мундир военного покроя». «Вопрос о замене этой формы, более подходящей для гражданских чиновников, был передан... в особое совещание». В итоге форменную одежду военного покроя сохранили, но привели в систему и несколько модернизировали. Погоны упразднили. Александр распорядился, «чтобы все наплечные знаки (погоны и жгуты), которые до сих пор были присвоены гражданским чинам, носящим форменную одежду военного покроя, были совершенно отменены и чтобы взамен сего... носили... те особые по различию чинов знаки, кои установлены были... 28 июня 1869 г.»

Распоряжение это сначала реализовалось в форме одежды классных чинов военного ведомства (правила от 22 апреля 1885 г.), а затем в гражданских ведомствах (закон от 4 декабря 1885 г.). Правила от 22 апреля 1885 г. представляли собой пространное (тринадцать страниц типографского текста и шесть листов рисунков) «описание формы обмундирования гражданских чиновников военного ведомства»: чиновников главного управления Военного министерства, Канцелярии императорской главной квартиры, военно-окружных учреждений военного ведомства, классных топографов и художников, артиллерийских и инженерных чиновников, гражданских чиновников, состоявших в казачьих войсках, и некоторых других. Подробно излагались все детали кроя форменной одежды и другие тонкости портновской

работы. Возможно, это было вызвано появлением первых швейных машин, серьезно изменивших технологию изготовления форменной одежды. Фасон обмундирования и его цветовое оформление оставались прежними. Однобортные мундиры имели стоячий воротник; сюртуки оставались «гражданского покроя» двубортные, с отложным воротником. Обшлага мундиров высших чинов главных управлений Военного министерства дополнялись красными клапанцами с шитьем и галунными нашивками.

Для отличия чинов на мундирном воротнике поверх шитья теперь полагалось «вышивать золотые звездочки, соответственно каждому чину» (кроме действительных тайных советников, коллежских советников и титулярных советников, которым звездочек не полагалось). На воротниках сюртуков, кителей, плащей и шинелей золотые звездочки такого же образца, как на мундире,

нашивались на «клапаны из серебряного галуна по образцу, установленному на погоны для военных чинов». Галунные клапаны (и звездочки на воротниках мундиров) становились главным средством обозначения чина, тогда как шитье на воротнике и обшлагах мундиров указывало на ранг должности.

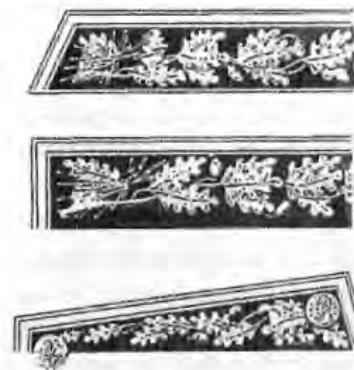
Прежде всего в гражданских ведомствах это распоряжение было реализовано образованным в 1884 г. Главным управлением почт и телеграфов. В связи с этим его чиновники получили мундиры военного покроя,

Фуражка, пуговицы и геральдические аксессуары чиновников почтово-телеграфной службы

В отличие от прежнего золотого шитья почтового ведомства, оно было серебряным и изображало дубовые ветви и «электрические стрелы». Мундирные атрибуты получали новую эмблему (знак). Черный цвет прибора и желтые выпушки на форменной одежде сохранялись.

4 декабря того же 1885 г. закон «О форме обмундирования чинов гражданских ведомств, коим полагается мундир военного покроя» зафиксировал существование четырнадцати ведомственных форм одежды, имевших военный покрой. Четыре из них появились незадолго до того. 18 марта 1881 г. форма военного покроя была установлена для межевых чинов Министерства юстиции, а 19 октября того же года — для инженеров Министерства внутренних дел (строителей). Форма эта точно соответствовала нормам, установленным в 1876 г. Двубортные мундиры инженеров МВД имели черные бархатные воротники и обшлага с золотым шитьем того же узора, что и у горных инженеров. В 1884 г. форма военного покроя вводится для межевых чинов Министерства государственных имуществ (30 апреля) и акцизных чиновников Министерства финансов (13 июля). Реформа 4 декабря 1885 г. предусматривала два вида мундиров (двубортный и однобортный на восемь пуговиц) и два покроя сюртука (закрытый офицерского образца и открытый гражданский). Для некоторых ведомств устанавливались и мундирные фраки. В общем порядке закреплялось введение в состав обмундирования тужурки (укороченное пальто), белого летнего кителя («полотняник»), мерлушковой шапки (взамен треугольной шляпы для высших чинов) в холодное время года. Ранее употреблявшееся серое пальто заменялось на синее.

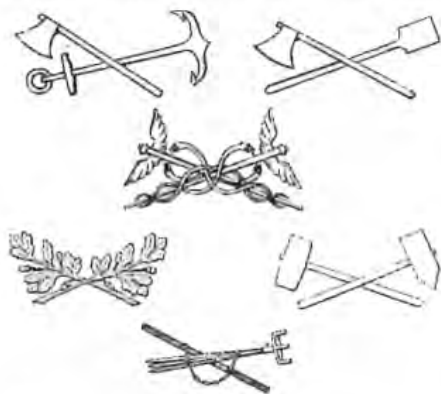
Воротник, обшлаг и карманные клапаны мундиров чинов почтово-телеграфного ведомства. 1885 г.

Закон разъяснял, что «шитье на мундирах остается ныне существующего образца, в том виде, как оно присвоено подлежащим ведомствам, соответственно должностям, по разрядам мундиров». Звездочки же на воротниках и петлицах обозначали ранги чинов «без всякой зависимости от класса... должности». У штатных чиновников звездочки полагались в контрцвет с галуном погона. У чиновников, состоявших сверх штата или откомандированных в другие учреждения или в частные и общественные заведения, цвет звездочек соответствовал цвету металлического прибора на мундире. Сами петлицы теперь были двух типов: галунные и бархатные.

Устанавливались металлические эмблемы ведомств («арматура»), которые помещались на воротниковые петлицы, а в увеличенном виде и на мерлушковую шапку в комбинации с изображением двуглавого орла.

К закону от 4 декабря 1885 г. прилагались черно-белые рисунки образцов галунных и бархатных клапанов (петлиц) на воротники сюртуков, кителей, плащей

«Рисунки металлического прибора на барашковые шапки для чинов гражданских ведомств, имеющих мундир военного покроя» (для: инженеров путей сообщения, гражданских инженеров, чинов таможенного ведомства, лесных, горных и межевых чинов)

и шинелей чиновников (с размещением на них ведомственных эмблем), а также металлических эмблем на барашковые шапки. Все они напечатаны в Полном собрании законов. К сожалению, остались неопубликованными подготовленные и сохранившиеся только среди архивных материалов цветные рисунки самой форменной одежды с новыми знаками различия.

Рисунки фигур в разных видах форменной

одежды дополнялись изображениями набора петлиц и арматуры.

Последнее введение мундиров военного покроя для гражданских чиновников имело место примерно в 1893–1894 гг. Тогда по предложению министра финансов С. Ю. Витте пограничная стража, до того подчинявшаяся директору Департамента таможенных сборов Министерства финансов (а непосредственно — одному из вице-директоров, имевшему чин генерал-лейтенанта), реорганизовывалась в особый военный корпус. Командиром его стал генерал А. Д. Свиныин, а шефом — министр финансов. В этом качестве Витте получил «особый полувоенный мундир», сохраненный за ним и после увольнения с поста министра финансов.

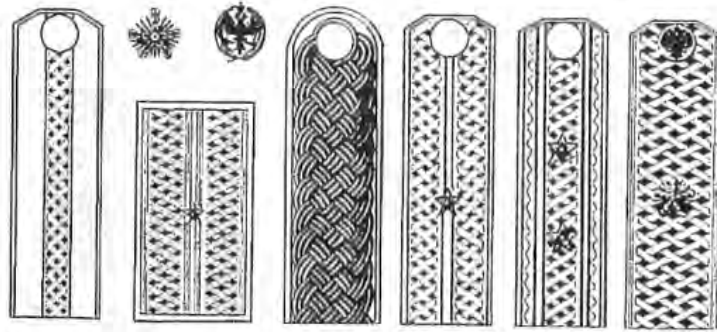
Отказ от использования погон для обозначения рангов чинов просуществовал до 12 июня 1897 г. В законе «О присвоении гражданским чиновникам военного ведомства продольных плечевых погон» говорилось, что «взамен ныне полагаемых, для обозначения чинов, знаков на воротниках мундирной одежды» вводятся «продольные плечевые погоны...

Министр финансов граф С. Ю. Витте в мундире шефа пограничной службы. Конец XIX в.

Мундир-сюртук, тужурка, головные уборы и знаки различия чинов фабричной инспекции. 1895 г.

Наплечные знаки на форменную одежду чинов Государственного контроля. 1890-е гг.

тканые в виде плетения из шнура, шириной $\frac{15}{16}$ вершка (около 4 см. — Л. Ш.), с шитыми звездочками по чи- нам» в контрцвет цвету прибора. Штаб-офицерский по- гон имел более обычного сдвинутые в стороны просве- ты. На воротниках плащей и шинелей снова (как это было в 1869 г.) предписывалось «иметь суконные петли- цы, в отношении цвета и выпушек согласуясь с околы- шем фуражки» (с пуговицами на концах). В последую- щий период (до 1917 г.) форменная одежда гражданских чиновников военного ведомства не претерпела, насколь- ко известно, существенных изменений.

На этот раз введение погон для гражданских чинов- ников военного ведомства не было в общем порядке распространено на чиновников гражданских ведомств, имевших форму военного покроя. Главной причиной этого стало то, что к началу 1897 г. «у чинов большин- ства гражданских ведомств, имевших форму военного образца, отличие чинов [уже было] перенесено... на пле- чевые знаки» двух видов — обычные продольные и по- перечные. Вместе с тем само применение формы воен- ного покроя в гражданских ведомствах расширилось. В некоторых случаях она целиком вытесняла форму гражданскую. Чаше же одежда военного образца заме- няла гражданскую частично, при сохранении для выс- ших чиновников парадных полукафтанов с десятираз- рядным шитьем. Это мотивировалось большей практич- ностью и дешевизной формы военного покроя, а главное

тем, что она содержала знаки различия чинов. Закон от 12 июня 1897 г. способствовал более широкому при- менению продольных погон. Они считались предпочти- тельными в связи с тем, что «с распространением фор- менного обмундирования в частных и общественных учреждениях в глазах массы городского и в особенно- сти сельского населения внешним признаком правитель- ственной власти является не всякая форма, а... снабжен- ная погонями». Руководство Собственной канцелярии оказалось вынужденным признать, что в нарушение норм закона 1885 г. «форма одежды военного покроя» на практике приобрела «крайнее разнообразие». Осо- бенно наглядно это выявилось в ведомствах Государ- ственного контроля и путей сообщения.

Еще в декабре 1898 г. министр путей сообщения князь М. И. Хилков получил согласие Николая II на внесение некоторых изменений в форменную одежду путейского ведомства. К концу 1900 г. была подготовлена обстоя- тельная записка (пятнадцать страниц типографского текста) «Об изменениях и дополнениях ныне действую- щих описания форменной одежды и правил ношения оной чинами ведомства путей сообщения». В ней рас- сматривались условия, которым должна была отвечать форменная одежда: «1) удобство; 2) соответствие клима- ту, влиянию погоды и атмосферных осадков; 3) простота; 4) возможное изящество; 5) внешние отличия; 6) на- циональный характер и исторические традиции; 7) де- шевизна». Отмечалась сложность согласования этих условий, в частности, простоты с изяществом и красо- той: «особенное стремление к достижению возможной простоты выразилось в форме одежды военного ведом- ства 1882 г.», но нанесло «ущерб красоте и изяществу, каковые основания приняты были за главнейшие до 1882 г.». Желательным признавалось установление та- кой форменной одежды, «которая по той или другой причине не требовала бы от чиновника обзаведения партикулярным платьем» и «соответствовала бы вкусам самих носящих ее». В марте 1901 г. «главные основания

сего проекта» Хилков представил императору, который «в принципе» их одобрил. В октябре того же года окончательный «проект описания... форменной одежды» и рисунки образцов ее были направлены С. А. Танееву для рассмотрения в междоуведомственной Комиссии при Собственной канцелярии и формального представления Николаю II.

Проектом предусматривалось разрешить ношение формы инженеров путей сообщения и инженерам других специальностей, находящимся на службе в ведомстве. «Самая же форма эта» была «оставлена без изменений». Упразднялись различия в форме служащих в центральных и местных учреждениях. «В форме одежды чинов ведомства не из инженеров» были сделаны некоторые дополнения и изменения «применительно к правилам, установленным для других ведомств». В частности, намечалось, что мундир (военного покроя, двубортный) и мундирный фрак чиновников сохраняются только для должностей VI класса и выше; чиновникам же низших классов в качестве мундира полагался сюртук с отложным бархатным воротником («открытый для центральных учреждений и закрытый для местных»). Переход на бархатный прибор чиновников местных учреждений мотивировался тем, что бархат, хотя и дороже сукна, но «в 2–3 раза превосходит его продолжительностью ношения, не изменяя притом своего несравненно более нарядного вида». Предусматривалось также «введение укороченного пальто (тужурки) для обязательного ношения при всех служебных занятиях». Для всех чинов ведомства устанавливались плечевые знаки — продольные для должностей не ниже VIII класса и поперечные для остальных.

Отмечалось, что «плечевые знаки имеют особенно важное значение для чинов местных учреждений при сношении с их лиц с рабочими и с публикой, в глазах которых эти внешние отличия форменной одежды служащего дают ему известный авторитет». Вместе с тем введение погон признавалось «необходимым еще в видах экономических: чин служащего обозначается ныне

известным числом звездочек на шитье мундира, а потому шитье это, во всяком случае через 3–4 года, должно быть заменяемо новым». Например, надворному советнику (VII класс) при производстве в следующий чин приходится спарывать с воротника три звездочки, что повреждает шитье. По-видимому, идея введения погон не была поддержана, и на рисунках они показаны лишь у чинов судоходного надзора; у прочих изображены звездочки на воротниках инженерных мундиров и петлицы на сюртуках и пальто. Для чинов судоходного надзора, кроме того, предусматривались «некоторые особые отличия», а именно: «узкие посеребренные галуны» на рукавах «числом от одного до четырех... по классу чинов». Как видно по рисункам, старшие чины судоходного надзора имели однобортный мундир с серебряным шитьем на воротнике и обшлагах, узор которого отличался от шитья как чиновников, так и инженеров ведомства. Вводилось ли оно впервые, или было установлено когда-то раньше — неясно.

ВЕДОМСТВЕННЫЕ МУНДИРЫ В НАЧАЛЕ XX В.

В самом начале XX в. исполнялось 100 лет со времени учреждения министерств в России. Предполагалось отметить этот юбилей. Все ведомства подготовили издания, посвященные истории их деятельности. Намечалось и реформировать форменную одежду чиновников. Николай II обратил внимание на «чрезвычайно большое число видов форм одежды чинов гражданских ведомств», в особенности же «излишнее... не подчиненное... определенному началу развитие форменной одежды с наплечными знаками». 28 декабря 1901 г. он «повелел» безотлагательно «составить проект форменной одежды общего для всех ведомств образца». Необходимость такой меры была очевидна, поскольку многочисленные частные изменения форменной одежды, как общегражданской, так и военного покроя, лишали ее едва ли не главного — единой системы, доступной для распознавания.

В Собственной его императорского величества канцелярии уже имелся проект мундирной реформы, автора которого, к сожалению, не удалось установить. Вот что предлагалось в этом проекте. Парадные полукафтаны с шитьем сохранялись без изменения. Вместе с тем «для чинов всех 14-ти классов вместо форменного фрака или такового же сюртука для ежедневного употребления» предназначались «вицполукафтаны одного покроя с полукафтаном парадным», то есть однобортные, на девять пуговиц, со стоячим воротником и закрытым воротом, но без шитья. Лишь на воротнике вицполукафтанов пяти высших рангов должностей полагался «шитый кант по всем четырем краям оного». Ранг чиновника (класс его должности или чина, если последний оказывался выше) предлагалось обозначать на вицполукафтанах звездочками на обоих концах воротника (без клапанов-петлиц). Для более ясного различия парадных полукафтанов пяти высших рангов на их воротниках также помещались звездочки, дополнительно к уже существующему канту. Звездочки для разных категорий чинов различались размером и формой (пяти- и восьмилучевые), а также системой их размещения. Канцелярским служителям, не имевшим чина, на воротниках полукафтанов полагались золотые или серебряные галунные петлицы.

Чины пяти старших классов при вицполукафтанах могли носить либо треугольную шляпу, либо форменную фуражку «по цвету полукафтана, с околышем одного цвета и материала с воротником» и с «русской кокардой». Вокруг околыша нашивался золотой или серебряный галун, а над околышем спереди — вышитая золотом или серебром императорская корона. Этим же чином полагалась цветная подкладка пальто — красная, синяя, светло-зеленая или зеленая.

Анонимный проект не во всем ясен. Нет сведений о том, рассматривался ли он официально.

Рекомендация же Николая II (в изложении А. С. Танеева) состояла в том, чтобы новый закон о мундирах давал возможность впредь «отличать формы [одежды] од-

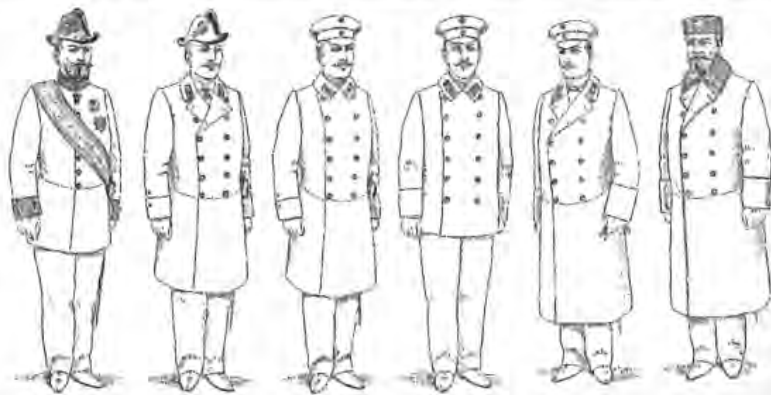
ного ведомства от другого не покроем, а главнейше цветом приборного сукна и бархата и присвоенными ведомству... пуговицами и арматурами». К этой установке добавлялись еще две. Дорогие, шитые золотом и серебром, полукафтаны и неудобные в служебной обстановке фраки намечалось сохранить лишь для высших чиновников. Погоны же в гражданских ведомствах в общем порядке снова подлежали ликвидации, а знаки отличия чинов переносились на петлицы воротников сюртуков, тужурок и плащей (пальто). При этом помещение звездочек непосредственно на воротниках мундиров не предусматривалось; продольные погоны могли быть использованы только в форменной одежде тех должностных лиц, которым «приходится непосредственно распоряжаться и вообще исполнять обязанности службы среди малообразованных слоев населения»; о поперечных погонах вообще не упоминалось.

Дело началось с разработки новой формы для чиновников Министерства внутренних дел, которая должна была «послужить образцом для проектирования форменной одежды... всем остальным гражданским ведомствам (кроме Министерства императорского двора)». Положение о такой «образцовой» форме для чиновников Министерства внутренних дел (и почтово-телеграфного ведомства) вместе с красочными планшетами, на которых изображались все образцы новой формы и ее атрибуты, Николай II утвердил 1 июля 1903 г.

Право ношения в составе парадной и праздничной форм одежды однобортных полукафтанов (со шпагой

Князь М. И. Хилков в мундире министра путей сообщения. Начало XX в.

Покрой форменной одежды чиновников по законам 1903–1904 гг.: полукафтан, сюртук, сюртук, тужурка, летнее и зимнее пальто

гражданского образца и треугольной шляпой) сохранялось лишь для лиц, занимающих должности не ниже VI класса. Только они имели право ношения мундирных фраков в составе особой и будничной форм одежды (прочим ношение мундирного фрака разрешалось лишь в случаях, когда они получали приглашение на различного рода празднества в присутствии членов императорского дома). Для тех, кто занимал должности VII и ниже классов, парадную, праздничную, а также особую форму составляли темно-зеленый двубортный (застегнутый на четыре пуговицы из шести) сюртук, имевший покрой, установленный для гражданских чиновников военного ведомства в 1885 г., с отложным из черного бархата воротником. Сюртук дополняли темно-зеленые брюки (без галуна и цветного канта), белый жилет, треугольная шляпа и шпага гражданского образца. Для всех классов должностей сюртук и темно-зеленые брюки при жилете одного с ними цвета (и при треугольной шляпе) составляли обыкновенную форму; те же принадлежности форменной одежды, но с заменой треугольной шляпы фуражкой, составляли будничную форму (в этом случае сюртук мог быть застегнут на все шесть пуговиц). Второй вид будничной формы, а также дорожную форму могли составлять тужурка. В холодное время года разрешалось заменять фуражку круглой мерлушковой шапкой с до-

нышком из темно-зеленого сукна. Министрам, товарищам министров, генерал-губернаторам, их помощникам, губернаторам, вице-губернаторам, градоначальникам и их помощникам присваивались продольные погоны несколько измененного по сравнению с прежним образца (иной вид имела галунная рогожка; штаб-офицерские погоны имели два просвета в середине поля). Всем же остальным чиновникам ведомства для отличия чинов полагались бархатные или суконные петлицы на концах воротников сюртука, тужурки и пальто.

Чиновникам, состоявшим в чинах первых трех классов, и всем лицам, занимавшим должности IV класса, независимо от чина, предоставлялось «право ношения цветных отворотов, подкладки и кантов» на пальто, которые считались «почетным внешним отличием». В ведомстве внутренних дел они были красного цвета.

Мундиры военного покроя упразднялись. Инженеры же МВД, ранее пользовавшиеся ими, получали общегражданские полукафтаны (если занимали должности VI и старше классов), но с особым инженерным шитьем (трех разрядов), с выпушками и отворотами малинового цвета, бархатными черными петлицами и ведомственной арматурой (перекрещенные топор и лопата).

13 июля 1903 г. Собственная его императорского величества канцелярия направила письмо главам всех ведомств, предписывающее к 15 декабря представить свои проекты ведомственной форменной одежды, с тем чтобы к 1 июля 1904 г. новая форма была установлена, а затем в течение двух лет введена в употребление.

В дальнейшем обнаружилось стремление ведомств по возможности сохранить традиционные особенности своей форменной одежды, вопреки стремлению комиссии в целом следовать образцу — форме Министерства внутренних дел — и добиваться большего единообразия форменной одежды в соответствии с указаниями Николая II.

Работа по подготовке и утверждению царем новых положений о форменной одежде чиновников завершилась к концу 1904 г. По примеру Министерства внутренних дел ведомства изготовили красочные планшеты с

Воротники (первых пяти и низших классов) и бортовое шитье мундиров ведомства торговли и промышленности. 1911 г.

Воротники (первых пяти и низших классов) и бортовое шитье мундиров ведомства торговли и промышленности. 1911 г.

Погоны получили лишь особые небольшие группы чиновников. На концах воротников сюртуков и пальто в этом случае также могли быть петлицы ведомственных цветов (без обозначения чинов) или ведомственная арматура. Предусматривалось существование летней белой тужурки. На практике же широкое распространение получили белые сюртуки, столь же длинные (до колен), как и мундирные (темные).

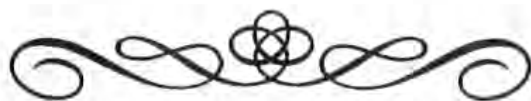
Аксессуары к мундирам чиновников ведомства торговли и промышленности (в том числе горных и чинов фабричной инспекции)

Речь идет об установлении в Министерстве юстиции особых, дополнявших мундир должностных знаков — судейских нагрудных цепей. Эти цепи (и должностные знаки вообще) прежде всего дополняли мундир: последний указывал на ведомство, а знак — на конкретную должность (функцию); мундир носился постоянно, знак же — лишь во время исполнения должностных обязанностей. Легко представить, что вместо судейских цепей могли быть введены судейские мантии — аналог мундира. Должностные знаки применялись и ранее: еще в июне 1861 г. появился знак должности мирового посредника, в декабре 1865 г. — мирового судьи, судебных приставов и присяжных поверенных и т. п.

11 марта 1910 г. император распорядился отменить использование в гражданском ведомстве как продольных, так и поперечных погон (кроме чинов полиции и тюремного ведомства). Но 23 июня 1912 г. продольные погоны снова получили главы всех ведомств.

Нормы, установленные для гражданских мундиров в 1903–1904 гг., соблюдались до 1917 г. Когда 28 августа 1911 г. была введена особая форменная одежда для чинов учрежденного еще в октябре 1905 г. Министерства торговли и промышленности, она вполне соответствовала нормам 1903–1904 гг. Темно-зеленые мундиры имели воротник и обшлага из черного бархата, синюю суконную выпушку и золотое шитье того же узора, какой был у чиновников упраздненного в 1905 г. Главного управления торгового мореплавания. Подчиненные теперь новому Министерству торговли и промышленности чины таможенной службы, горные инженеры и чины фабричной инспекции сохранили некоторые особенности своих прежних мундиров.

ИМПЕРАТОРСКИЙ ДВОР: ПРИДВОРНЫЕ ТИТУЛЫ И МУНДИРЫ

ЧИНЫ И ЗВАНИЯ ПРИДВОРНЫХ КАВАЛЕРОВ И ДАМ

Придворные чины и звания обозначали официальное положение лиц, состоявших при Дворе российских императоров; в обиходе эти лица назывались придворными. Они составляли самую малочисленную, но и самую элитарную часть гражданского чиновничества (военные, как правило, не могли иметь придворных чинов и званий). Их отнесение к составу государственных служащих оправдывалось тем, что императорский двор являлся резиденцией главы государства. В первой половине XVIII в. число придворных составляло несколько десятков человек, а к середине XIX в. оно возросло до нескольких сотен; в 1881 г. это число превышало 1300, а в 1914 г. — 1600 человек.

Что же представлял собой российский императорский двор?

Под императорским двором имелся в виду двор собственно императора, или большой двор. Существовало также несколько малых дворов — дворов отдельных представителей императорской фамилии *. Однако официального значения и своей системы придворных чи-

* Члены императорской фамилии, при которых не было самостоятельного двора, могли иметь при себе нескольких чиновников, адъютантов, фрейлин и т. п.

нов и званий они не имели. Хотя каждый из малых дворов имел свой штат (обычно насчитывавший всего несколько человек), но его составляли лица, либо вообще не имевшие придворных чинов и званий, либо имевшие их по императорскому двору и откомандированные к малым дворам.

Точного определения того, что такое императорский двор, не существует. Но при употреблении этого термина в законодательстве и других источниках обычно имеются в виду, с одной стороны, императорская резиденция, а с другой — три группы лиц: придворные чины, придворные кавалеры (лица, имевшие придворные звания) и придворные дамы (дамы и девицы, имевшие особые «дамские» придворные звания) *.

Состав, структура и обычаи российского императорского двора складывались более века и окончательно сформировались лишь в царствование Николая I. Основная идея заключалась в демонстрации политического престижа империи и царствующей фамилии. При этом естественным было усвоение уже существовавших на Западе как общих принципов организации двора (включая некоторые церемониалы), так и номенклатуры придворных чинов и званий. В первом случае за образец принимался французский двор, во втором — дворы прусских королей и австрийский императорский двор. Однако в обычаях российского двора с самого начала присутствовали специфический православный и псевдонациональный элементы.

Управление императорским двором и его сложным хозяйством осуществлялось несколькими конторами и канцеляриями. Первые сведения о их существовании относятся к 1730-м гг. Главная роль среди них принадлежала Дворцовой канцелярии (это был преимущественно финансовый орган) и Придворной конторе. В 1786 г. канцелярию упразднили, а ее дела передали конторе. Согласно уставу 1841 г. Придворная контора

* Кроме того, при дворе находилось множество разного рода мелких чиновников и служителей, которые не входили в состав придворных.

ведала содержанием императорских дворцов, парков и садов придворного ведомства, продовольствием царской семьи, устройством придворных церемоний и придворным штатом, а с 1854 г. — делами по постройке и ремонту дворцовых зданий. Некоторое время она заведовала также квартирмейстерской и камерцалмейстерской частями — убранством и меблировкой дворцов. В 1883 г. контора преобразуется в Главное дворцовое управление, просуществовавшее до 1891 г. Входившая в его состав так называемая Гофмаршальская часть с этого года выделилась в самостоятельное учреждение.

Гофмаршальская часть ведала довольствием императорского двора, хозяйством дворцов и организацией разного рода празднеств и церемоний. В XIX в. она являлась наиболее важной частью придворного ведомства. Одной из важнейших обязанностей Гофмаршальской части было содержание обеденного стола императорской семьи. Императорский стол обслуживался исключительно придворными служителями. Кроме названного, Гофмаршальская часть ведала еще тремя классами столов, обслуживание которых сдавалось с подряда. К первому классу относились столы: гофмаршальский (или кавалерский) — для дежурных кавалеров и гостей двора; стол обер-гофмейстерины — для живущих при дворе придворных девиц; стол начальника кавалергардских рот. Придворным штатом 1796 г. предусматривалось, что «всякому, для кого стол назначен, позволяется иметь гостей, и содержатель по числу оных стол сервировать обязан». Ко второму классу относились столы для караульных офицеров, дежурных секретарей и адъютантов, дежурных камер-пажей и пажей и для некоторых других лиц. К третьему классу («общая столовая») относились столы для старших служителей двора.

Дворцовыми конюшнями и экипажами заведовала Конюшенная канцелярия, реорганизованная в 1786 г. в Придворную конюшенную контору, а в 1891 г. — в Придворную конюшенную часть. Императорская охота находилась в ведении Обер-егермейстерской канцелярии, преобразованной в 1796 г. в Егермейстерскую контору. С 1882 г. последняя стала именоваться Импе-

раторской охотой. В 1858 г. из Министерства иностранных дел в придворное ведомство была передана Экспедиция церемониальных дел, в 1902 г. переименованная в Церемониальную часть.

В составе придворного ведомства находился и ряд важных учреждений культуры: Эрмитаж, Академия художеств, некоторые театры, певческая капелла с училищем, фарфоровый завод и др.

В августе 1826 г. для объединения деятельности названных и других учреждений придворного ведомства было образовано особое Министерство императорского двора. Деятельность этого министерства ставилась вне контроля высших государственных учреждений.

Содержание императорского двора стоило громадных средств, источник которых лишь в малой степени составляли доходы от имуществ, принадлежавших царской семье, а в основном — государственный бюджет. О практике финансирования придворного ведомства рассказывает в своих воспоминаниях С. Ю. Витте, бывший министром финансов в конце XIX в. «По закону смета Министерства двора должна была рассматриваться в Государственном совете на общем основании», но «на практике расходы эти регулировались соглашением» между министрами двора и финансов, а «затем Государственный совет принимал цифру, сообщенную министром финансов». В 1897 г., вскоре после назначения министром двора барона В. Б. Фредерикса, Витте получил «от него... высочайшее повеление, отменяющее законы и устанавливающее такой порядок относительно сметы Министерства двора: смету эту составляет и представляет на утверждение государя министр двора, а затем сообщает общую цифру министру финансов, который должен внести именно эту цифру без обсуждения в Государственном совете в государственную роспись. В заключение говорилось, что государь повелевает, чтобы сие высочайшее повеление не распубликовывалось, дабы не возбудить толков, а чтобы при кодификации законов, т. е. печатании нового издания, были соответственно изменены соответствующие статьи».

Все эти учреждения двора обслуживались многочисленным штатом чиновников и служителей, многие из которых проживали в непарадных помещениях дворцов. В середине XIX в. только в Зимнем дворце проживало более двух тысяч человек, главным образом прислуги. Руководство отдельными службами двора обычно возлагалось на лиц, имевших особые придворные чины (табл. 9).

Состав придворных чинов по Табели о рангах и фактически существовавших к началу XIX в.

Таблица 9

Класс	Чины по Табели о рангах	Чины к началу XIX в.
I	—	—
II	Обер-маршал	Обер-камергер Обер-гофмейстер Обер-гофмаршал Обер-шенк Обер-шталмейстер Обер-егермейстер
III	Обер-шталмейстер	Гофмейстер Гофмаршал Шталмейстер Егермейстер Обер-церемониймейстер
IV	Обер-камергер Обер-гофмейстер	Камергер
V	Обер-шенк Обер-гоф-шталмейстер Обер-гофмейстер при императрице Гофмейстер Тайный кабинет секретарь Обер-церемониймейстер (гражданский чин)	Церемониймейстер Камер-юнкер
VI	Обер-егермейстер Действительный камергер Гофмаршал Шталмейстер Первый лейб-медикус	Камер-фурьер

Окончание табл. 9

Класс	Чины по Табели о рангах	Чины к началу XIX в.
VII	Гофмейстер при императрице Лейб-медикус при императрице Церемониймейстер (гражданский чин)	—
VIII	Титулярный камергер Гоф-шталмейстер Надворный интендант	—
IX	Надворный егермейстер Надворный церемониймейстер Камер-юнкер Обер-кухенмейстер	Гоф-фурьер
XII	Гоф-юнкер Надворный лекарь	
XIV	Гофмейстер пажов Кухенмейстер Мундшенк и др.	

Анализируя состав придворных чинов, включенных первоначально в Табелю о рангах, Н. Е. Волков, наиболее внимательно их изучавший в XIX в., приходит к заключению, что «многие из них вовсе никогда не были жалованы, и даже определить, в чем состояли их обязанности, не представляется... возможным». Дошедшие до нас сведения о первых назначениях в придворные чины, возможно, неполны. Еще к 1711 г. относятся пожалования в камергеры и камер-юнкеры, которые в то время были главными фигурами при дворе. После введения Табели о рангах в действие и до 1727 г. состоялись назначения в чины обер-гофмейстера императорского двора (1722 г.), в обер-шенки (1723 г.), в обер-шталмейстеры, обер-церемониймейстеры, обер-маршалы и гофмаршалы (1726 г.), в обер-камергеры и гофмейстеры (1727 г.). 14 декабря 1727 г. Петр II утвердил первый придворный штат, которым предусматривались должности гофмейстера, 8 камергеров, 7 камер-юнкеров, гофмаршала и шталмейстера. Тогда же устанавливается штат первого малого двора — двора сестры Петра II великой княжны Натальи Алексеевны. Он включал камергера, четырех камер-юнкеров и двух гоф-юнкеров.

Анна Иоанновна в апреле 1731 г. утвердила новый придворный штат в составе обер-камергера, обер-гофмейстера, обер-гофмаршала и обер-шталмейстера. Число

камергеров и камер-юнкеров сохранялось тем же, что и по штату 1727 г.

В 1736 г. состоялось первое пожалование в чин обер-егермейстера. В 1743 г. вводятся чины церемониймейстера и егермейстера. Наконец, в 1773 г. устанавливается равенство в ранге чина егермейстера с чином шталмейстера.

Указанные в Табели о рангах придворные чины, сохранившие свое практическое значение, со временем изменяли свой ранг (класс). Лишь в некоторых случаях это находило отражение в законодательстве. Так, чины действительного камергера и камер-юнкера в 1737 г. перевели из VI и IX классов в IV и VI, а в 1742 г. устанавливались в IV и V классах. В 1743 г. чин обер-церемониймейстера был отнесен к IV классу, чин же церемониймейстера — к V. Точных данных о принадлежности к классам Табели о рангах других придворных чинов для XVIII в. нет. Однако известно, что постепенно они (исключая камергера, камер-юнкера и церемониймейстера) оказались во II (старшие чины, с приставкой обер-) и в III (прочие, включая и обер-церемониймейстера) классах. В таком порядке они закреплялись придворным штатом от 30 декабря 1796 г., причем чинов II класса полагалось по одному каждого наименования, чинов гофмейстера, гофмаршала, шталмейстера и церемониймейстера — по два, чинов егермейстера и обер-церемониймейстера — по одному, а камергеров — 12 *. Чин камер-юнкера штатом 1796 г. не предусматривался, но 18 декабря 1801 г. устанавливался снова (12 человек).

С конца XVIII в. придворные чины II и III классов стали именоваться первыми чинами двора, в отличие от вторых чинов двора, к коим относились чины камергера, камер-юнкеров и церемониймейстера. После того как камергеры и камер-юнкеры перестали считаться чина-

ми (с 1809 г.), вторыми чинами двора стали называть придворных чинов III класса. Однако чин обер-церемониймейстера, хотя и относился к III классу, первоначально в число вторых чинов двора не входил. Лишь на основании повеления Николая I (1827 г.) его отнесли к этой группе придворных чинов; с 1858 г. при выслуге чина II класса (такие случаи имели место и ранее) обер-церемониймейстеры относились к первым чинам двора. Точно так же во II или III классе мог быть введенный в 1856 г. чин обер-форшнейдера (заметим, что при существовании чина обер-шенка чина шенка не существовало). Чины камер-фурьера и гоф-фурьера считались не придворными, а при «высочайшем дворе». Фурьеры заведовали придворными служителями. К разряду высших служителей относились камердинеры и официанты: мундшенки (виночерпии), кофешенки, кондитеры, тафельдекеры (накрывающие стол) и прочие (обычно им присваивали чин XII класса). В обязанности камер-фурьеров входило также ведение особых журналов, в которых изо дня в день отмечались все события при дворе. Камер-фурьеры награждались чином VI класса без права дальнейшего производства; гоф-фурьеры получали чин IX класса через 10 лет службы и также далее не производились.

Таким образом, почти все придворные чины оказались в генеральских рангах (II–III классы), где право производства в чин зависело целиком от усмотрения императора. Из сказанного ясно, что дослужиться до придворного чина оказывалось возможным лишь по другой (непридворной) линии — гражданской или военной. Существовал и иной путь получения этого чина — экстраординарное пожалование его императором. Поскольку придворные чины включались в Табель о рангах и относились в ней к соответствующим классам, обладание придворным чином делало ненужным и, казалось бы, невозможным одновременное обладание гражданским или военным чином. Между тем случаи такого рода известны. Например, граф К. И. Пален одно время являлся действительным тайным советником

* В конце 1796 г. Павел I укомплектовал штаты дворов великих князей. В них гофмейстеры назначались в гофмаршалы, а камергеры — в гофмаршалы и шталмейстеры. «Кавалеры» при этих дворах определялись классом ниже по сравнению с большим двором.

и обер-камергером, а барон П. П. Корф — действительным тайным советником и шталмейстером. Барон Е. Ф. Мейендорф числился обер-шталмейстером, но имел также чин генерала от кавалерии (II класс) и звание генерал-адъютанта; такие же военный чин и звание имел (на 1914 г.) обер-гофмаршал граф П. К. Бенкендорф. Для военных такое сочетание имело лишь тот смысл, что в таком случае придворный сохранял право на участие в торжественных воинских церемониях, на военный мундир и старшинство военных чинов по отношению ко всем другим. Как мы уже отмечали, военные чины III класса и ниже считались старше гражданских (в том числе и придворных) одного с ними класса. Но в 1731 г. было определено, что хотя придворные чины III класса (видимо, и ниже III класса) уступают в старшинстве военным, но считаются старше собственно гражданских чинов того же класса. Что касается придворных чинов II класса, то они вполне приравнивались (как и общегражданские) к военным. С 1742 г. чины камергера и камер-юнкера стали приравниваться к соответствовавшим им по классам военным чинам.

Придворные чины более других категорий чинов сохранили связь с соответствующими должностями. Это проявилось, в частности, в многочисленности наименований чинов внутри одного класса. При подготовке Табели о рангах сделали попытку установить соответствие между ранее существовавшими при царском дворе наименованиями должностей (и званиями) и вновь вводимыми их немецкими обозначениями. Обер-маршал приравнивался к дворецкому, обер-камергер — к постельничему, действительный камергер — к комнатному стольнику или спальнику, гофмейстер — кстряпчему, обер-шталмейстер — к ясельничему, обер-егермейстер — к ловчему, обер-шенк — к кравчему, обер-мундшенк — к чашнику, мундшенк — к чарочнику, камер-юнкер — к комнатному дворянину. Разъяснялись и примерные обязанности каждого чина (должности).

И в XVIII в., и в последующем считалось нормой, если обладатель придворного чина занимал одноименную (например, обер-камергер) или соответствующую «профилю» чина придворную должность (например, если обер-егермейстер заведовал императорской охотой). По этой причине соответствующие инструкции составлялись для лиц, имевших придворный чин, а не для занимавших придворную должность. Все эти инструкции возникли еще в XVIII в., но сохраняли силу (в общем виде) до отречения Николая II. В 1730 г. Анна Иоанновна утвердила инструкции для обер-гофмейстера, обер-гофмаршала и гофмаршала. Первый из них определялся как главная фигура при дворе. При Екатерине II в 1762 г. составили инструкции для обер-камергера и придворных кавалеров: камергеров и камер-юнкеров. Обер-камергер становится наиболее важным чином двора. Наконец, обязанности придворных чинов определялись придворным штатом 1796 г.

Согласно этим инструкциям и обычаям двора обер-камергер руководил придворными кавалерами; он же представлял членам императорской семьи тех, кто получил право на аудиенцию. При церемониальных обедах, «когда ее императорское величество кушать изволит на троне, тогда обер-камергер поставит кресла и до тех пор за ее императорским величеством стоит, пока изволит пить спросить, потом обер-камергер и прочие кавалеры, поклонясь, отходят, а кавалерам дежурным прикажет служить, а сам с прочими кавалерами садится за стол, где для его и для кавалеров места оставляются должны».

Обер-гофмейстер заведовал придворным штатом и финансами двора.

Обер-гофмаршал ведал всем хозяйством двора и придворными служителями. В частности, в его функции входили организация разного рода придворных торжеств и содержание императорского стола и других столов при дворе. Согласно инструкции при торжественных обедах «обер-гофмаршал всегда с своим жезлом служит;

а именно: кушанье на стол внесено и поставлено, то он с жезлом в руке ее императорскому величеству о том доносит и прямо перед ее величеством к столу идет, где он свой жезл одному придворному кавалеру до тех мест для держания отдает, пока дневальный камергер ее императорскому величеству блюдо с рукомойником поднесет и он, обер-гофмаршал, салфетку для утирания подает и стул, на котором ее императорское величество сядет, придвинет, потом принимает паки жезл и не отдает, пока ее императорское величество не встанет, когда паки стул отнимает, салфетку подносит и ее величество в императорские покои с жезлом паки препроводит». Согласно указу от 16 июля 1735 г. обер-гофмаршал (и гофмаршал) пользовался правом объявления словесных повелений императоров по делам двора.

Заведование винными погребами и снабжением двора вином возлагалось на обер-шенка.

30 августа 1856 г. в связи с коронацией Александра II вводится новый придворный чин — *обер-форшнейдер*. Обязанности его не разъяснялись. В законе говорилось лишь, что «по издавна установленному порядку при торжественных обедах в Грановитой палате в день коронации и других при дворе празднествах избирается на эти случаи один из придворных кавалеров для исполнения обязанностей форшнейдера». С учетом этого и принимая во внимание этимологию этого слова, следует заключить, что в обязанности обер-форшнейдера входило раскладывание кушаний императорской четы во время парадных обедов. До того, согласно инструкции для придворных кавалеров 1762 г., эта обязанность возлагалась на старшего дежурного камергера.

Обер-шталмейстер возглавлял придворную конюшенную часть. Обер-егермейстер заведовал императорской охотой. Наконец, обер-церемониймейстер ведал организацией разного рода придворных церемоний (обер-церемониймейстер двора одновременно являлся обер-церемониймейстером императорских и царских орденов, а церемониймейстеры — церемониймейстерами отдельных орденов).

Не всегда, однако, обладатели придворных чинов назначались на «профильные» им придворные должности. Известны случаи, когда на подобные должности назначались не придворные, а военные чины (даже не имевшие дополнительно придворных чинов). Так, при вступлении Александра III на престол его гофмаршалом состоял полковник и флигель-адъютант князь В. С. Оболенский. После его внезапной кончины эту должность занимал Свиты его величества генерал-майор граф А. В. Голенищев-Кутузов (ранее он занимал пост военного агента в Берлине), сестры которого давно состояли фрейлинами при жене Александра III Марии Федоровне. На место умершего Голенищева-Кутузова назначили графа П. К. Бенкендорфа, имевшего в то время лишь чин капитана (в последующем — генерал-адъютант и обер-гофмаршал). Иногда, наоборот, практиковались назначения лиц, имевших придворные чины, на гражданские (по другим ведомствам) должности. Например, министр почт и телеграфов в 1865–1867 гг. И. М. Толстой имел чин обер-гофмейстера. Б. В. Штюрмер, будучи гофмейстером, занимал в 1916 г. пост председателя Совета министров и министра внутренних (а затем иностранных) дел. После увольнения в отставку он получил чин обер-камергера.

С. Ю. Витте указывает в своих воспоминаниях, что высшее гражданское чиновничество «очень дорожило благоволением свыше, которое приобреталось расположением придворных сфер». В частности, ведомство путей сообщения добивалось такого расположения посредством организации разного рода удобств в вагонах для придворных в составе императорских поездов. В благодарность причастные к этому чиновники ведомства сами получали придворные звания.

Наконец, возможно было и оставление лиц, имевших придворный чин, вообще не у дел. Такой вариант возникал, в частности, в тех случаях, когда придворный чин давался в качестве награды.

Важнейшим преимуществом придворных чинов считалось то, что их обладатели имели возможность

постоянно и тесно общаться с представителями царствующего дома. Хорошо зная ситуацию, А. А. Половцов в разговоре с Александром III имел основания сказать: «У нас в России всегда будет сильно слово того человека, который имеет к вам личный доступ». Некоторые высшие государственные деятели в России середины XIX в. солидаризировались с канцлером Германской империи О. Бисмарком, который утверждал: «То, чего я достиг, я достиг скорее как камергер, чем как министр». Многие из высших придворных чинов были вообще в дружеских отношениях с представителями царской семьи. Они принимали непереносимое и самое почетное участие во всех придворных церемониях.

До середины XIX в. лиц, имевших придворные чины, было немного — 3–4 десятка; к 1881 г. их число возросло до 74, к 1898 г. — до 163 и к 1914 г. — до 213 человек. Постепенно все большее число обладателей придворных чинов оказывались не связанными с какими-то деловыми обязанностями при дворе.

Придворные чины имели право на почетную форму обращения, полагавшуюся всем классным чинам. Вместе с тем в начале XIX в. появились особые придворные звания, которые не давали их обладателям права на класс, а, наоборот, могли жаловаться лишь лицам, уже имевшим определенные законом классы гражданских чинов. В 1881 г. общее число лиц, имевших эти звания, составляло 590, а к 1914 г. достигло 897.

Первыми придворными званиями в России стали трансформировавшиеся из придворных чинов звания *камергер* и *камер-юнкер*. Обязанности их обладателей сводились главным образом к «дежурству при ее императорском величестве», но и от этого многие фактически освобождались. пожалования обычно значительно превышали нормы, установленные придворными штатами *. Камергерские и камер-юнкерские обязанности оказывалось возможным совмещать с другой службой,

* В течение XVIII в. было 289 камергеров; камер-юнкеров было еще больше.

в частности с военной *. При Екатерине II стали даже различаться штатные действительные камергеры и камер-юнкеры, фактически выполнявшие установленные обязанности и получавшие жалованье (по придворному штату на 1775 г. предусматривалось 12 камергеров и 12 камер-юнкеров), и сверхштатные камергеры и камер-юнкеры, имевшие этот чин, но служившие вне двора или вообще не состоявшие на службе. С июня 1800 г. стало возможным получение действительными камергерами (IV класс) чина тайного советника (III класс); в этом случае придворный титул *действительного камергера* сохранялся как звание, но его обладатели освобождались от дежурств.

К концу XVIII в. участились случаи пожалования чинов камергера и камер-юнкера представителям знатных дворянских родов (иногда даже в детском возрасте) без выслуги предыдущих классов чинов. Поскольку было возможно перечисление из придворного ведомства в гражданское или военное с чином того же класса, сложилось такое положение, когда молодые люди нередко без всякого серьезного образования оказывались на сравнительно высоких ступенях служебной иерархии. Хотя по штату 1801 г. комплект камергеров и камер-юнкеров устанавливался по 12 человек, к 1809 г. фактически первых числилось 76, а вторых — 70.

3 апреля 1890 г. Александр I подписал указ «О непризнании званиям камергеров и камер-юнкеров никакого чина ни военного ни гражданского, и об обязанности лиц, в сих званиях состоящих, вступить в действительную службу и продолжать оную по установленному порядку с первоначальных чинов».

«Поощрение к службе и возбуждение всех сил и способностей к труду и деятельности на пользу общую, составляют одно из важнейших попечений правительства. Сему существенному и необходимому правилу на стоящее положение чинов при Дворе нашем в звании

* Из 123 камер-юнкеров, получивших этот чин в царствование Екатерины II (1762–1796 гг.), 111 были военными.

камергеров и камер-юнкеров не соответствует. Неудобства, от сего происходящие, тем более ощутительны, что молодые люди, в сии звания определяемые, большею частию принадлежат к знатнейшим домам российского дворянства, рождением, воспитанием, способами имущества, предопределены быть надеждою отечества, на следствием тех заслуг и личных достоинств, коими предки их, стяжав славу имени, передали им ее в залог сохранения и умножения, завещали им искать почестей в делах, а не званиях, и в подвиге отечественных польз предшествовать всем другим состояниям.

По сим уважениям признали мы нужным о порядке чинов камергерских и камер-юнкерских постановить следующее: 1) все камергеры и камер-юнкеры, при Дворе нашем ныне находящиеся и в военной или гражданской службе не состоящие, в течение двух месяцев от издания сего указа должны избрать род действительной службы, и представить нам о том их желания. Те из них, кои не изберут службы, будут считаться в отставке. 2) Как настоящие их чины присвоены им существовавшим доселе положением, то и сохраняются они им в том самом порядке, какой доселе был наблюдаем. 3) На будущее же время звания камер-юнкеров и камергеров, кои по уважениям к заслугам предков кому-либо от нас будут пожалованы, имеют представлять придворные отличия, знак особенного внимания нашего к роду или заслугам предшествующим, но не будут они присвоять никакого чина, ни военного ни гражданского, и носящий сие звание, вступив в тот или другой род службы, должен будет проходить ее с первоначальных чинов, по установленному порядку; а посему 4) каждый принимаемый ко Двору в звании камер-юнкера или камергера должен продолжать действительную службу и проходить ее наравне с прочими дворянами, если желает достигнуть чинов, со службой сопряженных. Те же, кои быв приняты ко Двору, вместе с придворным званием действительной службы продолжать не будут, будут отставлены от оной...»

За теми, кто имел придворные звания, укрепилось общее наименование *придворные кавалеры* (однако иногда оно распространялось и на придворные чины).

Закон 1809 г. встретили общим ропотом не только те, кого он затрагивал по их действительному положению, но и более широкий круг лиц, у которых он отнимал надежды на быструю карьеру и близость ко двору.

Поскольку ранг вновь установленных званий законом не определялся, пожалование в них после 1809 г. еще более участилось, распространившись на лиц, имевших чины ниже IV и V классов. В 1809–1835 гг. общее число камергеров и камер-юнкеров возросло со 146 до 263, несмотря на установление в 1826 г. комплекта их в 48 человек и прекращение с 1824 г. выплаты им жалованья. С 1836 г. эти звания могли даваться гражданским чиновникам, дослужившимся до III–V и VI–IX классов, а с 1850 г. — III–IV и V–VIII классов. Но, несмотря на все ограничения, пожалование в камергеры и камер-юнкеры продолжалось, и к 1855 г. число первых составило 169, а вторых — 213. Звания эти все меньше связывались со знатностью рода и все больше — со службой, превращаясь в одну из наград. Пожалование их производилось по представлению ведомств, где претенденты занимали должности. Как правило, при достижении предельных чинов и увольнении от службы звания отнимались, а имевшие их лица отчислялись от двора. Вопрос о пожаловании более высокого придворного звания решался заново только по истечении некоторого времени после получения чина.

После 1809 г. лица, уже имевшие чин действительного камергера и состоявшие на службе, сохранили его как почетное звание. Звание это весьма ценилось и вплоть до 1850-х гг. значилось еще в титулах некоторых гражданских и придворных чинов II–III и даже I классов. В 1840-х гг., например, это звание сохраняли обер-шенк, обер-штабмейстер и гофмейстер с чином действительного тайного советника. Лица, получившие звание камергера после 1809 г., назывались либо просто *камергер-ми* (если они входили в установленный в 1826 г. их комплект — 12 человек), либо именовались формулой *в звании камергера*. На 1840 г. первые имели гражданские чины III и IV классов, вторые — IV класса. Между

тем по правилам звание камергера по достижении его обладателем чина III класса (тайного советника) отнималось.

В обязанности камергеров и камер-юнкеров, как и прежде, входило ежедневное (в порядке очереди) дежурство при императрицах (они, в частности, представляли им явившихся на прием лиц мужского пола, кроме послов) или других членах императорской семьи, а также особые дежурства при них же во время придворных церемоний, балов, в театрах. Определенный порядок таких дежурств появился со вступлением на престол Николая I. Кавалеры из провинции к дежурству обычно не допускались.

Известно, что 31 декабря 1833 г. звание камер-юнкера получил А. С. Пушкин. Незначительность пожалования обидела поэта. Так же оно расценивалось и его окружением. Но Пушкин имел чин всего лишь титулярного советника (IX класс) и по правилам и обычаю того времени действительно не мог претендовать на камергерское звание (мы уже отмечали, что с 1836 г. IX класс официально стал нижним рубежом для назначения в камер-юнкеры). К 1833 г. число лиц, имевших звание камер-юнкера, превышало сотню, причем среди них преобладали чиновные люди. Однако многие из них были значительно моложе Пушкина. Хотя звание камер-юнкера и облегчало поэту (вместе с женой) доступ ко двору, оно же ставило его в самый низ иерархии придворных чинов и званий.

В течение XIX в. звания камергера и камер-юнкера все больше утрачивали свое значение. Лишь малая часть лиц, их имевших, действительно выполняла какие-либо обязанности при дворе. Для большинства это была почетная награда, дававшая право на прием ко двору и участие в придворных церемониях. В царствование Николая I (вторая четверть XIX в.) обладание придворными званиями являлось «прерогативой лишь гражданских, а не военных чинов». Чаще всего звания давались предводителям дворянства (на время исполнения

придворных обязанностей), губернаторам и представителям России за границей, реже — отпрыскам известных дворянских родов. Звания камергера и камер-юнкера обычно отбирались при выходе их обладателей в отставку. Когда в 1880-х гг. А. А. Половцов предложил своему подчиненному — племяннику председателя Комитета министров графа М. Х. Рейтерна барону В. Г. Нолькену выйти в отставку, тот сослался на то, что «его дядя дорожит сохранением» за ним «придворного звания камер-юнкера, которое по настоящим правилам теряется при выходе в отставку». Половцову пришлось договариваться о том, чтобы для Нолькена сделали исключение, и он «был уволен в отставку с сохранением придворного звания, что может послужить прецедентом и в будущем для всякого помещика».

В 1881 г. общее число камергеров и камер-юнкеров составило 536, а в 1914 г. — 771. Как реакция на девальвацию этих титулов вскоре после 1809 г. получила распространение еще одна разновидность придворных званий, вовсе не предусмотренная законодательством, — званий, получивших довольно странные, не имевшие реального смысла наименования: *в должности гофмейстера, в должности гофмаршала, в должности шталмейстера и в должности егермейстера*. Как правило, эти звания жаловались чиновникам III и IV классов, но иногда и V, и более низких (до VIII) классов. Таким образом, все они были примерно равны званию камергера. Известны случаи назначения *в должность* первого чина двора (например, на 1855 г. встречается звание *в должности обер-шталмейстера*). Существовало также звание *в должности церемониймейстера*, дававшееся чиновникам VI–VIII классов *. В 1840 г. общее число лиц, имевших такие звания, не превышало 20, а в 1855 г. их осталось чуть более десятка; к концу XIX в. число лиц в

* Еще в 1794 г. звание *в должности церемониймейстера* получил Д. А. Гурьев — после 8 лет нахождения в чине камер-юнкера и перед назначением действительным камергером.

должности второго чина двора достигло 63, а в 1914 г. — 109 (кроме того, соответственно 12 и 17 лиц в должности церемониймейстера). Эти звания, несмотря на возрастание числа их обладателей, сохраняли значение чрезвычайной награды и особой милости царя.

В справочниках «Придворный календарь» звания в должности вторых чинов двора отнесены к этим чинам и как будто вообще приравнены к III классу Табели о рангах. Но в тех же календарях опубликовывалось «Положение о выходах при высочайшем Дворе...», в котором состоявшие в должности вторых чинов двора относительно своих прав при дворе объединены с состоявшими «в придворном звании». Указанная неопределенность отражала, по-видимому, реальную ситуацию. Однако, в отличие от действительных вторых чинов двора, все лица, состоявшие в должности вторых чинов, имели гражданские чины соответствующих классов. Причем можно наблюдать, что при переводе, например, из *состоящего в должности шталмейстера в шталмейстеры* утрачивал гражданский чин действительного статского советника (IV класс) в связи с переходом в придворный чин III класса. Таким образом, формула в должности второго чина двора указывает отнюдь не на чин, а на особое придворное звание, приравненное ко вторым чинам двора. Имевшие эти звания считались кандидатами на придворные чины. Среди них мы встречаем гражданских чиновников, военных и даже отставных. Обычно состоявшие в должности чинов двора включались в понятие *придворные кавалеры*.

В чем заключались специфические придворные обязанности лиц в должности вторых чинов двора, неясно. Известно лишь, что они принимали участие в придворных церемониях. Еще раз отметим то важное обстоятельство, что получение придворных званий давало лицам в сравнительно низких чинах право быть принятыми ко двору.

По характеру исполняемых при дворе обязанностей к придворным кавалерам примыкали камер-пажи и

пажи. Источники упоминают о них с начала XVIII в. В Табели о рангах в XIV классе значился гофмейстер пажей, из чего можно заключить, что ранг самих пажей был еще ниже.

По придворному штату 1796 г. в ведении обер-камергера находилось (помимо 12 камергеров) 12 камер-пажей и 48 пажей, но сами они в штат не включались. Пажами могли быть сыновья и внуки сановников первых трех классов. Обычно они воспитывались в Пажеском его величества корпусе — привилегированном учебном заведении, основанном еще в середине XVIII в., а при Павле I превращенном в военное училище. Пажей последнего года обучения (принявших при переходе в старшие классы присягу и считавшихся военными служащими) привлекали к службе при дворе. Лучшие среди них по успехам в учении (а также с учетом происхождения и внешних данных) получали звания камер-пажей и распределялись для постоянного дежурства при императоре и дамах императорской фамилии. Временно пажи могли прикомандировываться и к другим членам царской семьи и иностранных царствующих домов, прибывших в Россию. Основные обязанности пажей состояли в участии в разного рода придворных церемониях и празднествах: сопровождение членов императорской фамилии, несение шлейфов, держание накидок дам и т. п. С производством в офицеры камер-пажи и пажи теряли звания. Естественно, что знакомство с членами императорской семьи могло способствовать в дальнейшем карьере пажей.

Существовало также несколько придворных почетных званий для дам и девиц. Собственно, в Табели о рангах говорилось не о званиях, а о чинах. Все они указаны не в основной части Табели, а в одном из объяснительных к ней «пунктов». Старшим считалось звание обергофмейстерины («имеет ранг над всеми дамами»). Затем следовали действительные статс-дамы. Их ранг шел «за женами действительных тайных советников» (II класс). Действительные камер-девицы имели ранг, равный рангу

жен президентов коллегий (IV класс). Наконец, назывались гоф-дамы (приравнивались в ранге к женам бригаиров — V класс), гоф-девицы (приравнивались в ранге к женам полковников — VI класс) и камер-девицы. Однако на практике уже во второй четверти XVIII в. получила применение несколько дополненная и измененная номенклатура дамских придворных званий: *обер-гофмейстерина*, *гофмейстерина*, *статс-дама*, *камер-фрейлина* и *фрейлина*. Первые четыре звания в течение XVIII в. имели всего 82 лица.

Звания гоф-дамы и гоф-девицы (гоф-фрейлины) не получили значительного распространения. Зато с 1730 г. стали присваиваться звания *камер-фрейлины* (то есть камер-девицы), с 1744 г. — *фрейлины*, а с 1748 г. — *гофмейстерины*. Придворный штат 1796 г. включал следующие дамские звания (снова названные здесь чинами): *обер-гофмейстерина*, *гофмейстерина*, 12 статс-дам и 12 фрейлин. Камер-фрейлины (как и камер-юнкеры) штатом 1796 г. не предусматривались. В законоположениях по придворному ведомству они затем упоминаются лишь в 1834 г. Звание фрейлины жаловалось особенно часто. В 1881 г. из 203 дам, имевших придворные звания, 189 числились фрейлинами; в 1914 г. соответственно 280 и 261. Камер-фрейлинами и фрейлинами могли быть лишь незамужние женщины. Примерно треть их принадлежала к титулованным фамилиям, а около половины — были дочери лиц, имевших придворные чины и звания. Даже в середине XIX в. известны случаи пожалования звания фрейлины малолетним девочкам.

В 1826 г. Николай I установил комплект фрейлин — 36 человек. Часть «комплектных» фрейлин назначалась «состоять» при императрицах, великих княгинях и великих княжнах (эти фрейлины назывались *свитными*). Многие из них постоянно находились при дворе (часто и проживали там). Фрейлины императриц считались старше фрейлин, состоявших при великих княгинях, а те в свою очередь старше фрейлин великих княжон. Фрейлины «высочайшего Двора» не несли постоянных обя-

занностей. Многие из них подолгу находились в отпуске (иногда проживая вне столицы) и появлялись при дворе лишь изредка.

Едва ли не основным преимуществом фрейлин была возможность, выходя замуж, составить «блестящую партию». «Комплектные» фрейлины при этом получали приданое от двора. В некоторых случаях сама свадьба праздновалась во дворце: так, фрейлина цесаревны и адъютант цесаревича в 1880 г. праздновали свадьбу в Аничковом дворце. Лишь немногим из них после замужества давалось более высокое звание; остальные по выходе замуж отчислялись от двора. Но даже в отставке они сохраняли право быть представленными императрице и приглашались на большие балы в Большом (Николаевском) зале Зимнего дворца вместе с мужьями, «независимо от чина последних».

Несколько фрейлин (2–5) имели более высокий ранг — камер-фрейлин. В придворной иерархии они вполне приравнивались к статс-дамам. Последние составляли вторую по численности группу придворных дам. В 1914 г. их было 14. Как правило, это супруги крупных гражданских или военных чинов. Большинство из них принадлежало к родовитым фамилиям и являлось «кавалерственными дамами», то есть имело дамский орден Св. Екатерины и некоторые другие награды. Многие из них числились в отпуске и появлялись при дворе только в торжественных случаях.

Ни камер-фрейлины, ни статс-дамы никаких определенных обязанностей при дворе не несли; они даже не обязывались принимать участие в придворных церемониях.

Звания *гофмейстерина* и *обер-гофмейстерина* обычно принадлежали дамам, занимавшим одноименные придворные должности и заведовавшим придворным дамским штатом и канцеляриями императриц и великих княгинь. Одной из их обязанностей было представление императрицам дам, явившихся на аудиенцию. С 1880-х гг. этих званий никто не имел, а соответствующие

должности исполняли лица из числа статс-дам, а при дворах великих княгинь — даже дамы, вообще не имевшие придворных званий.

Гофмейстерины, статс-дамы и камер-фрейлины имели общий титул — *ваше высокопревосходительство*.

ПАРАДНОЕ ПЛАТЬЕ ПРИДВОРНЫХ КАВАЛЕРОВ И ДАМ

Для российского императорского двора была характерна помпезность. Роскошь дворцовых интерьеров и парадных церемоний дополнялась нарядностью туалетов: мундирами придворных чинов и кавалеров, мундирными платьями дам. По свидетельству многих очевидцев, торжественные придворные церемонии выглядели очень эффектно. Так, государственный секретарь А. А. Половцов, наблюдая коронационные торжества 1883 г. в Московском Кремле, отметил в дневнике: «Картина в этот момент прекрасная. Наружная лестница залита золотыми мундирами предшествующего государю Двора».

Роскошь придворных мундиров контрастировала с относительно скромным обычно одеянием самих императоров. В XIX — начале XX в. все они носили исключительно военные мундиры. Александр III вообще предпочитал поношенное платье. С. Ю. Витте вспоминал, что, будучи на общем приеме в Гатчинском дворце, увидел императора «по обыкновению, очень скромно одетым, конечно, в военную форму, но форма эта была уже более или менее поношенной». Не только на приемах, но и на балах и даже во время коронации императоры надевали военную форму. В 1855 г. делалась попытка разработать специальную коронационную одежду, но она не реализовалась. «Царь считал себя военным, первым профессиональным военным своей империи», — замечает в своих воспоминаниях начальник канцелярии министра Императорского двора А. А. Мосолов относительно Николая II. При коронации военный мундир дополнялся, конечно, официальными императорскими

регалиями: красной мантией с горностаевым подбоем (порфирой), короной, державой и скипетром. Вне коронационных торжеств названные императорские регалии почти не употреблялись.

Точное время появления придворных мундиров неизвестно. Историк Н. Е. Волков, специально изучавший двор русских императоров, зафиксировал самое раннее упоминание о них в 1802 г. А первый указ с подробным описанием формы мундиров появился, по его данным, только 11 марта 1831 г. Однако исследователь по непонятным причинам упускает из виду указ Павла I от 30 декабря 1796 г., озаглавленный «Описание мундиров придворным чинам и служителям». В нем, в частности, упоминаются мундиры шталмейстеров и егермейстеров, изготовливавшиеся «по данным образцам» (никаких рисунков последних не сохранилось). Косвенное подтверждение существования мундиров такого образца находим в воспоминаниях графини В. П. Головиной. Она сообщает, что во время коронации Павла I весной 1797 г. «все были в полном параде: в первый раз появились придворные платья (заменившие национальный костюм, принятый при Екатерине II)». Воспоминания написаны на французском, и из текста ясно, идет ли речь только о женском платье или же и о мужском.

Сохранилось «Объявление Экспедиции церемониальных дел», относящееся, по-видимому, к декабрю 1796 г., интересное, кстати сказать, своим началом. Вот его текст: «Его императорское величество, простирая свое внимание вообще на все предметы без всякого изъятия, желает положить и роскоши надлежащие пределы, с наблюдением, однако ж, приличного великому двору достоинства. А потому высочайше указал, чтоб все придворные и другие ко двору въезд имеющие дамы являлись в торжественные по случаю коронации праздники в робах из черного бархата» с таким же шлейфом и юбкой «из богатой или шитой материи». Подробно оговаривалась отделка наряда и его варианты в разное время года. Из текста объявления следует, что наряд этот

должен быть сохранен и впредь (после коронации). Брядли дамские форменные придворные платья могли появиться, если уже не существовали какие-то мужские придворные костюмы.

По нашим данным, самое раннее упоминание о существовании особых придворных мундиров в XIX в. относится к 15 августа 1801 г., когда Александр I распорядился «всем... камергерам носить придворный мундир и быть при дворе наравне с прочими». Эта дата важна, поскольку указывает на то, что придворные мундиры существовали ранее возникновения относительно хорошо известных сенаторских (декабрь 1801 г.), которые имели французский покрой кафтана.

В 1826 г., вскоре после воцарения Николая I, для наведения порядка в придворном ведомстве организуется особое Министерство императорского двора. Назначенный его главой генерал от инфантерии князь П. М. Волконский не смог найти в Придворной конторе (1828 г.) никаких нормативных материалов о мундирах чинов двора и придворных кавалеров, а также о парадных нарядах придворных дам.

Упомянутый Н. Е. Волковым указ от 11 марта 1831 г. (опубликован 5 января 1832 г.) назывался так: «Положение о мундирах для чинов Императорского двора». Лишь в Российском государственном историческом архиве сохранились черно-белые рисунки к нему — изображения узоров шитья и фрака. Через три года указ 1831 г. оказался поглощен общим «Положением о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г., к которому прилагался набор цветных рисунков мундиров и шитья к ним.

В обоих законодательных актах речь идет о двух видах форменной одежды для придворных чинов и кавалеров — о мундирах гражданского и военного покроя. Те и другие изготавливались из темно-зеленого сукна, имели стоячие воротники и обшлага из красного сукна, золотое шитье и золоченые пуговицы с изображением государственного герба.

Основной части придворных чинов и кавалеров полагались мундиры гражданского покроя. Шитье на них должно быть «по узору, ныне [к 1831 г.] существующему; на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под оными и на полах — широкое, а по швам и фалдам — узкое; по борту же на груди шитые бранденбуры». Бранденбурами называлась узорчатая обшивка бортовых петель, включавшая имитацию ниспадающих кистей. Шитье по основным швам мундира (на рукавах и спине) полагалось лишь первым чином двора.

Особым знаком камергеров являлся «всемилодивейше жалуемый им ключ». Золотой декоративный ключ этот (у обер-камергеров «осыпанный бриллиантами») символизировал право камергера (от нем. Kammerherr — букв. «комнатный господин») входить в императорские покои. Камергеры носили ключ на голубой ленте у левого карманного клапана мундира, а обер-камергеры — у правого карманного клапана, на золотых кистях. Ключ сохранялся и в тех случаях, когда камергер носил мундир другого гражданского ведомства. Так, на портрете президента Академии художеств графа А. С. Строганова, изображенного в академическом мундире, хорошо виден обер-камергерский ключ. Введен ключ был еще в 1762 г., но образец его установлен только в 1834 г. Именно о таком ключе идет речь в грибоедовском «Горе от ума»: «...с ключом, и сыну ключ умел доставить».

Придворный вицмундир по закону 1831 г. отличался от парадного тем, что вместо шитья «имел на груди золотой галун по числу пуговиц, а также на рукавах по три и на фалдах по четыре с каждой стороны в виде шевронов». Оговаривалось, что вицмундир не должен иметь карманных клапанов. В указе не разъяснялось, вводятся ли придворные мундиры вновь или имеются в виду уже существующие. Отмеченная нами фраза относительно узора шитья не дает определенного ответа на вопрос, как именно выглядели ранние придворные мундиры. Единственным способом выяснить это является обращение

к портретам чинов двора, изображенных в таких мундирах. Наиболее ранние из них относятся к самому началу александровского царствования. Это, в частности, портреты графа Н. П. Шереметева, написанные его крепостным Н. И. Аргуновым.

Николай Петрович Шереметев (1751–1809) в 1768 г. получил чин камер-юнкера, а с 1775 г. стал камергером. В ноябре 1796 г. Павел I назначил его обер-гофмаршалом, а через два года — обер-камергером. В первом случае Шереметев фактически возглавлял все хозяйство двора; во втором — на него возлагалось руководство мужским придворным персоналом. Будучи одним из самых богатых людей России, он чувствовал себя беспомощным в своих собственных хозяйственных делах, передоверяя их управляющим. Заведование двором его не привлекало и оказывалось не по силам. К тому же именно в это время он был поглощен своей влюбленностью в крепостную актрису Прасковью Жемчугову и пытался добиться бесконфликтного признания своего брака с ней со стороны двора.

Оригинал портрета Шереметева в парадном придворном мундире, исполненный Аргуновым, хранится в Государственном Эрмитаже, а копия с него экспонируется в Останкинском дворце-музее. Шереметев изображен в мундире, по своим основным признакам соответствующем нормам упомянутого уже указа 1831 г. Указ этот предусматривал, однако, что парадные мундиры первых чинов двора в качестве главного отличия имеют шитье по основным швам мундира. Хотя Шереметев состоял в первых чинах двора, но на его портрете такого шитья не видно. Поскольку портрет погрудный, не видны обшлага и покроя бортов ниже пояса. Но в 1818 г. аргуновский портрет Шереметева в парадном мундире послужил В. Л. Боровиковскому основой при создании большого полотна (252 × 188 см), изображающего Шереметева в рост, для основанного им Странноприимного дома в Москве (ныне здание Института-больницы им. Н. В. Склифосовского). Теперь полотно это

хранится в запасниках того же Останкинского дворца-музея. Борта кафтана ниже пояса под углом срезаны назад по моде начала XIX в., а шитье на них переходит на фалды. Обшлага по цвету и шитью соответствуют воротнику. Изображено и шитье по швам. Поскольку Шереметев скончался в 1809 г., резонно предположить, что шитье по швам появилось еще при его жизни. Заметим, что на мундирах чиновников Министерства иностранных дел шитье по швам известно с 1809 г.

Одновременно с первым из названных портретов Аргуновым был написан (в том же формате) портрет Шереметева в придворном вицмундире (находится в экспозиции Ростово-Ярославского архитектурно-художественного музея). И в этом случае мы видим на портретированном такой же вицмундир, какой предусматривался указом 1831 г.: с красным стоячим воротником и с золотыми галунами на нем и на груди (направо и налево от каждой пуговицы).

Наши рассуждения о придворных мундирах на основе портретов графа Н. П. Шереметева подтверждаются портретами других придворных чинов. В экспозиции Павловского дворца-музея можно видеть портрет еще одного обер-камергера — Александра Львовича Нарышкина, работы Ж.-Л. Монье. Будучи почти на 10 лет моложе Шереметева, Нарышкин 1 ноября 1798 г. сменил его на посту обер-гофмаршала, а в начале александровского царствования (декабрь 1801 г.) назначается вторым обер-камергером. Он изображен в рост, в парадном придворном мундире. На правом бедре его — камергерский ключ. Шитья по швам нет. По всей вероятности, и этот портрет относится к самому началу XIX в., на что указывают и явно пудренные волосы Нарышкина. Во всяком случае, следует иметь в виду, что художник Монье скончался в 1808 г. На более поздней миниатюре (не ранее 1809 г.) тот же Нарышкин изображен в придворном мундире с шитьем по швам.

Все тонкости шитья на парадных придворных мундирах гражданского покроя особенно хорошо различимы

на портрете камер-юнкера Г. П. Митусова, написанном Д. Г. Левицким в 1826 г.

Другое раннее изображение придворного вицмундира, схожего с описанием в указе 1831 г., можно видеть на портрете графа Ивана Андреевича Тизенгаузена работы неизвестного художника (Павловский дворец-музей). На музейной табличке он обозначен как портрет Андрея Тизенгаузена, но такая идентификация вызывает возражения. В книге Н. Е. Волкова и других справочниках Андрея Тизенгаузена среди придворных чинов конца XVIII — начала XIX в. не упоминается. Известен лишь обер-гофмейстер Иван Андреевич (Иоганн Отто) Тизенгаузен, происходивший из старинной остзейской фамилии. Он родился в 1745 г., в 1773 г. пожалован в камер-юнкеры, в 1782 г. — в камергеры, а в ноябре 1796 г. — в гофмейстеры. В сентябре 1798 г. И. А. Тизенгаузен производится в первые чины двора с поручением «иметь особое надзирание за Гоф-интендантской» конторой. Орден Св. Александра Невского (звезда и лента которого видны на портрете) Тизенгаузен получил еще в 1796 г. В 1799 г. ему пожалованы серебряные знаки Мальтийского ордена «с преимуществом кавалера большого креста». С 1799 г. Тизенгаузен управлял Кабинетом его величества, а в сентябре 1801 г. уволился от всех дел. В феврале 1803 г. Тизенгаузен получил большой золотой крест Мальтийского ордена. На портрете же изображены серебряные знаки этой награды, что дает возможность датировать его концом 1801–1802 г. Умер Тизенгаузен в 1815 г., будучи обер-гофмаршалом императорского двора.

Наконец, еще одно изображение придворного вицмундира, с такими же небольшими галунами, как у Тизенгаузена, но с высоким воротником, как это и полагалось в начале XIX в., дано на портрете дипломата и путешественника, действительного камергера Николая Петровича Резанова (1764–1807). Знаки ордена Св. Анны 1-й степени (лента и звезда) он получил 3 июля 1803 г. Следовательно, портрет относится ко времени между 1803 и 1807 гг.

Все отмеченные наблюдения над портретами придворных чинов в форменном платье убеждают, что мундиры, описанные позже в указе от 11 марта 1831 г., существовали уже в самом начале XIX в. Изображенные на портретах придворные мундиры гражданского покроя вполне соответствуют нормативным рисункам, прилагавшимся к «Положению о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г.

Таким образом, узор мундирного шитья не позволял отличить друг от друга гофмейстера, гофмаршала, церемониймейстера, камергера или камер-юнкера. Мало того, по объему (количеству) шитья мундиры вторых чинов двора оказывались неотличимы от мундиров придворных кавалеров, причем камер-юнкеры имели точно такие же мундиры, какие носили старшие по рангу камергеры. Последние, однако, обладали (как и обер-камергеры) особым знаком отличия в виде золотого ключа, о чем речь шла выше. Некоторые другие придворные чины имели знаки отличия в виде жезлов. У церемониймейстеров жезл имел вид длинной трости черного дерева с шаром из слоновой кости наверху, гербовым орлом и голубым бантом. Тремя ударами жезла о пол они оповещали о начале следующего этапа церемоний. Упоминается и жезл обер-гофмаршала. На картинах можно видеть также жезл в руках министра двора.

Отметим, кстати, что камер-юнкерский парадный мундир А. С. Пушкина, расшитый бранденбурами, сам по себе ничем не отличался от мундиров придворных чинов III класса, в частности, — камергеров. Мундир Пушкина был точно таким, какой изображен на уже упоминавшемся портрете Г. П. Митусова.

Н. П. Резанов в придворном вицмундире, 1803–1807 гг.

В отличие от парадного придворного мундира, вицмундир никак не выделял даже первых чинов двора.

Согласно указу от 11 марта 1831 г. мундиры военного покроя предназначались двум относительно немногочисленным группам придворных чинов — шталмейстерам и егермейстерам. Мундир шталмейстеров шился из темно-зеленого сукна, с красным стоячим воротником, красными же обшлагами, отворотами фалд и выпущками (кантами) «по краям мундиров». Подобен ему мундир егермейстеров, за исключением того, что воротник и обшлага полагались не красные, а темно-зеленые, но с красным кантом. Мундиры шталмейстеров и егермейстеров имели одинаковое золотое шитье в виде фасонной тесьмы, обвиваемой цветочной гирляндой. Обер-шталмейстер и обер-егермейстер имели это шитье в три ряда на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, под ними и по борту, а вдоль фалд и по швам — в один ряд. На мундирах тех же придворных чинов III класса шитье полагалось не в три, а в два ряда, а шитье по швам отсутствовало. На золоченых пуговицах чеканился государственный герб, который у егермейстеров «окружался охотничьим рожком».

Самое раннее изображение придворного мундира военного покроя можно видеть, в частности, на репродукциях портрета обер-шталмейстера графа Николая Александровича Зубова. Ни дата его написания, ни имя художника не известны. Однако согласно архивным документам чин обер-шталмейстера портретированный получил в 1801 г., а в 1803 г. его уволили в отставку (за жестокое обращение с ямщиками), и в 1805 г. он скончался. Таким образом, портрет мог быть написан в 1801–1803 гг.

Такой же мундир изображен на портретах Сергея Ильича Муханова, получившего чин обер-шталмейстера в 1803 г. Оригинал портрета приписывается В. Л. Боровиковскому. На одной из копий с него, хранящейся в Павловском дворце-музее, мы видим на портретированном кресты орденов Св. Анны 1-й степени и Св.

Владимира 2-й степени, а также красную ленту ордена Св. Александра Невского. Награждение орденом Св. Владимира состоялось в мае 1813 г. На другой копии портрета Муханов изображен уже с голубой лентой ордена Св. Андрея Первозванного, который ему пожаловали в 1817 г. Мы полагаем, что ранняя копия портрета Муханова изображает его примерно в 1813–1814 гг.

Названным Положением придворные мундиры вводились в общую систему гражданских мундиров, но на особых основаниях. Шитье придворных мундиров (как и высших разрядов других гражданских мундиров) дополнялось шитьем по спине вокруг воротника. На мундирах, вицмундирах и вновь введенных сюртуках шталмейстеров и егермейстеров полагались теперь погоны из золотого жгута. Специально оговаривалось, что «гофмейстеры и шталмейстеры двора его императорского высочества (Михаила Павловича — младшего брата Николая I. — Л. Ш.) имеют положенное сим званиям шитье при высочайшем дворе, но серебряное».

Помимо парадных мундиров и вицмундиров всем чинам двора полагался мундирный фрак из темно-зеленого сукна, с черным бархатным отложным воротником, а также однобортный сюртук со стоячим суконным

Сюртук шталмейстера и егермейстера. 1834 г.

Мундирный фрак придворных чинов. 1834 г.

воротником и обшлагами «по цвету мундирных», но без шитья. Золоченые матовые пуговицы на фраке имели чеканенные инициалы императора под короной (лишь у егермейстеров, как уже отмечалось, на пуговицах изображен государственный герб, окруженный охотничьим рожком).

В состав форменной одежды придворных чинов входили также белые штаны до колен (носились с белыми же чулками и башмаками, а при мундирах военного покроя — с ботфортами); белые брюки с золотыми лампасами по боковым швам, которые надевались с парадным мундиром в особо торжественных случаях; темно-зеленые брюки с золотыми лампасами, носившиеся с вицмундиром; черные брюки (без лампасов), надевавшиеся с фраком и сюртуком. Наконец, форма придворных чинов дополнялась черной треугольной шляпой и черной же круглой шляпой с полями (носились с вицмундиром и сюртуком). Треугольная шляпа, как и у всех гражданских чинов, имела на правой стороне круглую кокарду из черной, оранжевой и серебряной концентрических полос, которая пересекалась петлицей из золотого витого жгута с пуговицей, и небольшие серебряные плоские кисточки на концах. Шляпа придворных чинов, кроме того, украшалась «золотым шитьем по тому же рисунку и с тем же различием рангов, как на мундирах», а также белым плюмажем.

Одновременно с «Положением о гражданских мундирах» от 27 февраля 1834 г. утверждается «Описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору». По-видимому, эти наряды вводились впервые (в указе от 11 марта 1831 г. о них не упоминалось). Такой наряд состоял из бархатного вечернего платья, имевшего разрез спереди к низу от талии, который открывал юбку из белой материи, «какой кто пожелает». По «хвосту и борту» платья шло золотое шитье, «одинаковое с шитьем парадных мундиров придворных чинов». Аналогичное шитье полагалось «вокруг и напереди юбки». Платье гофмейстерины имело малиновый

цвет, платья статс-дам и камер-фрейлин — зеленый, платья фрейлин — пунцовый. Такие же парадные платья полагались наставницам великих княжон (из синего бархата), фрейлинам великих княгинь (как у фрейлин царицы, но с серебряным шитьем) и фрейлинам великих княжон (из светло-синего бархата). Нормировался и головной убор придворных дам: замужние должны были «иметь повойник или кокошник», а девицы «повязку», — в обоих случаях произвольного цвета, с белой вуалью. Описанный наряд получил название «русского платья». К началу XX в. наряд придворных дам несколько трансформировался. В «Придворном календаре» он описывается так: платье белого атласа, оставившее открытыми оба плеча; бархатный шлейф тех же цветов, как это устанавливалось в 1834 г.; на голове кокошник из того же бархата, а у девиц — повязка.

Покрой платья у прочих дам, приглашаемых ко двору, по закону 1834 г. должен был соответствовать тому же образцу, «как на рисунке показано». Платья эти могли быть «различных цветов, с различным шитьем, кроме, однако же, узора шитья, назначенного для придворных дам».

Кроме парадного платья придворные дамы имели особые знаки отличия: гофмейстерины, статс-дамы, камер-фрейлины — миниатюрные портреты императриц, окруженные бриллиантами, носившиеся на правой стороне груди, а фрейлины — золотые, осыпанные бриллиантами шифры (вензеля императрицы или великих княгинь, при которых фрейлины состояли), увенчанные короной, носившиеся на андреевской голубой ленте на левой стороне корсажа. Обладательницы портретов именовались в быту «портретными дамами».

В царствование Николая I мундирам вообще и придворным мундирам в особенности стало уделяться гораздо больше внимания, чем раньше. В декабре 1826 г. император распорядился, чтобы все придворные чины и кавалеры «при высочайшем дворе были всегда в придворных мундирах». Но и после принятия законов 1831 и

1834 г. их нормы на практике не вполне соблюдались. Уже в начале 1834 г. в придворном ведомстве велась переписка в связи с недовольством Николая I тем, что «некоторые из господ, состоящих на службе в звании камергеров и камер-юнкеров, имеют мундиры разнообразны и не по данной форме». Обер-камергеру Ю. П. Литте поручалось «собрать всех их к себе на смотр» и «объявить им, чтобы они отнюдь не отступали от высочайше утвержденного образцового мундира». Но в 1842 г. такой «смотр» понадобилось провести снова.

Царствование Александра II ознаменовалось новой реформой придворных мундиров, проводившейся второпях и с колебаниями. Сначала в апреле–мае 1855 г. утвердили новый фасон вицмундира. Затем был подготовлен и 10 июля утвержден Александром II рисунок всех разновидностей форменной одежды придворных кавалеров. В законе от 15 августа того же года разъяснялось: «Вместо существующего ныне вицмундира полагается таковой в виде полукафтана, то есть не с фалдами, а с полами, сходящимися напереди». Этим же законом устанавливалось, что «парадный мундир для первых и вторых чинов двора, имеющих таковой гражданского покроя, для церемониймейстеров и состоящих в звании камергеров и камер-юнкеров полагается по образцу французских кафтано́в, то есть с округленными к фалдам бортами, без вырезки под лифом и с округленными же внизу фалдами». К мундирам полагались белые камзолы «с узким по бортам и карманам золотым шитьем». «Парадный же мундир обер-шталмейстеров, обер-егермейстеров, шталмейстеров и егермейстеров, то есть военного покроя, — говорилось далее, — остается без изменения». Закон от 20 февраля 1856 г. «О новой форме одежды придворных чинов» завершил реформу. От идеи введения «французских кафтано́в» решили отказаться. Все парадные мундиры заменялись (как и вицмундиры) полукафтанами (с полами выше колен), однобортными, на девять пуговиц, со скошенным спереди стоячим воротником, с прямыми разрезными обшла-

гами и вертикальными карманными клапанами сзади. Цвет воротников, обшлагов и т. п., а также узор шитья оставались прежними. Поскольку полы удлинялись, шитье или галуны на них продлевались «до конца пол». Сохранялись мундирные фраки и сюртуки, причем последние становились двубортными (у шталмейстеров и егермейстеров с галуном на стоячем воротнике и обшлагах и «витыми погонами»). В апреле 1856 г. придворный мундир гражданского покроя разрешили носить с открытым воротом.

Оформление треугольных шляп 14 апреля 1855 г. дополнительно дифференцировалось. Шитье на шляпах придворных кавалеров несколько уменьшалось — для отличия от шляп вторых чинов двора. Такое же членение по рангам устанавливалось для вновь введенных треугольных шляп к вицмундирам. Кокарда, петлицы и плюмаж (здесь — черный) сохранялись. Но у первых и вторых чинов двора шитье заменялось одинаковым фигурным галуном по верху, которого у церемониймейстеров и придворных кавалеров не имелось. Концы шляп наискосок пересекались лентами: у первых чинов — из золотого галуна, а у вторых чинов и кавалеров — из черного муара с золотыми каймами по краям.

15 августа 1855 г. введены «Правила о ношении придворными чинами установленных форм одежды». Предусматривалось пять видов формы: парадная, праздничная, обыкновенная, будничная (или служебная) и дорожная. Все они складывались из разного сочетания перечисленных нами элементов придворной форменной одежды. Устанавливались «дни и случаи», когда употреблялась каждая из этих форм. Парадный мундир носился только в составе парадной же формы с белыми брюками; в составе праздничной и обыкновенной формы использовался вицмундир соответственно с белыми или темно-зелеными брюками. В особо торжественных случаях парадная форма включала белые укороченные штаны (кюлоты), застегивавшиеся под коленом, которые носились с белыми шелковыми чулками и черными

туфлями. Те, кто имел тонкие ноги, использовали особые накладки. А. А. Мосолов вспоминал: «У придворного чина ноги не должны были быть ни слишком толстыми, ни слишком костлявыми... Сказать правду — некоторые икры не всегда оставались там, где им быть полагалось. Особа вдруг нагибалась и начинала поворачивать свою икру, соскользнувшую на перед ноги. Это была своего рода пластическая операция».

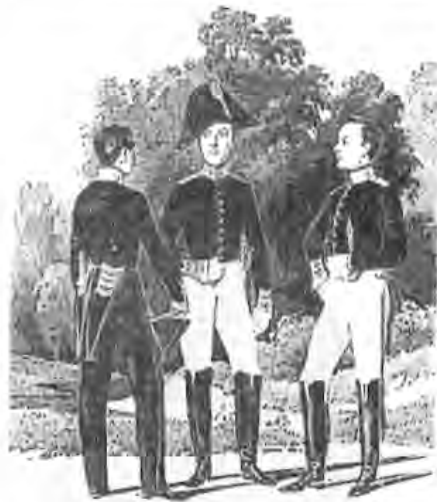
Все правовые акты 1855–1856 гг., касавшиеся придворных мундиров, сопровождалась цветными рисунками. Однако попытка воспроизведения их в Полном собрании законов на этом этапе не осуществилась. Иллюстрации напечатали лишь в черно-белом варианте. В экземпляре Собрания законов из личной библиотеки императоров в Зимнем дворце рисунки раскрашены от руки.

В таком виде придворные мундиры просуществовали до 1917 г. Лишь законом от 17 августа 1901 г. придворным чинам и кавалерам разрешили «носить форменный сюртук при исполнении служебных обязанностей». В летнее время сюртук мог быть белым, а фуражка к нему — в белом чехле. Для обозначения чинов на сюртуках и пальто вводились погоны (шириной около 4,5 см). У первых и вторых чинов двора они представляли собой трижды переплетенный золотой шнур на черной суконной подложке. Погоны прочих придворных изготавливались из золотого «галуна в виде рогожки по образцу, установленному для гражданских чинов военного ведомства». Чины на них обозначались просветами в галуне и серебряными звездочками. У первых чинов двора на погонах помещались серебряные двуглавые орлы, у прочих чинов — золотые. Лица, имевшие звание статс-секретаря, получили на погоны «серебряный вензель императора». Наконец, чины первых четырех классов получали право иметь на плаще (пальто) красную подкладку, такого же цвета отвороты (лацканы) и выпушки (канты) на обшлагах и заднем хлястике (в других ведомствах до 1904 г. такое право предоставлялось лишь тем, кто имел мундир военного покроя).

До конца своего существования придворный мундир (вместе с придворным чином или званием) оставался самой желанной наградой для верхов российского чиновничества. О том, как получение такой награды могло быть добыто и обставлено, рассказывает С. Ю. Витте в своих мемуарах. В январе 1909 г. министром торговли и промышленности был назначен В. И. Тимирязев. Предвидя возможность своей отставки, он оказывал всяческие услуги людям из ближайшего окружения Николая II. В связи со смертью жены в конце того же года Тимирязев сам подал прошение об увольнении с поста министра, предварительно «упросив председателя Совета министров П. А. Столыпина, чтобы он [Тимирязев] был сделан первым чином двора», ссылаясь на то, что просит об этом ради дочери, оставшейся без матери. Мотивировка не казалась странной, поскольку близость ко двору действительно во многих случаях более интересовала женщин, чем мужчин. Ходатайство Столыпина император удовлетворил. Когда последовал приказ о производстве Тимирязева в обер-гофмейстеры, он «сейчас же себе заказал дорогостоящий мундир первого чина двора», в котором и направился в Ялту благодарить. Поскольку чины двора не могли заниматься частной коммерческой службой, он стал добиваться разрешения на такое совмещение, «объясняя, что... должен служить в частных обществах», так как, не имея состояния, «иначе

Граф С. А. Толь в придворном сюртуке с погонами. Начало XX в.

Камер-пажи в парадной форме. Вторая четверть XIX в.

существовать не может». Николай II, однако, решил дело иначе: Тимирязев «уволен в отставку... с производством в действительные тайные советники» — гражданский чин II класса, равный по рангу первому чину двора. С придворным мундиром ему пришлось расстаться...

Существовали разного рода ограничения по ношению придворного мундира, например не дозволялось носить его расстегнутым. Придворным чинам и

кавалерам в царствование Николая I запрещалось отращивать бороду и усы и предписывалось иметь «приличную прическу». В царствование Анны Иоанновны только фрейлинам разрешалось иметь локоны (в виде особой милости такое право получила княжна В. А. Черкасская, не имевшая этого звания).

Об эволюции мундиров чинов Свиты уже рассказано выше. В заключение отметим, что мундиры пажей и камер-пажей появились еще в 1827 г., а в 1852-м были заменены полукафтанами. Они имели военный покрой с тем отличием, что по низу рукавов и вверху по фалдам размещались галунные нашивки (шевроны): на рукавах — по три, а на фалдах — по четыре, аналогично тому, как это было на вицмундирах (гражданского покроя) придворных чинов.

ПРИДВОРНЫЕ ЦЕРЕМОНИАЛЫ И ПРАЗДНЕСТВА

Участие всех военных, гражданских и в первую очередь придворных чинов, кавалеров и дам (а также генералов и офицеров Свиты) в церемониях и празднествах

при дворе определялось главным образом «Положением о выходах при высочайшем дворе, о входе за кавалергардов, о представлении их императорским величествам, о приглашениях на балы и другие при дворе собрания и о старшинстве придворных чинов и званий». Положение утверждено 13 апреля 1858 г., затем изменено в 1899 г. и вновь утверждено в новой редакции 20 августа 1908 г. Эти три редакции существенно отличаются друг от друга, хотя все они в некоторых частях не вполне ясны для современного читателя.

Выходом называлось торжественное шествие членов императорской фамилии из внутренних апартаментов в дворцовую церковь или в Тронный зал (в Зимнем дворце — Георгиевский). Выходы разделялись на большие и малые. Первые назначались по случаю «больших церковных праздников и в торжественные дни», когда процессия направлялась в собор Зимнего дворца, вторые — в те же дни (по назначению), а также «в обыкновенные праздники и воскресные дни» — в малую церковь дворца. К числу праздников относились и именины членов императорской фамилии.

Во время пребывания царской семьи в других дворцах большие и малые выходы следовали в церкви этих дворцов. В Зимнем дворце перед началом шествия члены императорской фамилии собирались в Малахитовом зале (ближайшем в апартаментах «половины его величества» к парадным залам), затем по старшинству (в соответствии с правом на престолонаследие) шли в церковь. Во время больших выходов в Зимнем дворце процессия следовала через парадные залы: Концертный, Николаевский, Аванзал, Фельдмаршальский, Петровский, Гербовый, Пикетный. В этих выходах, помимо императорской фамилии, принимали участие придворные чины, кавалеры и дамы. Придворные чины и кавалеры пользовались привилегией открывать это шествие, а придворные дамы замыкали его. При малых выходах в шествии принимали участие лишь члены императорской фамилии.

Кроме непосредственно участвовавших в шествиях, на выходы приглашался точно установленный круг лиц. На малых выходах присутствовали придворные дамы (причем из числа фрейлин императриц лишь свитные), первые чины двора, генералы и офицеры Свиты, а из вторых чинов двора — лишь некоторые (среди них обер-церемониймейстер и гофмаршал). До 1908 г. приглашались также члены Государственного совета, министры и находившиеся в Петербурге генерал-губернаторы и командующие военными округами. Круг приглашаемых на большие выходы был значительно шире. В залах по пути шествия собирались по особым повесткам в строгом соответствии с рангами лица, имевшие высшие гражданские звания, генералы и офицеры Свиты, гвардии, армии и флота (офицеры частей, находившихся в Петербурге, приглашались в порядке постепенности), а также гражданские сановники первых четырех классов (до 1908 г. также и V класса). Их жены и дочери могли присутствовать на выходе, если были представлены императрице. Иногда на выходы приглашались городские головы и купцы I-й гильдии. В особо торжественных случаях приглашались высшее духовенство и дипломатический корпус. На выходы (как и на другие церемонии и балы при дворе) выделялся необходимый комплект камер-пажей и пажей. Во время больших выходов в Николаевском зале, ближайшем к внутренним апартаментам, выстраивался пикет от Кавалергардского полка. Находиться в зале «за кавалергардами» (то есть ближе к императорской фамилии) до начала шествия и при его возвращении считалось важной привилегией, ею пользовались, помимо участвовавших в шествии придворных дам, чинов двора и придворных кавалеров, статс-секретари его величества и кавалеры двух высших орденов — Андрея Первозванного и Георгия 1-й и 2-й степеней, а до 1908 г. также и члены Государственного совета, сенаторы и почетные опекуны. Ко времени возвращения шествия в зале «за кавалергардами» выстраивались все названные лица (кроме участвовавших

в шествии), а также офицеры Кавалергардского полка. В некоторых случаях «их величества» останавливались для беседы с присутствовавшими. Обычно об этом было известно заранее. Тогда в зал собирались, кроме указанных выше персон, лица, состоявшие в Свите, генерал-губернаторы и военные губернаторы, генералы и гражданские чиновники I и II классов, а после 1908 г. также члены Государственного совета, сенаторы, почетные опекуны, министры, главноуправляющие, председатель Государственной думы и государственный секретарь. Таким образом, для чинов ниже II класса получение званий статс-секретаря, члена Государственного совета и сенатора означало досрочное, так сказать, получение права на вход «за кавалергардов».

Помимо парадных выходов, существовали и парадные выезды: 6 августа — в день Преображения Господня — в Преображенский собор; 30 августа — в день праздника ордена Александра Невского — в Александровскую лавру; для встречи невест высочайших особ; на освящение храмов, на смотр войск и военные праздники в столице.

Присутствие на выходах было малоинтересно и изнурительно, поэтому имели место многие случаи, когда обязанные быть на них уклонялись от этого. В частности, в 1834 г. Николай I сделал замечание по поводу того, что некоторые камергеры и камер-юнкеры не явились 14 апреля на выход в связи с всеобщим бдением. Нередко случались нарушения этикета присутствовавшими на выходах, особенно разговоры и шум, даже в церкви. Так, в 1749 г. императрица Елизавета Петровна «изволила указать», что «во время божественной службы в придворной... церкви, ежели кто, какого чина и достоинства ни был, будет с кем разговаривать, на тех надевать цепи с ящичками, какие обыкновенно бывают в приходских церквях, которые для того нарочно заказывать сделать вновь».

Екатерина II возобновила это распоряжение. Но и Александр II в январе 1863 г. имел основание выразить

неудовольствие в связи с тем, что «при совершении бракосочетания ее императорского высочества княжны Марии Максимилиановны с его великогерцогским высочеством принцем баденским присутствовавшие в церкви позволяли себе разговаривать между собой, отчего происходил такой шум, что едва было слышно богослужение» (Н. Е. Волков).

Во второй половине XIX в. все чаще отмечались меньшая торжественность дворцовых церемоний и падение их престижа. П. А. Валуев записал в дневнике об одном из больших выходов: «...Толпа красных от жара сановников, малочисленность присутствовавших дам, возрастающий легион неизвестных или новых церемониймейстеров, камергеров и камер-юнкеров, отсутствие всякого видимого участия со стороны всего присутствовавшего собрания <...> Двор — не то, чем он был прежде». Неоднократно приемы при дворе сравнивались с биржей, когда удавалось встретить сразу много нужных людей и переговорить с ними, уладить дела.

На большие балы в Зимнем дворце приглашалось по 2 тыс. человек. Круг приглашенных определялся чинами. Помимо придворных чинов, кавалеров и дам, присутствовал широкий круг генералов и офицеров (VII класса и ниже — по особым спискам), гражданских чинов I—III классов (иногда IV), георгиевские кавалеры, начальники губерний, предводители дворянства и председатели земских управ (находившиеся в Петербурге), а также супруги и дочери тех из этих лиц, которые имели чин IV класса и выше, супруги полковников и бывшие фрейлины (с мужьями).

Непременным условием приглашения на придворные балы для мужчин было обладание формальным правом быть представленным императору, а для дам — предварительное фактическое представление императрицам. Право представления «их величествам» в первую очередь давалось придворным чинам, кавалерам и дамам, а затем военным и гражданским чинам первых четырех классов, полковникам гвардии, занимавшим

должности IV класса, и некоторым другим категориям лиц (после 1908 г. также членам Государственной думы и Государственного совета). Из числа дам этим правом пользовались супруги и дочери всех придворных чинов и кавалеров (после 1908 г. и их вдовы); бывшие фрейлины; супруги, вдовы и дочери «особ первых четырех классов»; супруги флигель-адъютантов (после 1908 г. также их вдовы и дочери) и некоторых полковников и капитанов 1-го ранга. Для военных и гражданских чинов высших классов было принято представляться императору по случаю назначения на должность, награждения, отъезда и по другим поводам.

Вот как описывает С. Ю. Витте свое первое представление Александру III в 1891 г.: «Как только я приехал в Петербург и занял место директора Департамента железнодорожных дел, то по принятому порядку я должен был явиться к государю... Я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно... Был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд... По приезде в Гатчину... всех приезжающих повезли в гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели... в приемную комнату. Причем, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он... занимал средний этаж... — совсем низкий, с маленькими комнатами. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император, один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенной. Он своей тяжелой поступью... последовательно подходил к каждому по порядку... и каждому сказал несколько слов... Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти... По обыкновению были приготовлены столы для завтрака... Делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое)...»

Лишь названные категории лиц, пользовавшиеся общим наименованием «имеющих право приезда ко Двору» или «имеющих право быть представленными ко Двору», могли приглашаться на «балы и другие собрания» при дворе. Даже представление императорской чете частным образом (в обход официального порядка) не давало права на такие приглашения.

Чтобы дать читателю представление об упоминавшихся «повестках» — официальных приглашениях во дворец для участия в церемониях или празднествах, приведем полный текст двух из них.

Первая адресовалась К. П. Победоносцеву:

«От двора его императорского величества объявляется господам статс-дамам, камер-фрейлинам, гофмейстеринам, фрейлинам, господам придворным и всем ко двору приезд имеющим. Его императорское величество высочайше повелеть соизволил: в будущее воскресенье, 1-го числа января 1889 года, в день наступающего Нового года и празднования рождения его императорского высочества великого князя Алексея Александровича, иметь приезд в Зимний его императорского величества дворец к божественной литургии и для принесения поздравлений их императорским величествам и их императорским высочествам знатным обою пола особам, гвардии, армии и флота генералам, штаб- и обер-офицерам, губернскому и уездным предводителям дворянства С.-Петербургской губернии, господам чужестранным послам и посланникам, также с.-петербургскому городскому голове, российскому и иностранному почетному купечеству, и прибыть: российским в 11, а чужестранным послам и посланникам в 12 часов дня. Дамам быть в русском платье, а кавалерам в парадной форме; собираться же особам, имеющим вход за кавалергардов, — в Концертном зале, военным генералам, штаб- и обер-офицерам — в Николаевском зале и Аванзале, чужестранным послам и посланникам — в зале Петра Великого, городским да-

мам и гражданским чинам — в Гербовом зале, городскому голове и купечеству — в Фельдмаршальском зале.

Кавалеры ордена св. апостола Андрея Первозванного имеют на себе цепь сего ордена.

27 декабря 1888 года. Камер-фурьер Леонтьев».

Вторая «повестка» (приглашение в Зимний дворец) предназначалась С. Ю. Витте:

«Его высокопревосходительству Сергею Юльевичу Витте, господину министру финансов.

По повелению их императорских величеств обер-гофмаршал имеет честь известить о приглашении Вас во вторник 15-го сего января к 9 часам на бал в Николаевском зале Зимнего дворца.

Дамы в длинных вырезных платьях.

Кавалеры: военные и гражданские в парадной форме и лентах; придворные чины и кавалеры, кому следует, в чулках и башмаках.

Примечание. В случае невозможности быть на бале просят непременно уведомить Церемониальную часть Гофмаршальского управления (Зимний дворец. Министерский подъезд, с набережной).

С.-Петербург, 7 января 1902 г.»

В «повестках» оговаривался и порядок съезда гостей:

«Для съезда приглашенных особ на бал к их величествам в Концертном зале будут открыты следующие подъезды:

Его Величества (Салтыковский) — для статс-дам и членов Государственного совета, министров и первых чинов двора с их супругами и дочерьми, особ дипломатического корпуса, гофмейстерин и фрейлин их высочеств великих княгинь. Для съезда на Салтыковский подъезд экипажи направляются со стороны Дворцовой площади, но не с набережной.

Ее Величества — для городских фрейлин, городских дам, вторых чинов двора, придворных кавалеров, сенаторов, статс-секретарей, почетных опекунов, особ

военной свиты его величества и адъютантов их высочеств великих князей.

Комендантский — для генералов, штаб- и обер-офицеров и гражданских чинов (без дам).

Январь 1903 г.»

Возможность посещения придворных торжеств обуславливалась наличием мундира. Собственно придворный мундир из-за обилия на нем золотого шитья был настолько дорогим, что не все придворные кавалеры могли его приобрести или воспользоваться им. Некто Кошелев был отчислен в 1834 г. из камер-юнкеров «за неимением мундира». Как сообщает К. Ф. Головин, музыкальный критик и композитор, член Управления по делам печати Ф. И. Толстой по случаю назначения гофмейстером представлялся великому князю Константину Николаевичу в таком «полиялом мундире, едва ли сходящем с его плеч лет 25 или более» (ранее Толстой числился камер-юнкером), что князь едко заметил: «По Вашему мундиру не видно, что Вы только что назначены».

Одно из важных назначений разного рода придворных торжеств и церемоний заключалось в создании возможности легального неслужебного общения императора и подданных в лице представителей высших слоев военного и гражданского чиновничества, а также всех придворных и свитских. Но такое общение было, с одной стороны, слишком кратким и случайным, а с другой — не распространялось на очень значительный круг деятелей искусств, ученых и других лиц, не имевших формальных прав по чину и званию быть приглашенными во дворец. Скажем, М. В. Островский — министр государственных имуществ, а затем председатель Департамента законов Государственного совета не только имел еженедельные доклады по службе у императора, но и приглашался на все празднества и церемонии при дворе. А его брат — драматург А. Н. Островский — вряд ли был лично знаком с императором. Недостаток в общении с такого рода людьми испытывали многие члены

императорской фамилии. Измысливались разные способы, чтобы сделать такое общение возможным в обход этикета, но и не очень его нарушая.

Сохранились любопытные воспоминания о том, каким образом обходились такого рода ограничения женой великого князя Михаила Павловича Еленой Павловной (1806–1873), сыгравшей видную роль в развитии русской культуры середины XIX в. Вот что пишет один из крупных чиновников Министерства финансов — Ф. Г. Тернер: «Живо интересуясь всем, что происходило в мире не только политическом, но и ученом, артистическом и литературном, великая княгиня Елена Павловна желала знакомиться с выдающимися учеными, артистами и литераторами. Но так как придворный этикет допускал ко двору только известных титулованных и чиновных лиц и притом требовал большой сдержанности в обращении, то великая княгиня, не желая себя стеснять в этом отношении, придумала устроить приемные вечера у княжны Львовой», гофмейстерины своего двора, «в салонах последней, куда можно было приглашать от имени княжны всех лиц, которых великая княгиня желала видеть и с которыми она желала беседовать совсем непринужденно... Великая княгиня приходила обыкновенно после начала собрания, садилась где-нибудь в стороне, и к ней подзывались то один, то другой из посетителей для интимного разговора». Тернер сам принимал участие в этих вечерах и полагал, что имя Львовой «останется в истории вследствие происшедших у нее вечеров... имевших историческое значение для того времени». Другой участник вечеров у великой княгини в Михайловском дворце и Павловске, князь Д. А. Оболенский (товарищ председателя Петербургской гражданской палаты), также вспоминает, что «все лучшие представители молодого поколения, чем-нибудь обратившие на себя внимание, приглашались к княжне Львовой на вечера, которые... обратились... в постоянные еженедельные собрания». Любопытны и характерны свидетельства Оболенского о впечатлениях Елены

Павловны о жизни двора: «С негодованием отзывалась она о пустоте и мелочности интересов придворной жизни, об отсутствии мысли и всякого желания узнать и понять нужды края, об общем равнодушии, пустом безжизненном формализме, губящем все».

Аналогичные приемы устраивала камер-фрейлина графиня Е. Ф. Тизенгаузен (внучка М. И. Кутузова по женской линии) в своих апартаментах в Зимнем дворце. К. Ф. Головин свидетельствует в своих воспоминаниях, что этот салон «никогда не оставался пустым» и заслуживал того, «чтобы о нем вспомнить». По вторникам устраивала вечера графиня Н. Д. Протасова, которая «в качестве гофмейстерины императрицы считалась первой дамой» в Петербурге. Несмотря на внешнюю неприглядность графини, «на ее вторниках всегда бывала толпа» — «весь Петербург ездил на поклонение».

МУНДИРЫ ЧИНОВНИКОВ МИНИСТЕРСТВА ИМПЕРАТОРСКОГО ДВОРА

Как уже отмечалось, обслуживание нужд императорского двора возлагалось на ряд учреждений Министерства императорского двора. Чиновники этих учреждений имели общегражданские чины и особые (гражданские же) мундиры. В большей части они возникли еще в начале XIX в. Первыми, 8 июля 1805 г., их получили те, кто служил в Департаменте уделов, который ведал землями и крестьянами, принадлежавшими императорской фамилии. В законе, проект которого был представлен министром уделов, говорилось: «Высочайше утвержден для чиновников, служащих в Департаменте уделов и подведомственных ему удельных экспедициях [на местах], мундир по приложенному рисунку и описанию, а именно: кафтан обыкновенного покроя статских мундиров, темно-зеленого сукна, с таковой же подкладкой, карманы с прямыми клапанами, воротник стоячий суконный же темно-кофейного или земляного цвета; обшлага такие же без пуговиц, разрезные по шву». Уже

через три года цвет воротника и обшлагов заменяется на темно-зеленый, а золотое шитье на них усложнено. Теперь у старших чинов оно изображало гирлянду из хлебных колосьев и васильков по переднему и верхнему краям воротника и по верху обшлагов; по нижнему краю воротника шел бордюр растительного характера. На воротниках мундиров чиновников средних рангов бордюра не было; у младших, наоборот, на воротнике вышивался только бордюр (кругом). По закону 1834 г. узор шитья сохранялся, только бордюр перемещался на передний и верхний края воротника и на верх обшлагов. Старшим чиновникам полагалась «шляпа трехугольная с бантом», цвет которого не оговаривался; младшим чиновникам, имевшим мундир «без всякой вышивки», — «шляпа круглая». Подробно разъяснялся вид пуговиц: «Герб на пуговицах изображает орла российского с вензелевым именем императорского величества... Орел представлен сидящим на двух снопах,значающих главный предмет, на котором основаны доходы Департамента уделов». В этом же смысле толковался и «знак, вышитый на воротнике и обшлагах мундира», то есть колосья.

22 марта 1809 г. мундиры вводятся для чиновников другого важного учреждения придворного ведомства — Кабинета его величества, который ведал имуществом императора. В частности же, Кабинет осуществлял разного рода ценные подарки от имени императора. Александр I утвердил рисунки и описание таких мундиров: «кафтан обыкновенного покроя статских мундиров темно-зеленого сукна с таковой же подкладкой, с прямыми на карманах клапанами, воротник стоячий суконный синего цвета, обшлага такие же неразрезные, с пуговицами, камзол и нижнее платье белые суконные... Пуговицы на кафтане и прочем платье медные позолоченные с вензелевым именем его императорского величества под короной. Шляпа трехугольная с бантом, шпага с темляком». Управляющий и все классные чиновники Кабинета имели золотое шитье на воротнике и обшлагах,

объем которого у чиновников младших должностей сокращался. В полном виде шитье представляло собой полосу из наклонно положенных слегка изогнутых узких листьев с «горошинами» сверху и снизу и кантом из таких же «горошин» между двумя золотыми каемками. Смысл узора шитья на этот раз не разъяснился.

Мундир управляющего Кабинетом образца 1809 г. можно видеть на портрете Д. А. Гурьева работы неизвестного художника.

Дмитрий Александрович Гурьев родился в 1751 г. в родовитой дворянской семье. Получил домашнее образование. Службу начал в 1772 г. Покровительствуемый П. М. Скавронским (внуком брата Екатерины I) и князем Г. А. Потемкиным, он довольно успешно делал служебную карьеру в Сенате, которая, однако, прервалась в 1800 г. увольнением. Женитьба на графине Салтыковой способствовала сближению его с аристократическими фамилиями. В 1784 г. Гурьев получает чин камер-юнкера, в 1794 г. — звание церемониймейстера, а в январе 1795 г. — чин действительного камергера. Вскоре после воцарения Александра I он назначается управляющим Кабинетом его величества. Будучи человеком ловким, Гурьев примкнул к друзьям юного Александра I — Н. Н. Новосильцову, В. П. Кочубею, князю А. А. Чарторыжскому. При их содействии в 1802 г. он назначается также товарищем министра финансов, а в 1806 г. еще и главой Департамента уделов. Это, естественно, дает ему независимость и влияние. 1 января 1810 г. Гурьев получает пост министра финансов. Руководство финансовым ведомством пришлось на очень трудное время Отечественной войны 1812 г. и ликвидации ее экономических последствий. Несмотря на шквал упреков в адрес министра финансов, Александр I в 1819 г. пожаловал ему графский титул. В 1823 г. Гурьев покинул пост министра финансов, сохранив, однако, за собой другие должности. Его официальный титул на этот год формулировался так: действительный тайный советник, член Государственного совета, сенатор, министр

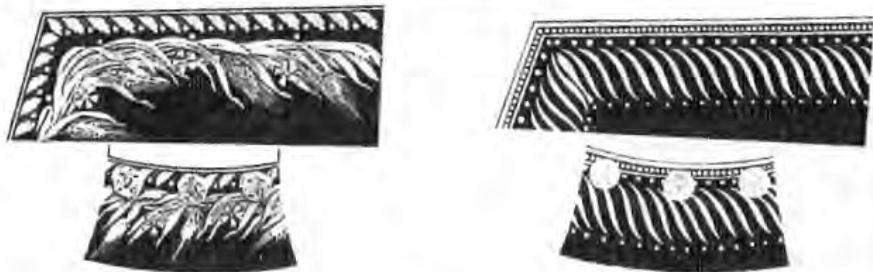
уделов, управляющий Кабинетом его величества, действительный кавалер орденов Св. Андрея Первозванного, Св. Александра Невского, Св. Владимира 1-й степени, Св. Анны 1-й степени и прусских орденов Черного Орла и Красного Орла.

22 января 1820 г. в придворном ведомстве появился новый мундир — на этот раз для чиновников конюшенной части, имевший военный покров: «темно-зеленый, с красным суконным воротником, обшлагами, отворотами на фалдах и выпушками по краям мундира и около карманных клапанов». «Подобным во всем конюшенному» был и мундир егермейстерской службы (точное время его появления не известно), но воротник и обшлага у него были темно-зеленые. Золотое шитье на обоих мундирах состояло из канта с бордюром в виде перевитого шнура и петлиц («катушек») на воротнике, обшлагах и карманных клапанах. «Позволялось в ненастное время... сверх мундира иметь сюртук, такой же, как мундир, но без шитья».

Мундиры для прочих чиновников «по части управления высочайшего двора» были установлены в апреле того же года: из темно-зеленого сукна с алыми суконными воротниками и обшлагами и с золотым шитьем. Узор этого шитья известен лишь по рисункам 1831 г., относительно которых тогда отмечалось, что они изображают «шитье золотое по образцу прежде [26 апреля 1820 г.] утвержденного шитья на мундирах Гоф-интендантской конторы». Пуговицы сначала полагались «золоченые гладкие», а после 1831 г. — с изображением государственного герба под короной.

Законом от 11 марта 1831 г. для всех мундиров гражданских чиновников придворного ведомства впервые устанавливалось десятиразрядное членение по рангам (разрядам), которое в 1834 г. было принято для всех гражданских мундиров. При этом управляющий Кабинетом его величества и директор Департамента уделов получили мундиры 3-го разряда с шитьем по бортам и фалдам.

Воротник и обшлаг мундиров чинов Удельного ведомства и Кабинета его величества

Существовавшим при «всех заведениях Министерства Императорского двора» полицеймейстерам «Положением о гражданских мундирах» 1834 г. предписывалось «носить общий мундир: темно-зеленый, военного покроя», с красными воротником, обшлагами, подкладкой и отворотами на фалдах, с серебряными петлицами и пуговицами «с гербами по форме того ведения, к которому принадлежат». Такой же мундир полагался полицейским чиновникам в Царском Селе, Гатчине, Петергофе и Павловске. Различие заключалось лишь в чеканном изображении на пуговицах:

«...у царскосельских — герба Царского Села, то есть с вензелевым именем императрицы Екатерины II под короной в щите;

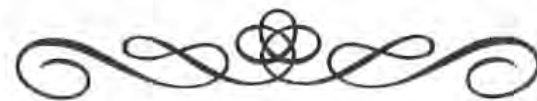
у гатчинских — вензелевого имени императора Павла I под короной;

у петергофских — герба Петергофа, то есть с вензелевым именем императора Петра I под короной в щите;

а у павловских — двуглавого орла под короной, имеющего на груди в лучах мальтийского креста щит с двойным вензелем императора Павла I и императрицы Марии».

Брюки предписывалось иметь темно-зеленые, «с красной прошвой» и носить их «сверх сапог».

В дальнейшем, с 1850-х до 1910-х гг., форменная одежда чиновников придворного ведомства эволюционировала в том же направлении, что и общегражданская.

ОРДЕНСКИЕ ЗНАКИ И ОДЕЯНИЯ

ФОРМИРОВАНИЕ СИСТЕМЫ ОРДЕНОВ

Как уже отмечалось, орденские знаки являлись не просто обычной принадлежностью большинства военных, гражданских и придворных мундиров, но и означали наличие у их обладателей титула особого рода — титула кавалера орденой корпорации (ordo — сословие, община). Это соответствовало западноевропейской традиции. Первый военно-монашеский орден святого Иоанна Иерусалимского (Крестителя) возник в Палестине еще в XI в. Знаком его был белый, вырезанный из полотна крест, нашиваемый на мантии и головные уборы. Представление о том, что награждение орденом есть проявление почетного пожалования в члены орденой корпорации (деятельность которой обычно направлялась во славу того или другого святого), господствовало при учреждении в России первых орденов и сохранялось примерно до середины XIX в., когда ордена стали рассматриваться только как знак награды при формальном сохранении орденой корпораций. Существование таких корпораций не просто предусматривалось законом, но и обставлялось рядом организационных и правовых норм. Орденой корпорации имели несколько целей, из которых отметим три: деятельность по распространению православия, контроль за соблюдением норм орденой статута и оказание помощи ее членам.

Именно то, что ордена являлись прежде всего знаками принадлежности к орденской корпорации, качественно отличало их, с одной стороны, от наград-подарков в виде денежных выдач, поместий, кубков, шуб, дорогих кафтанов, перстней, табакерок и нагрудных портретов, а с другой — от наградных и памятных знаков, в частности от медалей*.

Первый в России орден — орден Святого апостола Андрея Первозванного — основал Петр I в 1698 г. сразу же после возвращения из заграничного путешествия. О представлениях Петра относительно назначения и принципов организации ордена мы можем судить на основании проекта орденского устава, который не утверждался до конца XVIII в., хотя орден начал функционировать.

Как объяснялось в этом документе, «кавалерский орден» учреждался «в воздаяние и награждение одним за верность, храбрость и разные нам и отечеству оказанные заслуги, а другим — для ободрения ко всяким благородным и геройским добродетелям; ибо ничто столько не поощряет и не воспламеняет человеческое любочестие и славолубие, как явственные знаки и видимое за добродетель воздаяние... Благороднейшие и к чести и славе стремящиеся души обыкли предпочитать уважение, характер, публичное возвышение и знаки монаршей милости, отличающие их от прочих, многим другим награждениям, имениям и подаркам». Подробно обосновывалась как еще не вполне утвердившаяся мысль о том, что заслуги перед государством и монархом могут быть проявлены не только в военной области, но и на гражданской службе, а потому в равной мере должны поощряться и отмечаться.

«Избрание в кавалеры» ордена являлось прерогативой гроссмейстера ордена, коим «на вечные времена» являлся российский государь. Число кавалеров не должно было превышать 24, «дабы от великого множества

* Получение орденских знаков в быту иногда называлось получением кавалерии (это выражение находим, например, в «Ревизоре» Н. В. Гоголя).

кавалеров не пришел сей орден в презрение». Все они должны были быть «благородного, знатного графского или княжеского звания». Кавалерам предписывалось помнить, «что они соединены лентой ордена, подобно крепкими узами согласия и дружелюбия». «Для оказания кавалерам почести» разрешалось, «кроме титула, принадлежащего им по их роду, чину и достоинству», придавать следующие почетные слова: «высокопожалованный, достойный, превосходный, достопочтенный кавалер». Кавалеры ордена получали «старшинство и преимущество» как перед всеми прочими дворянами, в том числе титулованными («боярами, графами и князьями»), так и перед всеми не только равного с ними чина, но и старшего (так, кавалер в чине генерал-майора считался выше «своего генерала»). С появлением Табели о рангах кавалеры ордена были приравнены к ее III классу (к генерал-лейтенантам).

Много внимания в уставе ордена уделялось материальной стороне его организации. Орденская «казна» составлялась из вступительных взносов кавалеров (при «пожаловании... по двести червонных»), доходов от пожертвованных ордену и унаследованных им (в случае отсутствия наследников у умерших кавалеров) поместий и капиталов и т. п. За счет «казны» велась благотворительная деятельность и изготавливались орденские знаки (из драгоценных металлов и камней). В случае смерти кавалера надлежало «отослать орденский знак к казначею ордена» или оплатить его стоимость.

Знаком кавалеров ордена являлось «изображение святого Андрея», распятого на синем косом кресте, с двуглавым орлом на тыльной стороне. Знак носился либо на шее на цепи ювелирной работы, либо у бедра с левой стороны на широкой голубой муаровой ленте, перекинутой через правое плечо. Дополнительный знак кавалеров — серебряная восьмиконечная звезда с крестом на золотом поле в центре (носились на левой стороне груди). На орденской цепи изображался девиз «За веру и верность». Полагалась особая орденская одежда для

разного рода торжеств: епанча с изображением орденской звезды и шляпа.

Уставом предусматривался день орденского праздника, когда все кавалеры должны собираться на торжественное богослужение в орденской церкви. Затем «все кавалеры вместе угощаются на счет орденской казны, а после сего... посещают друг друга в их домах».

Первым кавалером ордена стал генерал-адмирал Ф. А. Головин (1699 г.), вторым — гетман И. С. Мазепа (1700 г.). Сам Петр, как капитан бомбардирской роты, стал шестым кавалером в мае 1703 г. за взятие в бою двух шведских кораблей в устье Невы. Всего при Петре кавалерами ордена стали 24 российских подданных и 14 иностранцев. С появлением других орденов орден Андрея Первозванного оставался высшим.

В память избавления русской армии и самого Петра I от пленения турками во время Прутского похода 1711 г., когда будущая царица Екатерина I «своим присутствием ободряла государя и все русское войско», в 1714 г. учреждается орден Освобождения, вскоре переименованный в орден Святой великомученицы Екатерины. Знаком ордена служил белый эмалевый крест оригинальной формы с четырьмя латинскими буквами на нем, обозначавшими начало слов: «Господи, спаси царя!». Крест носился на левой стороне груди на банте из белой ленты с девизом «За любовь и отечество». Орден имел две степени: большой и малый кресты (с разным количеством украшений). Затем большой крест стал носиться на красной ленте с серебряной каймой через правое плечо. Его дополнила серебряная звезда с изображением серебряного креста на красном поле в центре. Число «кавалерственных дам» большого креста не могло быть более 12, а малого — более 94. С 1856 г. кресты первой степени стали украшаться бриллиантами, а второй — алмазами. Первой из рук Петра I получила орден сама Екатерина. Единственным кавалером ордена был тринадцатилетний мальчик князь А. А. Меншиков — сын А. Д. Меншикова (февраль 1727 г.).

В 1725 г. в связи с перенесением мощей великого князя Александра Невского в Петербург учреждается орден в честь этого святого, причем Екатерина I сама возложила на себя орденские знаки. Это было не самонаграждение, как можно подумать, а вступление в орденскую корпорацию для придания ей авторитета. Знаки ордена состояли из креста красной эмали с двуглавыми орлами между концами и с изображением в середине святого Александра на коне, красной ленты (надевавшейся через левое плечо) и серебряной звезды с вензелем князя в середине и девизом вокруг красного поля — «За труды и отечество». Предельное количество кавалеров не устанавливалось.

После 44-летнего перерыва в 1769 г. возникает новый орден — военный орден Святого великомученика и победоносца Георгия, имевший четыре степени. Он предназначался «единственно» для воинских чинов и давался преимущественно за боевые подвиги. Однако в статуте ордена предусматривалась и другая возможность: поскольку «не всегда верному сыну отечества такие открываются случаи, где его ревность и храбрость блистать может», претендовать на получение ордена могли и те, «кои в полевой службе 25 лет от обер-офицера, а в морской 18 кампаний офицерами служили». Это привело к значительному росту числа кавалеров по выслуге лет. Чтобы сохранить за орденом характер награды исключительно за боевые подвиги, с 1855 г. выслуга лет в армии стала отмечаться орденом Святого Владимира. В 1782 г. учреждается орденская дума (из наличных в столице кавалеров) с правом предварительного рассмотрения представлений к награждению орденом 3-й и 4-й степеней. В декабре 1833 г. утверждается новый статут ордена Святого Георгия с подробным перечислением отличий, которые давали права на награждение им. Знаками ордена стали белый эмалевый крест с изображением в центре святого Георгия на коне, лента из трех черных и двух оранжевых полос и четырехконечная (ромбовидная) вызолоченная звезда с изображением Георгия

в центре и девизом вокруг. Крест 1-й степени носился на ленте через плечо, а 2-й и 3-й — на шее. Две старшие степени дополнялись звездами. Орден 4-й степени носился в петлице либо на левой стороне груди. 1-я степень Георгиевского ордена являлась наградой чрезвычайной, ее имели всего 25 человек (менее, чем высший орден Андрея Первозванного). Вот первые российские кавалеры (до 1829 г.): Екатерина II, П. А. Румянцев-Задунайский, А. Г. Орлов-Чесменский, П. И. Панин (за Бендеры), В. М. Долгоруков-Крымский, Г. А. Потемкин-Таврический, А. В. Суворов-Рымникский, В. Я. Чичагов (за Выборг), Н. В. Репнин (за Мачин на Дунае), М. И. Кутузов-Смоленский, М. Б. Барклай-де-Толли, И. Ф. Паскевич-Эриванский, И. И. Дибич-Забалканский. 2-ю степень ордена получил 121 человек, в том числе за первую мировую войну — 4 военачальника. Третьей степенью награждено всего 638 человек. Все четыре степени ордена Святого Георгия имели только четыре фельдмаршала: Голенищев-Кутузов, Барклай-де-Толли, Паскевич и Дибич. Когда в 1801 г. орденская дума предложила Александру I «возложить» на себя знаки 1-й степени Георгиевского ордена, тот отказался, считая, что не заслужил эту награду. Лишь вернувшись из похода 1805 г., он согласился на 4-ю степень ордена за проявленную «личную храбрость». В 1838 г. Николай I в связи с 25-летием своей службы в офицерских чинах настоял, чтобы вопрос о награждении его орденом Георгия 4-й степени предварительно рассматривался в орденской думе.

С 1849 г. имена георгиевских кавалеров отмечались на мраморных досках в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца в Москве. При Екатерине II вошло в обиход награждение золотым холодным оружием с надписью «За храбрость» и с темляком из георгиевской ленты. Награда эта была редкой и с 1807 г. официально приравнивалась к орденской, а награжденные золотым оружием вносились в общий орденский список. Золо-

тое оружие, украшенное бриллиантами, жаловалось только генералам и адмиралам.

В честь 20-летия царствования Екатерины II в сентябре 1782 г. учреждается орден Святого равноапостольного князя Владимира, разделявшийся на четыре степени. Знаками 1-й степени ордена стали: золотой крест, покрытый красной финифтью с черной каймой по краям, с изображением в центре на горностаевом поле вензелей святого Владимира под великокняжеской короной; лента из трех полос — черного, красного и черного цветов; восьмиконечная звезда с серебряными и золотыми лучами, в середине которой на черном круглом поле изображались крест и буквы С. Р. К. В. Такой же крест меньшего размера на шее (на черно-красной узкой ленте) и такая же звезда обозначали 2-ю степень ордена. Две другие степени имели малый крест, носившийся на шее и в петлице. 4-я степень ордена могла даваться за 35 лет «неотлучной и беспорочной» гражданской службы, а с 1855 г. и за 25 лет военной службы или 18 морских кампаний. С 1789 и до 1855 г. военные получали 4-ю степень ордена с бантом. Согласно статуту ордена 1845 г. он мог жаловаться и лицам купеческого сословия, не состоявшим на государственной службе, с предоставлением им прав потомственного почетного гражданства.

Ордена Георгия и Владимира имели много общего в своей организации. Предельное число их кавалеров не устанавливалось. Статутами обоих предусматривалось награждение за выслугу лет. Ордена возглавлялись кавалерскими думами, которые рассматривали представления о награждении 3-й и 4-й степенями этих орденов и вели списки всех кавалеров. Орденские корпорации имели свои помещения, церкви, казну; для кавалеров орденов назначались пенсионные капиталы.

В апреле 1797 г. Павел I ввел в число российских орденов орден Святой Анны. Он был учрежден еще в 1736 г. герцогом Шлезвиг-Гольштейнским в память о своей супруге — дочери Петра I. Первые буквы слов «Анна — императора Петра дочь» послужили началом латинских

слов орденского девиза «Любящим правду, благочестие и верность». Павел полагал, что этот орден уже «учинился присвоенным Империи всероссийской» в 1742 г. Теперь (в 1797 г.) его разделили на три степени, а в 1815 г. к ним добавили четвертую.

Устанавливались следующие знаки ордена Анны: золотой крест, покрытый красной финифтью, с изображением святой Анны в середине, красная лента с желтой каймой по краям и восьмиконечная звезда с красным крестом посередине, обрамленным девизом. 1-я степень обозначалась крестом на ленте через левое плечо и звездой. 2-я — крестом меньшего размера на узкой ленте на шее. 3-я — малым крестом на узкой ленте в петлице. 4-я степень ордена представляла собой красный финифтевый медальон с крестом и короной, который помещался на рукояти холодного оружия и иногда назывался «клювкой». В июне 1828 г. крест 3-й степени для кавалеров, получивших его за военные подвиги, дополнили бантом из орденской ленты. По статуту 1829 г. на шпаге с орденом Анны 4-й степени стала делаться надпись «За храбрость», а темляк стал изготавливаться из орденской ленты. С 1797 г. две высшие степени ордена могли жаловаться с алмазными украшениями, означавшими «особенную степень награждения». В 1828–1874 гг. знаком «возвышенного достоинства» этих степеней была императорская корона.

В том же году бриллиантовые украшения были введены и к орденам Андрея Первозванного и Александра Невского как знак их высшей степени. Известны случаи, когда награжденные по этическим соображениям отказывались получать столь дорогие украшения (граф А. А. Аракчеев, например, всячески подчеркивавший свою бескорыстность).

В день своей коронации 5 апреля 1797 г. Павел I объединил существующие в России орденские корпорации в единый Российский кавалерский орден, или Кавалерское общество Российской империи. Однако в него не вошли кавалеры орденов Св. Георгия и Св. Владимира

(правда статут первого из этих орденов был подтвержден). Уже при Александре I на одном из первых заседаний Государственного совета было заявлено, что «причиной к приостановлению действия» статуты обоих орденов были допущенные в екатерининское царствование «злоупотребления» при награждении первым из них («вкравшиеся по разным случаям злоупотребления» при «раздаянии орденов Владимира»). По этой причине награждения орденами Георгия и Владимира в павловское царствование вообще не производилось. Совет не стал вдаваться в выяснение справедливости упомянутых обвинений, а в декабре 1801 г. оба ордена были восстановлены «во всей их силе и пространстве».

Российский кавалерский орден делился на четыре класса в соответствии с числом объединенных им орденов. Старшинство их устанавливалось следующее: орден Святого Андрея Первозванного, Екатерины, Александра Невского и Анны (трех степеней). Подтверждалось, что кавалеры высшего ордена считаются в III классе. Все великие князья получали «Российский орден всех наименований», а великие княжны — знаки ордена Святой Екатерины при крещении: князья и княжны императорской крови — по достижении ими совершеннолетия. Право награждения орденом распространялось отныне и на духовных лиц, которые в этом случае считались не кавалерами, а сопричисленными к ордену. Отныне запрещалось самовольное украшение орденских знаков драгоценными камнями и подтверждалась обязательность возвращения орденских знаков в случае смерти кавалера. Для каждого из орденов, объединенных Российским кавалерским орденом, устанавливались дни орденских праздников, особые церкви и специальное парадное одеяние. При Российском ордене учреждались канцелярия (с 1798 г. Капитул орденов) и состав официалов (церемониймейстеров, герольдов, казначеев и т. п.) во главе с канцлером из числа кавалеров ордена Андрея Первозванного. Наконец, кавалеры должны были уплачивать благотворительные взносы при получении

орденов, но вместе с тем «в пользу» их устанавливались разного рода «доходы».

Создание единого Кавалерского общества Российской империи объяснялось тем, что в январе 1797 г. в России была разрешена деятельность ордена Иоанна Иерусалимского, получившего по месту нахождения своей резиденции название Мальтийского. Мера эта мотивировалась Павлом I желанием «доставить... своим подданным, кои могут быть приняты в... Орден, все выгоды, почести и преимущества, от того истекающие». Учреждались два российских приорства Мальтийского ордена — православное и католическое. Кавалерами ордена могли быть лишь лица с дворянской родословной не менее 150 лет. Достоянейшие из кавалеров получали за счет ордена выделенные для этой цели десять поместий — командорств (патронатов), часть доходов с которых передавалась ордену (владельцы таких имений именовались командорами). Те, кто не смог доказать своего 150-летнего дворянского происхождения, могли стать «почетными» (то есть недействительными, не настоящими) кавалерами и командорами ордена. Великий приор и командоры имели исключительное право носить на шее большой орденский крест (так называемый мальтийский — белый эмалевый с раздвоенными концами и «бурбонскими лилиями» между ними) под золоченой короной с богатой арматурой, тогда как все прочие должны были носить малый белый крест в петлице. Почетные кавалеры могли носить малый крест «Благочестие и милость» в петлице. Кресты носились на черной ленте. Для орденских кавалеров в пределах Российского приорства устанавливались (как это делалось и в других приорствах) «особенные мундиры». Почетные кавалеры не имели права носить этот мундир без специального «позволения» российского императора и гротмейстера ордена. О внешнем виде мальтийского орденского мундира мы можем судить лишь по портретам конца XVIII — начала XIX в.: красный длинный кафтан с черными бархатными воротником, лацканами и обшлагами, пуго-

вицами с изображением мальтийского креста, легкими эполетами с кистями и нашитым на левой стороне груди маленьким белым матерчатым мальтийским крестом. Кроме мундира, кавалерам ордена полагалась черная бархатная мантия с белым нашитым мальтийским крестом на левом плече.

После того как в конце декабря 1798 г. Павел I по предложению Мальтийского ордена принял сан его великого магистра и возложил на себя знаки этого сана (рыцарскую мантию, корону, меч и крест) *, деятельность ордена в России расширилась. Манифестом 29 ноября 1798 г. российские дворяне как бы приглашались к вступлению в орден и использованию «открытого... для них нового способа к поощрению честолюбия на распространение подвигов». Число командорств за счет жалующихся ордену сумм увеличивалось до 98.

В 1799 г. было разрешено принятие в орден дворянских детей с уплатой значительных (1200 и 2400 руб.) взносов. Тогда же установлены правила для учреждения родовых командорств за счет самих кавалеров при условии, чтобы командорские имения приносили не менее 3000 руб. «верного дохода» и отчисляли в пользу ордена 10%.

С воцарением Александра I все ордена, включая Георгия и Владимира, снова стали рассматриваться как самостоятельные корпоративные организации (а не как классы единого Российского кавалерского ордена), хотя и подведомственные общему Капитулу. Командорские имения были переданы в казну, а вместо доходов с них орденским кавалерам стали выплачиваться денежные пенсии. В 1803 г. Александр сложил с себя звание магистра Мальтийского ордена, что означало и упразднение в России этого ордена, хотя кавалеры продолжали носить полученные ранее орденские знаки.

* Великий магистр избирался пожизненно и утверждался Папой римским. 15 декабря 1798 г. частный титул магистра был включен в состав императорского титула. Общий титул магистра переводился в России как *ваше преимущество*.

В начале царствования Николая I количество пожалований орденами значительно возросло. Увеличилось и число орденов. Вся орденская система подверглась многочисленным реформам.

В августе 1827 г. учреждается Знак отличия беспорочной службы за 15 и более лет (по пятилетиям) нахождения в классных чинах. Получение знака стало условием награждения очередным орденом. Знак представлял собой позолоченную серебряную квадратную сквозную пряжку с изображением на ней дубового венка и числа лет службы (римской цифрой). Военные носили ее в петлице на георгиевской ленте, а гражданские чиновники — на владимирской. С мая 1859 г., согласно новому статуту, Знак отличия беспорочной службы стал даваться за выслугу не менее 40 лет.

В декабре 1828 г. вводится Мариинский знак отличия беспорочной службы для лиц женского пола за долговременную службу в благотворительных учреждениях. Знак имел две степени и носился на владимирской ленте с бантом на левом плече (1-я степень) и на груди. Собственно знак представлял собой золотой с голубой финифтью крест (1-я степень) или медальон (2-я степень), на которых помещались изображения вензелей имени императрицы Марии Федоровны, венка из дубовых и виноградных листьев и римской цифры, указывающей число лет службы.

После подавления польского восстания в ноябре 1831 г. к числу российских императорских орденов причислили два ордена Царства Польского: Белого Орла (главная эмблема польского герба) и Святого Станислава (считавшегося покровителем Польши). Первый возник еще в 1325 г., второй — в 1765 г. После присоединения Польши к России Александр I стал жаловать эти ордена польским уроженцам.

Знаками ордена Белого Орла служили красный эмалевый с белой окантовкой крест и восьмиконечная золотая звезда. Подложкой для креста служило изображение двуглавого орла под императорской короной;

на крест наложен белый одноглавый орел под польской короной. Крест носился на темно-синей ленте через левое плечо. Орден получил очень высокое место среди российских орденов — вслед за орденом Александра Невского.

Орден Станислава имел статуты 1815, 1829 и 1839 гг. Предусматривалось, что он мог даваться, в частности, за благотворительную деятельность, за учреждение значительных и полезных для страны мануфактур, за неоспоримо полезные открытия в земледелии, торговле, науках, искусствах и ремеслах, а также «за сочинение и обнародование творений, признанных общепользовными». Знаки ордена: золотой крест под красной эмалью и звезда. Каждый из четырех концов креста разделялся надвое и имел в завершении золотые шарики. По краям шла двойная золотая кайма. В середине на круглом щитке белой финифти помещался красный вензель Станислава под зеленым венком. Вокруг щитка по углам креста — четыре золотых двуглавых орла. Крест носился на муаровой ленте красного цвета с двойной белой каймой с каждой стороны. Серебряная звезда с восьмью лучами имела в середине белый круглый щит, обведенный зеленой полосой, с вензелем святого Станислава, украшенным вокруг лавровыми золотыми ветвями. Крест 1-й степени носился у левого бедра; крест 2-й степени — меньшего размера, носился на шее. Крест этот мог быть под императорской короной (возвышенное достоинство) или без нее. Знак 3-й степени — небольшой крест, носился в петлице. В общем порядке старшинства российских орденов орден Святого Станислава следовал за орденом Святой Анны.

Еще в начале XIX в. Александр I причислил к польским орденам знак отличия *Virtuti militari* — знак воинской доблести, учрежденный в Польше в 1792 г. В ноябре 1831 г. Николай I распорядился раздать эти знаки вместо медалей всем генералам и офицерам, участвовавшим в подавлении восстания в Польше. Четыре главные степени ордена имели следующие знаки: 1) золотой крест

с черной эмалью на голубой с черной каймой ленте, надеваемой через плечо, и звезда; 2) такой же крест на узкой ленте для ношения на шее; 3) такой же крест меньшего формата; 4) золотой крест без эмали. В ряду всех других российских орденов считался на последнем месте. После 1832 г. награждения им не производились.

Начиная с 1845 г. при награждении орденами лиц нехристианских вероисповеданий изображения святых на орденских знаках стали в общем порядке заменяться двуглавым орлом или другими символами.

Указом от 5 августа 1855 г. для отличия орденских наград «за военные подвиги против неприятеля» от прочих предписывалось дополнять знаки первых (кроме ордена Георгия) изображением накрест лежащих мечей. На крестах орденов Андрея Первозванного и Белого Орла мечи помещались сверху под короной, а на звездах так, чтобы средний щит покрывал перекрещение мечей. На прочих орденах, пожалованных за военные подвиги, мечи помещались в середине креста и звезды. При получении старших степеней этих же орденов за гражданские заслуги мечи переносились на них — сверху креста и звезды (последнее отменено 3 декабря 1870 г. в связи с разрешением носить орден с мечами низших степеней вместе с высшими без мечей). Одновременно отменялись банты к орденам Владимира 4-й и Анны 3-й степеней, полученным за воинские подвиги. Банты сохранялись только для орденов Георгия и Владимира 4-й степени, полученных за выслугу лет в армии и во флоте. С 15 декабря 1857 г. банты добавлялись к орденам Владимира 4-й, Анны 3-й и Станислава 3-й степеней с мечами, если награды получали военные чины.

Установление 1797 г. исходило из того, что кавалер ордена — это дворянин. Получение ордена недворянином могло быть лишь случаем исключительным и непременно связанным с одновременным получением дворянства. С учетом этого важным новшеством названного акта было введение особого знака отличия в соста-

ве ордена Святой Анны для унтер-офицеров и рядовых, недворян, выслуживших «в войсках... беспорочно и безотлучно двадцать лет». Награжденные аннинским знаком отличия освобождались от телесных наказаний, получали удвоенное жалованье, а затем пенсию «по смерти свою, где бы ни находились». Знак представлял собой вызолоченную серебряную медаль с изображением орденского креста на аннинской ленте в петлицу. В 1864 г. условия получения знака отличия ордена Святой Анны изменены: им стали награждать за небоевые «особые подвиги и заслуги».

В 1807 г. установлен «знак отличия Военного ордена» Святого Георгия, который давался нижним чинам «за заслуги боевые, за храбрость, против неприятеля оказанную» и также предоставлял ряд важных льгот. Знак имел форму серебряного креста с изображением в центре Святого Георгия на коне и носился на георгиевской ленте в петлице. В 1856 г. знак отличия Военного ордена был разделен на четыре степени (золотой, серебряный, золоченый, серебряный и посеребренный кресты). При производстве кавалера знака Военного ордена в офицеры эта награда сохранялась за ним даже при получении ордена Георгия 4-й и прочих степеней.

С середины XIX в. преобладающим становится представление об орденах как о награде орденским знаком, имеющей определенный ранг в орденской иерархии и сопряженной с некоторыми правами и преимуществами. Однако в орденской организации не исчезли и признаки корпоративности. Так, продолжались ежегодные собрания орденских дум, а некоторые из них сохраняли право «окончательного рассмотрения представлений» о награждениях младшими степенями орденов. В связи с чем сами награждения стали приурочиваться к собраниям дум. Посетив в декабре 1880 г. резиденцию думы ордена Святого Владимира, П. А. Валуев характеризовал это учреждение как отжившее. Впрочем, замечает он, «видно, что когда-то оно могло быть почтенным и почитаемым». Регулярно отмечались орденские праздники.

Более торжественно праздновались дни орденов Андрея Первозванного (30 ноября) и Георгия Победоносца (26 ноября), а также установленный в 1797 г. общий орденский праздник в день святого архистратига Михаила (5 апреля). Существовали орденские капиталы, складывавшиеся главным образом из государственных ассигнований и денежных взносов самих кавалеров. За счет этих капиталов назначались пенсии определенному числу кавалеров, дети кавалеров содержались в специальных учебных заведениях и т. п.

В связи с введением в российскую орденскую систему орденов Царства Польского Капитул орденов в 1832 г. переименовали в Капитул императорских и царских орденов. В 1842 г. Капитул вошел в состав Министерства императорского двора, а должность канцлера орденов соединена с должностью министра двора. Еще раньше ее отнесли к I классу по Табели о рангах. Первыми канцлерами орденов стали фельдмаршал князь Н. В. Репнин (1797–1802 гг.), действительный тайный советник I класса князь А. Б. Куракин (1802–1819 гг.), обер-камергер А. Л. Нарышкин (1819–1826 гг.), действительный тайный советник князь Алексей Б. Куракин (1826–1829 гг.), действительный тайный советник I класса князь А. Н. Голицын (1830–1842 гг.), министр императорского двора генерал-фельдмаршал князь П. М. Волконский (1842–1852 гг.). По правилам 1797 г. канцлер назначался из числа кавалеров ордена Андрея Первозванного. Согласно указу 1844 г. он, наоборот, по должности «признавался кавалером» этого ордена.

ОРДЕНСКИЕ ЗНАКИ И ОДЕЯНИЯ

Приведем в систему сказанное ранее об особенностях орденских знаков. В полном варианте они состояли из трех главных элементов: креста, звезды и ленты. Золотые кресты покрывались синей, красной или белой эмалью. В центре их помещался круглый медальон с изображением святого, его вензелей или двуглавого

орла. Некоторые кресты имели подложку ювелирной работы (кресты ордена Андрея Первозванного и Белого Орла размещались на фоне двуглавого орла), дополнялись двуглавыми орлами между лучами, накладывались на перекрещенные мечи или имели императорскую корону сверху. Все кресты — прямые, некоторые из них с расширяющимися и рассеченными концами. Исключением являлся лишь орден Андрея Первозванного, имевший крест с изображением распятого святого. В зависимости от степени ордена кресты отличались по размеру и способу ношения: первые степени носились на бедре (на ленте через плечо), вторые и третьи (Георгия и Владимира) — на шее, низшие — в петлице, на левой стороне груди или на холодном оружии. В 1816 г. размеры орденских крестов Георгия и Владимира (которые награжденные часто сами заказывали у ювелиров) стали нормироваться. Звезда обозначала высшую степень ордена. Исключением являлись звезды орденов Георгия и Владимира, обозначавшие как 1-ю, так и 2-ю их степени.

Звезды изготавливались золотыми, серебряными или комбинированными. Георгиевская золотая звезда имела форму равноугольного ромба (4 луча); владимирская складывалась из золотого и серебряного квадратов, наложенных друг на друга. Звезды могли быть вышитыми на мундире или накладными. В середине звезды помещался круглый медальон с изображением креста, святого или его вензелей и с девизом по окружности. Тексты орденских девизов в прошлом были широко известны. Приводим их ниже:

Орден	Девиз
Андрея Первозванного	За веру и верность
Екатерины	За любовь и отечество
Александра Невского	За труды и отечество
Георгия	За службу и храбрость
Владимира	Польза, честь и слава
Анны	Любящим правду, благочестие и верность
Белого Орла	За веру, царя и закон
Станислава	Награждая, поощряешь

Звезды носились на левой стороне груди, кроме аннинской, носившейся на правой. Звезды на мундирах как знаки высших степеней орденов представлялись современникам чем-то магическим: ими гордились, перед ними преклонялись. Это высмеивал П. И. Вейнберг в своем стихотворении «Взгляд на природу» (1862 г.):

Я люблю смотреть на звезды, —
Но не те, что в горнем мире;
Мне милее те, что светят
На чиновничьем мундире.
Эти Сириусы, Марсы
Для меня смешны и странны;
Мне милее Станиславы,
И Владимиры, и Анны...

Все ордена имели ленты особой расцветки:

Цвет ленты	Орден
Голубая	Андрея Первозванного
Синяя	Белого Орла
Красная	Александра Невского
Красная с серебряной каймой	Екатерины
Красная с двойной белой каймой	Станислава
Красная с желтой каймой	Анны
Красно-черная	Владимира
Оранжево-черная	Георгия
Черная	Иоанна Иерусалимского

Для первых степеней орденов (кроме Иоанна Иерусалимского) полагалась широкая (около 10 см) лента, носимая через плечо — правое или левое (Белого Орла, Александра Невского и Анны), а концы ее скреплялись орденским знаком (крестом) на противоположном бедре. Кресты на шее и в петлице (на груди) носились на соответствующих узких лентах (шириной от 5 до 2 см). Знак ордена Андрея Первозванного в особо торжественных случаях мог носиться и на цепи ювелирной работы, надевавшейся на шею.

Для участия в орденских праздниках и особых церемониях при дворе в 1797 г. кавалерам и официалам российских орденов Андрея Первозванного, Екатерины, Александра Невского и Анны назначались особые одеяния; в 1833 г. такое же одеяние получили кавалеры и официалы ордена Георгия. В конце XVIII — начале XIX в. орденские одеяния становятся излюбленным атрибутом парадного портрета (напомним портрет президента Академии художеств графа А. С. Строганова в одеянии кавалера ордена Андрея Первозванного, 1814 г.).

Одеяние кавалеров ордена Андрея Первозванного (предусмотренное еще проектом устава этого ордена) состояло из длинной епанчи, супервеста (рубахи) и шляпы. Епанча шилась из зеленого бархата, подкладывалась белой тафтой, имела серебряный глазетовый краген (широкий воротник) и завязывалась серебряными шнурами с кистями на концах. На левой стороне нашивалась орденская звезда увеличенного размера. Супервест из серебряного глазета с золотым галуном и такой же бахромой имел нашитый на груди крест. Черная бархатная шляпа украшалась бело-красными перьями и косым крестом из узкой голубой ленты.

Одеяние кавалерственных дам ордена Екатерины включало далматiku (рубаху) из серебряного глазета, вышитую золотом, с золотыми шнурами и кистями, со «шлейфом» (накидкой) из зеленого бархата (причем шлейфы великих княгинь и княжон полагались более длинными), а также шляпу из зеленого бархата, украшенную драгоценными камнями и серебряной вышивкой. Императрица имела, кроме того, зеленую бархатную епанчу с горностаями.

Одеяние кавалеров ордена Александра Невского состояло из епанчи, супервеста и шляпы. Длинная епанча красного бархата имела подкладку из белой тафты и серебряный глазетовый краген. На левой стороне епанчи нашивалась орденская звезда увеличенного размера. Супервест и шляпа были такими же, как у кавалеров ордена Андрея Первозванного, но крест на шляпе нашивался из красной ленты.

Одеяние кавалеров ордена Анны включало в себя епанчу из красного бархата, подложенную тафтой соломённого цвета, с золотым глазетовым крагеном, шнурками и кистями. На правой стороне епанчи вышивалась орденская звезда увеличенного размера. Епанчи кавалеров низших степеней ордена короче. Супервест из серебряного глазета, подобный супервесту ордена Андрея Первозванного, полагался только кавалерам 1-й степени. Одеяние дополнялось шляпой из красного бархата с бело-красными перьями и нашитым крестом.

По статуту ордена Георгия «особое кавалерственное одеяние» состояло из оранжевого бархатного супервеста, обшитого золотой бахромой, с черными широкими бархатными крестами спереди и сзади.

Кавалерам орденов Владимира, Белого Орла и Станислава (всех степеней) специального одеяния не полагалось.

Официалы орденов по закону 1797 г., дополненному в 1830-е гг., также имели торжественные одеяния и знаки отличия.

Канцлер орденов и чиновники Капитула в качестве обычной официальной одежды с декабря 1829 г. имели гражданские мундиры из темно-зеленого сукна с голубыми бархатными воротниками и обшлагами, с серебряным шитьем особого узора и белыми пуговицами с изображением звезды ордена Андрея Первозванного. Знаки ордена Андрея Первозванного канцлер должен был носить только на цепи. В 1833 г. в качестве особого знака своего звания канцлер получил трость черного дерева с белым из слоновой кости набалдашником, сверху которого имелось серебряное с финифтью изображение Андреевского ордена, а по сторонам набалдашника — восемь золотых андреевских крестов с черной финифтью; ниже помещалось золотое кольцо с андреевской лентой. Обер-церемониймейстер всех орденов носил придворный мундир, крест Андрея Первозванного на голубой ленте на шее и имел короткую епанчу зеленого бархата. Церемониймейстеры отдельных орденов

также носили придворные мундиры, кресты соответствующих орденов на шее и короткие епанчи «цветом противу кавалеров». Секретари и герольды носили соответствующие орденские кресты на лентах в петлице. Герольды, кроме того, имели особое праздничное «герольдское одеяние».

Для официалов ордена Святого Станислава (церемониймейстера, секретаря и двух герольдов) статутотом 1839 г. устанавливался официальный знак в виде уменьшенного креста этого ордена 3-й степени, обведенного вокруг двумя золотыми обручами с вензелями святого между ними. Церемониймейстер носил этот знак на шее на ленте 2-й степени ордена, а секретарь и герольды — в петлице на ленте 3-й степени ордена. Аналогичные знаки имели по статуту 1845 г. официалы ордена Святой Анны.

В 1855 г. велась работа по пересмотру одеяний кавалеров и официалов. В частности, предполагалось ввести их для герольдов всех орденов без исключения.

ИЕРАРХИЯ ОРДЕНОВ

Награждение орденами производилось, как правило, «в порядке постепенности» — сначала младшими, затем старшими. Дважды одним и тем же орденом (одного достоинства) не награждали. В связи с этим ордена делились на степени старшинства или имели особые знаки, обозначавшие высшее достоинство ордена. По мере учреждения новых орденов к середине XIX в. сложилась следующая их иерархия:

Орден Андрея Первозванного (с алмазами и без них)
 Георгия 1-й степени
 Владимира 1-й степени
 Александра Невского (с алмазами и без них)
 Орден Белого Орла
 Георгия 2-й степени
 Владимира 2-й степени

Орден Анны 1-й степени (с алмазами, под короной и без них)
 Станислава 1-й степени
 Георгия 3-й степени
 Владимира 3-й степени
 Анны 2-й степени
 Станислава 2-й степени
 Георгия 4-й степени
 Владимира 4-й степени
 Анны 3-й степени
 Станислава 3-й степени

Естественно, что дамский орден Святой Екатерины и орден Георгия находились вне этой иерархии, но они сопоставимы с первыми тремя высшими орденами.

Орденская иерархия явственно выступала в порядке ношения орденских знаков, когда они надевались и размещались на мундире в строго определенной последовательности.

Хотя ордена формально не приравнивались к классам Табели о рангах (кроме ордена Андрея Первозванного, отнесенного к III классу), в позднейших статутах некоторых из них пояснялось место кавалеров среди чиновных особ во время церемоний «при высочайшем дворе и во всех торжественных случаях». Так, кавалеры ордена Владимира двух старших степеней «имели вход... с особами IV класса», а младших степеней — «с особами VI класса» (если они не имели более высокого чина). А кавалеры ордена Георгия двух низших степеней «как при дворе..., так и во всех публичных местах и торжествах имеют вход вместе с полковниками, хотя бы состояли в чинах и ниже полковника». Что касается кавалеров двух высших степеней ордена Георгия, то они имели «вход с генерал-майорами», но вместе с тем пользовались исключительной привилегией — «имели вход при дворе... за кавалергардов».

С другой стороны, возможность получения ордена связывалась с классом чина награждаемого. Так, выс-

шие ордена могли даваться лишь чинам I–III классов; ордена Белого Орла, Владимира 2-й степени и Анны 1-й степени — чинам не ниже IV класса; ордена Станислава 1-й степени и Владимира 3-й степени — не ниже VI класса и т. д. Аналогичным образом орден Георгия 3-й степени давался генералам и полковникам, 2-й степени — только генералам, а 1-й степени — лишь фельдмаршалам и полным генералам. Вместе с тем награждение орденом обычно сокращало срок выслуги следующего чина.

В связи с постоянным значительным увеличением численности чиновников возрастало и общее количество награждений орденами, что вызывало обеспокоенность правительства, которое пыталось разными мерами усилить контроль за правильностью и соразмерностью (по разным ведомствам) представления к наградам. Обеспокоенность эта была связана прежде всего с тем, что пожалование в кавалеры ордена сопровождалось возведением кавалеров в потомственное дворянство. Такой порядок не знал исключений до 30 октября 1826 г., когда ограничили права купечества: при награждении орденом купцы стали получать лишь личное дворянство, а с 1832 г. — потомственное почетное гражданство. Правда, число самих награждений купцов орденами увеличилось. Во многих случаях ордена давали за крупные пожертвования на разного рода цели. А. И. Дельвиг рассказывает, что в середине XIX в. генерал-губернатор Москвы А. А. Закревский попросту требовал от московских купцов пожертвований на благоустройство города. «Известно было, что пожертвовавший получит орден, до чего большая часть купцов были очень падки, а не пожертвовавший подвергнется разного рода преследованиям».

При рассмотрении в 1844 г. вопроса о внесении в Кавалерскую думу ордена Святого Станислава списка представленных к награждению, Комитет министров «усмотрел, что правила статута» этого ордена «даже низшим чиновникам открывают легкий путь к приобретению

потомственного дворянства», тогда как «по важности соединенных с дворянским достоинством прав оно должно быть возмездием отличных заслуг». Признавалось желательным «ограничить прилив нового дворянства» в дворянско-поместное сословие и его, так сказать, разбавление. Последствием этих соображений стали три меры: с июля 1845 г. награждение низшими степенями ордена Станислава вообще прекращалось; награждение низшими тремя степенями ордена Анны давало право лишь личного дворянства; когда в июне 1855 г. пожалование низших степеней ордена Станислава возобновили, оно стало сообщать награжденным только права личного дворянства. Таким образом, потомственное дворянство давалось лишь с ордена Владимира 4-й степени. Сокращение орденских наград отчасти компенсировалось увеличением числа ценных подарков «от Двора» в виде табакерок из драгоценных металлов, перстней с миниатюрными портретами императора и т. п.

С апреля 1874 г. права потомственного дворянства начали распространяться и на детей кавалеров орденов, рожденных до получения отцами потомственного дворянства. Вследствие чего стала значительно быстрее возрастать общая численность дворянского сословия за счет потомков орденских кавалеров. В середине 1880-х гг. в правительственных сферах снова была высказана мысль о необходимости сократить число лиц, получавших потомственное дворянство за службу, и повысить с этой целью соответствующие критерии. В частности, намечалось предоставить право на потомственное дворянство лишь самым высшим орденам, начиная с Владимира 2-й степени (право на дворянство кавалеров низших степеней ордена Георгия под сомнение не ставилось). Однако такое предложение не осуществилось. До начала XX в. потомственное дворянство легче, а поэтому и чаще получало по ордену, нежели по чину. В 1875–1884 гг. права потомственного дворянства 40% лиц получило по чину, а 60% — по ордену; в 1882–1896 гг. соответственно — 28 и 72%. Для получения дававшего на это право

ордена Владимира 4-й степени достаточно было занимать должность не ниже VII класса, находиться в чине этого же класса и иметь 35 лет беспорочной службы. Чин же действительного статского советника, который давал потомственное дворянство гражданским чиновникам, могли иметь только те, кто занимал генеральскую должность V класса и выше. Поэтому с 28 мая 1900 г. потомственное дворянство стало даваться лишь с ордена Владимира 3-й степени.

Сложность орденской системы (как и общей системы наград) была столь велика, что во многих случаях, как это ни парадоксально, определенного строгого порядка в ней просто не усматривалось. Так, министр финансов С. Ю. Витте утверждал в конце XIX в., что «точно определенных правил о наградах не было, поэтому никакой определенности в выдаче наград не существовало. От того или другого влияния министра на государя, от умения его испросить те или другие награды зависело повышение всех служащих, причем в этих повышениях... в значительной степени играло роль личное усмотрение». Стали почти обычными сетования на то, что ордена (и награды вообще) раздаются произвольно, не за заслуги, а просто угодным чиновникам. 1 января 1878 г. обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал наследнику престола (будущему императору Александру III): «Сегодня... в Зимнем дворце я был свидетелем негодования, которое громко выражалось по случаю нынешнего приказа по Морскому ведомству: много наград, а имена тех, кто получил награды, возбуждают негодование. Указывают: такой-то крестил детей у Кузнецовой, такой-то устраивал дела ее, такой-то — любимец Попова и т. п.» (А. В. Кузнецова — любовница генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, а А. А. Попов — видный деятель морского ведомства, поддерживаемый великим князем). А незадолго перед тем Победоносцев писал тому же адресату: «Награды в последнее время потеряли истинную цену и приобрели фальшивую: так много их раздается во все

стороны и без разбора. Без сомнения, легко и приятно раздавать награды щедрою рукой с мыслью о том, что делаешь много счастливых... Право награждать налагает тоже нравственный долг на власть, раздающую награды. Послаблением в наградах можно произвести такую же нравственную распущенность, как и послаблением во взысканиях. И эта распущенность у нас уже дошла до крайности... Всякий, как бы ни был негоден, уже обижается, когда не получает наград. И награду дают человеку для того, чтобы не обиделся, наградою прикрывают в человеке дурное, негодное дело, когда не хотят его обнаружить, награду дают, чтобы потешить человека».

О любопытном случае сообщает в своем дневнике министр внутренних дел П. А. Валуев: он использовал награждение орденом для компрометации князя Г. А. Щербатова — петербургского губернского предводителя дворянства, который, по мнению Валуева, «играл в оппозицию» правительству. «Щербатов сделал мне небольшую сцену по поводу пожалования ему станиславской ленты. Она ему не под стать при игре в оппозицию. Для этого я ее и выпросил».

НАГРАДНЫЕ МЕДАЛИ

В своем функционировании в качестве награды орденские знаки дополнялись наградными медалями (в основном за военные заслуги). Считается, что слово «медаль» происходит от слова «металл». Наградные медали, в том числе офицерские, в виде дисков (круглых или овальных), а затем и крестов, носимых на лентах на шею, в петлицах или на груди слева, появились в России во время Северной войны, затем получили распространение в последней трети XVIII в. Не повторяя того, что уже сказано о важном отличии медалей от орденов, отметим здесь лишь, что и те и другие — почетный знак подвигов или заслуг. Но медаль — низшая награда, как бы младший орден. Для медалей характерно, что они,

в отличие от орденов, более свидетельствовали об участии их обладателей в тех или иных военных кампаниях, отдельных сражениях (как правило, медали имели надписи, пояснявшие, за что они выданы), чем о степени их заслуг.

Особую группу составляли медали для награждения лиц разной сословной принадлежности «за усердие» и «общепользную деятельность» (главным образом в мирное время). На них изображался портрет императора (голова в профиль). Иерархия этих медалей определялась металлом, орденской лентой для ношения и местом ношения медали. Вот их состав:

Место ношения	Металл	Лента
Нагрудная	Серебро	Станиславовская
Нагрудная	Золото	Аннинская
Нашейная	Серебро	Станиславовская
Нашейная	Серебро	Аннинская
Нашейная	Серебро	Владимирская
Нашейная	Серебро	Александровская
Нашейная	Золото	Станиславовская
Нашейная	Золото	Аннинская
Нашейная	Золото	Владимирская
Нашейная	Золото	Александровская

Имевшие полный комплект нашейных золотых медалей получали право на награждение орденом.

Как и мундиры, орденские медали и другие нагрудные знаки привлекали к себе пристальное внимание всех императоров, которые не только лично занимались утверждением всех этих знаков, но и с неослабным вниманием следили за соблюдением всяких правил на этот счет. Внешняя сторона мундирно-орденской системы рассматривалась ими в плане государственной геральдики. Не случайно поэтому, когда в 1855–1856 гг. проводилась работа по пересмотру рисунков российского герба и государственных флагов, много внимания уделялось также орденским знакам и одеяниям.

Городской голова г. Боровичи М. Я. Шульгин в мундире ведомства внутренних дел с должностным знаком на шее и медалями

Неизвестный купец с медалями и орденом Св. Станислава в петлице

А. И. Дельви́г рассказывает в своих воспоминаниях о таком характерном эпизоде. 6 апреля 1866 г. он в качестве инспектора железных дорог провожал императорскую фамилию, переезжавшую из Петербурга в Царское Село. В царской комнате вокзала, затемненной высокими растениями, собралось много народа. Дельви́г заметил, что Александр II, разговаривая с королевой Вюртембергской, «постоянно смотрел» на него, находившегося «в противоположном углу» комнаты. Затем царь, «оставив королеву, быстро подошел» к Дельви́гу и спросил, «какая надета» на нем «серебряная медаль». Тот ответил: «За поход в Венгрию». Далее «произошел следующий разговор:

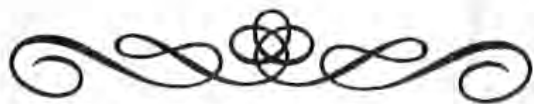
- На какой ленте она носится?
- На соединенных андреевской и владимирской.
- На каких лентах навязана твоя медаль?
- Я не могу видеть этого, но полагаю, что моя медаль висит на означенных двух лентах.
- Подобного сочетания лент, как у тебя на медали, не существует».

Затем, подозвав великого князя Константина Николаевича, император поручил ему «показать надетую на его груди венгерскую медаль и на каких лентах должна она носиться». Оказалось, что медаль Дельви́га «висела на андреевской и аннинской лентах». Далее он разъясняет, что виновником путаницы оказался его камердинер. Но он же признает, что «разница между узенькими ленточками аннинской и владимирской так незначительна, что, конечно, никогда бы я ее не заметил. Тем удивительнее, что государь, стоя далеко от меня в темной, переполненной посетителями комнате, на моей груди, на которой было много медалей, мог заметить на одной из них неправильно навязанную ленточку».

Заметим, что накануне Февральской революции на мундире самого Николая II, кроме лент и звезд высших орденов, на «колодке» было десять наградных и памятных знаков, шесть из которых — медали: крест ордена Св. Владимира 4-й степени, французский Военный крест 1915 г. и медали в память коронации Александра III и его кончины, медали в память 200-летия Полтавской битвы, 100-летия Отечественной войны 1812 г., 300-летия царствования дома Романовых и 200-летия победы при Гангуте; знак датского ордена Данеборг (датского знамени); знак греческого ордена Спасителя.

И в отдельности, и особенно вместе с мундирами ордена, а также медали и другие наградные и памятные знаки представляют собой вполне читаемую знаковую систему, сообщающую много полезных сведений об их обладателях, в том числе о роде службы (военная, морская, гражданская), о ее продолжительности (а вместе с тем и о примерном возрасте), чине и звании, успешности карьеры вообще *.

* Помимо орденов и наградных медалей чаще всего можно было видеть на мундирах знаки об окончании курса в высших и средних военных и гражданских учебных заведениях, появившиеся в 1860-х гг. и особенно распространившиеся в конце XIX в., знаки о службе в определенных воинских частях (полковые знаки), а также юбилейные — памятные медали.

ЛИКВИДАЦИЯ ТИТУЛОВ, МУНДИРОВ И ОРДЕНОВ В 1917 Г.

Сразу же после свержения монархии поздно вечером 1 марта 1917 г. Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов принял приказ № 1, адресованный ко всем солдатам Петроградского гарнизона. Им предписывалось во всех воинских частях создать комитеты «из выборных представителей от нижних чинов». Одно из центральных положений приказа заключалось в том, что «во всех своих политических выступлениях» воинские части подчинялись «Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам». Пункт 6 приказа предусматривал, что «в строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую воинскую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общегражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в тех правах, какими пользуются все граждане. В частности, вставание во фронт и обязательное отдание чести вне службы отменяются». Вместе с тем следующим пунктом отменялось обращение нижних чинов к офицерам с применением общих титулов (ваше превосходительство, ваше благородие и т. п.). Отныне вместо них должны были употребляться лишь частные титулы по чину с добавлением слова господин. Иначе говоря, обращение к офицерам имело такую форму: господин полковник, господин поручик и т. п.

4 марта приказами по военному и морскому ведомствам положения приказа № 1 Петроградского Совета распространялись на всю армию и флот. Одновременно наименование «нижний чин» заменялось наименованиями «солдат» и «матрос». Приказом по морскому ведомству от 16 апреля во флоте отменялись погоны, а с мундиров была устранена символика, связанная с царским режимом (корона, императорские вензеля и пр.).

Уже при образовании Временного правительства Министерство императорского двора было сочтено упраздненным — нового министра в это ведомство не назначили. Но никакого законодательного акта о ликвидации придворного ведомства нам разыскать не удалось. По-видимому, вместе с ликвидацией Министерства двора отменились также придворные чины и звания. Что касается придворных чиновников, то, вероятнее всего, их причислили к гражданским.

Больше определенности в отношении ликвидации свитских званий: 21 марта 1917 г. приказом по военному ведомству упразднялись все «военно-придворные» (так они назывались в приказе) звания генералов Свиты, генерал-адъютантов и флигель-адъютантов.

Все эти изменения (особенно отмена титулования в армии) неизбежно оказали воздействие на практику чиновничества в гражданском ведомстве: она упростилась, значение чинов резко упало, применение общих титулов стало немодным. Назначенный министром юстиции А. Ф. Керенский просил, например, обращаться к нему не по классу должности (ваше превосходительство), а просто «господин министр». Однако поднять руку на систему гражданского чиновничества Временное правительство долго не решалось. Только в августе Министерство юстиции подготовило проект постановления «Об отмене гражданских чинов, орденов и других знаков отличия». В середине сентября такой проект был готов и даже отпечатан типографским способом. Им предусматривалось, что чины и ордена будут сохранены лишь для военных. Права и преимущества гражданских

служащих должны определяться отныне исключительно занимаемой ими должностью. Причем деление последних по классам сохранялось, также как и исчисления старшинства по времени назначения на должность данного класса. Об отмене права чиновников на переход в дворянское сословие ничего не говорилось. Титулование отменялось вообще. Однако проект так и не получил утверждения. Не отменялись и почетные гражданские звания, и родовые титулы. Это было сделано лишь после Октябрьской революции.

8 ноября 1917 г. Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет принял решение об уничтожении сословий и гражданских чинов. Соответствующий декрет 10 ноября утвердил ВЦИК, а 11-го — одобрил СНК и за подписями В. И. Ленина и Я. М. Свердлова его опубликовали. Вот текст основных статей декрета:

«Ст. 1. Все существовавшие доньше в России сословия и сословные деления граждан, сословные привилегии и ограничения, сословные организации и учреждения, а равно и все гражданские чины упраздняются.

Ст. 2. Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеские, графские и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и пр. советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование граждан Российской Республики».

Декрет вступал в силу со дня его опубликования.

Обращает внимание, что отмена гражданских чинов (ст. 2 говорит об уничтожении «наименований гражданских чинов», но имеется в виду, конечно, отмена самих чинов) и родовых титулов осуществлялась вместе с отменой сословий и сопровождалась упразднением всех ранее существовавших для них привилегий. О мундирах и орденах ничего не говорилось, но они, конечно, упразднялись вместе с чинами. Своевременность этого акта и его согласованность со всей системой законодательных мероприятий Советской власти обусловили то,

что его проведение в жизнь не встретило сколько-нибудь серьезных затруднений.

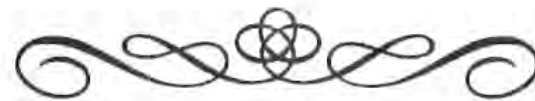
30 ноября 1917 г. Военно-революционный комитет при Ставке разослал телеграмму, в которой предписывал всем воинским частям и учреждениям «впредь до разработки и утверждения положения об армии центральной властью, руководствоваться» перечисленными затем «обязательными началами». Седьмым пунктом упразднялись все «офицерские и классные чины, звания и ордена». Через несколько дней — 3 декабря 1917 г. — приказом по Петроградскому военному округу № 11 упразднялись все военные «чины и звания». Сохранялись лишь наименования должностей. Отменялись и все «наружные знаки отличия» (то есть погоны, кокарды, аксельбанты и т. п.), а также ордена. В обоснование этой меры указывалось, что она санкционирована на заседании Центрального Исполнительного Комитета 10 ноября 1917 г.

Двумя неделями позже отмена военных чинов и орденов была подтверждена во всероссийском масштабе декретом Совета Народных Комиссаров «Об уравнивании всех военнослужащих в правах» от 15 декабря 1917 г. Декрет принят, как указывалось в преамбуле, в осуществление воли «революционного народа о скорейшем и решительном уничтожении всех остатков прежнего неравенства в армии». Декретом предусматривалось упразднение «всех чинов и званий в армии, начиная с ефрейторского и кончая генеральским». Как это и разъяснялось в преамбуле декрета, отмена военных чинов диктовалась политическими соображениями: народу были ненавистны сами слова «офицер» и «генерал», ассоциировавшиеся с представлением о временах царизма, а строгая иерархия чинов затрудняла демократизацию отношений в армии. «Все преимущества, связанные с прежними чинами и званиями, равно как и все наружные отличия, отменяются», — говорилось в декрете. Отменялось также употребление частных титулов

с обращением «господин». Упразднились «все ордена». 16 (29) декабря декрет вступил в силу.

Отметим, наконец, что звания сенатора и члена Государственного совета упразднились декретами Совета Народных Комиссаров соответственно 22 ноября и 14 декабря 1917 г. вместе с ликвидацией Сената и Государственного совета.

Так к середине декабря 1917 г. завершилась ликвидация титулов, мундиров и орденов императорской России, просуществовавших более двух столетий. Однако фактический отказ от титулов проходил не без труда, и еще в официальных документах 1918 г. можно встретить подписи типа «бывший капитан I ранга, бывший граф NN». Понадобилось время, чтобы этот сложный по своей природе, сыгравший важную роль в жизни страны государственно-правовой и общественно-психологический феномен ушел в историческое прошлое.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«Положение о гражданских мундирах», утвержденное Николаем I 27 февраля 1834 г.

Названное Положение было опубликовано 19 марта 1834 г. «при указах следующего содержания: Правительствующий Сенат *слушали* приложение г. министра юстиции, что статс-секретарь Танеев, по высочайшему государя императора повелению препроводил к нему для приведения в исполнение через Правительствующий Сенат: 1) собственноручно утвержденное его императорским величеством в 27 день минувшего февраля Положение о гражданских мундирах со следующими к оному расписаниями... и рисунками мундиров, шитья на них и пуговиц и 2) высочайше утвержденное описание дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору с принадлежащими к оному восемью рисунками. В то же время его императорское величество соизволяет, чтобы дозволено было донашивать мундиры прежней формы в продолжение одного года. О таковой монаршей воле он, г. министр юстиции, предлагает Правительствующему Сенату к надлежащему исполнению, препровождая при том высочайше утвержденные положение и описание со следующими к оным приложениями. *Приказали*: означенных, собственноручно утвержденных его императорским величеством Положения о гражданских мундирах со следующими к оному расписаниями... и описанием дамских нарядов для приезда в торжественные дни к Высочайшему двору, напечатать потребное число экземпляров, разослать для должного исполнения при указах во все губернии и областные правления и правительства, присутственные места, к господам министрам, военным генерал-губернаторам, военным губернаторам, управляющим гражданской частью и гражданским губернаторам; а в Святейший Правительствующий Синод, во все департаменты Правительствующего Сената и общие оных Собрания при ведениях: подлинные же рисунки мундиров, шитья на них и пуговиц, равно рисунки дамских нарядов препроводить господам министрам, главноначальствующим разными частями, каждому по принадлежности, с тем, чтобы они, по снятию с них копий, разослали от себя в подведомственные им места, возвратя подлинные в Правительствующий Сенат для хранения».

Приводим репринтное изображение текстов Положения о гражданских мундирах, Описания дамских нарядов и Описания мундиров. «не входящих в десятиразрядное разделение шитья» на них, опубликованные в Полном собрании законов Российской империи (Первое собрание, том IX. № 6860 и 6861).

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ

169

Февраль

1854

Февраль

Отд. I. — Овъ овцей формъ.

§ 1. Мундиръ означать мѣсто служенія, а также степень званія и должности.

§ 2. Общій покрой Гражданскихъ мундировъ односторонній, съ девятью пуговицами на груди, съ тремя на обшлагахъ, когда они круглые, съ тремя же подъ карманными клапонами и съ двумя на каждой фалдѣ, что составитъ всего двадцать пять пуговицъ, коихъ цѣвь металла и изображеніе на нихъ назначаются по вѣдомствамъ.

§ 3. Въ вѣдомствахъ же, гдѣ по установленной формѣ обшлага на мундирахъ разнѣные, тамъ на оныхъ нашиваются по двѣ пуговицы, какъ напримеръ: на мундирахъ Дворянскихъ, Академіи Художествъ и вѣдомствъ Лѣснаго и шива въ Отдѣленіи Училищъ означенныхъ, коихъ положенъ мундиръ по формѣ Военнаго вѣдомства.

§ 4. Мѣста, бывшія подъ начальствомъ въ Божіе почивающей Императрицы Маріи Оеодоровны, сохраняютъ парадный мундиръ прежній, по избранію Ея Величества установленный.

§ 5. Мѣста, подъ главнымъ начальствомъ Ея Величества Государыни Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ОЕОДОРОВНЫ состоящіа, носятъ мундиръ, сходствующій съ мундиромъ заведеній Императрицы Маріи и описанный подробно въ § 94.

§ 6. Большая часть Гражданскихъ мундировъ темнозеленаго сукна, ибо темносиній цѣвь присвоенъ только Министерству Народнаго Просвѣщенія, мѣстамъ, въ составъ оного входящихъ, Академіи Художествъ, Горному вѣдомству, Гражданскимъ чиновникамъ вѣдомства Путей Сообщенія и Публичныхъ Зданій, и Департамента Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ Исповѣданій; красное же сукно остается для однихъ парадныхъ мундировъ Сенаторовъ.

§ 7. Воротивныя Гражданскихъ мундировъ сточный бархатный, или сукошый, имѣть цѣвь, Томъ IX.

каждому вѣдомству присвоенный, по нижесказанному въ главѣ III-й распределенію. 6860

§ 8. Обшлага вообще должны быть круглые, кромя вѣдомствъ, въ § 5-мъ упомянутыхъ, гдѣ они остаются разнѣнными.

§ 9. Карманные лапоны суконные имѣть подъ цѣвь мундира, равно какъ и подкладку, исключая нѣкоторыхъ мундировъ военнаго покроя, коихъ предоставляемо имѣть подкладку красную, и чинновъ Консульскихъ; имѣющихъ оную вишневаго цѣва.

§ 10. Выкройка мундировъ, ихъ воротничковъ, обшлаговъ и карманныхъ клапоновъ назначается въ рисункахъ каждаго вѣдомства.

§ 11. Мундиры, по формѣ въ предыдущихъ параграфѣхъ описанные, раздѣляются шитьемъ по степенямъ должностей на десять разрядовъ, и отсылаются къ росписанію подъ литерою А. Шитье сіе будетъ золотое или серебряное, согласно Высочайше утвержденнымъ образцамъ. Въ сіе росписаніе не входятъ тѣ вѣдомства и чины, коихъ особое росписаніе подъ литерою Б.

§ 12. При парадномъ мундирѣ чинамъ первымъ пяти разрядовъ въ дни торжественные, или въ собраніяхъ при Высочайшихъ Дворѣ, носить бѣлое короткое исподнее платье, суконное или кашмировое; чулки бѣлые шелковые, и башмаки съ пряжками, которыя, равно какъ и тѣ, коихъ застѣгнуто вверху исподнее платье, должны быть одинакаго металла съ пуговицами мундира; но всегда пріѣздъ бывающаго не ко Двору, то въ торжественные дни дозволяется носить бѣлые суконные панталоны и сапоги, по образцу нѣкоторыхъ Генеральскихъ, съ наводящими шпорами.

Почтоваго вѣдомства, кромя Главноначальствующаго, чинамъ, въ первыхъ пяти разрядахъ состоящимъ, носить зеленые панталоны и сапоги, по образцу нѣкоторыхъ Генеральскихъ, съ наводящими шпорами.

Въ дни траурные надѣвать вице-мундиръ со шлагою, разукля тѣмъ лацканами, которыя оный

22

170

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I

Февраль

1854

Февраль

6860 имѣють, и ежели при семъ случаѣ должно быть въ башмакахъ, то исподнее платье съ мундиромъ и чулки надѣвать черныя съ сѣтвыми пряжками, какъ сказано предъ симъ, а въ глубокой траурѣ имѣть пряжки на исподнемъ платьѣ и башмакахъ черныя, и черныя фляры на лѣвомъ рукавѣ, темнаго, петлицѣ и вѣсточкахъ плаща.

§ 13. Особы высшихъ степеней, по презлонности лѣтъ и слабости здоровья, могутъ, вмѣсто короткаго исподнаго платья и шелковыхъ чулковъ, надѣвать суконные бѣлые, а въ дни траурныя черныя панталоны съ штыбетами сверху башмаковъ.

§ 14. Чиновникамъ послѣднихъ пяти разрядовъ, (то есть 6, 7, 8, 9 и 10), а Горнымъ, Лѣснымъ и Межеваго Корпуса, всѣмъ вообще, носить при мундирахъ, подъ цѣвь оныхъ, суконныя панталоны сверху сапоговъ; въ Почтовомъ и Лѣсномъ со шпорами, прочимъ же безъ оныхъ.

§ 15. Бѣлые суконные панталоны имѣть, за исключеніемъ Почтоваго вѣдомства, только тѣмъ чинамъ, коихъ положены ботфорты или сапоги длинныя, по образцу нѣкоторыхъ Генеральскихъ.

§ 16. Въ дни обыкновенныя, когда слѣдуетъ быть въ мундирахъ, всѣмъ вообще чиновникамъ имѣть суконные панталоны, подъ цѣвь мундира, сверху сапоговъ.

§ 17. Жилеты при парадномъ мундирѣ носить бѣлый, суконной односторонній, съ шестью маленькими пуговицами, съ тѣмъ же изображеніемъ и того же металла, какъ и на мундирѣ; но въ Почтовомъ вѣдомствѣ остается по прежнему шалевый суконный жилетъ.

§ 18. Шапки Придворнымъ и всѣмъ Статскимъ чинамъ имѣть висючія; тѣмъ же, которымъ положено всегдашнее употребленіе при мундирахъ сапоговъ со шпорами, или амфионныя мундиръ по формѣ Военнаго вѣдомства, носить шапки по образцу военныхъ нѣкоторыхъ и въ портувахъ; а Коношеннаго вѣдомства кавалерійскія, и всѣ съ темлякомъ серебрянымъ, исключая Консуловъ, которымъ предоставляется темлякъ золотой.

§ 19. Гражданскіе чиновники, изъ военной службы вышедшіе съ награжденіемъ золотою шапкою съ надписью за храбрость, или ордена Св. Анны 4-й степени, сохраняютъ и при статскомъ мундирѣ военную шапку. Имѣющіе же золотую саблю, или орденъ Св. Анны 4-й степени на саблѣ, при статскомъ мундирѣ носятъ военную кавалерійскую шапку.

§ 20. Шапка въ парадномъ мундирѣ должна быть трехугольная съ серебряными листами и петлицею одинакаго цѣва съ шитьемъ каждаго вѣдомства: золотую или серебряною, которую чинамъ первымъ пяти классовъ имѣть вѣтую на подобіе военныхъ Генеральскихъ; а всѣмъ прочимъ чиновникамъ имѣть сію петлицу изъ гладкаго полумета. Пуговица, оную въ шлѣпѣ прикрывающая, должна быть млодой величины, съ тѣмъ же изображеніемъ, какое и на пуговицахъ мундира.

На С. Петербургской Полиціи остается по прежнему золотая петлица на шлѣпѣ, хотя шитье на мундирѣ серебряное; въ Консулахъ предоставляется имѣть на шлѣпѣ кисти золотыя, и сверху того по сторонамъ золотые шнуры.

§ 21. Копарда на шлѣпѣ подѣ петлицею для всѣхъ одинака, черная, шелковая, съ оранжевою и серебряною полосками, какъ до нынѣ существовала.

§ 22. Пламя на шлѣпахъ имѣть только: первымъ и вторымъ чинамъ Императорскаго Двора, Церемоніймейстерамъ, Камергерамъ и Камеръ-Юнкерамъ, когда они бывають въ Придворныхъ мундирахъ.

§ 23. Придворнымъ чинамъ, Чинамъ Государственнаго Совета, Сенаторамъ и всѣмъ вообще чинамъ первымъ трехъ разрядовъ назначается вице-мундиръ одинакаго покроя съ параднымъ мундиромъ, при шапкѣ и трехугольной шлѣпѣ. О различіи вице-мундировъ Придворныхъ чиновъ и Сенаторовъ объяснено ниже въ §§ 56, 58 и 103-мъ. Различіе вице-мундировъ отъ парадныхъ мундировъ первыхъ трехъ разрядовъ состоитъ въ

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ

171

Февраль

1834

Февраль

томъ, что въсто шитья остается одинъ только шитый бантъ кругомъ воротника, на обшлагахъ и карманныхъ клапонахъ. Для остальныхъ же разрядовъ вице-мундиромъ считать шитья существующие мундирные фраки съ отложными воротниками по положению, для всякаго звѣдства сдѣланному.

§ 24. При сѣхъ мундирныхъ фракахъ носить панталоны суконные одинакаго съ оными цвѣта, сверхъ сапоговъ, а въ лѣтнее время носить бѣлые полотняные панталоны, ашу съ ремешками сверхъ сапоговъ или штابلеть.

§ 25. Форма пуговицы для сѣхъ фраковъ назначена ниже сего по звѣдствамъ; по числу оныхъ опредѣляется слѣдующее: на груди въ два ряда, по шесть въ каждомъ, надъ фалдами сади по одной надъ каждою, и подъ карманными клапонами по три съ каждой стороны, а внизу на фалдахъ по одной на каждой.

§ 26. У мундирныхъ фраковъ обшлага на рукавахъ раздѣльные суконные, одинакаго съ ними цвѣта, кромѣ Почтовыхъ, у коихъ они бархатные, и на оныхъ ставить по двѣ маленькія пуговицы, одинакаго чина съ большими.

§ 27. Жилетъ при сѣхъ фракѣ шить суконный подъ цвѣтъ оного, или бѣлый, по произволу, съ маленькими пуговицами, подобными поставленнымъ на фракѣ; а въ лѣтніе мѣсяцы жилетъ носить изъ бѣлаго тканья, однобортный, о шести обтажкахъ пуговицахъ.

§ 28. При мундирномъ фракѣ шапки не полагаются; а шапку носить круглую, пуховую черную и нескладную.

§ 29. Галстуки, какъ при мундирѣ, такъ и при мундирныхъ фракахъ, шить бѣлые, но при послѣднихъ дозволяется носить и черные шелковые.

§ 30. Класснымъ чиновникамъ, пеходающимъ въ десятъ разрядовъ общаго росписанія лѣт. А о шитьѣ на Гражданскихъ мундирѣхъ и несалюющихъ мѣстѣ, въ росписаніи подъ лѣт. Б помѣщенныхъ, не имѣть другаго мундира, кромѣ

вышеозначеннаго мундирнаго фрака, безъ шапки, съ круглою шляпою и воротникомъ не бархатнымъ, но суконнымъ, одинакаго цвѣта съ прочими чиновниками того звѣдства, гдѣ они служатъ.

§ 31. Всѣмъ вообще Гражданскимъ чиновникамъ для дороги и при произведеніи сѣдѣстій на открытомъ воздухѣ имѣть форменные сюртуки по цвѣту мундирныхъ, съ стоящими воротниками по цвѣту мундирныхъ воротниковъ (кромѣ Губернскихъ), однобортные съ восемью пуговицами, концы на обшлагахъ и на фалдахъ шить число, назначенное для фраковъ, и съ тѣмъ же изображеніемъ, какъ и для оныхъ.

§ 32. Если сюртуки надѣть сверхъ мундира, то шапку имѣть въ раздѣлѣ на крючки, съ лѣвой стороны сюртука для сего сдѣланномъ, и быть въ трехугольной шляпѣ; фуражки при шапкѣ не носить: а въ дорогѣ при сюртукѣ дозволяется носить фуражку суконную, одинакаго съ онымъ цвѣта и съ околышкомъ суконнымъ, подобнымъ воротнику. При сюртукѣ безъ мундира носить черныи шелковый галстукъ безъ выпуска рубашки.

§ 33. Канцелярскимъ служителямъ, офицерскихъ чиновъ несмѣющихъ, во всѣхъ вообще звѣдствахъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ Губерніяхъ, носить сюртуки по образцу военнаго писарей, какъ сіе уже постановлено для Канцелярскихъ служителей Правительствующаго Сѣната.

§ 34. Сюртукамъ сѣмъ быть суконнымъ, съ стоящими суконнымъ воротникомъ, по цвѣту мундирныхъ и воротниковъ всякаго звѣдства.

§ 35. Пуговицы на сюртукахъ нижнихъ чиновъ должны быть бѣлыя, или желтыя, съ изображеніемъ, присвоеннымъ мѣсту ихъ служенія, и такимъ же образомъ сообразоваться въ нашивкѣ по краямъ воротника и обшлаговъ золотого или серебрянаго галуна, который имѣють право носить одни Канцеляристы.

§ 36. Обшлага на сѣхъ сюртукахъ должны

172

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Февраль

1834

Февраль

6860 быть подъ цвѣтъ оныхъ суконные, раздѣльные, съ выпушкою подъ цвѣтъ воротника.

§ 37. Панталоны сверхъ сапоговъ, для сѣхъ Канцелярскихъ служителей назначаются суконные, подъ цвѣтъ сюртука, съ выпушкою по шву, одинакаго цвѣта съ воротникомъ; а въ лѣтніе мѣсяцы носить бѣлые лѣтніе полотняные брюки сверхъ сапоговъ, съ бѣлыми же полотняными помочами подъ подошву сапоговъ.

§ 38. Канцелярскимъ служителямъ, классовъ несмѣющихъ, при форменныхъ сюртукахъ носить фуражки суконныя подъ цвѣтъ сюртука, съ кожаными черными лакированными козырькомъ и суконнымъ подъ цвѣтъ воротника околышкомъ, на носѣхъ спереди изъ гарусныхъ сукровѣхъ нашивать первоначальныя буквы мѣста ихъ служенія. Буквы сіи должны быть бѣлыя въ тѣхъ звѣдствахъ, гдѣ серебряное шитье, и желтыя, гдѣ шитье золотое.

§ 39. Во всѣхъ Присутственныхъ мѣстахъ, начиная съ Государственнаго Сѣната и до низшихъ, во время засѣданій, Предсѣдатель, Члены и Секретари должны быть въ мундирѣхъ или вице-мундирѣхъ, при шапкахъ; прочие Канцелярскіе чиновники въ мундирныхъ фракахъ, а Канцелярскіе служители, классовъ несмѣющихъ, въ форменныхъ сюртукахъ.

§ 40. Чиновникамъ, временно куда либо командированнымъ для оробычъ занятій или въ Комитеты и подобныя мѣста, носить мундиръ того звѣдства или той Губерніи, къ коей командированные чиновники принадлежатъ.

§ 41. Всѣмъ чиновникамъ, внѣ должности не воспрещается носить партикулярное платье по произволу.

§ 42. Мундиръ, должностямъ присвоенный, по выходѣ въ отставку, сохраняютъ, на основаніи Высочайше утвержденаго 3 Октября 1833 года (6409) Положенія Комитета Министровъ, тѣ только чиновники, кои въ послѣднемъ звѣдствѣ ихъ служенія находились средѣ не мѣсте 10 лѣтъ, а при томъ во всѣхъ отношеніяхъ

приняты будутъ достойными сего отавія и получить на то дозволеніе главному ихъ Начальству; прочимъ же, по увольненіи отъ службы, носить мундиръ Губернскій, какъ сказано въ росписаніи лѣт. Б § 21.

Придворнымъ чинамъ, увольняемымъ въ отставку съ мундиромъ, носить только Придворный вице-мундиръ, но безъ галуновъ на рукавахъ и фалдахъ, для отавія отъ служащихъ; параднаго же мундира вовсе имъ не имѣть.

Равнообразно увольняемымъ въ отставку съ мундиромъ Придворнымъ чинамъ Конюшенной и Егермейстерской части, носить только присвоенный имъ вице-мундиръ, но безъ шитья на карманныхъ клапонахъ, для отавія отъ служащихъ. Параднато же мундира вовсе имъ не имѣть, равно какъ не носить и поговоровъ.

§ 43. Мундирный фракъ, носимый и внѣ службы, отавды не долженъ измѣняться въ поворѣ, слѣдуя модѣмъ нынѣшнимъ или будущимъ; но требуется, чтобы оный всегда былъ сходенъ съ образцемъ, который отъ Министра Императорскаго Двора доставленъ въ Придворную Кантору.

Отд. II. — Раздѣленіе шитья по разрядамъ для различія должностей.

§ 44. Чинамъ *перваго* разряда шить полное шитье на воротникѣ и подъ онымъ, на обшлагахъ, карманныхъ клапонахъ и подъ оными, широкое или въ три ряда на полахъ мундира, а вдоль фалды и по швамъ въ одинъ рядъ.

§ 45. Чинамъ *втораго* разряда шить полное шитье на воротникѣ и подъ онымъ, на обшлагахъ, карманныхъ клапонахъ и подъ оными, въ два ряда на полахъ, а вдоль фалды въ одинъ рядъ.

§ 46. Чинамъ *третьаго* разряда шить полное шитье на воротникѣ, обшлагахъ, карманныхъ клапонахъ и подъ оными, а на полахъ и по фалдамъ въ одинъ рядъ.

§ 47. Чинамъ *четвертаго* разряда шить полное шитье на воротникѣ, обшлагахъ и карманныхъ клапонахъ.

Февраль

1834

Февраль

§ 48. Чинам *пятаго* разряда иметь голубое платье на воротникъ и обшлагахъ.

§ 49. Чинам *шестого* разряда иметь положенное платье на воротникъ и обшлагахъ.

§ 50. Чинам *седьмого* разряда иметь положенное платье на воротникъ и шитый кант на обшлагахъ.

§ 51. Чинам *осьмого* разряда иметь положенное платье на воротникъ, безъ шитья на обшлагахъ.

§ 52. Чинам *девятого* разряда иметь принадлежащий шитью каждого ведомства кант на воротникъ и обшлагахъ мундира.

§ 53. Чинам *десятого* разряда иметь подобный же кант на одномъ воротникъ.

§ 54. Состолицы въ сихъ десяти разрядахъ Чиновники, по мѣрѣ значенія должностей ихъ, помѣщены въ росписаніи подъ литерою А. Если же найдется за нужное сдѣлать какое либо въ ономъ дополненіе или переизмѣну, то въ сему не иначе приступити можно, какъ съ Высочайшаго разрѣшенія, о чемъ главною Начальникамъ ведомствъ предоставляется входить съ представленіями.

Отд. III. — Описаніе мундировъ.

§ 55. Государственного Совета парадный мундиръ темнозеленый съ красными сукоными воротникомъ и такими же обшлагами. Шитье золотое, пуговицы золоченыя съ изображеніемъ Государственного герба.

§ 56. Императорскаго Двора парадный мундиръ темнозеленаго сукна съ красными сукоными воротникомъ и такими же обшлагами. Шитье золотое, пуговицы золоченыя съ изображеніемъ Государственного герба.

Въ различіи чиновъ по шитью должно сообразоваться съ росписаніемъ подъ литерою Б.

Вице-мундиръ при шагѣ подобенъ парадному, кромѣ того, что вмѣсто шитья нашивается золотой галуны на груди по числу пуговицъ, на рукавахъ по три, на фалдахъ по четыре съ

каждой стороны въ видѣ шевроновъ, и между ними послѣдними по двѣ петлицы. На семь вице-мундиръ карманныхъ кляповокъ не имѣются и оныя не принадлежать Придворнымъ чинамъ, имѣющимъ мундиръ воишаго покроя, о коихъ еще въ Отдѣленіи V-мъ упоминается.

§ 57. Всѣмъ вообще Придворнымъ чинамъ имѣть мундирный фракъ темнозеленаго сукна съ черными бархатнымъ отложнымъ воротникомъ. Пуговицы золоченыя, матовыя, съ изображеніемъ трехъ готическихкихъ литералъ вензелеваго имени Его Императорскаго Величества подъ Коровою, кромѣ Оберъ-Егермейстеровъ и Егермейстеровъ, кои имѣть на пуговицахъ изображеніе Государственнаго герба, окруженнаго охотничьимъ рогакомъ.

§ 58. Парадный мундиръ Сенаторовъ краснаго сукна съ таковою же подкладкою, съ воротникомъ и обшлагами темнозелеными бархатными и золотымъ шитьемъ. Пуговицы золоченыя съ изображеніемъ на нихъ колонны, на коей ближе къ верху имѣется надпись на особомъ поперекъ колонны цѣпкой: *законъ*, а на верху сей колонны поставлена Императорская корона. Вице-мундиръ при шагѣ одинакаго покроя съ параднымъ, но темнозеленаго сукна, съ темнозелеными бархатными воротникомъ и обшлагами, и золотымъ шитьемъ на лихъ по прежнему рисунку Сенаторскихъ вице-мундировъ. Сверхъ того Сенаторы имѣютъ право носить видъ ашдандей мундирный фракъ, для Министерствъ Юстиціи установленный.

§ 59. Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи I. II и III-го Отдѣленій

Парадный мундиръ темнозеленаго сукна, со свѣтлосиними сукоными: воротникомъ и обшлагами. Шитье золотое, пуговицы золоченыя гладыя, съ изображеніемъ Государственного герба.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ свѣтлосиними бархатнымъ воротникомъ и такими же пуговицами, какъ на парадномъ мундирѣ.

Февраль

1834

Февраль

6860

§ 60. Чиновникамъ четвертаго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи, составившагося изъ Собственной Канцелярїи въ Божь Почивающей Императрицы Марїи Феодоровны, носить мундира Общества благородныхъ дворянъ и прочіихъ Институтровъ, бывшихъ подъ ведомствомъ Ея Величества, описанный ниже въ § 93-мъ.

§ 61. Государственной Канцелярїи парадный мундиръ темнозеленаго сукна съ краснымъ суконымъ: воротникомъ и обшлагами и золотымъ шитьемъ одинакаго узора съ мундиромъ Собственной Его Величества Канцелярїи, и пуговицами золочеными, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна съ чернымъ отложнымъ бархатнымъ воротникомъ, съ пуговицами золочеными, матовыми, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Такой же мундиръ и фракъ полагаются и для Членовъ Комисіи Прощеній, высшихъ званій пенсіюнцевъ, съ тою разницею, что обшлага на ихъ мундирѣ темнозеленыя.

§ 62. Канцелярїи Комитета Министровъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ золочеными гладкими пуговицами, съ изображеніемъ Государственнаго герба. Шитье золотое по рисунку Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи. Воротникъ и обшлага темнозеленаго сукна съ красною выпушкою.

Мундирный фракъ темнозеленый, съ отложнымъ суконымъ воротникомъ того же цвѣта; пуговицы такія же, какія и на парадномъ мундирѣ.

§ 63. Канцелярїи Статсъ-Секретаря у правленія прошеній на Высочайшаго вѣка, мундиръ и мундирный фракъ во всемъ подобныя Собственной Его Императорскаго Величества Канцелярїи, кромѣ того, что на парадномъ мундирѣ обшлага, вмѣсто свѣтлосиняго, темнозеленаго сукна.

§ 64. Канцелярїи Правительствующаго Сена-

та парадный мундиръ изъ темнозеленаго сукна съ красными сукоными: воротникомъ, обшлагами и выпушкою по борту и около карманныхъ кляповокъ; шитье золотое и пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ Сенаторскаго челава.

Мундирный фракъ такой же, какъ и въ Министерствѣ Юстиціи.

§ 65. Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ мундиръ темнозеленаго сукна, съ золочеными пуговицами, гладкими, съ изображеніемъ Государственнаго герба. Воротникъ и обшлага черныя бархатныя, и золотое шитье. Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ черными бархатными воротникомъ и пуговицами такими же, какія и на парадномъ мундирѣ.

§ 66. Члены Губернскихъ Правленій, Врачебныхъ Управъ, бывшихъ Карантинныхъ и всѣхъ Присутственныхъ мѣстъ въ столицѣ и внутри Государства, въ видѣніи Министерствъ Внутреннихъ Дѣлъ состоящихъ, означенныя въ росписаніи лит. А, должны носить присвоенныя ему Министерству мундиры, мундирные фракы и шитье на парадномъ мундирѣ, съ тою только разницею, что на пуговицахъ имѣть изображеніе герба той Губерніи, гдѣ чиновники сіи на службѣ находятся.

§ 67. Мундиръ Генераль-Губернаторовъ и Губернаторовъ темнозеленаго сукна, съ красными сукоными: воротникомъ и обшлагами и золотымъ шитьемъ, пуговицы золоченыя съ изображеніемъ герба каждой Губерніи подъ Императорскою Коровою и съ надписью подъ онымъ именъ Губерній.

Мундирный фракъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, но съ Губернскими пуговицами.

§ 68. Департамента Духовныхъ Дѣлъ иностранныхъ Исповѣданій мундиръ темнозеленаго сукна съ чернымъ бархатнымъ воротникомъ и красною выпушкою; шитье одинакое съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, но золотое, но серебряное; пуговицы бѣлыя, съ Государственными гербомъ.

Февраль.

1834

Февраль.

Мундирный фракъ темнозеленый съ черными бархатными воротничкомъ и пуговицами такими, какъ на мундирѣ.

§ 69. Министерства Иностранныхъ Дѣлъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ черными бархатными воротничкомъ и обшлагами, съ серебряными штыкми и бѣлыми матовыми пуговицами, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ черными отложнымъ бархатнымъ воротничкомъ и такими же пуговицами, какъ и на парадномъ мундирѣ.

§ 70. Генеральныя Консулы, Консулы, Вице-Консулы и Агенты сохраняютъ свой прежній мундиръ темнозеленаго сукна съ вышешими бархатными воротничкомъ и обшлагами; подкладка шелкова саржеваго вишневаго цвѣта, и вышивка по бортамъ мундира такого же цвѣта; штыкъ золотой по росписанію Б; пуговицы золоченыя съ изображеніемъ Государственнаго герба. Трехугольная шляпа при парадномъ мундирѣ, вѣсто серебряныхъ, съ золотыми явствами, и сюрки на оной, вѣсто черныхъ, золотые; равнобрю и темляки на шнуркахъ золотые, вѣсто серебряныхъ.

Мундирный фракъ для всѣхъ Консульскихъ чиновъ прежній: темнозеленаго сукна, съ отложнымъ вышешимъ бархатнымъ воротничкомъ, и такими же пуговицами, какъ и на мундирѣ. Сей мундирный фракъ предоставляется носить и чиновникамъ Консульскихъ Канцелярій, которымъ парадный мундиръ не полагается.

§ 71. Министерства Финансовъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна съ желтыми пуговицами, съ изображеніемъ Государственнаго герба. Обшлага и воротникъ изъ зеленаго бархата, и послѣдній подбитъ краснымъ сукномъ, съ красною же выпушкою по краямъ воротника, на обшлагахъ и карманныхъ клапонахъ.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ зеленымъ бархатнымъ отложнымъ воротничкомъ,

бѣтъ красной выпушки, но съ такими же пуговицами, какія и на парадномъ мундирѣ.

§ 72. Мѣснаго вѣдомства парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ зеленымъ бархатнымъ воротничкомъ и обшлагами, конъ штыкъ раздѣльный, и съ красною выпушкою на воротникѣ, обшлагахъ и карманныхъ клапонахъ; штыкъ серебряный; пуговицы бѣлыя съ Государственнымъ гербомъ.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ зеленымъ бархатнымъ воротничкомъ бѣтъ выпушки, и такими же пуговицами, какъ на мундирѣ. Чиновники сего вѣдомства, согласно § 14, вѣсто бѣлаго исподняго платья, носятъ, какъ при парадномъ мундирѣ, такъ и при мундирномъ фракѣ, панталоны темнозеленые сверхъ сапоговъ, на коихъ вышешыя шпоры.

§ 73. Члены Казенныхъ Палатъ, Губерскіе и Уѣздные Казначей и всѣ вообще Губерскіе чиновники вѣдомства Министерства Финансовъ, внутри Государства и въ столицахъ служащіе, должны носить, какъ парадный мундиръ, такъ и мундирный фракъ сего Министерства, и различаться по Губерніямъ однимъ чепаномъ пуговицы, на коихъ имѣтъ изображеніе герба той Губерніи, гдѣ на службѣ находится.

§ 74. Мундиръ Вице-Губернаторовъ темнозеленаго сукна съ красными суконными воротничкомъ и обшлагами, штыкъ золотой, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ герба каждой Губерніи подъ онымъ именемъ Губерніи.

Мундирный фракъ Министерства Финансовъ, но съ Губерскими пуговицами.

§ 75. Департамента Министерства Юстиціи и подвѣдомственныхъ оному мѣстъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна съ бархатнымъ воротничкомъ и обшлагами того же цвѣта; штыкъ золотой, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ Сенатскаго чепана.

Мундирный фракъ темнозеленаго сукна, съ бархатнымъ воротничкомъ того же цвѣта; пуговицы такія, какъ на мундирѣ.

6860

Февраль.

1834

Февраль.

§ 76. Межеваго Корпуса парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ чернымъ бархатнымъ воротничкомъ и голубою выпушкою; штыкъ серебряный особаго рисунка, и бѣлыя пуговицы, съ изображеніемъ межевыхъ прудій. Панталоны имѣютъ только темнозеленые сверхъ сапоговъ.

Мундирный фракъ цвѣтомъ и пуговицами подобенъ парадному мундиру, кромѣ голубой выпушки.

§ 77. Предсѣдатели Угловыхъ и Гражданскихъ Палатъ, Губерскіе Прокуроры, Стрѣльцы и всѣ Губерскіе чиновники мѣстъ, подъ вѣдѣніемъ Министерства Юстиціи состоящихъ и съ разрѣшеніемъ оного опредѣляемые, какъ въ столицахъ, такъ и внутри Государства, означенное въ росписаніи лит. А, должны носить парадный мундиръ и мундирный фракъ Департамента Министерства Юстиціи, но пуговицы съ изображеніемъ герба той губерніи, гдѣ оно служитъ.

§ 78. Мѣста, Министерство Императорскаго Двора составляющія, имѣютъ парадный мундиръ, въ нижеслѣдующихъ §§ описанный, а мундирный фракъ, хотя у всѣхъ темнозеленаго сукна, но различна существовать въ цвѣтѣ воротника и въ чепанѣ пуговицы.

§ 79. Чинамъ Канцеляріи и Контроля Министерства Императорскаго Двора, Придворной, Гофъ-Штандартской и Московской Дворцовой Канторы, Царскосельскаго и Петергофскаго Дворцовыхъ Прахеній, Дирекціи Императорскихъ Театровъ въ столицахъ, Императорскаго Ботаническаго сада и Бѣлоостровскаго Дворца, имѣтъ общій парадный мундиръ темнозеленый съ красными суконными воротничкомъ и обшлагами, пуговицы золоченыя, матовыя, съ Государственнымъ гербомъ, штыкъ золотой, по образцу прежде утвержденаго штыка на мундирѣхъ Гофъ-Штандартской Канторы.

Мундирный фракъ оного темнозеленый, съ чернымъ бархатнымъ отложнымъ воротничкомъ и желтыми пуговицами, съ изображеніемъ одною ан-

герою вѣнцоваго мундира Его Императорскаго Величества подъ Короною.

§ 80. Департамента Удѣловъ и подвѣдомственныхъ оному мѣстъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна съ такими же суконными: воротничкомъ и обшлагами; пуговицы золоченыя съ Государственнымъ гербомъ; штыкъ золотой.

Мундирный фракъ оного темнозеленаго же сукна, съ бархатнымъ воротничкомъ того же цвѣта и желтыми пуговицами, съ изображеніемъ одною антерою вѣнцоваго мундира Его Императорскаго Величества подъ Короною.

§ 81. Кабинета Его Императорскаго Величества и подвѣдомственныхъ оному мѣстъ парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ суконнымъ воротничкомъ и обшлагами синяго цвѣта, штыкъ золотой, пуговицы золоченыя съ вѣнцовымъ изображеніемъ одною антерою мундира Его Императорскаго Величества подъ Короною.

Мундирный фракъ оного темнозеленый съ темносинимъ бархатнымъ воротничкомъ и пуговицами такими же, какъ и на парадномъ мундирѣ.

§ 82. Академіи Художествъ парадный мундиръ и мундирный фракъ темносиняго сукна, первый съ темносиними бархатными: воротничкомъ и обшлагами, которые у штыкъ раздѣльные, второй съ синими воротничкомъ бархатнымъ того же цвѣта; пуговицы на обшлагахъ золоченыя, съ изображеніемъ Академіи присвоеннымъ. На парадномъ мундирѣ штыкъ золотой.

§ 83. Кнзетамъ Россійскихъ Императорскихъ и Царскихъ Орденовъ парадный мундиръ темнозеленый съ темногубымъ бархатнымъ: воротничкомъ и обшлагами, съ красною выпушкою, какъ около нихъ, такъ и у карманныхъ клапонавъ; пуговицы бѣлыя съ изображеніемъ звѣзды ордена Св. Андрея Первозваннаго; штыкъ серебряный.

Мундирный фракъ съ темногубымъ бархатнымъ воротничкомъ; пуговицы такія же, какъ и на парадномъ мундирѣ.

Канцелярскіе Орденовъ при парадномъ мундирѣ носятъ крестъ ордена Св. Апостола Андрея, какъ

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ

177

Февраль.

1834

Февраль.

его ленты, на щик сего ордена и въ рукѣ имѣть трость особаго рисунка.

§ 84. Министерства Народнаго Просвѣщенія парадный мундиръ и мундирный фракъ темносиніе, съ темносиними воротничкомъ и обшлагами; на первомъ бархатными и золотыми штыремъ, на второмъ одианъ воротничкомъ бархатнымъ. Пуговицы золоченыя съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Университеты и иныя учебныя округа имѣють такой же мундиръ и фракъ, но различающа между собою узоромъ и цвѣтомъ штыря.

На мундирѣхъ Университетовъ пуговицы съ изображеніемъ Государственнаго герба, а Училища по губерніямъ, съ изображеніемъ герба ихъ губерній.

§ 85. Императорскихъ Академій: Наукъ и Россійской, парадные мундиры темносиняго сукна; воротники и обшлага суконные красныя, въ первой съ штыремъ золотымъ, а во второй серебрянымъ. На мундирныхъ фракѣхъ воротники и обшлага суконные темносиніе. На обшлагахъ пуговицы съ изображеніемъ Государственнаго герба, въ Академіи Наукъ золоченыя, а въ Россійской серебряныя.

§ 86. Императорской Публичной Библиотеки парадный мундиръ и мундирный фракъ темносиняго сукна, воротники бархатные того же цвѣта, а на первомъ такіе же обшлага и золотое штырь. На обшлагахъ пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ двуглаваго орла подъ Короною, окруженнаго лавровымъ вѣнкомъ и лентою П. П. Б.

§ 87. Главнаго Педагогическаго Института парадный мундиръ и мундирный фракъ темносиняго сукна, съ голубымъ суконнымъ воротничкомъ; на первомъ такіе же обшлага и штырь золотое, а пуговицы на обшлагахъ золоченыя, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

§ 88. Студентамъ и воспитанникамъ всѣхъ учебныхъ заведеній, подъ вѣдомствомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія состоящихъ, имѣть

Томъ IX.

мундиръ темнозеленаго сукна, съ темносинимъ суконнымъ же воротничкомъ, съ золотыми или серебряными петлицами изъ галуна, по окружамъ. Покрой какъ мундирный, такъ и положенныхъ Студентамъ и воспитанникамъ сюртуковъ, имѣть штырь существующій и носить иныя фуражки суконныя темнозеленыя съ оловянкомъ по цвѣту воротника.

§ 89. Государственнаго Контроля парадный мундиръ и мундирный фракъ темнозеленаго сукна съ темноконтровымъ бархатнымъ воротничкомъ; у первого такіе же обшлага, красная суконная выпушка на воротникѣ, обшлагахъ и клапонахъ и золотое штырь. Пуговицы на обшлагахъ золоченыя съ изображеніемъ Государственнаго герба.

§ 90. Главнаго Начальства надъ Почтовыми Департаментомъ и всѣхъ мѣстъ, оному подчиненныхъ, парадный мундиръ и мундирный фракъ темнозеленыя, съ черными бархатными воротничкомъ и обшлагами, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ Государственнаго герба и подъ оными двухъ почтовыхъ рожекъ. У первого штырь золотое.

Жилеты въ семь вѣдомствъ, вмѣсто бѣлыхъ, палевые.

§ 91. Парадный мундиръ и мундирный фракъ Оберъ-Прокурора Св. Синода и подчиненныхъ ему Чиновниковъ, также и всѣхъ гражданскихъ Чиновниковъ, въ вѣдомствѣ Св. Синода состоящихъ, темнозеленыя, съ черными бархатнымъ воротничкомъ. У первого и обшлага черныя бархатные, красная суконная выпушка кругомъ воротника, по борту, по обшлагахъ, карманныхъ клапонахъ и фалдахъ, и штырь серебряное; пуговицы у обшлага бѣлыя, гладкія, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

§ 92. Гражданскихъ Чиновниковъ вѣдомства Пугачъ Сообщенія и Публичныхъ Зданій парадный мундиръ темносиняго сукна, съ черными бархатными воротничкомъ и обшлагами, въ мѣстахъ, входящихъ въ составъ Главнаго Управленія, и въ подчиненныхъ оному, съ ворот-

23

178

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Февраль.

1834

Февраль.

6860 ъкомъ и обшлагами чернаго сукна, съ штыремъ же на обшлагахъ серебрянымъ и пуговицами бѣлыми, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

Мундирный фракъ также темносиняго сукна и съ такими же воротничкомъ и пуговицами, какъ на парадномъ мундирѣ.

§ 93. Мундиръ Управленія Учрежденіями Императрицы Маріи, остается, какъ выше въ § 4 сказано, прежняго покроя и формы, то есть: темнозеленаго сукна, безъ карманныхъ клапонавъ, съ черными бархатными воротничкомъ и обшлагами, съ голубою выпушкою. Штырь золотое, составленное на мундирѣхъ Воспитательныхъ Домовъ и подвѣдомственныхъ мѣсть, изъ дубовыхъ и пальмовыхъ вѣтвей, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ павлина, питающаго птенцовъ; а на мундирѣхъ Общества Благородныхъ дѣвицъ и прочихъ Институтныхъ, изъ виноградовыхъ и пальмовыхъ вѣтвей, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ растущаго винограда, съ оловянкомъ сілнѣмъ и надписью: „Послѣднѣ виноградъ сей.“

Ще-мундиръ при шпагѣ имѣть только Почетнымъ Опекунамъ, а прочимъ Чиновникамъ носить, по общему образцу, мундирные фракы темнозеленаго сукна, съ черными бархатными воротничкомъ и пуговицами такими же, какія на мундирѣхъ.

§ 94. Мундиръ заведеній Ея Величества Императрицы Александры Феодоровны, темнозеленаго сукна, съ темносиними бархатными воротничкомъ и обшлагами, и клапонами на карманахъ одного сукна съ мундиромъ; вокругъ воротника и обшлагахъ выпушка чернаго сукна. Штырь золотое, составленное изъ сплетенныхъ виноградовыхъ и пальмовыхъ вѣтвей. Пуговицы съ изображеніемъ виноградовой лозы, съ надписью вокругъ: „Послѣднѣ виноградъ сей.“ мундирный фракъ темнозеленыя же, съ темносиними бархатными воротничкомъ и пуговицами, какъ на мундирѣ.

§ 95. Мундиръ Императорскаго Человѣ-

челюбиваго Общества темнозеленаго сукна, съ фиолетовыми бархатными воротничкомъ и обшлагами. Штырь одинаковое съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, не золотое, но серебряное; пуговицы бѣлыя съ Государственнымъ гербомъ.

Мундирный фракъ темнозеленыя, съ фиолетовыми бархатными воротничкомъ и пуговицами такими же, какъ на мундирѣ.

Отд. IV. — О Дворянскихъ Губернскихъ мундирѣхъ.

§ 96. Для дворянства всей Россійской Имперіи устанавливается парадный мундиръ темнозеленаго сукна, съ красными суконными воротничкомъ и обшлагами, которые должны быть разныя къ нижнему шву рукава; съ золотымъ штыремъ и желтыми пуговицами, съ изображеніемъ герба каждой губерніи подъ Императорскою Короною и съ надписью подъ оными имени губерніи, по рисунку, при семъ прилагаемому.

§ 97. Мундирные фракы и форменные сюртуки дворянъ темнозеленаго сукна, съ такими же воротничками и обшлагами и пуговицами, каждой губерніи присвоенными.

§ 98. Камеральскіе служители, классомъ не входящіе и служащіе въ Депутатскихъ Дворянскихъ Собораніяхъ, въ Опекахъ и другихъ мѣстахъ, по выборамъ отъ Дворянства и Городскихъ Обществъ наполняемыхъ, если они не по найму должности свои исполняютъ, носить сюртуки, въ §§ 33, 34, 35, 36, 37 и 38 описанные, съ губернскими пуговицами.

Отд. V. — О мундирѣхъ воиннаго покроя.

§ 99. Мундиръ по формѣ классныхъ Чиновниковъ Воиннаго вѣдомства, назначается поименованнымъ ниже Придворнымъ и Гражданскимъ чинамъ, неходящимъ въ десяти-разрядное рописание подъ лит. А. У мундировъ сѣкхъ, крайнѣ мундира Горнаго вѣдомства, обшлага круглыя разныя къ нижнему шву, рукава безъ

ЦАРСТВОВАНИЕ ГОСУДАРЯ

179

Февраль.

1834

Февраль.

верхнего клапана; у мундира же Горного ведомства такие же рукава, но с верхним клапаном.

§ 100. Оберъ-Шталмейстерамъ и Шталмейстерамъ шить оный по существующей формѣ, то есть: темнозеленый суконный, съ сувоными же красными воротникомъ, обшлагами, отворотами на фалдахъ и выпушкою по краямъ мундира и около карманныхъ клапановъ, подкладку изъ красного стамеда, пуговицы золоченыя, съ изображеніемъ Государственнаго герба, и золотое шитье, съ различіемъ вторыхъ чиновъ отъ первыхъ по росписанію Б; а въ видѣ погоновъ перевязные золотые канительные шпурки.

§ 101. Оберъ-Егермейстерамъ и Егермейстерамъ шить мундиры, во всемъ подобные Оберъ-Шталмейстерскому и Шталмейстерскому, кромѣ того, что воротникъ и обшлага темнозеленые суконные, съ красною выпушкою и на пуговицахъ изображеніе Государственнаго герба, окруженнаго охотничьимъ рожемъ.

§ 102. Чинамъ, изъ двухъ предыдущихъ §§ поименованныхъ, при праздныхъ мундирахъ носить шляпу съ золотымъ шитьемъ по тому же рисунку и съ тѣмъ же различіемъ, какъ и на мундирахъ, бѣлые суконные панталоны и длинные салопы по образцу пѣхотныхъ Генеральскихъ, съ накладными шпорами.

Сей же формы панталоны и салопы надѣвать и носить прочимъ Придворнымъ чинамъ, когда при Высочайшемъ Дворѣ назначается шить въ салопѣхъ.

§ 103. Вице-мундиры при шпгахъ Оберъ-Шталмейстеровъ, Оберъ-Егермейстеровъ, Шталмейстеровъ и Егермейстеровъ по рисунку и рисункомъ шитья должны быть подобны ихъ параднымъ мундирамъ, кромѣ того, что шитье того же узора шить только на воротникѣ, обшлагахъ и карманныхъ клапанахъ.

§ 104. Мундирные фракы шить по образцу, для Придворныхъ чиновъ въ § 57 описанномъ.

§ 105. Чинамъ Придворной Колюшенной Конторы и Чиновникамъ Колюшенной команды шить прежній мундиръ, то есть, покроемъ, цвѣтомъ и пуговицами, подобный Шталмейстерскому; но вместо шитья Советника, Штабъ и Оберъ-Офицеры различаются золотыми петлицами и бордюромъ по росписанію Б. Въ торжественные и праздничные дни носить имъ панталоны бѣлые лосиные, ботфорты по образцу Кирасирскихъ, съ накладными стальными шпорами; а въ будни темнозеленые панталоны, съ красною прошивкою, сверхъ салоповъ и на оныхъ привинченныя шпурки; Советникамъ же и прочимъ чинамъ Конторы дозволяется носить и мундирный фракъ, описанный въ § 79.

§ 106. Чиновникамъ Егермейстерской Конторы и команды шить прежній мундиръ, подобный во всемъ Колюшенному, только воротникъ и обшлага, вмѣсто красныхъ, темнозеленые, а пуговицы съ Государственнымъ гербомъ, окруженнымъ охотничьимъ рожемъ. Въ торжественные дни носить имъ панталоны изъ темнозеленаго сукна и длинные салопы по образцу пѣхотныхъ Генеральскихъ; а въ будни панталонъ темнозеленые съ красною прошивкою сверхъ салоповъ и на оныхъ привинченныя шпурки; Чиновникамъ же Конторы дозволяется носить и мундирный фракъ, подобный описанному въ § 79, кромѣ пуговицы, которая должна быть такая же, какъ на мундирѣ.

§ 107. Штата собственнаго Его Императорскаго Величества Двора мундиръ остается прежній, то есть, во всемъ подобный мундиру Придворной Колюшенной Конторы, только воротникъ, обшлага и выпушка, вмѣсто красныхъ, свѣтлосвѣтныя, а отвороты на фалдахъ красныя безъ выпушки. Панталоны ихъ, вмѣсто бѣлыхъ, темнозеленые сверхъ салоповъ, съ красною прошивкою; но Колюшенные чины сего Двора въ торжественные дни носить бѣлые лосиные панталоны и длинные салопы съ накладными шпорами.

§ 108. Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павло-

180

ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ I.

Февраль.

1834

Февраль.

6860 вича, парадный и вице-мундиръ Гофмейстера и Шталмейстера, мундиры Придворной и Колюшенной Его Высочества Конторы, совершенно подобны мундирамъ Высочайшаго Двора и Придворнаго Колюшеннаго ведомства, съ тою разницею, что шитье Гофмейстера и Шталмейстера и петлицы прочихъ чиновниковъ, вмѣсто золотыхъ, серебряныя, а на вѣхъ бѣлыя пуговицы, съ изображеніемъ Государственнаго герба.

§ 109. Полцейскимъ чиновникамъ въ Царскомъ селѣ, Гатчинѣ, Петергофѣ и Павловскѣ шить одинакій мундиръ, по теперешнему образцу Царскосельской Полціи: воротникъ, обшлага, подкладка и отвороты на фалдахъ красныя, серебряныя петлицы, пуговицы бѣлыя съ изображеніемъ; у Царскосельскихъ герба Царскаго села, то есть, съ вензелевымъ именованіемъ Императрицы Екатерины I подъ Короною въ щитѣ; у Гатчинскихъ вензелеваго имени Императора Павла I подъ Короною; у Петергофскихъ герба Петергофа, то есть, съ вензелевымъ именованіемъ Императора Петра I подъ Короною въ щитѣ, а у Павловскихъ двуглаваго Орла подъ Короною, имѣющаго на груди въ лучахъ Малтійскаго креста шить съ двойнымъ вензелемъ Императора Павла I и Императрицы-Марии. Брюки темнозеленые съ красною прошивкою, сверхъ салоповъ.

§ 110. Гатчинскаго Дворцоваго Правленія: воротникъ, обшлага и отвороты на фалдахъ малиноваго сукна, подкладка стамедная того же цвѣта, шитье серебряное, пуговицы бѣлыя, съ изображеніемъ вензелеваго имени въ Божіи почивающаго Императора Павла I-го подъ Короною; брюки темнозеленые, съ малиновою прошивкою сверхъ салоповъ.

Мундирный фракъ темнозеленый, съ отложнымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, а пуговицы такія, какъ на мундирѣ.

§ 111. Павловскаго Городскаго Правленія: воротникъ, обшлага и отвороты на фалдахъ краснаго сукна, подкладка стамедная того же цвѣта, шитье серебряное и бѣлыя пуговицы, съ изобра-

женіемъ двуглаваго Орла подъ Короною, имѣющаго на груди въ лучахъ Малтійскаго креста шить съ двойнымъ вензелемъ въ Божіи почивающихъ Императора Павла I и Императрицы Марии. Брюки темнозеленые, съ красною прошивкою сверхъ салоповъ.

Мундирный фракъ темнозеленый, съ отложнымъ чернымъ бархатнымъ воротникомъ, а пуговицы такія, какъ на мундирѣ.

§ 112. Полцеймейстерамъ всѣхъ заведеній Малостерства Императорскаго Двора, не исключая и Академіи Художества, носить общій мундиръ темнозеленый военнаго покрою, во всемъ по образцу Царскосельской Полціи; но пуговицы бѣлыя шить съ гербомъ по формѣ того вѣдѣнія, къ которому принадлежатъ.

§ 113. Мундиръ Полцейскихъ чиновниковъ Столицы темнозеленаго сукна съ красными: воротникомъ, обшлагами и отворотами на фалдахъ, и такою же стамедною подкладкою; шитье въ С. Петербургѣ серебряное, а въ Москвѣ золотое прежняго рисунка, пуговицы золоченыя съ изображеніемъ гербовъ каждой Столицы безъ подписи. Шпурки по § 18 пѣхотныхъ. Брюки темнозеленые сверхъ салоповъ, у которыхъ шитье вложенныя шпурки одѣвать только Штабъ-Офицерамъ.

§ 114. Полцеймейстеры и Городничіе въ Губерніяхъ и Полцейскіе чиновники, подчиненные имъ служащіе, имѣютъ такой же мундиръ, только отвороты на фалдахъ и подкладка не красныя, а темнозеленыя и вмѣсто шитья золотыхъ петлицъ прежняго рисунка; пуговицы золоченыя съ изображеніемъ гербовъ каждой Губерніи.

§ 115. Мундиръ Горнаго ведомства темнозеленаго сукна, воротникъ и прорѣзные обшлага изъ чернаго бархата, обшлага на фалдахъ изъ чернаго сукна, черная же стамедная подкладка и красная выпушка на воротникѣ, обшлагахъ, рукавничкахъ клапановъ и обшлагахъ; шитье золотое, пуговицы золоченыя гладкія; панталоны темнозеленые безъ выпушки сверхъ салоповъ.

По занятіямъ при самыхъ работахъ Чиновни-

камъ дозволяется носить сюртуки съ фуражкою и при шпагѣ. Камергерскихъ служителейъ 1 и 2 разрядовъ носить такіа же сюртуки, но безъ шапки, а 3 и 4 разрядовъ, сообразно поставленнымъ въ §§ 33, 34, 35, 36, 37 и 38 для всѣхъ вообще Камергерскихъ служителей.

§ 116. Чиновинокъ Судходной Полиціи мундиръ темнаго сукна съ такою же: подбоякъ, воротничкомъ, обшлагами и обкладкой; пуговицы бѣлыя гладкія; шитые, по рисунку пышій для Судходныхъ Полиціеистеровъ установленное.

§ 117. Стационнымъ Смотрителямъ имѣть правоименный имъ Почтовой мундиръ военнаго покроя.

§ 118. Всѣхъ чиновъ, въ §§ 107, 108, 109, 112, 113, 114, 115, 116 и 117-мъ означенныхъ, мундирныхъ фураговъ вовсе не полагаются; Чиновинокъ же Судходной Полиціи остается ихъ ежедневный мундиръ двубортный, темнаго сукна, безъ шитыхъ, при косяхъ, вмѣсто шапки, носить коротка на черной портулетѣ.

§ 119. Вообще всѣмъ Гражданскимъ Чиновинокъ, имѣющимъ мундиръ по формѣ Военнаго вѣдомства, носить черныя шелковыя галстуки, безъ заплата воротника рубашки, шапки по образцу пѣхотныхъ, кромѣ Оберъ-Шталмейстеровъ, Шталмейстеровъ и всѣхъ Чиновинокъ Кошенинаго вѣдомства, коимъ имѣть шапки канцлерскія, о чемъ уже въ §. 18 упомянуто.

§ 120. Чиновинокъ, въ сей главѣ помѣщенныя, вмѣсто сюртуковъ, Гражданскимъ Чиновинокъ въ § 31-мъ помѣщенныя, имѣть сюртуки по формѣ Военнаго вѣдомства при шпагахъ и трещоточныхъ шляпахъ, когда надѣваются сверхъ мундира; когда же сюртуки надѣты самъ по себѣ или въ дорогѣ, то имѣть суконную фуражку съ чернымъ лакированнымъ козырькомъ и суконнымъ овольшемъ по шити воротника, подобнаго мундирному воротнику.

Всѣмъ чиновъ вѣдній Кошенинаго, Егермейстерскаго, Штата собственнаго Его Величества Двора и Двора Великаго Князя Михаила Павловича носить таковыя сюртуки съ красною подкладкою; при чемъ предоставляется Гг. Оберъ-Шталмейстерамъ, Оберъ-Егермейстерамъ, Шталмейстерамъ, Егермейстерамъ и

состоящимъ въ сихъ должностяхъ имѣть на сюртукахъ, въ видѣ поголовъ, перевязые золотыя или серебряныя шпурки, совершенно подобныя тѣмъ, какія носятъ они на мундирахъ.

§ 121. Пуговицы какъ на мундирахъ, такъ и на сюртукахъ военнаго покроя, имѣть выпуклыя, съ тѣми изображеніями, которыя на каждой части назначены (*).

686L.—Февраля 27. Высочайше утвержденное описание Дахскихъ нарядовъ для прѣзды въ торжественныя дни къ Высочайшему Двору.

Штатсъ-Дамамъ и Камеръ-Фрейлинамъ: Верхнее платье бархатное зеленого, съ золотымъ шитьемъ по хвосту и борту, одинаковымъ съ шитьемъ парадныхъ мундировъ Придворныхъ чиновъ. Юбка бѣлая изъ матеріи, какою кто пожелаетъ, съ талии же золотымъ шитьемъ вокругъ и на передѣ юбки.

Пасташицъ Великихъ Княжесъ: Верхнее платье бархатное синаго цвѣта; юбка бѣлая; шитые золотомъ того же узора.

Фрейлинкамъ Ея Величества: Верхнее платье бархатное пунцоваго цвѣта; юбка бѣлая; шитые тоже, какъ сказано выше.

Фрейлинкамъ Великой Княгини: Платье и юбка какъ у Фрейлинъ Ея Величества; но съ серебрянымъ Придворнымъ шитьемъ.

Фрейлинкамъ Великихъ Княжесъ: Платье бархатное сѣвласиноваго цвѣта; юбка бѣлая; шитые золотомъ, того же узора.

Губнѣистеринъ при Фрейлинкахъ: Верхнее платье бархатное малиноваго цвѣта; юбка бѣлая; шитые золотомъ.

Прѣзжающимъ ко Двору Городскимъ Дамамъ предоставляется имѣть платья различнаго цвѣтовъ, съ различнымъ шитьемъ, кромѣ одинаковаго узора шитя, назначеннаго для Придворныхъ Дамъ. Чтожь касается до покроя платьевъ, то оной должны имѣть всѣ по одному образцу, какъ на рисункѣ показано.

Всѣмъ вообще Дамамъ, какъ Придворнымъ, такъ и прѣзжающимъ ко Двору, имѣть повойники или ковошники произвольнаго цвѣта, съ бѣлымъ квалетомъ, а Девчцамъ повязку, равнымъ образомъ произвольнаго цвѣта и также съ вуалетъ.

686L

Росписаніе о различіи чиновъ, не входящихъ въ десяти-разрядное раздѣленіе шитя на Гражданскихъ мундирахъ.

Г.—Министерствъ Императорскаго Двора.

§ 1. Министру (если не военнаго чина), Оберъ-Камергеру, Оберъ-Гонимаршалу, Оберъ-Гонимейстеру, Оберъ-Шенку и Оберъ-Черезовнѣистеру (если они послѣдній въ шитѣ Дѣствительнаго Тайнаго Совѣтника) имѣть на парадныхъ придворныхъ мундирахъ золотомъ шитые, по узору, шпурки существовавшіе на воротникѣ и подъ онымъ, обшлагахъ, карманныхъ клапанцахъ, подъ оными, на поляхъ широкихъ, по швамъ и вдоль узловъ, а по борту же на груди шитые брилленбурны.

§ 2. Гонимаршалу, Гонимейстеру, Оберъ-Черезовнѣистеру, (когда они не въ шитѣ Дѣствительнаго Тайнаго Совѣтника), Черезовнѣистеру, Камергеру и Камеръ-Юнкеру имѣть такой же мундиръ, но только безъ шитя по швамъ, которое предоставляемо однимъ первымъ чиновъ Императорскаго Двора.

§ 3. Подкладку подъ сими мундирами должно быть изъ шелковой матеріи темнаго сукнаго цвѣта.

§ 4. Оберъ-Камергеръ отлучается отъ прочихъ чиновъ Императорскаго Двора вошедшимъ съ нимъ, у праваго карманнаго клапана на золотымъ вышивъ Высочайшихъ жузельныхъ или княжесъ, осмысленнаго брилленитомъ; Камергеры же носятъ золотой ключъ на голубой лентѣ у леваго карманнаго клапана, который сохраняеть при мундирахъ другіе Гражданскіе вѣдомствъ и при возвышеніи должностей. Сей Камергерскій ключъ долженъ быть сдѣланъ въ точную согласность съ прилагаемымъ при семъ рисункомъ.

§ 5. Оберъ-Шталмейстеры и Оберъ-Егермейстеры имѣють на парадныхъ мундирахъ одинаковыя шитые, и носятъ оное въ три ряда: на воротникѣ, обшлагахъ, карманныхъ клапанцахъ, подъ оными и по борту, вдали косякъ и по швамъ то же шитие въ одинъ рядъ.

§ 6. Шталмейстеры и Егермейстеры имѣють на парадныхъ мундирахъ то же расположение шитя, какъ и первые чины снхъ званий, но только въ два ряда и безъ шитя по швамъ.

§ 7. Въ Придворномъ Кошениномъ вѣдомствѣ имѣть съ бордюромъ въ видѣ пернатнаго шпурка и по двѣ пелюцы на воротникѣ и обшлагахъ и по три на карманныхъ клапанцахъ; носить Со- вѣтникамъ Придворной Кошениной Канцеры и Оберъ-Буржеру. То же шитие на воротникѣ и обшлагахъ носить: Унтеръ-Шталмейстерамъ, Эканцлермейстерамъ и прочихъ чиновъ помѣщенныхъ по шити въ Штатъ-Омцерскихъ классныхъ Одина по борту имѣть съ бордюромъ безъ пелюцы на воротникѣ и обшлагахъ назначеннаго для прочихъ штатныхъ чиновниковъ въ Омцерскихъ чинахъ.

§ 8. Шитые Придворныхъ Егермейстерскихъ

Канцеры и Команды, совершста то же рисунка, какъ на мундирахъ Кошенинаго вѣдомства. Пелюцы на воротникѣ и обшлагахъ, съ вышивенными золотымъ бордюромъ, означать должны Штатъ-Омцерамъ, а Оберъ-Омцерамъ имѣть на воротникѣ и обшлагахъ одинъ бордюръ безъ пелюцы.

§ 9. Чиновинокъ Штата Собственнаго Его Императорскаго Величества Двора остается прежнимъ шитие на мундирахъ, и различіе по оному должностей совершенно по положенію Придворнаго Кошенинаго вѣдомства.

§ 10. На мундирахъ Двора Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича шитые серебряные и роздѣляются по положенію Придворнаго Кошенинаго вѣдомства, на воротникѣ и обшлагахъ Штатъ-Омцерскихъ шитыя какъ съ бордюромъ въ видѣ пернатнаго шпурка и съ пелюцами, а Оберъ-Омцерамъ безъ пелюцы.

Гонимейстеры и Шталмейстеры Двора Его Императорскаго Высочества имѣють подобное снхъ званиямъ шитие при Высочайшемъ Дворѣ, но серебряное.

II.—Управленія Ученнаго Императорскаго М. П. И. И.

§ 11. Почетнымъ Опекунамъ и Чинамъ Совѣтовъ имѣють полное шитие на воротникѣ, а на поляхъ и на рукавахъ у пуговицъ по четыре двойныя, на рисунку каждой части шитые, какъ косякъ по одной на обшлагахъ, и всѣ въ равномъ между собою размѣнѣ.

§ 12. Тоже шитие на воротникѣ безъ цѣпнаго шпурка косяка, а на обшлагахъ по одной двойной вѣтви, имѣють всѣ чиновники Штатъ-Омцерскихъ чинахъ.

§ 13. На косякѣ воротника по одной вѣтви присоединяется шитие на каждой сторонѣ и по краю шпурку золотомъ шитой гладкой канты носить Оберъ-Омцерамъ.

§ 14. Пуговицы для мундировъ Воспитательныхъ домовъ и подвѣдомственныхъ онымъ мѣстъ изображаютъ поземныя, пшеничнаго пшеницы, себѣ по квалѣ; а Общества Благородныхъ Дѣвчатъ и прочихъ женскихъ заведеній: распуцый виноградъ, алмазнымъ солончымъ сѣннемъ, съ надписью: „Поестъ виноградъ сей.“

III.—Знаменій, состоящихъ подъ непосредственнымъ управленіемъ и покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государини Императрицы АЛЕКСАНДРЫ ВЕДОДОРОВНЫ.

§ 15. Всѣмъ чиновъ снхъ званий, кромѣ Патриотическаго Института, по косяку приспосабли мундиръ классныхъ чиновниковъ военнаго вѣдомства, сообразованнаго съ тѣмъ различіемъ, которое въ предѣлахъ параграфовъ 11, 12 и 13 установлено въ мундирахъ Управленія учрежденнаго Императрицы Дѣлани.

686L

(*). Росписаніе см. въ концѣ Тома.

6860 § 16. Пуховым съ изображеніемъ виноградной лозы съ вѣтвями вверху: „Пески виноградъ сей.“

IV. — Губернскаго Управленія.

§ 17. Генераль-Губернаторы имѣютъ полное шитье презаго рисунка на воротникъ и обшлагахъ, карманныхъ клапанахъ и подъ ошейникъ, а на поляхъ и заплатахъ въ одну рядъ. Гражданские Губернаторы, Градоначальники, Присланы и Начальники Оублетей (кромя Якутской), имѣютъ то же шитье на воротникъ, обшлагахъ, и карманныхъ клапанахъ. Вице-Губернаторы, Предсѣдатели Коллежскихъ Палатъ, Начальники Коллежскихъ Экспедицій и Вице-Присланы Енисейской Области имѣютъ также полное шитье на воротникъ, обшлагахъ и карманныхъ клапанахъ, но меньшаго рисунка.

§ 18. Золотое шитье по обшлугу для всего Дворянства установленнаго рисунка, имѣютъ право носить: на воротникъ, обшлагахъ и карманныхъ клапанахъ Губернские и Областные Предводители Дворянства.

§ 19. Такое же шитье на воротникъ, обшлагахъ и карманныхъ клапанахъ предоставляется носить и Дворянамъ: по низъ обшлага имѣть подъ цѣпъ мундира, то есть, зеленого сукна.

§ 20. То же шитье на воротникъ и обшлагахъ имѣютъ право носить Советские Судьи, Удѣльные Предводители и Дворянские Засѣдатели: Палатъ, Областныхъ Судовъ, Совѣстныхъ Судовъ и Приказовъ Общественнаго Призрѣнія.

§ 21. На ошейникъ же воротникъ шитье полагается избираться отъ Дворянствъ: Члены Команды Параллельнаго Проводимства и Депутатскихъ Собраний, Секретари Дворянства, Засѣдатели Удѣльныхъ и Земскихъ Судовъ; Ассессоры: Обер-Губертскихъ Судовъ, Ландтаухтовъ, Министровъ и Губертскихъ Судовъ и Адвокатовъ Ордунгеритовъ и всѣхъ прочихъ должностей, по выбору Дворянства, независимо бывшихъ въ родинѣ ихъ. А, равно тѣмъ, кои, не принадлежая къ какому вѣдомству и не нося никакаго званія, коимъ присвоены особые мундиры, состоятъ постоянно или временно въ Королевской службѣ, а также отставными Дворянами, бывшими въ Королевской службѣ или служившими полный срокъ во Дворянствѣ выборами.

§ 22. Не бывшие на ихъ той, ни въ другой службѣ Дворяне носятъ мундиръ той Губерніи, къ какой они принадлежатъ, но носивъ шитья и въ миссиско шитьяго безъ темнаго. Не бывшие въ должностяхъ по выборамъ полный срокъ, сохраняютъ и на будущее время тѣмъ должностямъ въ § 18, 19 и 20 присвоенное шитье.

§ 23. Пенсійскими чиновниками въ обшлугу столѣтній имѣтъ единственное различіе должностей, и извѣстное для Членовъ Управы Благочинія: шитье презаго на воротникъ, т. е. въ С. Петербургѣ по двѣ, а въ Москвѣ по одной петлицѣ, по три на карманныхъ клапанахъ и по двѣ на

заплатахъ у кармановъ. То же шитье на воротникъ и обшлагахъ для Частныхъ и Слѣдственныхъ Присланныхъ. То же шитье на воротникъ и по двѣ петлицы на обшлагахъ для Квартальныхъ Падпрителей. Шитье на ошейникъ и воротникъ для Квартальныхъ Поручиковъ и Брантмейстеровъ.

§ 24. Въ Губернскихъ, портовыхъ и уѣздныхъ герцолахъ: Полцеймейстеровъ и Городничихъ носить по двѣ петлицы на воротникъ и обшлагахъ; Присланнымъ Гражданскимъ и Угловымъ двѣ, равно Частнымъ и Слѣдственнымъ на ошейникъ, Квартальныхъ же Падпрителемъ шитья не полагается.

V. — Министрства Финансовъ Горнаго одомства.

§ 25. Чиновниками, служащими въ Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ, и также и въ другихъ мѣстахъ, собственно по Горной и Монетной частяхъ, носить мундиръ, описанный въ § 115 Положенія, съ шитьемъ, по извѣщенному раздѣленію. Но чиновники служащие по Соляной части при Коллежскихъ Палатахъ, также по Солянымъ Правленіямъ и заводахъ, носить мундиръ Министрства Финансовъ съ Губертскими пуговицами; Горный же мундиръ носить только тѣ изъ нихъ, кои имѣютъ Горные чины.

§ 26. Полное шитье на воротникъ, обшлагахъ и карманныхъ клапанахъ имѣтъ лицамъ въ Генеральскихъ чинахъ состояющимъ.

§ 27. То же шитье, но безъ бордюра вокругъ на воротникъ и обшлагахъ и шитья цѣпъ на карманныхъ клапанахъ, имѣтъ и Начальники подвѣдомственныхъ мѣстъ и Начальники Отдѣлений въ Департаментѣ Горныхъ и Соляныхъ Дѣлъ.

§ 28. Шитье на воротникъ и обшлагахъ, безъ шитья на карманныхъ клапанахъ, имѣтъ всѣмъ прочимъ Штабъ-Офицерамъ.

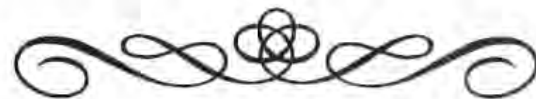
§ 29. На ошейникъ же воротникъ шитья имѣтъ Оберъ-Офицерамъ.

VI. — Министрства Иностранныхъ Дѣлъ.

§ 30. Консульскими чинами определяется слѣдующее различіе шитья на мундирахъ: Генеральнымъ Консуламъ имѣтъ на воротникъ ассиметрично вѣтъ вверхъ обращенную и продолжающую сквозь двѣхъ Меркуріевыхъ жемчужъ; на обшлагахъ же три Меркуріевыхъ жемчужъ съ промахомъ сквозь ассиметрично вѣтвяно по превежу рисунку, и подобное шитье на карманныхъ клапанахъ. То же шитье: Консуламъ на воротникъ и обшлагахъ; Вице-Консуламъ на ошейникъ, Ассисамъ на ошейникъ обшлагахъ.

VII. — Главнаго Управленія Путей Сообщенія.

§ 31. Полцеймейстеровъ Судоконствя имѣтъ на порядныхъ мундирахъ установленное шитье на воротникъ и обшлагахъ, а низъ Помощникамъ и Судоконнымъ Смотрителямъ то же шитье на ошейникъ и воротникъ.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХЪ ЧИНОВЪ, ЗВАНІЙ И ТИТУЛОВЪ

Адмирал (от араб. amir-ul-ina; букв. «владыка моря», т. е. командующий флотом) — военноморской чин II класса.

Адъютант (лат. adjutans — помогающий) — воинская должность и составная часть наименований некоторых военных званий.

Архиепископ (греч. archiepiskopos — главный епископ) — второй по старшинству частный титул черного духовенства.

Архиерей (греч. archiereus — первосвященник) — общее наименование (частный титул) митрополитов, архиепископов и епископов.

Архимандрит (от греч. archo — иду впереди, mandra — овчарня, т. е. пастырь) — четвертый по старшинству частный титул черного духовенства.

Барон, баронесса (фр. baron — первоначально титул королевского вассала) — низший частный родовой титул.

Берг- (нем. Berg — гора) — начальная часть наименований некоторых горных чинов.

Берг-гауптман (нем. Hauptmann — полковник) — горный чин VI класса.

Берг-гешворен (нем. Berggeschworen — присяжный хранитель рудников) — горный чин XII класса.

Бергмейстер (нем. Bergmeister — управляющий рудником) — горный чин VIII класса.

Берг-пробирер (нем. Probierer — пробирщик, от probieren — испытывать, ставить пробу) — горный чин XII класса.

Благородие — общий титул дворян (в том числе баронов) и оберофицеровских чинов.

- Благовестив** — общий титул иереев и протодиаконов.
- Бригадир** (от *фр.* brigade — бригада, отряд) — военный чин V класса в XVIII в.
- «В должности гофмейстера (гофмаршала, егермейстера, шталмейстера)»** — придворное звание, присваивавшееся лицам, имевшим гражданские чины III–IV классов и ниже.
- «В должности церемониймейстера»** — придворное звание, присваивавшееся лицам, имевшим гражданские чины VI–VIII классов.
- Великая княгиня** — частный родовой титул жены великого князя.
- Великая княжна** — частный родовой титул дочери императора и его внучки (дочери великого князя), сохранявшийся за нею до замужества.
- Великий князь** (т. е. большой, старший князь) — частный родовой титул членов императорской фамилии; в 1797–1885 гг. — до праправнуков императора включительно, после 1885 г. — только сыновей и внуков императора.
- Величество** см. Императорское величество.
- Вице-** (*лат.* vice — вместо) — начальная часть наименований некоторых чинов и должностей, означающая «замещающий».
- Вице-адмирал** — военно-морской чин III класса.
- Вице-канцлер** — особое наименование гражданского чина II класса для лиц, занимавших в первой половине XIX в. пост министра иностранных дел.
- Владыка** — общее наименование (частный титул) митрополитов, архиепископов и епископов.
- Военный советник** — гражданский чин VI класса.
- Войсковой старшина** — военный чин в казачьих войсках; в 1798–1884 гг. — VIII класса, соответствовал майору; с 1884 г. — VII класса, соответствовал подполковнику.
- Высокоблаговестие** — общий титул протопресвитеров и протоиереев.
- Высокоблагородие** — общий титул чинов VI–VIII классов (штаб-офицерских).
- Высокопревосходительство** — общий титул чинов I–II классов.
- Высокопреосвященство** — общий титул митрополитов и архиепископов.
- Высокопреподобие** — общий титул архимандритов, игуменов и протоиереев.

- Высокородие** — общий титул чинов V класса.
- Высочество** — общий титул князей императорской крови.
- Гардемарины** (от *фр.* garde — охрана, стража и marine — морская) — в 1860–1882 гг. военно-морской чин (XIII или XIV классы), приравненный к подпоручику или прапорщику; до 1860 г. и в 1882–1917 гг. — учащийся старших классов Морского училища.
- Генерал** (от *лат.* general — главный) — начальная часть наименований некоторых высших военных чинов и званий.
- Генерал-адмирал** — военно-морской чин I класса.
- Генерал-адъютант** — старшее свитское звание, присваивавшееся лицам, имевшим военные чины I–III классов.
- Генерал-адъютант при особе императора** — высшее свитское звание, присваивавшееся после 1881 г. лицам, имевшим военный чин II класса.
- Генерал-аншеф** (*фр.* en chef — главный, старший; букв. главный генерал) — военный чин II класса (в 1730–1798 гг.).
- Генералиссимус** (*лат.* generalissimus — главнейший) — высшее военное звание.
- Генерал-лейтенант** — военный чин III класса, употреблявшийся с 1798 г.
- Генерал-майор** — военный чин IV класса.
- Генерал от артиллерии** — военный чин II класса, употреблявшийся с 1798 г.
- Генерал от инфантерии** (*итал.* infanteria — пехота) — военный чин II класса, употреблявшийся с 1798 г.
- Генерал от кавалерии** — военный чин II класса, употреблявшийся с 1798 г.
- Генерал-поручик** — военный чин III класса (в 1730–1798 гг.).
- Генерал при особе императора** — высшее свитское звание, присваивавшееся в 1811–1881 гг. лицам, имевшим военный чин II класса.
- Генерал-фельдмаршал** — военный чин I класса.
- Генерал-фельдцейхмейстер** (от *нем.* Feldzeugmeister — начальник вооружений) — высшее военное звание для начальника артиллерии.
- Генеральские чины** — военные и гражданские чины I–V классов (в XIX в. — I–IV классов).
- Гиттенфервалтер** (*нем.* Hüttenverwalter — заведующий) — горный чин X класса.

- Господин (госпожа)** — частный предикатный титул (обычная именная форма обращения).
- Государь (государыня)** — частный предикатный титул.
- Государь (государыня)** — краткий общий титул императора (императрицы) и составная часть частного титула «государь император» («государыня императрица»).
- Гоф...** (нем. Hof — двор) — начальная часть наименований некоторых придворных чинов.
- Гофмаршал** — придворный чин III класса.
- Гофмейстер** (нем. Hofmeister; букв. управляющий двором) — придворный чин III класса.
- Гофмейстер пажей** — придворный чин XIV класса по «Табели о рангах».
- Гофмейстерина** — придворное звание-должность для дам.
- Гоф-фурьер** — чин IX класса «при высочайшем дворе».
- Гоф-юнкер** — придворный чин XII класса по «Табели о рангах».
- Граф** (нем. Graf — первоначально: королевский чиновник, судья) — частный родовой титул.
- Графиня** — частный родовой титул жены и дочери графа.
- Губернский секретарь** — гражданский чин XII класса.
- Дворянин** (первоначально: близкий ко двору) — низший частный родовой титул.
- Действительный камергер** — придворный чин: с 1737 г. — VI, затем IV класса, а с 1800 г. также и III класса; в 1810–1860-х гг. сохранялся для лиц, его имевших, как высшее придворное звание.
- Действительный статский советник** — гражданский чин IV класса.
- Действительный тайный советник** — гражданский чин II класса.
- Действительный тайный советник I класса** — гражданский чин I класса, с конца XVIII в. дававшийся лицам, которые в силу своего служебного положения не могли именоваться канцлерами.
- Диакон** (греч. διάκονος — служитель) — низший частный титул белого духовенства.
- Егермейстер** (нем. Jägermeister — начальник охоты) — придворный чин III класса.

- Епископ** (греч. episkopos — блюститель, наблюдатель) — третий по старшинству частный титул черного духовенства.
- Есаул** (тюрк. ясаул — начальник) — военный чин в казачьих войсках: в 1798—1884 гг. — IX класса, с 1884 г. — VIII класса; соответствовал капитану.
- Игумен** (греч. hegúmenos — идущий впереди, предводительствующий) — пятый по старшинству частный титул черного духовенства.
- Иерей** (греч. hieréus — жрец) — второй по старшинству частный титул белого духовенства.
- Император** (лат. imperator — повелитель) — частный титул монарха — главы государства.
- Императорское величество** — общий титул (малый) императора и императрицы.
- Императорское высочество** — общий титул великих князей.
- Императрица** — частный титул: а) женщины-монархини — главы государства; б) матери царствующего императора; в) жены императора.
- Инженер-генерал** — военный чин II класса, употреблявшийся с 1802 г.
- Кавалер** (фр. cavalier — рыцарь, всадник, от лат. caballus — конь) см. Кавалер ордена и Придворный кавалер.
- Кавалер ордена (орденов)** — лицо, награжденное тем или иным орденом за соответствующие этому ордену заслуги; изначально — член того или иного монашеского или рыцарского ордена (союза).
- Камер...** (от лат. camera, нем. Kammer — комната, палата) — составная часть наименований некоторых придворных чинов и званий, обозначающая «приближенный».
- Камергер** (нем. Kammerherr; букв. комнатный дворянин) — первоначально придворный чин VI (до 1737 г.) и IV классов; после 1809 г. — старшее придворное звание для лиц, имевших чин III–V классов, а с 1850 г. — III и IV классов; см. также Действительный камергер.
- Камер-паж** — особое придворное звание для юношей, обучавшихся в старших классах Пажеского корпуса.
- Камер-фрейлина** — старшее придворное звание для девиц.
- Камер-фурьер** — чин VI класса «при высочайшем дворе».
- Камер-юнкер** — первоначально: придворный чин IX класса, с 1737 г. — VI, с 1742 г. — V класса; после 1809 г. — младшее придворное звание для лиц, имевших чин IV–IX классов, а с 1850 г. — V–VIII классов.

- Канцлер** (нем. Kanzler, от лат. cancellarius) — гражданский чин I класса.
- Капитан** (от лат. caput, capitus — голова) — военный чин IX класса, с 1884 г. — VIII класса (ober-офицерский).
- Капитан бригадирского ранга** — наименование военно-морского чина V класса в 1764–1798 гг.
- Капитан второго ранга** — военно-морской чин VII класса.
- Капитан-командор** — военно-морской чин V класса, существовавший до 1827 г.
- Капитан-лейтенант** — военно-морской чин VIII класса в 1797–1884 и в 1907–1911 гг. (до 1797 г. — капитан-поручик).
- Капитан-лейтенант** — военный чин X класса по «Табели о рангах».
- Капитан первого ранга** — военно-морской чин VI класса.
- Капитан-поручик** — военно-морской чин: до 1764 г. — IX, в 1764–1797 гг. — VIII класса (с 1797 г. — капитан-лейтенант).
- Капитан-поручик** — военный чин VIII класса в гвардейских частях в XVIII в.; в 1751–1797 гг. — чин IX класса в артиллерии и инженерных войсках (с 1797 г. — штабс-капитан).
- Капитан третьего ранга** — военно-морской чин VIII класса до 1764 г.
- Княгиня** — частный родовой титул жены князя.
- Княжна** — частный родовой титул незамужней дочери князя.
- Князь** (возможно, от норман. konung — властитель) — частный родовой титул.
- Князь «крови императорской»** — частный родовой титул членов императорской фамилии: в 1797–1885 гг. — детей праправнуков императора по мужской линии, после 1885 г. — правнуков императора в мужском поколении, их старших сыновей и внуков, а также младших детей правнуков и их потомков по мужской линии.
- Коллежский ассессор** (лат. assessor — судья) — гражданский чин VIII класса.
- Коллежский регистратор** — гражданский чин XIV класса.
- Коллежский секретарь** — гражданский чин X класса.
- Коллежский советник** — гражданский чин VI класса.
- Коммерции советник** — почетное звание, учрежденное в 1800 г. и приравненное к гражданскому чину VIII класса.
- Контр-адмирал** (лат. contra — против) — военно-морской чин IV класса.

- Корабельный секретарь** — в XVIII в. первоначально военно-морской, затем гражданский чин XI класса.
- Корнет** (от фр. cornette — штандарт, знамя) — военный чин в кавалерийских частях: в 1730–1884 гг. — XIV класса, соответствовал прапорщику; с 1884 г. — XII класса, соответствовал подпоручику.
- Кофешенк** (нем. Kaffeeschenk — кофевар) — чин XII класса «при высочайшем дворе».
- Лейтенант** (фр. lieutenant — замещающий) — военно-морской чин IX класса, употреблявшийся с 1798 г. (до 1797 г. — поручик).
- Лейтенант** — военный чин XII класса по «Табели о рангах»; см. также Поручик.
- Майор** (лат. major — старший) — военный чин VIII класса, упраздненный в 1884 г.; в 1731–1798 гг. разделялся на две ступени (см. Премьер-майор и Секунд-майор).
- Мануфактур-советник** — почетное звание, учрежденное в 1800 г. и приравненное к гражданскому чину VIII класса.
- Маркшейдер** (нем. Markscheider — межеватель рудничных участков) — горный чин IX класса.
- Митрополит** (греч. metropolitēs — глава столичной епархии) — высший частный титул черного духовенства.
- Мичман** (от англ. midshipman; букв. средний корабельный чин) — военно-морской чин: первоначально — унтер-офицерский, с 1758 г. — XIII, с 1764 г. — XII, после 1884 г. — X класса.
- Мундшенк** (нем. Mundschenk — виночерпий) — чин XIV класса «при высочайшем дворе» (по «Табели о рангах»), затем — XII класса.
- Надворный советник** — гражданский чин VII класса.
- Наследник цесаревич** — частный титул наследника престола.
- Обер-** (нем. ober — старший) — начальная часть наименований некоторых чинов.
- Обер-берг-гауптман** — горный чин IV и V классов.
- Обер-бергмейстер** — горный чин VII класса.
- Обер-берг-пробирер** — горный чин IX класса.
- Обер-гиттенфервалтер** — горный чин VIII класса.
- Обер-гофмаршал** — придворный чин II класса.
- Обер-гофмейстер** — придворный чин II класса.
- Обер-гофмейстерина** — высшее придворное звание-должность для дам.

- Обер-егермейстер** — придворный чин II класса.
- Обер-камергер** — придворный чин II класса.
- Обер-офицерские чины** — военные и гражданские чины IX–XIV классов.
- Обер-форшнейдер** (*нем.* Vorschneider — разрезатель [кушаний]) — придворный чин II и III классов, учрежденный в 1856 г.
- Обер-церемониймейстер** — придворный чин: с 1743 г. — IV класса, с конца XVIII в. — III класса, после 1858 г. — II и III классов.
- Обер-шенк** (*нем.* Schenk — кравчий, хранитель вин) — придворный чин II класса.
- Обер-шталмейстер** — придворный чин II класса.
- Общий титул** — почетная формула обращения (титулования).
- Опекун** *см.* Почетный опекун.
- Паж** (*фр.* page) — особое придворное звание для юношей, обучавшихся в Пажеском корпусе.
- Подполковник** — военный чин VII класса.
- Подпоручик** — военный чин XIII класса, с 1884 г. — XII класса.
- Подпрапорщик** — военное звание ниже XIV класса; с 1880 г. — унтер-офицер из дворян (в пехоте); с 1880 г. — выпускник юнкерского училища (в пехоте, артиллерии и инженерных частях); с 1906 г. — сверхсрочный унтер-офицер, окончивший войсковую школу.
- Подхорунжий** — военное звание ниже XIV класса в казачьих войсках, присваивавшееся выпускникам юнкерских училищ — кандидатам в офицеры; учреждено в 1880 г. и соответствовало подпрапорщику.
- Подъесаул** — военный чин в казачьих войсках: в 1798–1884 гг. — X, с 1884 — IX класса; соответствовал штабс-капитану.
- Полковник** — военный чин VI класса.
- Портупей-прапорщик** (от *фр.* porter l'épée — носить шпагу) — военное звание ниже XIV класса в 1798–1800 гг. для унтер-офицеров из дворян (в пехоте); с 1865 г. — юнкер (*см.*), исполнявший унтер-офицерские обязанности.
- Портупей-юнкер** — военное звание ниже XIV класса в 1798–1802 гг. для унтер-офицеров из дворян (в артиллерии и легкой кавалерии); с 1860-х гг. по 1880 г. — выпускник юнкерского училища — кандидат в офицеры.

- Поручик** (*польск.* porucznik — порученец, помощник командира) — военно-морской чин в XVIII в.: первоначально — X класс, с 1764 г. — IX класс (с 1797 г. — лейтенант).
- Поручик** — военный чин XII класса, с 1884 г. — X класса.
- Почетный гражданин** — почетное звание, учрежденное в 1832 г.
- Почетный опекун** — почетное звание, приравненное к III классу гражданской службы.
- Прапорщик** (от *старослав.* прапор. — знамя; *букв.* знаменщик, знаменосец) — военный чин XIV класса, с 1884 г. — XIII класса (присваивался офицерам запаса и в военное время).
- Превосходительство** — общий титул чинов III–IV классов.
- Предикатный титул** (от *лат.* praedicatum; *букв.* пояснение какого-либо предмета, суждения) — обычная общепринятая форма обращения и наименования (например, *господин, сударь* и т. д.).
- Премьер-майор** (*фр.* premier — первый) — в 1731–1798 гг. верхняя ступень военного чина VIII класса.
- Преосвященство** — общий титул епископов.
- Преподобие** — общий титул иереев, протодиаконов и диаконов.
- Придворный кавалер** — обычно гофмейстер (*см.*) и камер-юнкер (*см.*).
- Провинциальный секретарь** — гражданский чин XIII класса.
- Прото...** (*греч.* protos — первый) — начальная часть наименований некоторых титулов духовенства.
- Протодиакон** — частный титул белого духовенства.
- Протоиерей** — высший частный титул белого духовенства.
- Протопресвитер** (*греч.* protos presbyteros — наистарейший) — высший частный титул белого духовенства.
- Родовой титул** — частный или общий титул по происхождению (например, *барон, граф, князь*).
- Ротмистр** (*нем.* Rittmeister — начальник рыцарей) — военный чин в кавалерийских частях: до 1884 г. — IX, с 1884 г. — VIII класса, соответствовал капитану.
- Светлейший князь** — частный родовой титул.
- Светлость** — общий титул светлейших князей (княгинь, княжон), а с 1886 г. — и князей, княгинь и княжон императорской крови.
- Свиты его величества генерал-майор** — свитское звание, присваивавшееся лицам, имевшим военные чины IV класса.

- Свиты его величества контр-адмирал** — свитское звание, присваивавшееся лицам, имевшим военно-морские чины IV класса.
- Священство** — общий титул иереев и протодьяконов.
- Секунд-** (от лат. *secundus* — второй) — составная часть наименований некоторых военных чинов.
- Секунд-майор** — в 1731–1798 гг. нижняя ступень военного чина VIII класса.
- Секунд-поручик** см. Подпоручик.
- Секунд-ротмистр** — в 1730–1797 гг. военный чин VIII класса в кавалерийских частях гвардии; соответствовал капитан-поручику гвардии.
- Сенатор** — гражданское почетное звание и должность.
- Снятельство** — общий титул князей (княгинь, княжон) и графов (графинь).
- Сотник** — военный чин в казачьих войсках: в 1798–1884 гг. — XII, с 1884 г. — X класса, соответствовал поручику.
- Старший лейтенант** — военно-морской чин: в 1909–1911 гг. — IX, с 1912 г. — VIII класса.
- Статс-** (от нем. *Staat* — государство) — начальная часть наименований некоторых гражданских и придворных чинов и званий, означающая *государственный* или *штатский* (гражданский).
- Статс-дама** — придворное звание для дам.
- Статский советник** — гражданский чин V класса.
- Статс-секретарь его величества** — высшее гражданское почетное звание.
- Сударь** — частный предикатный титул (обычная безымянная форма обращения).
- Тайный советник** — гражданский чин III класса.
- Табельдеккер** (нем. *Tafeldecker* — накрывающий стол) — чин XII класса «при высочайшем дворе».
- Титул по достоинству** (по происхождению) см. Родовой титул.
- Титул-предикат** см. Предикатный титул.
- Титулование** см. Общий титул, Частный титул.
- Унтер-** (нем. *unter* — ниже) — начальная часть наименований некоторых чинов и званий.
- Унтер-лейтенант** — военно-морской чин XII класса до 1764 г.
- Унтер-лейтенант** — военный чин XII класса по «Табели о рангах»; см. Подпоручик.

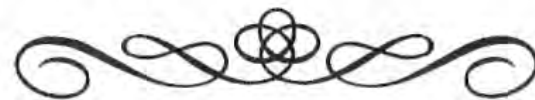
- Унтер-офицерские чины** — военные звания ниже XIV класса.
- Фанен-юнкер** (от нем. *Fahne* — знамя) — военное звание ниже XIV класса в драгунских полках для унтер-офицеров из дворян в 1798–1802 гг.
- Фельдмаршал** см. Генерал-фельдмаршал.
- Фендрик** (нем. *Fähnrich* — букв. знаменщик) — военный чин XIV класса по «Табели о рангах».
- Флигель-адъютант** (нем. *Flügeladjutant*, от *Flügel* — крыло) — младшее свитское звание, присваивавшееся штаб- и обер-офицерам армии и флота.
- Фрейлина** (нем. *Fräulein* — незамужняя женщина, барышня) — младшее придворное звание для девиц.
- Фурьер** (фр. *fourrier*, от лат. *fodrum* — корм) — придворный чин, заведовавший хозяйством двора; см. Гвф-фурьер, Камер-фурьер.
- Хорунжий** (польск. *chorazy*, от *chorągiew* — хоругвь, знамя) — военный чин в казачьих войсках: в 1798–1884 гг. — XIII класса, соответствовал прапорщику; с 1884 г. — XII класса, соответствовал подпоручику.
- Церемониймейстер** — придворный чин V класса.
- Цесаревич** (в просторечии — царевич) см. Наследник цесаревича.
- Цесаревна** — частный титул наследницы престола и жены цесаревича.
- Частный титул** — словесное обозначение должности, чина, звания и знатности происхождения.
- Член Государственного совета** — гражданское звание и должность.
- Шаутбенахт** (от голл. *schaut bij nacht*; букв. «смотри ночью») — первоначальное название военно-морского чина IV класса; в первой половине XVIII в. получил новое наименование — контр-адмирал (см.).
- Шихтмейстер** (от нем. *Schicht* — смена рабочих; *Schichtmeister* — начальник смены) — горный чин XIII и XIV классов.
- Штаб-офицерские чины** — военные и гражданские чины VI–VIII классов.
- Штабс-капитан** — военный чин: в 1797–1884 гг. — X, с 1884 г. — IX класса.
- Штабс-ротмистр** — военный чин в кавалерийских частях: в 1797–1884 гг. — X, с 1884 г. — IX класса, соответствовал штабс-капитану.

Шталмейстер (нем. Stallmeister — начальник конюшни) — придворный чин III класса.

Штык-юнкер (от нем. Stück — орудие) — военный чин XIII класса в артиллерии в 1712–1796 гг.

Эстандарт-юнкер (от нем. Standarte — знамя) — военное звание ниже XIV класса, в 1798–1802 гг. — для унтер-офицеров из дворян (в кавалерии); в 1880–1903 гг. — выпускник юнкерского кавалерийского училища — кандидат в офицеры.

Юнкер (нем. Junker — молодой дворянин) — военное звание ниже XIV класса с 1802 до 1860-х гг. для унтер-офицеров из дворян; с 1860-х гг. — учащийся юнкерского училища.

СЛОВАРЬ МУНДИРНОЙ АТТРИБУТИКИ

Аксельбант — плетеный шнур из серебряных или золотых нитей, носящийся на правом плече и двумя петлями свисающий поверх военного мундира по правой стороне груди.

Арматура — металлические эмблемы ведомств, помещавшиеся на головных уборах, погонах, воротниках и воротниковых петлицах.

Борд, бордюр — составная часть узора шитья мундира: полоса, кайма (прямая или фигурная), обрамляющая края деталей мундира — воротника, обшлагов, карманных клапанов и т. п.

Борт, борта — правый и левый передние края мундира, кафтана, с одним или двумя рядами пуговиц.

Бранденбуры — узорчатая обшивка бортовых петель, включающая имитацию ниспадающих кистей.

Вензель — переплетенные между собой начальные буквы (инициалы) имени и фамилии. Вензель императора состоял из инициала имени и римской цифры, украшенных короной.

Вицмундир — повседневный мундир с упрощенным вариантом узора шитья.

Ворот — край одежды вокруг шеи, с разрезом на груди или без него.

Воротник — часть одежды, пришитая или пристегиваемая к вороту; может быть стоячим или отложным.

Выпуск, выпушка — узкий край подкладки или специально подложенной с изнанки материи, выпущенный по шву или краю одежды наружу.

Галстух — шейный платок (белый или черный).

Галун — то же, что позумент.

Гирлянда — полоса узорного шитья по бортам, полам, фалдам мундира.

- Далматика** — род церемониальной рубахи.
- Епанча** — длинный широкий плащ (накидка) из плотной ткани.
- Жгут** — на погонах плетенный из металлической нити шнур, прикрепленный по установленному образцу.
- Жезл** — особый посох, трость, служащие символом власти, какого-либо звания, почетного положения (например, маршальский жезл).
- Жилет** — короткая одежда без рукавов, поверх которой надевается сюртук или фрак.
- Звезда, звезды** — разновидность знаков отличия на мундирных погонах, воротниковых петлицах; размер, форма (пяти- или восьмилучевые), количество и система расположения звезд определяются чином, рангом.
- Звезда орденская** — дополнительный знак принадлежности к числу удостоенных ордена высшей степени.
- Исподнее** — нижняя, нательная одежда.
- Камзол** — длинный жилет, сшитый в талию; надевался на рубашку под кафтан; шился из сукна, шелка или бархата.
- Канитель** — тонкая металлическая (обычно золотая или серебряная) нить.
- Кант** — цветной шнур, оторочка по краям или швам форменной одежды: на брюках, фуражке, петлицах, погонах.
- Канник** — узорное шитье над задним разрезом мундира.
- Каска** — атрибут военного форменного обмундирования, кожаный или металлический головной убор в виде шлема.
- «Катушки»** — обиходное название офицерских петлиц на воротниках (галунных нашивок).
- Кафтан** — верхняя долгополая мужская одежда из плотного сукна, различного покроя (двубортный или однобортный, прямой или приталенный); мундирный кафтан имеет покрой сюртука со стоячим воротником.
- Кивер** — форменный головной убор цилиндрической формы, высокий, с плоским верхом, с небольшим козырьком, часто с султаном; делался из кожи, обтянутой сукном.
- Китель** — форменный пиджак военного покроя с небольшим стоячим, наглухо закрытым воротником.
- Клапан, клапанец** — деталь одежды, прямоугольный или фигурный кусок ткани, прикрывающий отверстие кармана.

- Ключ камергерский** — особый знак придворного звания камергера: золотой резной ажурный ключ символизировал право камергера входить в императорские покои; носился на голубой ленте у левого бедра.
- Козырек** — деталь фуражки или картуза; выполняется из плотного материала (кожи, картона и т. п.), имеет форму срезанного полукруга, прикрепляется к головному убору спереди надо лбом.
- Кокарда** — металлический значок установленного образца на форменном головном уборе.
- Краген** — широкий полукруглый воротник.
- Крест орденский** — основной знак ордена, носившийся на орденской ленте в петлице (на груди), на шее или на бедре.
- Кюлоты** — короткие, застегивающиеся под коленом штаны.
- Лампас** — широкая цветная нашивка по наружному (боковому) шву брюк.
- Лацкан** — отворот борта мундира.
- Лента орденская** — широкая полоса шелковой ткани (установленного для каждого ордена цвета), надеваемая наискось через плечо и грудь, для ношения орденов высшей степени.
- Лиф** — верхняя часть платья, охватывающая стан.
- Лосины** — плотно облегающие штаны (типа рейтуз) из белой (реже другого цвета) лосиной кожи.
- Мантия** — широкая длинная накидка из плотной ткани, надеваемая поверх костюма; царская мантия шилась из бархата и подбивалась горностаевым мехом.
- Мерлушковая шапка** — круглая шапка из шкурки черного или белого барашка, с плоским доньшком (верхом).
- Мундир** — официально установленный форменный костюм; в узком смысле: главный элемент этого костюма — кафтан; разновидности мундира по функциям — парадный (праздничный) и вицмундир (ежедневный, служебный).
- Нашивки** — нашитые на погоны поперечные полоски для обозначения чина, звания; до введения погон нашивками назывались разного рода знаки из галуна или сукна, нашиваемые на мундир.
- Обкладка** — цветной отворот фалд и лацканов.
- Обшлаг** — отогнутая наружу нижняя часть рукава, обычно обшита приборным сукном.
- Однорядки** — одинаковые мундиры.
- Околыш** — часть головного убора (обод), плотно облегающая голову; поверх околыша располагалась тулья.

- Опушка** — цветной кант по краям воротника, обшлагов, бортов мундира.
- Пальто** — род длинной верхней одежды прямого покроя; в холодное время пальто могло быть на меху с меховым же воротником.
- «**Перо**» — узорное шитье под карманным клапаном мундира.
- Петлица** — галунная или суконная нашивка на воротнике форменной одежды, использовавшаяся для обозначения рангов (вместо погон); на треугольной шляпе — петля из шнура, перекрывающая розетку кокарды.
- Плащ** — легкое (летнее) пальто.
- Плюмаж** — украшение из перьев на головных уборах или конской сбруе.
- Погон (погоны)** — наплечный знак различия в виде широкой прямоугольной нашивной или накладной полосы вдоль или поперек плеча.
- Поддёвка** — мужская верхняя одежда, род легкого пальто в талию с мелкими сборками.
- Подол** — нижний край одежды.
- Позумент (или галуз)** — шелковая или шерстяная тесьма, шитая серебром или золотом; используется для изготовления знаков отличия на форменную одежду.
- Покрой** — фасон одежды.
- Пола** — свешивающаяся нижняя часть распашной одежды.
- Половинное шитье** — укороченный вариант узора шитья мундира на воротнике и обшлагах.
- Полотняник** — летний белый сюртук.
- Полукафтан** — укороченный, не доходящий до колен кафтан.
- Прибор** — установленного цвета суконная и металлическая (золото или серебро) отделка форменной одежды.
- Просветы** — на знаках различия (петлицах и т. п.) продольная полоса между широкими нашивками или нашитый вдоль узкий шнурок.
- Султан** — украшение из перьев или конских волос на военных головных уборах.
- Супервест** — род церемониальной рубахи.
- Сюртук** — повседневная форменная одежда с длинными, почти до колен, полами, в талию, с отложным или стоячим воротником без шитья, с ведомственным прибором.
- Темляк** — тесьма с кистью, прикрепленная к эфесу шпаги, сабли; служит для надевания на запястье.

- Тесьма** — узкая тканая или плетеная полоска.
- Треуголка** — парадная форменная шляпа треугольного фасона.
- Тужурка** — укороченное форменное пальто.
- Тулья** — верхняя широкая часть головного убора, имеющего околыш.
- Фалды** — задние полы одежды — фрака, мундира.
- Фрак** — род сюртука с вырезанными спереди полами и длинными узкими фалдами сзади, с отложным воротником и открытым воротом.
- Фуражка** — форменный головной убор с околышем, плоской круглой тульей и козырьком.
- Шевроны** — галунные нашивки в форме уголков на рукавах и фалдах форменной одежды.
- Шинель** — форменное военное и гражданское пальто из плотной шерстяной ткани; двубортное, приталенное, с отложным воротником.
- Шитье мундирное** — украшение мундира в виде вышитого узора установленного образца и объема (количества) — на воротнике, обшлагах, карманных клапанах, по бортам, у высших чинов еще и по основным швам.
- Шифр** — знак отличия в виде вензеля императрицы, увенчанного короной с бриллиантами; носился на груди у правого плеча.
- Эполеты** — наплечные знаки, представляющие собой суконную, галунную или металлическую продолговатую пластину (подобную погону), завершающуюся к краю плеча крупным утолщенным полем; у высших чинов это поле обрамлялось бахромой из золотых или серебряных нитей.
- Юбка** — часть мундира (кафтана, полукафтана, сюртука) ниже талии.

УКАЗАТЕЛЬ СВЕДЕНИЙ О ФОРМЕННОЙ ОДЕЖДЕ ОТДЕЛЬНЫХ ВЕДОМСТВ И УЧРЕЖДЕНИЙ

- Адмиралтейств-коллегия 204
Академия наук 218
Академия российская 218
Академия художеств 207-210, 220-225
Банки государственные 204, 205, 212, 225
Библиотека публичная 222, 243, 244
Благотворительные организации 257-262
Водяных сообщений ведомство 206, 226, 227
Военное ведомство (мундиры гражданского покроя) 204, 276-279, 281, 283, 287
Горное ведомство 204, 206, 207, 218
Государственный совет 234, 246
Губернская администрация 217
Духовных дел иностранных исповеданий ведомство 229, 235
Кабинет его величества 347, 348, 349, 350
Капитул орденов и орденские одеяния 359-361, 369-371
Комиссия составления законов 225
Комитет министров 247, 254, 255
Лесное ведомство 217
Межевое ведомство 220, 285
Министерства:
Внутренних дел 228-230, 255, 285, 293, 295
Государственного контроля 244, 288
Земледелия и государственных имуществ 254, 275, 285, 296
Императорского двора 349
Иностранных дел 210, 230-232, 275
Полиции 243
Путей сообщения 280, 289, 290, 293, 296
Торговли и промышленности 296, 297
Финансов 244, 256, 285, 287
Юстиции 217, 220, 233, 234, 275, 285
Почтово-телеграфное ведомство 204, 205, 229, 270, 284, 293
Придворное ведомство 320-335, 349, 350 (дамское платье 330-331)
Сенат 215-217
Синод 217, 232
Собственная его величества канцелярия 245-248, 275
Удельное ведомство 346, 349, 350
Университеты и учебные округа 204, 236-243
Ямская канцелярия 205

ЛИТЕРАТУРА

- Антонов Б. И. Императорские ордена в Санкт-Петербурге. СПб., «Глагол», 2003 г.
Бантыш-Каменский Д. Н. Историческое собрание списков кавалеров четырех российских императорских орденов.
[Берхгольц Ф. В.] Дневник камер-юнкера Ф. В. Берхгольца: 1721-1725. М., 1902-1903.
Борисов (Ильин) И. В. Родовые гербы России. М., 1997.
Валуев П. А. Дневник. Пг., 1919.
[Валуев П. А.] Дневник П. А. Валуева — министра внутренних дел: В 2 т. М., 1961.
Висковатов А. В. Историческое описание одежды и вооружения российских войск с рисунками, составленное по высочайшему повелению. СПб., 1841-1862. Ч. 1-30; 2-е изд. 1899-1948. Ч. 1-34.
Витте С. Ю. Воспоминания: В 3 т. М., 1960.
Волков Н. Е. Двор русских императоров в его прошлом и настоящем. СПб., 1900.
Глинка В. М. Русский военный костюм XVIII — начала XX века. Л., 1988.
Глиноецкий Н. П. Исторический очерк развития офицерских чинов и системы чинопроизводства в русской армии // Военный сборник. 1887. № 4.
Головин К. Ф. Мои воспоминания. СПб.; М., 1909.
[Дельвиц А. И.] Полвека русской жизни: Воспоминания А. И. Дельвига: В 4 т. М., 1912, 1913.
Долоцкий В. И. О священных одеждах // Христианское чтение. 1848. Ч. 1.

Евреинов В. А. Гражданское чиновничество в России: Исторический очерк. СПб., 1887.

Зайончковский П. А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973.

Игнатъев А. А. Пятьдесят лет в строю. М., 1941.

Изнар Н. Н. Воспоминания // ЦГИА СССР, ф. 1101, оп. 1, д. 778. Исторический очерк российских орденов и сборник основных орденских статут. 2-е изд. СПб., 1892.

Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России и слияние иноземцев с русскими. СПб., 1886; СПб., 1991.

Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. М., 1979.

Корф М. А. Записки // Русская старина. 1899. Т. 100. Октябрь.

Кривошеин К. А. А. В. Кривошеин (1857–1921 гг.). Его значение в истории России начала XX в. Париж, 1973.

Куломзин А. Н., Рейтерн-Нолькен В. Г. М. X. Рейтерн: Биографический очерк. СПб., 1910.

Мосолов А. А. При дворе последнего императора: записки начальника канцелярии министра двора. Л., 1992.

Найденов Н. А. Воспоминания о виденном, слышанном и испытанном. М., 1905.

Оболенский Д. А. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне. СПб., 1909.

Общий гербовник дворянских родов Всероссийской империи, начатый в 1797 г. СПб., 1799–1840. Ч. 1–10.

[Перетц Е. А.] Дневник Е. А. Перетца — государственного секретаря (1880–1883). М.: Л., 1927.

Письма К. П. Победоносцева к Александру III. М., 1925. Т. 1.

К. П. Победоносцев и его корреспонденты: Письма и записки. М.; Пг., 1923. Т. 1.

Полное собрание законов Российской империи. До 1825 г. — I собрание; с 1825 по 1881 г. — II собрание; с 1881 — III собрание.

[Половцов А. А.] Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: В 2 т. М., 1966.

Списки титулованных родов и лиц Российской империи. СПб., 1892.

Список пожалований графского и княжеского Российской империи достоинств за время от Петра Великого по 1881 г. СПб., 1889.

Справочники по истории дореволюционной России: Библиографический указатель. 2-е изд. / Под ред. П. А. Зайончковского. М., 1978.

Стоюнин В. Я. Консерваторы сороковых годов // Исторический вестник. 1882. Т. VII.

[Тернер Ф. Г.] Воспоминания о жизни Ф. Г. Тернера. СПб., 1910. Т. I; 1911. Т. II.

Тхоржевский И. И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб., «Алетейя», 1999.

[Шелгунов Н. В.] Воспоминания Н. В. Шелгунова. 1923.

Шепелёв Л. Е. Чиновный мир России. XVIII — начало XX в. СПб.: «Искусство», 1999.

Шепелёв Л. Е. Геральдика России. XVIII — начало XX века. «Аврора», 2003.

СОДЕРЖАНИЕ

От издателей	3
Титулы, мундиры, ордена и родовые гербы как историко-культурное явление	4
«Табель о рангах всех чинов...» и герольдмейстерская контора	15
Дворянские титулы, гербы и мундиры	35
Дворянство в России	35
Русская именная формула	44
Родственные, свойские и кумовские связи	57
Родовые титулы	64
Родовые гербы	77
Губернские мундиры для дворян и чиновников ..	86
Мундиры губернской администрации	101
Военные и свитские титулы и мундиры	108
Военные чины	108
Военные мундиры	128
Военно-морские чины и мундиры	138
Свитские звания и мундиры	144
Ранги и титулы чиновников гражданских ведомств	150
XVIII в. — первая четверть XIX в.	150
Вторая четверть XIX в.	162
Собственная его императорского величества канцелярия	163
Записки графа С. С. Уварова	175
Вторая половина XIX в. — начало XX в.	181
Почетные гражданские звания	199
Мундиры гражданских ведомств	204
Конец XVIII в.	204
Первая четверть XIX в.	211
Мундиры учебных округов	236
Вторая четверть XIX в.	247
Мундиры благотворительных учреждений	258
Вторая половина XIX века	263
Гражданские мундиры военного покроя	276
Ведомственные мундиры в начале XX в.	291
Императорский двор: придворные титулы и мундиры	298
Чины и звания придворных кавалеров и дам	298
Парадное платье придворных кавалеров и дам	320
Придворные церемониалы и празднества	336
Мундиры чиновников Министерства императорского двора	346
Орденские знаки и одеяния	351
Формирование системы орденов	351
Орденские знаки и одеяния	366
Иерархия орденов	371
Наградные медали	376
Ликвидация титулов, мундиров и орденов в 1917 г.	380
Приложение	385
Словарь основных чинов, званий и титулов	401
Словарь основных чинов, званий и титулов	413
Указатель сведений о форменной одежде отдельных ведомств и учреждений	418
Литература	419

Шепелёв Леонид Ефимович
ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ И ОРДЕНА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Редакторы *В.Н. Середняков, А.В. Хорева*
Корректоры *Н.В. Полонская, Л.Ю. Румянцева*
Верстка *Т.А. Шамаевой*

Подписано к печати с готовых диапозитивов 17.12.2004
Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная. Гарнитура «Школьная»

Печать офсетная. Усл. печ. л. 27
Уч.-изд. л. 21,25 + 4 альбома = 25,47
Доп. тираж 5000 экз. Заказ № 6397

Изд. лиц. ИД № 02456 от 27.07.2000 г.
ООО «МнМ-Дельта»

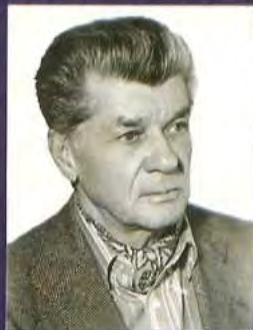
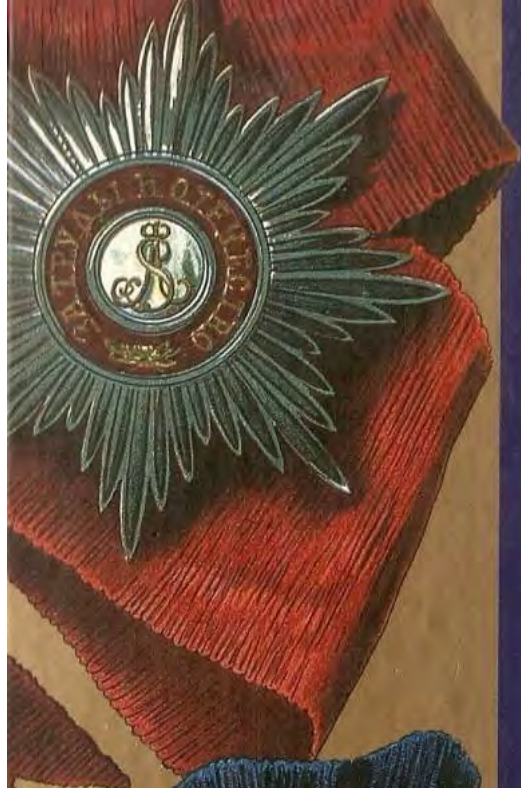
Для писем: Санкт-Петербург,
ул. Фурштатская, д. 19, пом. 35Н
E-MAIL: MIMDEL@COMSET.NET

ЗАО «Центрополиграф»
125047, Москва, Оружейный пер., д. 15, стр. 1,
пом. ТАРП ЦАО

Для писем:
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTROPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых диапозитивов
во ФГУП ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЛЕОНИД ШЕПЕЛЁВ

ТИТУЛЫ, МУНДИРЫ И ОРДЕНА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В книге рассказывается об истории возникновения и развития в России системы сословных и должностных чинов и званий, о гражданских, военных и придворных мундирах, о родовых гербах, об орденских знаках и парадных одеяниях награжденных.

Издание адресовано широкому кругу читателей: специалистам-историкам, искусствоведам, музейным и архивным работникам, театральным деятелям и всем интересующимся геральдикой, правовой и социально-бытовой культурой, а также государственным устройством дореволюционной России. Автор в своей работе использовал старинные законодательные источники, широкий круг архивных материалов, дневники и воспоминания современников ушедших эпох.

ISBN 5-9524-1046-4

9 785952 410466

ЦЕНТРОЛИГРАФ®

